

А. А. Куратов

АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
АРХАНГЕЛЬСКОГО
СЕВЕРА

А.Керемел

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Поморский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

А.А. Куратов

**Археология и история
Архангельского Севера**
Избранные статьи

Архангельск
Поморский университет
2006

УДК 902.2+94(470.11)
ББК 63 .4(2Рос- 12)+63.3(2Рос-12)
К 930

Составитель: доктор исторических наук, профессор кафедры
отечественной истории ПГУ имени М.В. Ломоносова **М.Н. Супрун**

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Поморского университета*

Куратов, А.А.

К 930 Археология и история Архангельского Севера: избранные статьи / А.А. Куратов; сост. М.Н. Супрун; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2006. – 311 с. – ISBN 5-88086-592-4.

В сборнике представлены статьи профессора А.А. Куратова, отражающие круг его научных интересов в области археологии и истории Архангельского Севера, опубликованные с середины 1960-х годов в различных научных, научно-популярных и периодических изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, других городов Российской Федерации, а также за рубежом.

Рекомендуется историкам, археологам, всем изучающим родной край.

УДК 902.2 + 94(470.11)
ББК 63.4(2Рос-12) + 63.3(2Рос-12)

ISBN 5-88086-592-4

© Куратов А.А., 2006

© Супрун М.Н., составление, 2006

© Смирнова М.А., библиографический
указатель, 2006

© Кафедра отечественной истории
Поморского университета, 2006

© Поморский университет, 2006

Ученики об учителе

А.Н. Зашихин,

доктор исторических наук, профессор ПГУ

КРАЕВЕД-ИСТОРИК АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРАТОВ

Историческое краеведение как сфера научно-исследовательской деятельности и система научных знаний по самой своей сути предполагает всестороннее изучение родного края. Поэтому неудивительно, что среди краеведов всегда были, есть и будут люди разносторонне образованные, осведомленные в самых разных областях науки, проявляющие в них свой неутолимый исследовательский интерес. Но даже среди таких наиболее пытливых и сведущих знатоков истории края выделяется своей воистину энциклопедической всеохватностью, широтой и глубиной научных интересов архангельский ученый-краевед, профессор Поморского университета Анатолий Александрович Куратов. Историк А.А. Куратов в едином лице являет собой уникальный пример ученого-археолога, источниковеда, историографа, музееведа, библиографа, педагога... И, пожалуй, самое главное, профессор Куратов – это подвижник научного краеведения, вдохновляемый любовью к родному краю – Архангельскому Северу.

Архангельск – родина Анатолия Александровича. Здесь он родился 28 сентября 1936 года в семье педагогов. Любопытна и показательна родословная Куратовых. Эта фамилия весьма известна на Севере России. В Коми крае чтут память зачинателя коми литературы и литературного языка, поэта и ученого-просветителя XIX века Ивана Алексеевича Куратова. Он – двоюродный прапрадед Анатолия Александровича. Дед Анатолия Александровича, Павел Алексеевич Куратов, был железнодорожником и покинул Коми край. Предки по материнской линии – тоже коренные

северяне. Мать, Виринея Васильевна Попова, родом из деревни Малое Вирово[4] Устьянского района. Родители будущего профессора работали в Архангельске школьными учителями. Отец, Александр Павлович – участник Великой Отечественной войны, учитель химии, позднее работал в городском отделе народного образования. Человек творческий, с исследовательской жилкой, он оказал на сына глубокое влияние. Именно отец приохотил юного Анатолия к путешествиям по родному краю, пробудил изначальный интерес к его изучению.

Детство Анатолия Куратова пришлось на военное лихолетье и первые тяжелые послевоенные годы. Учился в средней школе № 6 Архангельска, после окончания ее отслужил положенный срок в армии, стал студентом исторического факультета ЛГУ. Но Ленинградский университет сформировал не просто специалиста в области археологии. Спустя годы Анатолий Александрович вспоминал о своей альма-матер: «Мне очень повезло встретить таких корифеев отечественной археологии, как П.Н. Третьяков, И.И. Ляпушкин, М.И. Артамонов, П.И. Борисковский и др. – это был такой взлет археологии в 1960-е годы, да и не только в археологии... Нас учили ученые старой школы. В археологии традиции науки практически не прерывались с дореволюционных времен. Многие ученые, окружавшие меня, были носителями еще дореволюционной культуры, этики, сохранившими страстное отношение к науке. Аспирантами и студентами, когда я учился, были такие видные археологи нашего времени, как теоретик Л.С. Клейн и Д.Г. Савинов...»

Окончив в 1963 году университет, молодой специалист вернулся с берегов Невы в родной Архангельск. С тех пор Анатолий Александрович никогда надолго не покидал свой край. Начал работать в областном краеведческом музее – старшим научным сотрудником, заведующим отделом истории и уже в 1964 году назначен директором музея. Здесь он трудился вместе с легендарным ветераном музейного дела, создателем экспозиций природы, замечательным ботаником и первым в крае экологом Анатолием

Александровичем Гасконским. При большой разнице в возрасте, Гасконский и Куратов оказались не просто тезками по имени-отчеству, но близкими по духу натурами.

Одновременно с работой в музее Анатолий Александрович начал читать лекции в Архангельском педагогическом институте имени М.В. Ломоносова. Археолог Куратов возглавил экспедицию, организованную краеведческим музеем и пединститутом и проводившую комплексные исследования по археологии и истории Архангельского Севера. Результатами трудов археолога Куратова стали[5] интереснейшие находки, обогатившие музейные коллекции, научные отчеты, представленные в академический Институт археологии в Москве, публикации в ежегодниках «Археологические открытия», журналах «Советская археология», «Наука и жизнь», кандидатская диссертация «Древняя история Архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла» (защищена в 1971 году в Ленинградском университете), опубликованный каталог «Археологические памятники Архангельской области».

Однако довольно скоро исследователь «перерос» рамки узкой академической специализации: «Изучать только археологический материал – это слишком специально, это вызывало у меня профессиональную неудовлетворенность», – признавался позднее Анатолий Александрович в одном из интервью. Продолжая руководить Архангельской археологической экспедицией, ученый с 1968 года полностью перешел на преподавательскую и научную работу в пединститут.

В стенах Архангельского пединститута, преобразованного позднее в Поморский университет, раскрылся талант А.А. Куратова как вузовского педагога, наставника студентов и аспирантов, настоящего университетского профессора в высоком смысле этого слова; «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» – этот подтвержденный опытом известный афоризм раскрывает «секрет» успеха Куратова-педагога.

«За долгие годы подготовил весь курс лекций по отечественной истории с древнейших до наших времен, ряд спецкурсов по наиболее важным вопросам истории России. Хотелось не «перепевать» известное, а взяться за источники, интерпретировать их по своему разумению», – так характеризует сам Анатолий Александрович свою работу преподавателя высшей школы.

С 1974 года А.А. Куратов возглавил кафедру истории, а в 1980 году сменил на посту ректора института многоопытного профессора Г.Г. Фруменкова. И хотя ректорство для Анатолия Александровича все же не стало главным призванием, оказавшись скорее занятием вынужденным, но и это бремя он перенес вполне достойно, передав в 1986 Году «эстафету» энергичному и способному В.Н. Булатову.

Способности руководителя замечательно проявились у Анатолия Александровича как заведующего кафедрой, которую он вновь возглавлял еще более десятка лет, пока не подготовил своего уче[б]ника и достойного преемника М.Н. Супруна (до 1990 года это была кафедра истории СССР, затем – отечественной истории). Еще в 1970-х годах Анатолию Александровичу удалось создать в коллективе преподавателей-историков удивительно свободную атмосферу, в которой не было места административному диктату, но царили уважительное отношение к коллегам и дух творчества. Руководитель кафедры по-настоящему заботился о своих подчиненных, их профессиональном росте, зачастую даже в ущерб приращению собственных ученых регалий. Вожде́нная для многих докторская степень никогда не была для Куратова самоценной, а давно заслуженное звание профессора он получил лишь в 1992 году. В 1997 году Анатолию Александровичу присвоено почетное звание заслуженного работника высшей школы Российской Федерации.

Ныне Анатолий Александрович профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Он автор многих научных работ, опубликованных не только на

русском, но и на английском, норвежском, финском языках. Профессор А.А. Курагов руководит в университете научным направлением «Историография и источниковедение Архангельского Севера». Как отмечается в официальном отчете о научно-исследовательской деятельности Поморского университета, «научное направление, в рамках которого работает профессор. А. А. Куратов, представляет собой изучение комплекса историографических и источниковедческих проблем истории России и Русского Севера – от археологии и древнего мира до новейшей истории региона и страны, с включением конкретных вопросов методологии и методики, историографического осмысления общих и частных (маргинальных) проблем развития этносов, государственных и общественных интересов, конфессий, духовной и материальной культуры русских и нерусских субэтносов Европейского Севера России».

В 1980 – начале 1990-х годов ученый обобщил свой многолетний научно-педагогический опыт в учебных пособиях к спецкурсам по источниковедению и историографии истории и культуры Архангельского Севера. На основе этих работ в 1999 году профессор Куратов опубликовал новый труд в жанре научной монографии – «История и историки Архангельского Севера: вопросы источниковедения и историографии». Эта книга занимает особое место как в историографии региональной истории, так и в многогранной творческой биографии самого ученого.[7]

В монографии теоретически обобщен огромный фактологический материал, переосмысленный и дополненный с учетом новейших данных. Обращаясь к местной истории на макроуровне, А.А. Куратов обоснованно полагает, что исторически правильнее говорить не об Архангельской области, а об Архангельском Севере, куда в разные периоды входили территория современной Мурманской области, беломорская часть нынешней Республики Карелии, территории Республики Коми и т.д. Поэтому, по мнению ученого, неправильным было бы исключать данные регионы из истории Архангельского Поморья.

А.А. Куратов высказал свое отношение к дискуссиям сторонников «формационной» и «цивилизационной» периодизаций истории, отметив догматизм первой и некоторую умозрительность второй. Ученый выдвинул собственную периодизацию региональной истории:

Древняя история Поморья (до XII в.);

Новгородско-Ростовский Север (XIII–конец XV в.);

Архангельский Север в составе Российского государства (XVI– XVII вв.);

Архангельская губерния в составе Российской империи (XVIII– нач. XX в.);

Архангельский Север в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.), Февральской и Октябрьской революций (1917 г.) и Гражданской войны (1918–1920 гг.);

Архангельская губерния, Северный край, Архангельская область в годы социалистического строительства (1921–1939 гг.);

Архангельская область в годы Второй мировой войны (с 1939 г.) и Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.);

Архангельская область в послевоенные десятилетия (1946–1990-е гг.).

Для современного состояния историографии региональной истории предложенная А.А. Куратовым периодизация может считаться оптимальной. Именно эта периодизация положена в основу историографического раздела книги «История и историки Архангельского Севера», в котором дан предельно сжатый и одновременно весьма содержательный обзор научных трудов по ключевым проблемам истории края с древнейших времен до наших дней.

В источниковедческом разделе А.А. Куратов представил столь же предельно сжатый обзор основных групп вещественных, письменных и комплексных исторических источников. Кроме широчайшего спектра относящихся к разным периодам истории письменных источников (документальных и повествовательных со всеми их разновидностями), в

обзоре особо представлены историческая библиография, персоналии и биографика, археологические источники, этнологические (этнографические) материалы, архивы (архивохранилища), библиотеки (книгоохранилища), музеи, скансены, заповедники и национальные парки, памятники истории, градостроительства и архитектуры, памятники искусства, памятники устного народного творчества (фольклор), данные языка. Уже одно перечисление указывает на универсальный, энциклопедический характер источниковедческого раздела. Впрочем, своеобразная универсальность (всеохватность) и энциклопедизм являются, пожалуй, наиболее характерными особенностями и всей внешне небольшой по объему и весьма компактной в изложении монографии.

В книге «История и историки Архангельского Севера» нашел отражение богатейший опыт А.А. Куратова как редактора-составителя фундаментального научно-справочного труда – «История Архангельского Севера», который коллективными усилиями многих краеведов создавался на рубеже веков и был опубликован в 2001 году в качестве первого тома Поморской энциклопедии. И хотя в подготовке книги действительно участвовал широкий круг авторов; но ни для кого не секрет, что основным ее создателем является именно А.А. Куратов, авторству которого принадлежат – трудно представить! – не менее 1125 статей и сама концептуальная основа энциклопедии. Будучи новаторским явлением в северном краеведении и не только, том «История Архангельского Севера» уже получил заслуженное признание специалистов и на всероссийском уровне также благодарные отзывы многочисленных заинтересованных читателей. Этой книге, без сомнения, суждено стать настольной и для грядущих поколений исследователей края.

Между тем Анатолий Александрович продолжает неустанно трудиться на краеведческой ниве. Вышли новые его труды, обращенные к школьникам, студентам, учителям: замечательные учебные книги «Православные святыни и святые в истории Архангельского Севера» (2002), «Архангельский Север в

истории России» (2003); под редакцией профессора А.А. Куратова увидела свет первая часть хрестоматии «Архангельский Север, в документах истории» (2004), готова уже новая монография об исторической хронологии и метрологии Севера... Одна за другой, как и прежде, появляются в прессе статьи и рецензии Куратова (а первая его газетная[9] публикация в «Правде Севера» была более сорока лет назад, в 1964 году) публикуются подготовленные им материалы научных конференций, продолжается и многолетнее сотрудничество историка с ежегодным Изданием «Памятные даты Архангельской области» (его первая публикация здесь о С.Ф. Огородникове была еще в 1976 году):

АА. Куратов, шагая в ногу со временем, творчески осваивает новейшие технологий «Internet-эры». В начале XXI века он выступил научным руководителем проекта создания многофункционального Web-сайта «Культурно-исторические памятники Архангельского Севера», который совместно осуществили Поморский университет и Архангельский областной краеведческий музей при поддержке Института «Открытое общество».

Анатолий Александрович Куратов в расцвете творческих сил. Своей преданностью науке и деятельной любовью к родному краю профессор служит примером ученикам и коллегам.

*А.Я. Мартынов,
археолог, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Соловецкого музея-заповедника*

А.А. КУРАТОВУ – С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Кто сказал, что я сдал,
Что мне рук не поднять,
Что я с песней порвал,
Что рюкзак не собрать?

В. И. Вихорев

Писать о человеке, которого давно и хорошо знаешь, и легко, и трудно. Легко, если делаешь это для себя и узкого круга друзей, которые целиком и полностью разделяют твоё отношение к нему. Сложно, если приходится помнить, что читать твои признания будут разные люди, возможно, по-разному воспринимающие этого человека.

Я долго мучился, выбирая стиль и тон своих рассуждений и, в[10] конце концов, понял, что напишу, как подскажет мне сердце, в котором вот уже более трех десятков лет живут два чувства – любви и благодарности моему Учителю и Другу. Археологу. Исторiku. Исследователю. Настоящему ученому. Профессору **Анатолию Александровичу Куратову**.

Как и многих других его учеников, судьба привела меня к А.А. Куратову на первом курсе отделения истории и английского языка историко-филологического факультета Архангельского государственного пединститута – нынешнего Поморского университета. Первая же лекция его курса «Введение в археологию» не просто произвела на меня глубокое впечатление – она захватила робкого и порядком безграмотного деревенского паренька и навсегда увела в романтический мир разведок и раскопок, памятников и артефактов, проблем и гипотез. Почему-то (трудно сказать,

почему) именно эти, сложные для неподготовленного ума, рассказы о первобытном прошлом Отечества, а не интереснейшие лекции Георгия Георгиевича Фруменкова, Юрия Константиновича Новожилова, Ирины Фредовны Делищевой определили главный в моей жизни исследовательский интерес. Может быть, дело в самом Анатолии Александровиче тех лет коренастом, стремительном, ярком. Или в том, что с историей древнего мира, средних веков и СССР юный студент был знаком по школьным предметам, а вот археология была для меня совершенно новой областью знаний.

Так или иначе, но скоро Анатолий Александрович и его археологический кружок заняли в моей жизни если не определяющее, то очень важное место. Куратовский кружок тех лет – на мой нынешний взгляд – явление совершенно неординарное. Он не просто собирал, а как-то связывал, сбивал в единое целое собиравшихся ребят. И тех, кого археология интересовала всерьез, и тех, кто приходил, так сказать, за компанию. Главное же состояло в том, что там учились думать, овладевали премудростью работы с источниками, их анализа, извлечения достоверной информации из, казалось бы, мало что обещающих артефактов и документов. Там учились формулировать собственные мысли и вопросы к докладчикам, спорить и оспаривать прозвучавшие выводы, не затрагивая самолюбия оппонента, доказывать правомерность своих выводов и признавать справедливую критику. Этот кружок (и, наверное, не только для меня) был настоящей школой – важным дополнением к академическим курсам, на которых нас не учили, да и не могли научить, «ремеслу» **исследователя**.

Через этот кружок прошли в те годы Федор Михайловский (ныне д-р ист. наук, профессор МПГУ), Михаил Супрун (д-р ист. наук, профессор ПТУ), Николай Теребихин (д-р. философ, наук, профессор ПГУ), Ольга Калинина и Людмила Симакова (сотрудники Архангельского краеведческого музея) и многие другие, так или иначе связавшие свою дальнейшую жизнь с исследовательской деятельностью.

Не менее важной школой формирования исследовательских навыков были и подаренные (другого слова, пожалуй, не подобрать) Анатолием Александровичем кружковцам, всерьез занимавшимся археологией, региональные и всесоюзные студенческие археологические конференции. Благодаря его усилиям, и организационным, и наставническим, прозвучали наши первые научные доклады на конференциях в Риге, Вильнюсе, Могилеве, Новгороде, Москве, появились первые публикации в научных сборниках. Мы познакомились с такими мэтрами советской археологии, как Михаил Константинович Каргер, Лев Самуилович Клейн, Абрам Давидович Столяр. Десять лет спустя один из них, А.Д. Столяр, стал моим научным руководителем при подготовке диссертации. Связи, которые сформировались между многими из тогдашних студентов-археологов, сохранились и приносят плоды до сих пор.

А как много стоят те «иногогородние» экспедиции, в которые направлял или «пристраивал» нас наш «шеф». В Орлец-городок к О.В. Овсянникову, на Соловки и в Корелу – к А.Н. Кирпичникову, в Старую Ладугу – к Е.А. Рябинину и В.П. Петренко, в Республику Коми – к В.С. Стоколосу. Эту школу – школу обучения разным методикам полевой работы – невозможно переоценить. При отсутствии специальной кафедры археологии в педвузе только так и можно было научить профессиональной работе в «поле», на разновременных памятниках. Работа в экспедициях была и полезной жизненной школой, мы учились ценить друг друга, быть терпимыми, принимать достаточно ответственные решения, жить, полагаясь на себя да на руку друга.

Отдельный разговор об Архангельской археологической экспедиции, созданной Анатолием Александровичем более сорока лет назад, в 1964 году. Мой первый полевой сезон в ее составе пришелся на 1970 год (разведка на Ковозеро в паре с Н.М. Терехихиным), последний состоялся в 1980 году, далее началась самостоятельная работа в качестве начальника Соловецкого отряда Архан[12]гельской экспедиции, а с 1984 года – и отдельной

Соловецкой археологической экспедиции. Куратов провел нас (Ф.А. Михайловский, М.Н. Супрун) по большей части южного побережья Белого моря, берегам Ваги и Северной Двины, на Ковозеро, Лача и Мошенское озера, подарив ни с чем не сравнимую радость новых открытий и неизведанных дорог. Не забыть замечательный «стационар» в Орлецах, где экспедиция завершила раскопки одного из самых замечательных памятников первобытной культуры Русского Севера – Орлецкой мастерской, в которой на протяжении двух тысяч лет первобытные мастера изготавливали каменный инвентарь для многочисленных поселений, расположенных на прилегающих территориях (памятник был открыт А.А. Куратовым в 1966 году). Навсегда и в душе, и в памяти останутся соловецкие полевые сезоны с раскопками святилищ и разведочными маршрутами по Муксалме, Анзеру и Заяцким островам, многодневным сидением у взлетной полосы на Кегострове и, под стук дождя, – в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря.

Архангельскую археологическую экспедицию того памятного десятилетия отличала одна чрезвычайно важная в полевой жизни черта – особая душевность в отношениях. Мне довелось работать в десятках самых разных экспедиций, но, пожалуй, ни в одной из них не было такой душевности и тепла, как в ААЭ 1970-х годов. Даже в своих собственных экспедициях не всегда удается создать такую атмосферу.

В те далекие студенческие годы, когда родители были далеко, а нынешней оперативной связи просто не существовало, Анатолий Александрович оказался единственным умудренным жизненным опытом человеком, который мог дать дельный совет в трудной жизненной ситуации. А такая, помнится, возникла в самом конце четвертого курса. Не давался английский язык, причиной чему все эти годы были, конечно же, мои отлучки в экспедиции, на конференции. Я написал заявление о переводе на заочное отделение и отправился в деканат. Однако уже на крыльце главного здания меня остановила очень простая мысль: «А как же Куратыч? Что я

скажу ему?». Повернулся и пошел его искать. Мы проговорили несколько часов, в результате я отправился корпеть над английским текстом. Не знаю, вмешивался ли Анатолий Александрович еще в эту ситуацию, но через пару недель все образовалось, и я благополучно закончил учебный год, а потом и институт. И такой совет был да[13]леко не единственным. Один из них, полученный пятью годами позже в разведке по Зимнему берегу – жить и заниматься археологией на Соловках – определил всю мою дальнейшую жизнь.

Нынешние студенты исторического факультета знают А.А. Куратова, в основном, как историка, составителя и основного автора великолепного издания – Поморской энциклопедии, множества курсов и ряда исторических и историографических монографий. Но был и есть другой Куратов – археолог, первооткрыватель десятков памятников первобытной культуры, автор ряда интересных, выдержавших испытание временем и научной критикой идей и гипотез. Не буду детально анализировать эту сторону деятельности юбиляра, поскольку уже не раз приходилось делать это. Отмечу лишь следующее.

Основной вклад Анатолия Александровича в отечественную археологию состоит в разработке тематики каменных лабиринтов Северной Европы и обобщении накопленных археологами нескольких поколений данных о первобытной истории и культуре Архангельского Поморья.

В «лабиринтоведении» ему принадлежат гипотезы о принципах и технологии сооружения каменных «вавилонов», о происхождении островных святилищ, в которые, помимо лабиринтов, он включил валунные груды – курганы и символические выкладки, о первобытном возрасте и южнобеломорском происхождении соловецких культово-погребальных памятников. Он разработал наиболее полную и детальную классификацию каменных лабиринтов, принятую исследователями в России и за рубежом. Он первым квалифицированно раскопал несколько каменных куч на Соловках и обнаружил там остатки древних захоронений, предусматривавших

трупосожжение. Его экспедицией были открыты первые первобытные стоянки на островах Белого моря – Соловках и Ку-зовах, – общее количество которых к настоящему времени уже более шестидесяти. Нет пока, к сожалению, одного – монографии, посвященной северным лабиринтам.

Обобщение наших знаний о первобытной истории и культуре Архангельского Поморья нашло место в целом ряде работ А.А. Куратова: в диссертации, посвященной эпохам неолита и раннего металла Южного Беломорья, каталогах археологических памятников Архангельской области, отдельных статьях и главах монографий, в Поморской энциклопедии. И в настоящее время это – наиболее достоверное представление о первобытном прошлом региона,[14] сделанное на основании имеющихся источников. С увеличением количества раскопанных памятников и собранных артефактов оно, конечно, будет углубляться, детализироваться и корректироваться, оставаясь на добротном основании, заложенном нашим Учителем.

В науке каждое новое поколение исследователей стоит на плечах предыдущего. Это одна из аксиом и археологии. Четверть века тому назад мне, начинавшему самостоятельную профессиональную работу, свои плечи подставил Анатолий Александрович Куратов. Надеюсь, что я на них устоял.

Н.М. Теребихин,

доктор философских наук, профессор ПГУ

УЧИТЕЛЬ НАЧАЛА

Как проницательно заметил мой друг, выдающийся исследователь средневековых древностей Северной Европы, блестящий специалист в области истории и методологии археологической науки, философ и метафизик Санкт-Петербурга, профессор Глеб Сергеевич Лебедев «археология – это Наука Начала, которая во всей полноте семантики своего названия скрывает еще далеко не осознанный потенциал познания человеческой культуры и воплощаемые ею знания». Если археология есть Наука Начала, то археолог Анатолий Александрович Куратов есть истинный Учитель Начала, открывающий перед Учеником не только необозримые горизонты и дали начала мировой цивилизации, но и те ценностные первоначала, которые определяют отношение человека к своей малой родине, к земле светлого Севера.

По прошествию многих лет я ясно ощущаю, что моя встреча с Анатолием Александровичем Куратовым имела глубоко промыслительный характер, определивший весь мой последующий жизненный путь. Я родился в древнем северном городе Великом Устюге у слияния рек Сухоны и Юга, дающих начало величавой Северной Двине. Весь ритм города определялся ритмом реки, по которой светлыми летними ночами проплывали пароходы, направлявшиеся[15] в далекий и манящий своей морской и арктической открытостью Архангельск. И лишь значительно позже в процессе постижения сакральной географии и метафизики Русского Севера я осознал, что Великий Устюг по именованию своего древнейшего Михайло-Архангельского монастыря есть город Архангела Михаила – Архангельск. Уроженец Великого Устюга (Архангельска) – зырянский апостол Стефан

Пермский основал в землях Перми Вычегодской Михайло-Архангельский монастырь, тем самым духовно связав мой родной город с родовой коми-зырянской землей Анатолия Александровича Куратова, с которым мы впервые встретились все в том же Вечном городе Архангельске, но обустроенном уже на новом месте, в устье Северной Двины. Воистину, неисповедимы пути твои, Господи, прикосновению к мистическому очарованию которых я и посвятил свою жизнь. И первым Учителем, приобщившем меня к исследованию неисповедимых земных следов, запечатлевших тайну Севера, стал А.А. Куратов, с именем которого для меня связаны самые светлые и радостные откровения и открытия Мира. Мира творчества и вдохновения, мира людей, самозабвенно преданных Науке Начала – археологии и тому духу экспедиционного полевого братства, который до сих пор не позволяет душе погрязнуть и раствориться в житейской суете и премудрости века сего. С именем Учителя для меня связаны не только первая археологическая экспедиция, но и первая научная публикация, появившаяся в академическом издании «Археологические открытия 1969 года». С тех пор я побывал во многих археологических экспедициях, опубликовал достаточно много статей и книг, но память о тех первоисточниках и первоначалах, которые преподавал мне Анатолий Александрович Куратов, была и поныне остается путеводным знаменем моего жизненного пути.[16]

А.В. Репневский,

доктор исторических наук, профессор ПГУ

А.А. КУРАТОВ: ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Кто бы из студентов нынешнего поколения мог предположить, что в годы моей учебы (1968–1972) Анатолий Александрович Куратов был самым строгим преподавателем на первом курсе! Тогда в молодости его строгость являлась прямой проекцией принципиальности. Сейчас он стал много мягче, но принципиальности, по-прежнему, не занимать. Просто его принципиальность приобрела иные, более высокие формы. Многие помнят, как жестко Анатолий Александрович защищал свое видение тома История в «Поморской энциклопедии», а на одном из Советов факультета – свою концепцию «Истории Архангельского Севера».

Но вернемся в прошлое. На рубеже 60–70-х сдать ему археологию с первого раза удавалось очень немногим счастливчикам. Для студентов он был «первый после Бога» в археологии. Предмет этот сложный по своей терминологии, наличию множества сталкивающихся концепций, белых пятен, которые вынужденно заполнялись научным воображением ученых. Экзамен по археологии являлся пропуском на второй курс.

Завершающей частью этого пропуска была летняя археологическая практика. У нас она проходила на отрезке Северной Двины от Орлецов до Емецка. Начинали с поиска отщепов и наконечников стрел на стоянках под Емецком. Жили в пустующих по случаю летних каникул зданиях школ и, иногда, в частных крестьянских домах. На особый комфорт не претендовали, с удовольствием ночуя на сеновалах, питаясь «за спасибо» вкуснейшими рыбниками у гостеприимных колхозников, передвигаясь где пешком, а где на моторных лодках и имея по 50 копеек в день на пропитание и проживание.

Местная емецкая молодежь нас – архангельских парней не жаловала, настойчиво пытаясь познакомиться только с действительно прекрасной

половиной нашей учебной группы. Анатолий Александрович проявил редкий такт и спокойствие, разрешая наши[17] конфликты с местными, доходившие до драк. Еще тяжелее ему пришлось в Орлецах. Это не было связано с работой в прибрежных раскопах. Работали студенты хорошо, с энтузиазмом. Беда была в другом... Орлецы оказались местом поселения бывших заключенных, которые так и искали повода выместить свою природную злость на студентах. Эти поселенцы были здоровыми мужиками, куда более опасными, нежели наши емецкие одногодки. Эти мужики нас серьезно испугали. Сам Анатолий Александрович, вероятно, тоже испытал немало тревожных минут, но нам виду не показал и сохранял почти олимпийское спокойствие. Не поддаваться панике ни при каких обстоятельствах – эта черта его характера оказалась очень полезной. Археологическая практика лета 1969 года настолько глубоко запала в душу, что песня, сочиненная тогда, стала гимном нашего дружного курса.

После практики я впервые побывал в доме Александра Александровича. Это была старая деревянная двухэтажка на Чумбарова-Лучинского недалеко от рынка. Запомнился длинный стол, на котором были аккуратно разложены все найденные в археологической партии богатства: отщепы, глиняные черепки, проржавевшие кусочки металла. Все это требовалось описать и систематизировать. Этому нас Анатолий Александрович терпеливо учил. Внимательный осмотр, систематизация, тщательное описание находок – ценнейшее умение одного из наших самых первых преподавателей – археолога Куратова. Тщательность научного анализа – еще одна завидная черта его натуры.

Но более всего вызывает уважение то, что Анатолий Александрович абсолютно чужд участия в интригах любого рода и никогда не держался за власть. Для него важна наука, а не должности, чины, видимость успеха. Все это удалось оценить по достоинству гораздо позже, когда автор этих строк вырос, немного познал жизнь, сам стал преподавателем нашего университета, а затем и руководителем кафедры истории.

*М.Н. Супрун,
доктор исторических наук, профессор ПГУ*

ICH VIN ТРЕТИЙ!

В жизни каждого человека есть Учитель. И великое счастье, когда это – личность творческая, незаурядная, яркая. Нам, составителям данной книги, крупно повезло в том, что мы встретили такого человека – профессора Анатолия Александровича Куратова.

Это была моя первая лекция по археологии... Невысокий, крепко сложенный, он быстрым шагом вошел в аудиторию и начал рассказ. Поразило, что в отличие от остальных преподавателей, читавших лекции, как правило, не отрываясь от печатного текста (таковы, как мне потом стало известно, были в то время требования, поскольку тексты лекций утверждались кафедрой), он говорил совершенно свободно, не заглядывая в «шпаргалки». Импонировала четкость, логика и эмоциональность изложения. Лектор свободно передвигался по аудитории, жестами, силой голоса убеждая в правоте сказанного. Казалось, он был настолько влюблен в свою археологию, что ничего кроме нее в жизни не было и не могло быть. Не записывая, я так и просидел два часа «с открытым ртом», но до сих пор помню каждое слово, интонацию и жест.

Признаюсь, после первого курса я собирался переводиться в ЛГУ, чтобы изучать историю Японии, поэтому археология интересовала меня постольку поскольку. Но перевод не удался из-за смещения сроков сдачи экзаменов в Ленинграде, и я продолжил обучение в Архангельске, снимая комнату с другим северодвинцем, будущим профессором-античником, а в то время одним из наиболее одаренных студентов истфака и участником куратовских археологических экспедиций Федором Михайловским. Он-то и пригласил меня принять участие в археологической разведке вместе с «самим

Куратычем»(!) Это была особая рекомендация и слишком высокая честь, которую надо было оправдать. И я, как мог, ее оправдывал, более десяти лет подряд проводя каникулы и отпуск в разведке.[19]

В поле «шеф» (так мы за глаза называли Анатолия Александровича) еще более поразил меня. В «демократической» кепчонке с неизменной сигаретой в углу рта и рейкой под мышкой, он вел себя с нами на равных. Так же готовил «археологический суп» из пакетов, таскал дрова на привале, чистил песком котелки. Он никому не доверял носить находки – скребки, тесла, стрелки, и – поэтому его рюкзак был самым тяжелым. Однажды он едва не поплатился за это жизнью. Переходя по бревнышку через речку в районе Летнего берега, «шеф» поскользнулся, и тяжеленный сак тут же увлек его на глубину. Все закончилось, слава Богу, благополучно. Вытащили и шефа, и рюкзак. Но все запомнили то, что едва «Куратыч» оказался на берегу, тут же, дрожа от холода, бросился проверять, все ли камни на месте, не промок ли дневник – труды всей экспедиции.

Мы так «обнаглели» в экспедиционной «демократии», что при нем, в то время секретаре партийной организации университета, читали и обсуждали «самиздат», пытаюсь, убедить его в правоте идей А. Солженицына или А. Сахарова, а стало быть, нашей правоте. Правда, сделать это было нелегко. Анатолий Александрович всегда находил сильнейшие контраргументы.

О демократизме, интеллигентности и принципиальности Анатолия Александровича ходят легенды. Он никогда никого ни о чем не просил. И даже когда эту помощь предлагали, отказывался от нее. А поскольку оказать помощь такому человеку каждый из нас считал за честь, мы находили самые хитрые уловки, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте. Как ему удалось при такой принципиальности проработать целых шесть лет ректором университета?!

Никто из нас не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос. Лишь однажды, помню, как расстроенный ректор Куратов сказал приватно, что в

тот день он впервые в жизни «накричал» на одного подчиненного. Какую же подлость надо было совершить, чтобы вывести его из себя!

Не меньше легенд ходят о скромности Анатолия Александровича. Его знаменитый трюх, «а la почтальон Печкин», стал притчей во языцех. При этом скромность в одежде не была эпатажем. Он просто не обращал внимания на то, во что одет. С приближением собственных юбилеев он категорически запрещал устраивать какие-либо торжества. И если они происходили, всегда очень мягко, интеллигентно отводил внимание от своей персоны, начиная рас[20]сказывать истории, связанные с присутствующими. Даже подготовку к изданию этой книги нам приходится проводить тайно от «шефа».

По прошествии многих лет, как я знаю профессора Куратова, все более убеждаюсь в том, что его основным жизненным принципом является нравственный императив. Хотя не помню, чтобы он его как-то декларировал. Об этом говорят все его дела, принятые решения, научные публикации. Кажется, ни в чем и никогда он не поступился совестью.

В работе профессор Куратов – трудоголик. Жизненная энергия, работоспособность и талант позволили ему стать одним из выдающихся ученых-историков Русского Севера. Из-под пера Анатолия Александровича вышло более трехсот научных работ по археологии, ономастике, метрологии, генеалогии, этнологии, истории, включая ставшие хрестоматийными монографии «Метрология России и Русского Севера», «Историография истории и культуры Архангельского Севера», «Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера», «История и историки Архангельского Севера», «Православные святыни и святые Русского Севера»... Он автор школьного учебника по истории Севера, составитель хрестоматий, многочисленных сборников научных статей и самой известной – Поморской энциклопедии (Том 1: История Архангельского Севера).

Впрочем, сам Анатолий Александрович – это «ходячая энциклопедия». Я, как член редколлегии тома «История...», был свидетелем того, как

писалась книга. Помнится, лет десять тому назад профессору А. Куратову было поручено стать редактором-составителем, т.е. собрать коллектив авторов, составить словник, запросить и отредактировать статьи, – работа – колоссальная, поэтому в то время мало кто верил, что этот труд вообще появится. В условиях перестроечного безденежья авторы требовали оплату гонораров, коммунисты настаивали на исключении из словника статей о церковнослужителях и храмах, демократы – статей о партийных секретарях и сотрудниках НКВД. Профессору А. Куратову надлежало примирить их всех. Не вступая в дискуссии, он с головой ушел в работу и в течение полугода... написал энциклопедию. На стареньком «ундervуде» он написал и перепечатал более трех тысяч страниц – почти две тысячи статей(!). И когда рукопись была представлена редколлегии, споры прекра[21]тились, началась реальная работа. Сейчас Анатолий Александрович редактирует третий том, параллельно взявшись за монографию о своих любимых лабиринтах.

В пору студенческой юности в нашем кругу был традиционный третий тост: «За Соловки и хороших людей», который вскоре трансформировался в «За Соловки и шефа» (т.е. Куратова). Случалось, что этот тост звучал и в присутствии уважаемого профессора. И дабы скрыть от него столь явное проявление уважения и благодарности, которое могло быть воспринято как лесть, Саша Мартынов однажды предложил произносить наш тост на некоем спонтанно возникшем пиджине: «Их бин третий», т.е. «За шефа!». С тех пор я не изменяю этой традиции. И на сей раз с особым чувством говорю: «Дорогой Анатолий Александрович! Ich bin третий!»[22]

Избранные статьи

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ*

В историографии североведения используются различные историко-географические понятия – Русский Север, Северная Русь, Европейский Север России и другие, при этом удивительно различно понимаются их пространственно-временные границы¹.

Исторически территория нынешней Архангельской области соотносилась с такими регионами, как Заволочье (XI–XIV вв.), Двинская земля (XIV–XVII вв.), Архангелогородская губерния (с 1708 года), Архангельское наместничество (с 1784 года), Архангельская губерния (в 1796–1929 гг.), Северный край (1929–1936 гг.), Северная область (1918–1920 гг., 1936–1937 гг.) и Архангельская область (с 23 сентября 1937 г.), включающая Ненецкий автономный округ. В разное время в состав Архангельского Севера входили Мурманская область (до 13 июня 1921 года), беломорская часть Республики Карелии (до 4 августа 1920 года), почти вся территория Республики Коми (до 1936 года)².

Изучение истории макрорегиона европейской Субарктики и прилегающих к ней более южных земель велось в течение многих десятилетий. Первобытная и раннесредневековая археология Архангельского Севера началась еще в середине XIX столетия³, однако до сих пор значительная часть территории Архангельской об[24]ласти остается плохо изученной археологами и представляет собой в этом смысле своеобразное «белое пятно». Известным исключением являются многолетние полевые

---

* Впервые опубликовано: Вестник Поморского университета. 2001. Вып. 1. С. 18–30.

1. Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера: учеб. пособие Вологда, 1989; Он же. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: учеб. пособие Архангельск, 1992.

2. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: справ. / сост. Л.В. Гундакова, Л.Н. Хрушкая, Н.А. Шумилов. Архангельск, 1997.

3. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области: каталог. Архангельск, 1978.

археологические и историко-архивные разыскания О.В. Овсянникова, добившегося впечатляющих результатов в исследовании позднего средневековья¹. Значительных успехов в изучении истории и культуры саамов (лопарей) и ненцев (самояди) достигли российские этнологи Н.Н. Харузин, В.В. Чарнолуский, Т.В. Лукьянченко, Л.В. Хомич²; продолжается археолого-этнографическое изучение коми народа³. Проблема легендарной Биармии получила новое освещение в трудах Е.А. Мельниковой, Т.Н. Джаксон и Г.В. Глазыриной⁴, теперь можно с уверенностью сказать о том, что викинги действительно посещали Белое море (Гандвик) и Северную Двину (Вину), шли по водным путям в центры Руси. Об этом свидетельствует находка Архангельского клада с монетами и ювелирными изделиями XI–XII вв. (1989 г): вещи клада – свыше двух тысяч западноевропейских серебряных монет и единичные дирхемы арабской чеканки IX в. – позволили их исследователю О.В. Овсянникову сделать вывод о том, что на заре Средневековья существовала северо-восточная часть великого торгового пути, пролегавшего от берегов Англии и Скандинавии до предгорий Полярного Урала, а через Северную (Новгородскую) и Южную (Киевскую) Русь – на Восток⁵. [25]

---

1. Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск, 1992.

2. Харузин Н.Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. М., 1890; Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. М., 1965; Он же. В краю летучего камня: записки этнографа / отв. ред. и авт. послесл. и коммент. Т.В. Лукьянченко и Ю.Б. Снмченко. М.; 1972; Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971; Хамич Л.В. Ненцы: ист.-этногр. очерки. М., 1966; Она же. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

3. См.: Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997. г 4 Мельникова Е.А. Древнескандинавские Географические сочинения: (тексты, перевод, комментарий). М., 1986; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера / сост. А.Н. Давыдов, А.А. Ку-ратов. Л., 1988. С. 58–67; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

4. Мельникова Е.А. Древнескандинавские Географические сочинения: (тексты, перевод, комментарий). М., 1986; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера / сост. А.Н. Давыдов, А.А. Ку-ратов. Л., 1988. С. 58–67; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

5. Носов Е.Н., Овсянников О.В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб., 1997, С. 146–157.

Ладожские и ильменско-новгородские славяне появились на Севере в X–XI веках – сначала в бассейне реки Сухоны, а с XII столетия – в Подвинье и Беломорье. Туда же устремились белозерцы и ростовцы, бежавшие с «Понизовья» или Низовской земли (историческое название Северо-Восточной Руси в XII–XVI вв., данное новгородцами, с XVI в. – «Замосковье»). Это разрозненное, а затем массовое переселение крестьян-смердов было вызвано двумя причинами – поисками новых, «свободных» земель и установлением феодальных порядков в княжествах-государствах Древней Руси. Этот процесс переселения славянорусов получил наименование «колонизации» и археологически изучен на материалах Белозерья и Поонежья археологом Н.А. Макаровым. Северные и восточные границы колонизации исследователь раздвинул до Финмаркена, Кольского полуострова, Печоры и Приуралья¹.

После того, как из родных «отчин» была «вытолкнута» значительная часть новгородско-ильменского и ладожского, а также «понизовского» крестьянства, новгородцы закрепились вначале в Поморье, а затем перешли за «Камень» (Северный Урал), в Пермь и Югру (Югорскую землю). Большую роль в этом движении сыграли великие северные реки – от Онеги до Печоры, а также волоки, их разделяющие. Еще в XII в. (Уставная грамота Святослава Ольговича 1136–1137 гг.) возникло 28 пунктов сбора десятины в пользу новгородского Софийского дома: в каждом из них «сидели» княжеские наместники Господина Великого Новгорода. Таким образом, в бассейнах рек Ваги, Северной Двины, Пинеги, Мезени и, вероятно, Печоры очень рано появились славяно-русские поселения, с которых взимался прибыльный сбор дани (ясака); они же подвергались насильственным поборам (грабежам) новгородской вольницы – ушкуйников. Новгородцы ревностно оберегали богатые северные земли от великокняжеских тиунов и бояр.

---

1. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археол. памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.

Об этом свидетельствует, в частности, договор 1264 года Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, в котором твердо было заявлено: «А се волости новгородские: ...Вологда, Заволочье, Колоперемь, Югра, Печора»; тверской князь, в свою очередь, обещал «не собирать» дани с Заволочья, «не владети там какими-либо землями» и не посылать туда «своих людей».[26]

Однако на Север устремились дружины ростовских удельных князей. По рекам и волокам продвигались сюда бояре, купцы и монахи. В результате стремительной государственно-конфессиональной колонизации почти все Заволочье было включено в состав восточнославянских государств – Новгорода с его пятнами и Ростова Великого. Наряду с новгородскими волостями здесь появились так называемые «ростовщины» – владения ростовских князей и их вассалов. Исследователи отмечали противоречивый характер этого геополитического процесса: с одной стороны, шло мирное крестьянское переселение, в ходе которого славяно-русские земледельцы относительно легко находили себе свободные земли и потому, вероятно, не ссорились с аборигенной «чудью», с другой стороны, – государственная и церковно-монастырская колонизация имела ярко выраженный захватнический характер. Новгородская боярщина преуспела в завоевании северных земель: в Поморье надолго утвердилась власть наместников-бояр и посланцев архиепископской «Святой Софии». Административным центром «обояренного» края стали Колмогоры (Холмогоры) с резиденцией властителей то в Матигорах, то в Ухтострове...

Существенное значение приобрела в это время этническая ассимиляция, причем русское население из верховьев Волги вступало в более тесные контакты с «чудью», а новгородско-ладожский (ильменско-белозерский) куст русских еще долго сохранял свой антропологический тип в «чистоте». В тяжелую пору монголо-татарского ига Беломорский Север стал спасительным уголком, куда бежали от «бусурман» многие русские крестьяне и горожане.

В течение нескольких столетий Двинская земля была яблоком раздора между Новгородом и Москвой. Сначала Иван Калита попытался «насильно» взять Поморье, затем такую же неудачную попытку предпринял Дмитрий Иванович Донской (1336 г.; 1386 г.). А в 1342 году новгородец Лука Варфоломеевич (Варфоломеев) со «сбоями» (ушкуйниками) «поиде на Двину и постави городок Орлец», взял «на щит» Нижнее Подвинье. Поссорившись с новгородскими властями, он претендовал на самостоятельность своего правления в Заволочье. На 55 лет Двинская земля «выпала» из новгородских владений. Этим воспользовался великий князь московский Василий Дмитриевич, приславший сюда в 1398 году «Двинскую уставную грамоту». В ответ в том же году новгородцы осадили Орлец и взяли крепость штурмом. Власть Новгорода была восстановлена. И только после крушения Новгородской боярской[27] республики (1470-е годы) двиняне приняли московское подданство. К Москве отошли земли по Мезени, Пинеге, частично по Северной Двине и Ваге (1471 г.), а также морское побережье от Онеги до Мезени. В списке Двинских земель 1471 г. был упомянут Емецкий городок, до основания разоренный москвичами. В 1487 году в состав Московии отошли Пермская земля, Заонежье, Мурман, Каргополь и Печора. Присоединение северных земель к Москве имело большое экономическое, политическое и культурное значение: территория страны удвоилась по площади, прекратились изнурительные внутрифеодальные «при» (войны), строились и богатели северные монастыри, росли города и ремесленные посады.

Историки С.Ф. Платонов, А.И. Копанев, П.А. Колесников, Ю.С. Васильев и др. отмечали, что социальная история северного населения с конца XV столетия существенно изменилась: после ликвидации новгородского боярского землевладения (например, вотчин Борецких) земельные владения «двинских бояр» были приписаны к черносошным волостям, тогда как боярские земли в пятинах Новгорода были разверстаны

между служилыми дворянами¹. Обобщающий экскурс в историю Русского Севера в XI–XVI веках предпринял в своей трилогии «Русский Север» В.Н. Булатов².

В составе Российского государства заметно оживилась экономическая жизнь северян. Русские крестьяне, а с ними карелы и коми-ижемцы-зыряне создали свою культуру земледелия и животноводства, возможную в условиях Севера. Очень рано, вероятно – с XIII столетия, в Беломорье завезли крупный рогатый скот, и уже к XV веку на заливных лугах Северной Двины выводилась знаменитая холмогорская порода скота. Повсеместно развивалось коневодство, а на Пинеге и Мезени была выращена выносливая порода лошадей. Улучшилось пашенное земледелие, дополненное различными неземледельческими промыслами – рубкой леса, плотниче[28]ством, столярно-мебельным делом, солеварением, судостроением (речным и морским), смолокурением и пр. Появились микрорегиональные центры промысловой специализации. Выращивали пшеницу, горох – на Юге края, жито (ячмень) и овес – на севере. Сеяли зерновые культуры даже в приполярной зоне... Хлеба своего не хватало, и северные земледельцы, не порывая до конца с земледелием, становились по преимуществу «промышленниками», используя при этом традиционный опыт охоты, рыболовства, морского промысла и выпаса оленей коренных народов Крайнего Севера.

В крае преобладало черносочное землепользование. Название «черносочный» произошло от словосочетания «черные сохи», то есть «тяглые», зависимые от государства земли. Северный крестьянин «с черной сохи» гордо называл себя «вотчинником», а свои земли «вотчинами».

---

1. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 52–54; Копанев А.Н Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976; Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье в XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979.

2. Булатов В.Н. Русский Север: Кн.1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2: Встречь солнца (XV–XVII вв.). Архангельск, 1998; Кн. 3: Поморье (XVI–начало XVIII вв.). Архангельск, 1999.

Некогда это было действительно так, но в течение столетий государство целенаправленно, шаг за шагом, отнимало у него право собственности на землю. Упорно сопротивляясь этому наступлению государства, северная деревня все же смогла избежать тягот помещичьего гнета. Вторая форма землевладения – дворцовая – была также распространена на Севере; дворцовые земли принадлежали по праву феодальной собственности великому московскому князю, позднее – царю и императорскому «уделу» (отсюда – удельные крестьяне). Третья форма землевладения – монастырско-церковная – начала складываться довольно рано, с XII столетия, а впоследствии стремительно выросла. Этому процессу способствовало то, что северные монастыри стали играть роль военных форпостов на дальних рубежах государства. Монастыри в полной мере воспользовались этим преимуществом. Они довольно быстро стали монополистами в ряде экономических отраслей. Монахи с большой прибылью торговали солью, рыбой, мехами. В ряде случаев разбогатевшие монастыри становились заимодавцами государства. Огромными земельными владениями располагали Соловецкий, Антониево-Сийский, Михайло-Архангельский и другие монастыри. Имели свою «долю» земельных угодий на Севере и крупные центральные обители России, например, Троице-Сергиев монастырь. Землевладение приходских храмов стояло ближе к черносошному, хотя и оставалось по своей сущности феодальным, особенно на землях Холмогорского архиерейского дома (с 1682 г.). Особой формой собственности являлось землевладение «своеземцев», которое также недалеко ушло от черносошного.[29]

В среде черносошного крестьянства в конце XV–XVI вв. выделялась прослойка «богатых мужиков», составившая довольно сплоченную группу торгующих и промышляющих «мужей» (термин актовых источников). Историки В.В. Крестинин, Н.Н. Покровский, А.И. Копанев, Н.Е. Носов и др.¹.

---

1. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере, сочинен. Архангелогородским гражданином Василием Крестининым 1779 года. СПб., 1785; Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного земледелия в России XIV –

изучали крестьянскую генеалогию: Крестинин, например, проследил корни родословия двинских крестьян рода Вахониных на протяжении двух столетий; другие исследователи восстановили родословия северных крестьян-«богатеев» – Едемских, Амосовых-Соломбальских, Кашеевых, Корзиных, Кологривовых, Кузьминых, Остафьевых, Чевакиных, Шахматниковых, Шуйгиных и др. Многие из них переселялись в города, записывались в посадские общины, становились купцами. В руках двинских «мужей» скапливались значительные капиталы, причем деньги не залеживались в кубышках, а пускались в выгодный торговый оборот. Таким образом, на Архангельском Севере раньше, чем в центре России, начали складываться предбуржуазные отношения, развитие которых было искусственно прервано во время опричного террора и в период всероссийской Смуты начала XVII в.

Своеобразной формой «временного», фактически же пожизненного феодального владения, были земли так называемых «слободчиков». Например, владения «именитых людей» Строгановых составили огромные территории на Вычегде и Каме, полученные по жалованным грамотам Ивана IV «на время» и «под условие»: уже в опричные годы они создали своеобразный плацдарм для завоевания Западной Сибири дружинами Ермака Тимофеевича. Отсюда же начался великий «исход» севернорусского населения в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

Но было и движение на запад. В 1494 году толмач Дмитрий Зайцев, возвращаясь на родину из Дании, впервые проложил морской «ход» вокруг Скандинавии к устью Северной Двины. Морские плавания вокруг Скандинавии совершили Григорий Истома[30] (1496 г.) и Д.Д. Герасимов (начало XVI в.). В это время русские промышленники уже широко осваивали арктические моря: в поисках лежбищ морского зверя они достигли Новой

начала XVI вв. Новосибирск, 1973; Копанев А.И. Указ. соч.; Носов Н.Е. Опыт генеалогических разысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди», торговые мужики двинских актов XVI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1.

Земли на востоке и Шпицбергена на западе. Продвигаясь от Кольского полуострова в сторону «датской Норвегии», поморы приплыли в Варангер-фиорд, где их внимание привлекли «лопарские» ярмарки – Карлеботен в Варангере, Хьервог в Айддегоппе и в Вайде-губе. Истоки этих русско-норвежских связей исследовались в трудах норвежских и российских историков Э. Ниemi и И.Ф. Ушакова¹. Однако мирное сотрудничество налаживалось не сразу. Исконно саамские земли Финмаркена (Финнмарка) и Кольского полуострова надолго стали ареной сражений между «мурманами»-норвежцами и новгородцами. В 1251 году Александр Ярославич Невский договорился с норвежцами о «двоеданстве» саамов, а в 1326 году Норвегия и Новгород подписали мирный договор, согласно которому норвежцы отказались от притязаний на Кольский полуостров и признали его сферой русских интересов. Однако общий сбор дани – ясака с саамов просуществовал вплоть до конца XV века. Торгово-экономические и военно-политические отношения Руси со странами Скандинавии рассмотрены в трудах И.П. Шаскольского², обратившего внимание на то, что с конца XIII века появилась реальная шведская угроза как для Норвегии, так и для России. Борьба со Шведским королевством продолжалась вплоть до побед Петра I в Северной войне (1700–1721 гг.).

В середине XVI века английские мореплаватели-негоцианты заново «открыли» морской путь из Западной Европы к устью Северной Двины. Один из участников экспедиции Хью Уиллоуби (1553 г.), капитан Ричард Ченслер (Р. Чанселлор)³, привел судно к двинскому Никольскому руслу. Он побывал в Москве и заключил первый тор[31]говый договор между Англией и Россией. 26 февраля 1555 г. в Лондоне была принята хартия об учреждении

---

1. Niemi EL Naboer gjennom tusen ar // Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar / Einar Niemi (red.). Oslo, 1992. S. 11 (в рус. переводе: Ниemi Э. Соседи на протяжении десяти веков // Помор: Северная Норвегия и Север России на протяжении десяти веков / под ред. Э. Ниemi. Осло, 1992. С. 11); Ушаков И.Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 26–29, 66–67; и др.

2. Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

3. Записки Чанселлора: открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай, 1553. Архангельск, 1998.

«Московской компании» с участием на паях 201 предпринимателя. Ранняя история «Московской компании» была исследована в книге британского историка Т.С. Виллана (1-е изд.: Лондон, 1956; 2-е изд.: там же. 1968); недавно книга Виллана была переведена на русский язык Л.Г. Шмигельским, сопроводившим двухтомную рукопись интересным научно-справочным аппаратом¹. Примеру англичан последовали голландцы, установившие торговые отношения с Москвией в 1557 году. Из дошедших до нас британских и русских документов известно, что двинские купцы Михаил Косицын и Фофан Макаров участвовали в миссии первого русского посланника в Англии, Вологжанина О.Г. Непеи (1556 г.). До начала 1580-х годов торговля с иностранцами велась через Никольское русло, в порте Св. Николая (на месте нынешнего Северодвинска).

Спустя некоторое время, вероятно, в 1582 году, русское правительство приняло решение о строительстве корабельной пристани и деревянной крепости («города») в более удобном месте. Посланные на Двину воеводы П.А. Нащокин и А.Н. Залешанин-Волохов выбрали для постройки города Пур-Наволоок, где располагались постройки Михайло-Архангельского монастыря (основан, по преданиям, в XII веке, более вероятно – в XIV веке). К этому времени дельта Северной Двины была уже заселена русскими людьми, так что город и корабельная пристань, построенные воеводами «одним годом», в 1583–1584 гг., возникли не на пустом месте. В 1587 году рядом с крепостью появился Новохолмогорский посад. В 1613 году «Ново-городок» («Архангельский город») и Новохолмогорский посад были объединены под общим названием Города Архангельского – в честь Михайло-Архангельского монастыря. Обстоятельное изучение сохранившихся (к сожалению, далеко не полностью) документальных источников по истории Архангельска конца XVI–XVII вв. провели В.В. Крестинин, С.Ф. Огородников и другие исследователи².

---

1. The Early History of the Russia Company, 1553–1603 / by T.S. Willan. London, 1956; 1968.

2. Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792; Огородников С.Ф. История города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890; См. также:

В XVII веке Архангельск оказался единственным морским портом страны. Через него в морской заграничной торговле приняли участие свыше семидесяти русских городов и земель, историк С.Ф. Огородников посвятил одну из своих книг истории Архангельского порта¹.

Европейские государства, переживавшие бурную эпоху первоначального накопления капитала, расширяли поиски новых рынков для себя. Русский Север привлекал их внимание как в торгово-экономическом, так и в военно-экспансионистском отношении. Ряд грабительских походов в Поморье предприняли шведские феодалы. В северных землях разбойничали ватаги поляков и литовцев («рокошан») с участием черкасских (украинских) казаков. В эти же годы разрабатывались английские и германские планы военной экспансии русского Поморья. В целях обороны русское правительство построило здесь целую систему каменных и деревоземляных крепостей и острогов. Во главе обороны Беломорья на долгие годы встал Соловецкий монастырь, о чем не раз писал в своих трудах Г.Г. Фруменков². Не последнюю роль в этой защите должен был сыграть Архангельск, где рядом с обновленным деревянным «городом» были сооружены монументальные Гостиные дворы³.

Важными по политическим последствиям могли стать полярные экспедиции голландцев (В. Баренц и др.) и англичан (С. Барроу и др.), стремившихся в конце XVI века пройти северными морями в Китай и Индию. Эти попытки иностранцев проникнуть в сибирские моря были приостановлены русским правительством, запретившим в начале XVII века иноземцам «ходить морем» на Мангазею и далее на восток.

Архангельск. 1584–1984: библиографический указатель. Архангельск, 1984; Архангельск. 1584–1984: фрагменты истории. Архангельск, 1984.

1. Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875; См. также: Попов Г.П. Ногою твердой стать при море...: штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск, 1992.

2. См., например: Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI-XIX вв. Архангельск, 1975.

3. Гемп К.П., Кибирев М. Ф. Архангельский гостиный двор И Архитектурное наследство. М., 1958. Т. 10. С. 153–172; Овсянников О.В., Фирсова Л.Д. Архангельские Гостиные дворы: строительная история комплекса, XVII– XVIII вв. И Памятники культуры: новые открытия: ежегодник, 1990. М., 1992. С. 432–458; Они же. Архангельские гостиные дворы // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 108–123.

Архангельский Север вместе со всей страной испытал крупные социальные потрясения в «бунташном» XVII столетии. Северяне[33] стали основными участниками религиозного движения, мощного выступления старообрядцев. По крестьянско-посадскому Поморью прокатилась волна «гарей» – массовых самосожжений старообрядцев. В Соловецком восстании 1668–1676 годов приняли участие разинцы и жители поморских посадов. В борьбу включились работные люди, объединившиеся в «одиначества» (одиначеские союзы). Городские восстания в центре России получили поддержку в северных городах – в Сольвычешдске, Великом Устюге и др. Гнет самодержавия распространялся и на нерусское податно-ясачное население края.

Новую страницу в истории Архангельского Севера открыли приезды Петра I в Архангельск (1693, 1694, 1702 гг.). По указу царя была возведена Новодвинская крепость, под строящимися стенами которой произошло сражение со шведами (25-26.06.1701 г.). Эта победа оказалась первой в ходе Северной войны. Значительный источниковый материал позволил Ю.Н. Беспятым по-новому оценить значение ее в военной истории России¹. После этого сражения иноземные захватчики уже ни разу не осмеливались подойти к Архангельску с моря – ни каперствовавшие в 1808–1810 годах англичане, ни разорявшая мирные поморские селения англо-французская эскадра в 1854–1855 гг.

Высоко оценив традиции поморского мореплавания, Петр I все же предписал в 1715 году строить в Поморье вместо лодей и кочей суда европейского типа, «новоманерные» галиоты, гукоры, каты, флейты и яхты. Примером служили корабли заложенной царем Соломбальской верфи (1693 г.) и суда постройки купеческой Вавчужской верфи Бажениных (1700–1702 гг.). Суда новой конструкции стали строить на более 20 крестьянских верфях.

---

1. Беспяты Ю.Н. История знаменитого сражения: шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск, 1990; См. также: Тревожные годы Архангельска, 1700–1721: документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / отв. ред. Ю.Н. Беспяты. Архангельск, 1993; Архангельск в XVIII веке / Сост., отв. ред. Ю.Н. Беспяты. СПб., 1997.

На казенной верфи в Соломбале (Архангелогородское адмиралтейство) за 1693–1862 годы было спущено на воду свыше 500 кораблей, многие из которых вошли в состав Российского военно-морского флота на Балтике¹. [34]

Велика роль Архангельского Севера в освоении Арктики. По мнению М.В. Ломоносова, громадные пространства Северной Азии были открыты «неутомимыми трудами нашего народа». В XVII–XIX вв. поморы несли в «новые земли» бескрайней Сибири и Русской Америки хлебопашество и ремесла, искусство древостроения и судостроительства, усовершенствованные методы озерно-речного и морского промыслов. Недаром каргополец А.А. Баранов, первый правитель Русской Америки, назвал ее столицу в честь Архангельска – Ново-Архангельском.

В первой четверти XVIII века Архангельск отставал по числу ремесленников только от Москвы и Петербурга. Высокие темпы развития внешней торговли исследованы в трудах Н.Н. Репина². Указ Петра I от 4 апреля 1722 года о запрете «отпуска товаров за границу» из беломорских портов нанес ощутимый удар по Архангельску. Тем не менее именно в это время были учреждены городской, а затем губернский магистраты, открыты ратуши; прошла существенная реорганизация посадско-купеческих корпораций, образовалась сплоченная посадская община. В 1733 году возобновилось прерванное на короткое время строительство кораблей в Архангелогородском адмиралтействе. Указом Екатерины II город на Двине был уравнен в торговых правах с Санкт-Петербургом. Архангельские посадские общины избрали своего представителя, Н.А. Свешникова, в Комиссию по составлению нового Уложения (1767 г.). Он представил Наказ архангельской посадско-торговой общины, признанный одним из лучших среди других наказов, рассмотренных комиссией. Авторами текста наказа были В.В. Крестинин и А.И. Фомин. Просвещенные архангелогородцы стали

---

1. Соломбальская верфь, 1693–1862 / Сост. Брызгалов В.В., Любимов В.А. Архангельск, 1993; Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 63–98.

2. Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в.: Архангелогородский и Петербургский порты. Омск, 1989.

основателями первого в России «Общества для исторических исследований» (1759 г.). Судьба историка В.В. Крестипина прослежена в работах многих российских историков¹. [35]

Экономика Архангельской губернии исследовались в трудах Антона фон Пошмана, К.С. Молчанова, А.Я. Ефименко, С.Ф. Огородникова, В.В. Берви-Флеровского и других дореволюционных историков и экономистов, а в советское время – в трудах П.М. Трофимова и П.А. Колесникова². После реформ 1860-х годов государственные (бывшие черносошные) и удельные (бывшие дворцовые) крестьяне больше всего страдали от малоземелья. Кроме того, своим хлебом, как и раньше, северяне прокормиться не могли; особое значение для них приобретали продукты, получаемые от неземледельческих промыслов. Дальнейшее развитие получило морское рыболовство. Баренцево море славилось треской и палтусом, Белое море – сельдью и навагой; высоко ценилась семга. Архангельские, мезенские и печорские зверобои расширяли традиционные промыслы тюленей и моржей, охотились на китов. Повсеместно распространена была лесная охота, а на Пинеге и Мезени превратилась в профессиональный вид крестьянского промысла. Специфический характер хозяйственной деятельности поморов получил хорошее освещение в этнографических очерках С.В. Максимова³. Постепенно в силу особых природных условий на Европейском Севере России складывается, начиная с XVI–XVII веков, особая этнографическая группа великоруссов – поморы. Собственно поморы, по мнению Т.А. Бернштам⁴, составляли во второй половине XIX начале XX века около трети населения Архангельской губернии. С 1868 года началась, как считает Т.П.

---

1. Полякова У.М. В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-х годах XVIII в. // История СССР. 1958. № 2. С. 78–102; Цветкова Л.И., Овсянников О.В. В.В. Крестинин: страницы жизни // Патриот Севера: ист.-краеведч. сб. Архангельск, 1985. С. 59–76; Куратов А.А. Архангельский историк Василий Крестинин // Отечества: краеведч. альманах. М., 1993. С. 54–74.

2. Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961; Колесников П.А. Указ. соч.

3. Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1859; др. изд.: М., 1890; Архангельск, 1984.

4. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; Она же. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв.: этнографические очерки. Л., 1983; и др.

Попов¹, «вторичная» официальная колонизация Мурмана. Процесс организованного переселения в холодные побережья Северного Ледовитого океана оказался сложным. Правительство допустило ряд ошибочных решений, разрешив расселяться на Мурмане не только русским, но и выходцам из Норвегии и Финляндии. Пришлось сдерживать по[36]ток иностранных «колонистов», организовать охрану морских промыслов от браконьеров, вести борьбу с контрабандой. Правда, ширилась приграничная поморская торговля, в процессе которой сложился особый контактный язык – руссенорск. Вместе с тем у поморов прекратился прибыльный китовый промысел, тогда как у норвежцев он процветал. Полный крах потерпело северное солеварение, исчерпало себя сахарное производство, значительно сократилось морское рыболовство. В Поморье обозначился экономический кризис, разрешить который правительство и губернская администрация оказались не в состоянии, несмотря на энергичную деятельность по «оживлению» поморской экономики таких крупных государственных чиновников, как С.Ю. Витте, некоторых архангельских губернаторов – Н.Д. Голицына, А.П. Энгельгардта, И.В. Сосновского и др. Организованные губернаторами научно-промысловые изыскания не помогли преодолеть кризис. К тому же сохранилось бесправное положение северной деревни: государственные крестьяне не освободились от мелочной опеки казны, а удельные крестьяне оставались в полной власти Удельного ведомства, несмотря на буржуазные реформы 1860-х годов и отмену крестьянских недоимок в 1905 году.

Эти факторы способствовали тому, что в крестьянской среде, особенно в удельной деревне, стало накапливаться недовольство своим положением. Скрытый протест крестьян послужил социальной почвой для народнической пропаганды, а позднее – для революционной агитации партии эсеров. Беспочвенность народнической идеологии отметила в своих трудах А.Я.

---

1. Попов Т.П., Давыдов Р.А. Мурман: очерки по истории края в XIX – начале XX веков. Екатеринбург; Архангельск, 1999.

Ефименко¹. Общественную жизнь северной деревни не поняли ни народники, ни их «продолжатели» – эсеры, ни социал-демократы. Капиталистическая модернизация крестьянской экономики, а затем социальное потрясение в ходе трех российских революций начала XX столетия вели к неизбежному краху традиционных принципов, издавна скреплявших крестьянское сообщество – волостные и сельские общества с их выборными мирскими должностями в церковно-приходском пространстве. Плодотворное изучение[37] крестьянско-православного мира на Русском Севере проведено в трудах А.В. Камкина².

Во второй половине XIX – начале XX столетий ведущей отраслью северной экономики стало лесное дело и лесопильное производство. Однако формирование промышленного пролетариата здесь было весьма специфичным: подавляющая часть рабочих лесопильных предприятий и других производств состояла из крестьян-сезонников, лишь на время становившихся рабочими, но так и не порвавших связи с родными деревнями и сохранивших там свои земельные наделы.

П.М. Трофимовым было изучено развитие лесопильного производства на Европейском Севере России. Историк-экономист пришел к выводу о росте зависимости лесного дела в Архангельской губернии от иностранного капитала: если в 1832 году иностранцам принадлежал лишь один лесозавод, то в 1912 году из 42 предприятий они владели уже 24 лесозаводами. В губернии складывалась промышленная буржуазия, способная консолидироваться в значительную социальную силу. Стремилась к организации и северные рабочие, но степень этой организации была сравнительно слабой. Значительную активность в революционной

---

1. Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях России. СПб., 1873. Вып. 1; Крестьянское землевладение на Крайнем Севере: ист. очерк // Русская мысль. 1882. Кн. 4–5; и др.

2. Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: пути и формы крестьянского общественного служения: учеб. пособие Вологда, 1990; Он же. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992; Он же. Крестьянский мир на русском Севере: материалы по истории севернорусских крестьянских сообществ XVIII века: учеб. пособие. Вологда, 1995.

пропаганде среди рабочих проявили политические ссылки, особенно ссылки социал-демократы. Социальное лицо архангельской ссылки в 1895–1905 гг. исследовано в трудах В.В. Малиновского, С.Я. Косухина и М.Н. Супруна¹.

Рабочие и крестьяне Архангельской губернии с некоторым опозданием включились в Российскую революцию 1905–1907 гг.[38] Их революционная борьба исследована в работах Е.Д. Федотовой, Л.Г. Веселова, Е.И. Овсянкина и др.².

В начале века Архангельск представлял собой заурядный губернский город, а уездные города оставались захолустными поселками, больше похожими на сельские поселки. Однако в облике северных Городов присутствовали черты, отличавшие их от большинства провинциальных городов России. Архангельск, Онега, Мезень и вновь построенный Александровск были включены в систему международной морской торговли. Кроме того, более широко открылась «дверь» в Арктику: из Архангельска выходили к плавание многие полярные экспедиции. Велись интенсивные морские изыскания. Начались масштабные инженерные порто-изыскания. В научных экспедициях Комитета для помощи поморам Русского Севера принимали участие высокообразованные интеллигенты, в том числе и политические ссылки. Значительную североведческую работу проводило Архангельское общество изучения Русского Севера (1908–1920 гг.). Развивалась крестьянская кооперация. Возникли потребительские общества. И все же научно-культурный потенциал дореволюционного Севера был востребован не полностью...

---

1. Малиновский В.В., Осипов В.О. Революционные социал-демократы 90-х годов в Архангельской ссылке, 1893-1900 гг. // Сборник историко-краеведческих статей. Архангельск, 1962. Вып. 12. С. 103-133; Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.: краткий библиогр. словарь. Вып. 1: 1895–1905 гг.: учеб. пособие. Вологда, 1989; и др.

2. Федотова Е.Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции (1905-1907). Архангельск, 1955; Веселов А.Г. «Считать полноправным...»: первые шаги Архангельского комитета РСДРП. Архангельск, 1966; Он же. Под Полярной звездой. Архангельск, 1973; Овсянкин Е.И. «Исполнять обязанности, памятуя лишь о благе и пользе России...»: депутаты Гос. Думы России первых созывов от Арханг. Губернии // Правда Севера. 1996. 7 февр.; и др.

В годы Великой (I мировой) войны резко возросло военно-политическое значение северных городов-портов, особенно Архангельска и Мурманска. Сюда устремился основной поток военных грузов из-за рубежа. В 1917 году ввоз товаров в Архангельск увеличился более чем в 27 раз!

Февраль и Октябрь 1917 года открыли новую главу в истории России и края. Архангельская губерния оказалась в роли крайней периферии, где две революции – буржуазно-демократическая и социалистическая – слились в одну, Повторив опыт Петрограда и Москвы. В условиях разгоравшейся гражданской войны режим «военного коммунизма» с продразверсткой и трудовой повинностью тяжелым бременем лег на плечи народа. Политика «военного[39] коммунизма» была, конечно, вынужденной мерой... Кое-где раздавались голоса протеста, выливавшегося в восстания (например, 20–30 июля 1918 года в Шенкурском уезде). На Архангельском Севере, как и во всей бывшей империи, произошел трагический раскол общества на «белых» и «красных», разразилась братоубийственная война одной части народа против другой, усугубленная к тому же интервенцией военных сил Антанты. История революций 1917 года и ход военных действий на архангельском и мурманском направлениях Северного фронта получили освещение в трудах Н.А. Корнатовского, Г.Е. Мымрина, М.И. Сбойчакова, М.И. Шумилова, в мемуарах М.С. Кедрова и А.А. Самойло; новую оценку военно-политической ситуации в 1917–1920 гг. дали в своих работах Е.И. Овсянкин и В.И. Голдин¹. В ходе вооруженной борьбы осенью 1919 года интервенты были вынуждены эвакуироваться, а в феврале-марте 1920 года были разбиты и белые войска.

---

1. Корнатовский Н.А. Северная контрреволюция. М., 1931; Кедров М.С. За Советский Север: личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны, 1918 г. Л., 1927; Ветошкин М.К. Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1927; Мымрин Г.Е. Октябрь на Севере. Архангельск, 1967; Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Поучительный урок. М., 1962; Самойло А.А. Две жизни. М., 1958; Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; Овсянкин Е.И. Архангельск: годы революции и военной интервенции. Архангельск, 1987; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. М., 1993; и др.

Окончание гражданской войны не привело к установлению гражданского мира. Северяне еще долго помнили о кровавом «белом терроре» (концентрационные лагеря на острове Мудьюг и в Иоканьге, расстрелы на «Мхах», режим военной диктатуры Е.К. Миллера и др.). Однако не менее кровавым был и «красный террор». Карательные функции государства диктатуры пролетариата проявлялись все с большей силой. С 1918 года появились советские концентрационные лагеря, у истоков организации которых стоял М.С. Кедров. В дальнейшем, с конца 1920-х годов, террор расширялся и набирал силу в соответствии со сталинской концепцией «обострения классовой борьбы»...

С восстановлением Советской власти на Севере стали осуществляться социалистические преобразования. Конкретные проблемы истории восстановления народного хозяйства получили отра[40]жение в трудах К.С. Ивановой и И.Н. Шороховой, опиравшихся, в основном, на документы ВКП(б) и органов Советской власти¹.

В крае начали работать научные учреждения, ориентированные на изучение природных богатств (Северная научно-промысловая экспедиция, экспедиция ВСНХ, Плавморнин и др.). В строй вступило первое советское научно-экспедиционное судно «Персей», прослужившее отечественной науке почти двадцать лет. В Архангельске был создан траловый флот. Беломорские порты и лесопильные предприятия, резко увеличив вывоз экспортной древесины и леса за рубеж, внесли большой валютный вклад в государственную казну. Была, наконец, прорвана экономическая, а затем и политическая блокада СССР.

Новая экономическая политика (нэп), введенная в стране по инициативе В.И. Ленина (1921 г.), свидетельствовала, казалось бы, о временном отступлении коммунистических идей. Однако именно в период

---

1. Иванова К.С. Борьба трудящихся Архангельской области за восстановление народного хозяйства, 1920–1925 гг. Архангельск, 1959; Шорохова И.Н. Партийная организация Архангельска, 1920–1925. М., 1993; и др.

нэпа укрепился созданный в годы войны командно-административный, бюрократический порядок хозяйствования.

С 1929 года началась «форсированная» коллективизация сельского хозяйства, было проведено массовое раскулачивание. А в следующем году было объявлено о «наступлении социализма по всему фронту». Согласно решению Москвы после ожесточенных споров был образован Северный край, искусственно объединивший 5 огромных по территории округов – Архангельский, Вологодский, Няндомский, Северодвинский и Ненецкий национальный, а также Коми автономную область – с центром в Архангельске. Это произошло после принципиального решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 января 1929 года и последовавшего после него постановления Президиума ВЦИК от 14 января того же года. Социально-экономические и политические аспекты этих решений обстоятельно исследованы в работах С.И. Шубина¹. В огромном крае стала проводиться «социалистическая» индустриализация, причем без учета мест[41]ных эколого-экономических условий. На северные стройки («гиганты индустрии») хлынула масса людей – свободных («вольнонаемных») и несвободных («административно высланных»). Трудом этих людей сооружались лесопильно-деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные комбинаты, судостроительный в Судострое (Молотовск, Северодвинск) и судоремонтно-судостроительный в Соломбале («Красная Кузница») заводы, промышленные предприятия многих других отраслей. Нельзя отрицать подвижнического участия северян в социалистических преобразованиях (социалистическое соревнование, коммунистические субботники, стахановское и ударническое движения, производственные совещания, участие в выборах в центральные и местные органы Советской власти и т.д.).

---

1. Шубин С.И. Архангельские оппортунисты: из истории регионализма в годы Нэпа // Холодный дом России: док., исслед., размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / ред.-сост. С.И. Шубин. Архангельск, 1996. С. 52–62; Он же. Лес закрыл людей: Северному краю исполнилось бы в этом году 70 лет // Правда Севера. 1999. 24 февр.; и др.

В ходе «культурной революции» северяне вполне осознанно претворяли в жизнь партийные указания по борьбе с неграмотностью, выполнению планов «всеобуча», антирелигиозной пропаганды и другим направлениям «культурного строительства». Появились высшие учебные заведения – АЛТИ (АГТУ), АГМИ (СГМУ) и АГПИ (ПГУ). Тысячи вчерашних рабочих и крестьян приобщались к обновленным сферам образования, здравоохранения, науки и культуры. С искренним энтузиазмом северяне участвовали в осуществлении «сталинского плана» покорения Советской Арктики, в освоении Северного морского пути...

В 1936 году территория Северного края распалась на ряд областей. Недолго, около года, просуществовала Северная область, из состава которой 23 сентября 1937 года выделилась Архангельская область.

В 1930-х годах по стране прокатилась волна репрессий, усилившаяся в трагическом 1937... К этому времени было завершено создание огромной сети ГУЛАГа. В тюрьмах и лагерях томились сотни тысяч (Соловецкие лагеря особого назначения, Вайгачская экспедиция, Кулойлаг, Каршпольлаг, Печорлаг, Ягринлаг и др.). Тысячи северян – коммунистов и беспартийных – погибли в застенках ВЧК-ОГПУ-НКВД. Новый советский менталитет строился на культе личности И.В. Сталина. Истории ГУЛАГа на Севере посвящены работы М.В. Буторина и В.А. Митина¹. [42]

Участие северян в Великой Отечественной войне освещено в трудах Ю.Н. Кучепатова, Е.И. Овсянкина, М.Н. Супруна и др.². Свыше 90 северян были удостоены звания Героя Советского Союза, около 140 тысяч жителей области награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 11 тысяч – медалью «За оборону Советского Заполярья».

---

1. ГУЛАГ на Севере / сост. М. В. Буторин, А.В. Сметанин. Архангельск, 1991.

2. Кучепатов Ю.Н. Огненные мили: очерки истории транспортного флота Северного морского бассейна в годы Великой Отечественной войны. Архангельск, 1972; Овсянкин Е.И. Наш край в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Наш край в истории СССР: учеб. пособие. Архангельск, 1979. С. 164–179; Он же. Поединок в северной тайге. Архангельск, 1969; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М., 1997; и др.

Первые пять лет после войны были трудными. Северяне помогали в подъеме экономики на территориях, подвергавшихся временной оккупации. Экономика области развивалась, как и раньше, по партийным директивам. Регулярно собиравшиеся после 1952 года съезды КПСС (с XIX по XXVIII) определяли «основные направления» планового развития народного хозяйства СССР на очередные пятилетки (с 4-го пятилетнего плана 1946–1950 гг. до 11-го, незавершенного, 1981–1986 гг.). Советское правительство укрепляло обороноспособность СССР: строились надводные и подводные корабли в Северодвинске («Севмашпредприятие»; предприятие «Звездочка»); началось сооружение ракетного полигона в Нецоксе (Центральный государственный научно-исследовательский испытательный полигон ВМФ МО РФ); шло строительство Иовоземельского (Северного) ядерного полигона; создавалась ракетная база в Плесецке (космодром «Плесецк»). Таким образом, на Архангельском Севере создавался мощный военно-промышленный комплекс, оправдавший себя как надежный оборонный щит страны.

Значительных успехов в социально-экономическом и культурном развитии Архангельская область добилась в период, когда партийную организацию региона возглавлял Б.В. Попов, а председателем Архангельского облисполкома был В.М. Третьяков. Как впоследствии вспоминал Виктор Михайлович, главными достижениями были: структурная перестройка экономики области; расширение объемов геологоразведочных работ; открытия месторождений нефти, газа, алмазов и бокситов; создание мощной энергетической системы; преобразования в лесопромышленном комплексе; переход на промышленное производство сельскохозяйственной продукции; ускорение темпов научно-технической революции; развитие сети телевидения; качественное улучшение культуры, науки, образования и здравоохранения и т.д.

Однако в середине 1980-х годов наступили перемены в жизни страны. Административно-командная система хозяйствования стала изживать себя. В

экономике наметилась тревожные факторы застоя. Эти кризисные явления еще не стали предметом специального изучения экономистами, например, авторами книги А.А. Валита и Б.В. Москвина «Развитие производительных сил Архангельской области» (Архангельск, 1981). Осмысление экономического кризиса пришло позднее, когда появились аналитические работы А. В. Сметанина (1995 г.), Ю.Ф. Лукина (1997 г.), А.А. Дрегало и В. И. Ульяновского (1997 г.)¹. В обществе накапливалось недовольство, росла духовно-нравственная оппозиция идеологическому официозу, усилилось диссидентско-правозащитное движение...

Период «перестройки» (1985/1991 гг.) и демократических реформ (с 1991 г.) еще не получил взвешенной оценки у современных историков, однако очевидно, что целый ряд социально-экономических, политических и культурных процессов существенно изменил постсоветское общество.

С распадом СССР (декабрь 1991 года) Россия начала собственный поиск выхода из состояния кризиса. Однако реформы 1992–1993 годов («ваучеризация», изменения в налоговой системе и др.) не остановили спад экономики: в 1993 году он составил в промышленности 12,3%, в сельском хозяйстве – 9%. На фоне имущественной дифференциации и появления прослойки состоятельных людей («новые русские») нарастало обнищание значительной части населения. Обострилась криминальная ситуация. События в Москве в октябре 1993 года вызвали дальнейшую поляризацию общества. В условиях формирования новой центральной и местной[44] бюрократии страна пришла к президентской форме правления (Конституция Российской Федерации 1993 года) и Исполнительной власти «губернаторов» в регионах. Тяжелым бременем на экономику страны и края легли войны в Афганистане и Чечне. Как и во всей России, на Архангельском Севере приметой времени стали забастовки и пикеты трудящихся с требованиями о

---

1. Сметанин А.В. Архангельская область: проблемы и направления реформирования экономики. Архангельск, 1995; Лукин Ю.Ф. Архангельская область: экономика и политика на пороге XXI века. Архангельск, 1997; Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Регион: диагностика социального пространства. Архангельск, 1997.

повышении жизненного уровня. В марте 1997 года архангелогородцы и жители области участвовали во всероссийской акции протеста «За труд, социальные гарантии, заработную плату»; подобная акция состоялась в апреле 1998 года; северное учительство бастовало в течение нескольких месяцев – ноября 1998 года по январь 1999 года... Социальный кризис еще более усилился после финансового «обвала» 17 августа 1998 года.

В администрации Архангельской области была разработана антикризисная программа. На XXVII Ломоносовских чтениях в Архангельске (19–21 ноября 1998 года) прозвучал проект региональной программы «Научно-техническая инновационная политика Архангельской области на 1999–2000 годы».

Пройдет время, и события, которые происходят сегодня на Архангельской земле, станут еще одной страницей ее истории – предметом пристального внимания исследователей. История нашего Поморья не завершается трудными десятилетиями конца XX столетия, в XXI веке, открывающем III тысячелетие, северян ждет нелегкая созидательная работа и ее честная оценка в трудах будущих историков. Проблемы, поднятые в этой статье, нашли освещение в первом томе Поморской энциклопедии «История Архангельского Севера» (2001 г.).

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКА*

Четырехсотлетняя история Архангельска вобрала в себя немало славных и памятных событий, органично и неразрывно связанных с историей нашего государства.[45]

В отечественной историографии давно поставлен вопрос о времени и причинах возникновения города на Северной Двине¹. Трудность в решении этой проблемы заключалась в том, что письменные источники по ранней истории Архангельска фрагментарны и в значительной мере утрачены, а те первоисточники, которые были в разное время археографически обработаны и изданы, не получили обобщенной оценки исследователей. Некоторые из авторов порой ошибались в прочтении документов. Приведем характерный пример. В работах по истории Архангельска неизменно приводится текст грамоты царя Ивана IV двинским воеводам о строительстве города от 4 марта 1583 г.: «...Город делати на том месте и по той мере, по росписи и чертежу, какову есте роспись и чертеж к вам прислали...»². Правильнее же читать: «к нам прислали»!.. Палеографическая ошибка была допущена видным историком Севера С.Ф. Огородниковым³ и затем повторена позднейшими исследователями, доверившимися авторитету и пренебрегшими первоисточником⁴.

---

* Впервые опубликовано: Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. К 400-летию Архангельска: метод, рекомендации для студ. Архангельск. 1984.

1. Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском; СПб., 1792; Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890; Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Сборник историко-краеведческих статей: ученые записки / АГПИ им. М.В. Ломоносова. Архангельск. 1984. Вып. 16; Его же. Первый морской порт России // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 23–28; Архангельск, 1584–1984. Архангельск, 1984 и др.

2. Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска. С. 177.

3. Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 48.

4. Акты археографической экспедиции. № 318. С. 380.

В литературе приводились различные даты возникновения Архангельска – 1582¹, 1583², 1584³, 1585⁴ и 1587 гг.⁵ Однако следует[46] отметить, что большинство исследователей все же склоняются к 1584 году как истинной дате основания города Архангельска. Необходимо пояснить содержание понятия «город». В средневековой Руси термин «город» относился исключительно к военному укреплению, к деревянной или каменной крепости⁶. Ремесленно-торговое население сосредотачивалось в посадах, а на Севере они, как правило, не укреплялись. В Архангельске были учреждены и построены деревянная крепость-город (1584 г.) и посад (1587 г.) Соединение двух компонентов в конце концов образовало город в нашем понимании этого слова.

Свидетельство «Двинского летописца», впервые изданного Г.Ф. Миллером⁷, было подтверждено В.В. Крестининым, опубликовавшим грамоту царя Михаила Федоровича 1613 г., где, в частности, говорилось о том, что город на Двине был поставлен «для корабельной пристани»⁸. Таким образом, выясняется одна из причин возникновения Архангельска – необходимость защиты морского торгового с зарубежными странами. Мы склонны поддерживать мнение Ю.К. Новожилова о наличии целого комплекса причин, вызвавшего к жизни новый город, причем определяющей причиной было дальнейшее развитие экономики (ремесла, промыслов, земледелия, торговли) и социальных отношений в стране, рост производительных сил на Севере России, а также и другие причины: «заинтересованность русского правительства в установлении тесных

---

1. Год приезда на Двину воевод П.А. Нащокина и А.Н. Залешанина-Волохова. – См.: Русская историческая библиотека. Т. 25, 161. С. 87.

2. Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908. № 11. С. 87.

3. Поли. собр. рус. летописей. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 169; Новожилов Ю.К. Указ. соч. С. 178 (тезис автора: «Дата основания Архангельска 1584 г. – не подлежит никакому сомнению»).

4. Ушаков И.Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период, Мурманск, 1972. С. 78.

5. Дата основания Новохолмогорского посада. – А.К.

6. Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 21–35.

7. Миллер Г. Ф. Опыт трудов Вольного Российского собрания при Московском университете. Ч. I. М., 1774.

8. Крестинин В.В. Указ. соч. С. 157.

культурных связей со странами Западной Европы, отражение интересов русского купечества, потеря Нарвы и пр.»¹.

Документы свидетельствуют о том, что воеводы П.А. Нащокин² и А.Н. Залешанин-Волохов³ приехали на Двину по заданию правительства в 1582 году. Присылка воевод была не случайным решением царя Ивана IV. В это время на Севере создается целая система оборонительных сооружений – деревянные крепости на Соловках (1578 г.), в Суме (1582–1583 гг.), в Коле (1583 г.) и т.д. Эту линию крепостей возглавил грандиозный каменный кремль Соловецкого монастыря (1584–1594 гг.). Укрепление обороноспособности северного Поморья оказалось своевременным. В 1582 году датский король Фредерик II направил к северным берегам России галерную флотилию Э. Мунка с предписанием нести корсарскую службу на торговых магистралях. Тогда же, в 1582 году, одно из голландских торговых судов под командованием К. Янсона было вынуждено спасаться бегством от датских пиратов. Судно голландских негоциантов бросило якорь у Пур-Наволока, около строений древнего Архангело-Михайловского монастыря⁴. Примеру голландцев последовали и другие иноземные «гости»...

Здесь уместно привести небольшую справку об истории торговых сношений России со странами Западной Европы. К 1582 году исполнилось почти тридцать лет внешнеторговых связей Русского государства с Англией и Голландией.

---

1. Новожилов Ю.К. Указ. соч. С. 195.

2. Нащокин Петр Афанасьевич – двинской воевода в 1582-1584 гг., знаток инженерно-фортификационного дела. Участник Ливонской войны. – См.: Поли. собр. рус. летописей. Т. 33. С. 150, 169; Коньков Н.Л., Устиновский В. Основатели Архангельска // Правда Севера. 1970. 31 июля.

3. Залешанин-Волохов Алексей Никифорович (1541–1590-е гг.) – уроженец города Суздаля, числился в «Тысяцкой книге» среди боярских детей (1550 г.); новик (1556); согласно «Разрядной книге», участник похода царя Ивана IV на крымского хана Девлет-Гирея, в походе командовал 500 стрельцами-пермичами. Второй двинской воевода (1582–1584); после окончания строительства нового Архангельского города «сезжают» к Москве (28 июня 1584 года). Участник «Ругодиевского похода» (1590), после поражения 20-тысячного корпуса Густава Баренса он был назначен головой захваченного у врагов Ям-города. – См.: Поли. собр. рус. летописей. Т. 33. С. 150, 169; Веселовский С.Б. Ономастикой. М.: Наука, 1974. С. 71. 119; Коньков Н, Устиновский В. Указ. соч.

4. Русское историческое общество. СПб., 1902. Т. 116. С. 55.

Путь из Поморья в Норвегию и Западную Европу был давно известен русским людям. Еще к XIV веку относятся плаванья Амоса Коровинича вокруг Скандинавского полуострова на Балтику. В XV веке поморы совершили несколько дальних морских экспедиций из Белого моря в западном и восточном направлениях (плаванья Ивана Новгородца). В «Записках о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна сообщались интересные сведения о плавании в 1496[48] году русского дипломата Григория Истома северными морями в Данию. Трижды плавал в Норвегию и Данию во время княжения Василия III Дмитрий Герасимов. В конце XV – начале XVI вв. в странах Западной Европы пробуждается интерес к изучению возможностей проникновения в Китай и Индию северо-восточным морским путем. Не последнее место в планах английских, голландских и других купцов занимала Россия как возможный объект для колониального захвата. В мае 1553 года была снаряжена английская экспедиция Х. Уиллоуби в составе трех кораблей. Названия судов – «Добрая надежда», «Благое упование» и «Эдуард – благое предприятие» – выражали одновременно и веру в благополучный исход предприятия, и страх перед неизвестностью. В пути флотилия разделилась: два корабля под командованием Уиллоуби и Джерфорта пошли к Мурманскому берегу, где во время зимовки погибли, а третий корабль, «Эдуард – благое предприятие», благополучно прибыл в Никольское русло Северной Двины. Капитан корабля Ричард Ченслер, названный в русских источниках «королевским рыцартом», побывал в Москве и был принят с почетом царем Иваном IV. В 1554 году Р. Ченслер отправился на родину с царской грамотой о готовности России завязать торговые и дипломатические отношения с Англией. В 1555 году Р. Ченслер совершает свое второе плавание в Россию по заданию только что созданной «Московской компании». В Москве был заключен договор, по которому англичане получили право на беспошлинную торговлю в русских городах; складочным местом и главным торгом в этом договоре были названы Холмогоры. В 1556 году Ченслер отбыл из России в сопровождении русского

посла О.Г. Непеи. В составе каравана судов были четыре русских корабля с товарами. У берегов Англии посольские корабли попали в шторм, при этом Р. Ченслер погиб, а русский посол спасся и благополучно добрался до Лондона. Так завязались англо-русские отношения.

Несколько позднее, в 1557 году, обширную торговлю с Россией завязала и Голландия, главный конкурент феодально-купеческой Англии на мировых рынках. С тех пор ежегодно в устье Северной Двины приходили иноземные торговые суда. Однако, уже тогда морские суда с большим риском поднимались по мелководью до Холмогор, удалённых от Студеного моря на 120 верст. Тогда стали перегружать товары на речные плоскодонные суда на временных причалах у стен Николо-Карельского монастыря, но такая перегрузка была невыгодной для купцов. Встал вопрос о подыскании[49] более удобной стоянки для морских судов. Такая гавань была, наконец, найдена у Пур-Наволока. Решение о строительстве «государевой корабельной пристани» и деревянной крепости около нее было принято правительством только в 1582 году.

Воеводы П.А. Нащокин и А.Н. Залешанин-Волохов приступили к строительству города, вероятно, весной 1583 года. Первое упоминание о нем как о существующем содержится в документах в связи с посольской миссией З.М. Болтина, посланного Иваном IV для встречи английского дипломата Джерома Боуса. Английский посол прибыл на Двину вместе с возвратившимся из Англии русским послом Ф. Писемским. Д. Боус был задержан двинскими воеводами в Холмогорах до изъявления «государевой воли». З.М. Болтин должен был извиниться перед обиженным английским посланником за действия воевод. В путевой грамоте читаем: «...А Захарье (З.М. Болтину), взяв посла у Еремея человека, да ехати в Новгородок, а, приехав, говорит от государя Петру Нащокину да Залешанину-Вохолову...»¹. Надо полагать, что Захарий Михайлович Болтин передал царский выговор

---

1. Русское историческое общество Т. 38. С. 75; Чтения в О-ве любителей ист. и древностей Российских. 1884. Кн. 4. Отд. 3. С. 45–105.

воеводам в самых энергичных выражениях... Следует обратить внимание на то, как в путевой грамоте царя назван будущий Архангельск – «Новошродок». Тот же урбоним мы находим в другом документе, составленном, вероятно, тогда же, в пору приезда З.М. Болтина на Двину. Кстати, документ этот был обнаружен А.Г. Темпом в Государственном архиве Архангельской области. Летом 1584 года один из воевод, А.Н. Залешанин-Волохов, стал собираться к отъезду в Москву. Им составляется данная (дарительная) грамота, согласно которой Алексей Никифорович подарил Архангело-Михайловскому монастырю «двор свой на низу у нового города»¹. Грамота датирована 28 июня 1584 года. Вполне очевидно, что к этому времени строительство деревянной крепости – «Новгородка», «Нового города» – было завершено.

Вместе с крепостью была сооружена и «государева корабельная пристань», о чем свидетельствовала отпись сотника И. Федорова от 28 декабря 1584 года: «... и в челобитье государева воеводы Залешанина Никифоровича, что оставил казаков от города, да что[50] наняли ратного казака к городу на три месяца да в перестой ратных казаков, что настояли у морской пристани»².

При новом воеводе, П. Чередове, были построены деревянные гостиные двory и амбары. 13 июня 1585 года сотник Ф. Харлов дал отпись в получении с Егорьевской земли денежных сборов на разные расходы, в том числе «в наем на два месяца плотником и посошным людем, двенадцати человека, что у города гостины дво-ры и амбары ставят...»³.

Как видно из писцовых книг 1622–1624 гг. («письмам и мерам» Мирона Вельяминова «с товарищи»)⁴, Архангельск представлял собой деревянную, рубленную «в две стены» крепость. В город вели трое ворот – Архангельские, Воскресенские и Покровские. Ворота находились в башнях.

---

1. Гос. архив Арханг. обл. (ГААО). Ф. 1908. Оп. 2. Д. 18.

2. Русская историческая библиотека. СПб., 1808. Т. 25.165. С. 103–105.

3 Русская историческая библиотека. СПб., 1808. Т. 25.165. С. 111.

4. Двинской летописец: пространная редакция // Полн. собр. рус. летописей. Т. 33. С. 153.

К реке выходили «водяные» Покровские ворота. Остальные четыре башни – Спасская, Вознесенская, Северская и Рождественская – были «глухими» (без ворот) и стояли по углам крепости. Крепостная стена состояла из 204 «городен» и тянулась по периметру на 417 сажень. Вокруг города был построен «острог на иглах», усиливавший оборонительную линию крепости. Перед острогом находился ров шириной 4,5 сажени, глубиной 2 сажени, в котором стоял тын из врытых наклонно бревен, заостренный кверху. Таким образом, «Архангельский город», или «Новгородок», состоял из двух строительных комплексов – внешнего острога и деревянного «города». На стенах и в воротных башнях были установлены двадцать пять стволов «пушечного наряда»¹. Внутри крепости был выстроен бревенчатый «зелейный двор», на месте которого в 1647 году была воздвигнута пороховая каменная палатка². Город-крепость обслуживали двести стрельцов, переведенные из Холмогор.

В 1587 году был образован Новохолмогорский посад. Посад был действительно новым, так как, согласно указу царя Федора Ивано[51]вича от 12 февраля 1587 года, к Архангельскому городу были переселены 133 крестьянских и посадских семейства из разных сел и посадов Нижнего Подвинья. Первые жители посада (с указанием мест, откуда они были переселены): Иван Иванов сын Косицына (Холмогоры, посад «с верхние половины»), Степанко Фролова сын, Нестерко Яковлев (Холмогоры, посад Глиники), Сенка Борисов сын Гольцова (Холмогоры, посад Курцово), Гришка Никифоров сын Овцына (Холмогоры, посад «с нижние половины»), Гаврилка Дмитриев (Кулой), Гришка Заслонов, Юшка Мансуров (Уна, Луда), Нечайка Негодяев (Куростров, Ровдино), Иванка Киприянов (Матигоры, Быстрокурье), Гришка Иванов сын Ивашева (Волок Пенежский), Аксенка Афанасьев (Покровский приход), Яков Якимов сын Ортемьева (Емецкий

---

1. Овсянников О.В. Оборонительные сооружения северорусских городов (Архангельск. Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) // Летопись Севера. М., 1972. Т. VI. С. 212–216.

2. Центр, гос. архив древних актов (ЦГАДА). Поместный приказ. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 1–12; Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. С. 24–26.

стан, Никольский приход), Васька Терентьев сын Подкосова (Хаврогоры), Михалка Обросимова сын, Иванка Дерягин (Сия, Челмохта), Давышка Васильев сын Микитина (Ракула), Ших Антонов сын Максимова (Ухтоостров), Пантелейка Иванов сын Ильина (Великокурье), Нечайка Тимофеев сын Банева (Койдокурье), Истомка Яковлев сын Беляева (Княжостров), Парфенка Афанасьев сын Наваликашина (Листостров, Заостровье), Васька Онтуфьев сын Котельникова, Антонка Копытов, Лучка Никифоров сын Земнина, Игнатий – молодые бояре, Сухан Пифанов (Вознесенье, Мудьюга, Лодьма) «с товарищи», т.е. с другими людьми. Таким образом, в новый городской посад были переселены крестьяне и посадские люди едва ли не из всех населенных пунктов Нижнего Подвинья. «Переведенцам» была дана грамота на пять лет с льготой «жить безоброчно» с тем, Чтобы они за это время «дворы себе» могли «поставить и огородити, и жити им на посаде в Новом Колмогорском городе торговати...»¹.

Жителям Новохолмогорского посада пришлось тяжело, а стало совсем лихо, когда по истечении пяти льготных лет посадских людей заставили платить «государев бор». Посадские ответили массовым бегством. Уже в 1596 году в посадском селении осталось 96 семейств, «а 34 человека померли, а иные от податей разбрелись розно». А в 1613 году в посаде осталось всего 30 семейств². «Долго ли они (посадские люди. – А.К.) к сему новому роду жизни привыкали?» – спросил себя историограф Архангельска В.В. Крести[52]нин и лаконично ответил: «Более тридцати лет...». Однако в течение всего XVII века Архангельский посад значительно уступал Холмогорским посадам в ремесленном производстве и в товарообороте внутри Двинского уезда и в целом в рамках складывающегося внутреннего рынка страны³. Архангельск был прежде всего военной крепостью и морским портом, через который шла вся внешняя торговля России через Белое море. А

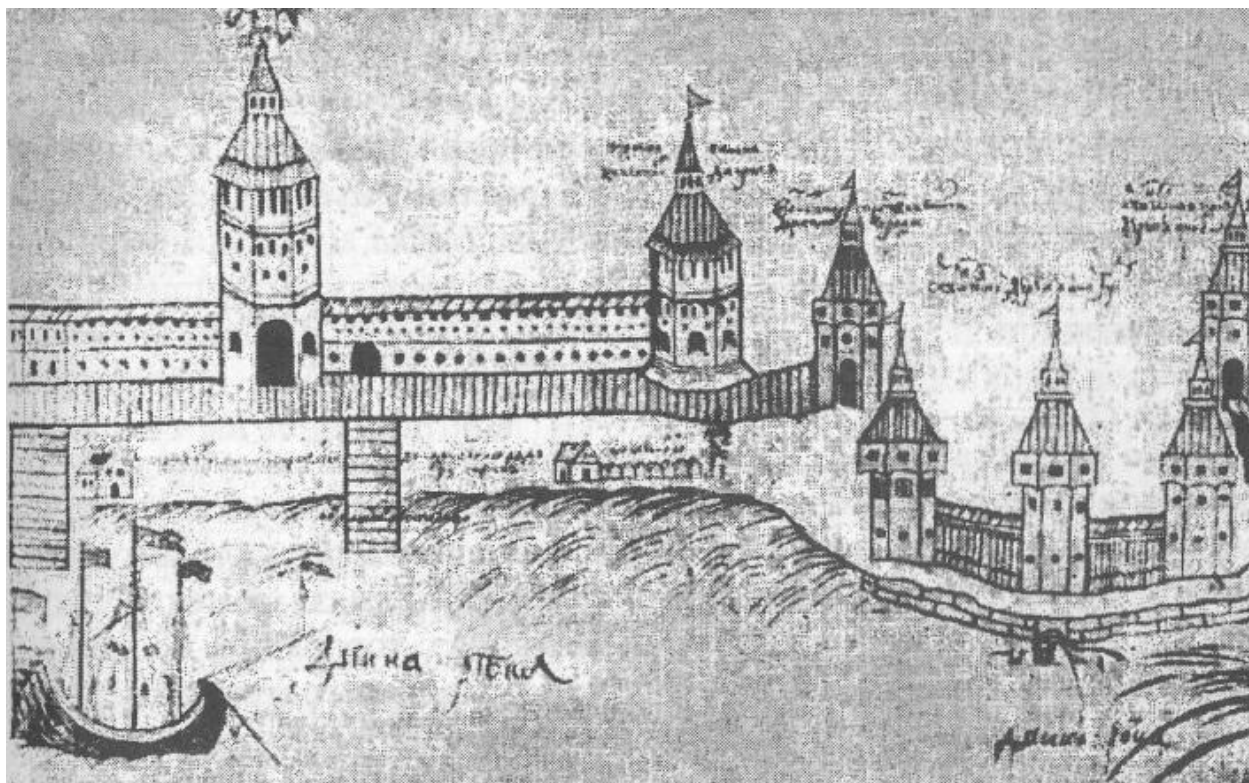
---

1. Крестинин В.В. Указ. соч. С. 162-165.

2. Там же С. 169.

3. Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970 Вып. I. С. 197-211.

в конце XVII – начале XVIII в. внешнеторговая роль Архангельска вырастает в связи с тем, что город был единственным морским портом России, вплоть до выхода «россиян» на рижское взморье и до основания в 1703 году Санкт-Петербурга¹. Холмогоры к этому времени окончательно уступили лавры первенства молодому Архангельску. В Архангельском городе сосредотачиваются органы военно-административного, гражданского и судебного управления огромного северного края.

Вид города Архангельска в конце XVII в.[53]

Документы (1553–1613 гг.)

1. *Холмогорская летопись
о приходе в устье С. Двины корабля
Р. Ченслера. 1553 г.*

Того же лета (7061) 24 августа прииде корабль по морю на усть Двины реки, и обослався, приехали на Колмогоры в малых судех и нарекся послом от аглинского короля Едварда... И приказщик царя великого князя, и земские

---

1. Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875.

судьи, Филип Родивонов, да Фофан Макаров с товарищи, обослався к царю великому князю о немецких гостех, и введоша корабль на зимовье в Унскую губу лета 7062-го октября. Посол же именем Рыцарт¹ и с ним гости приидоша. И поехал посол Рыцарт к царю великому князю бити челом ноября 23 день, чтоб их царь князь великий пожалова, велел бы им ходити во свое царство с торгом. И царь князь велики посла королевского Аглинские земли пожаловал, Рыцарта с товарищи, велел им ходити с торгом безопасно и дворы им велел ставити и покупати. Тое же зимы марта 15 отпустил царь князь великий посла аглинского Рыцарта с Москвы. Он же приехал на Двину и зимова у кораблей, и на весну отыде во свою землю. (*Холмогорская летопись. Полн. собр. рус. летописей. Т. 33. Л.: Наука, 1977, с. 137-138*).

2. *Двинской летописец (Краткая редакция)*
о приходе в устье С. Двины корабля
Р. Ченслера. 1553 г.

Того же лета (7061) прииде корабль по морю на усть Двины реки, и обослався, приехали на Колмогоры в малых судех, и нарекся послом от англинского короля Едварда, прииход к великому князю (государю). И приказщики царя и великого князя, земские судьи Филип Родионов да Иван (Фофан) Макаров с товарищи, обослався к (государю) царю и великому князю о немецких гостех, и введоша корабль на зимование в Унскую губу лета 7062-е октября месяца. Посол же, именем Рыцарт, а с ним гости приидоша, и поехал посол, Рыцарт (к) царю и великому князю бити челом ноября в 23[54] день, чтоб их царь князь великий пожаловал, велел бы им ходить во свое царство с торгом. И царь и великий князь посла королевского Аглинские земли пожаловал, велел им ходить с торгом безопасно и дома

---

1. Ричард Ченслер (ум. 1556) – английский мореплаватель. – См.: Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны / пер. с англ. Ю.В. Готье // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 55–66.

(дворы) им велел ставить и покупать, Тое же зимы марта в 15 день отпустил царь и великий князь посла аглинского Рыцера. С Москвы он приехал на Двину, и зимовал у кораблей, и на весну отиде во свою землю. *(Двинской летописец. Краткая редакция. – Там же. С. 150).*

*3. Холмогорская летопись о гибели экипажей
двух английских судов Уиллоуби¹ и Джерфорта²,
спутников Р. Ченслера. 1555 г.*

Тое ж зимы весть великому князю от заморские корелы, сказали, что нашли они на Мурманском мори два корабля, стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, а товару, сказал, на них много. И Царь князь великий приказа на Двину намеснику князю Семёну Ивановичу Микулинскому, а велел ему послати людей лутчих двинян в лодьях к тем кораблем и, переписав товар, велел привести на Двину на Колмогоры. Князь же Микулинский послал в лодьях на Мурманское море к кораблем людей с Колмогор, Фофана Макарова, да Михаила Косицына, да Онфилофья Посольского, да Емельяна Епихова. Они же, шед в кораблех, товар переписав, взяли пушки, и пищали, и снасть корабленную и привезоша на Колмогоры. Князь же Семен Микулинский переписав весь быт корабленный и запечатоша. Того ж году на весну, июня 23, приде корабль на усть Двины, посол Рыцерт со многими гостями. Того ж лета и суды наймовали на Колмогорах, и товар ис кораблей взяв, и к Вологде поидоша... в лето 7067-го... поехоша к Москве октября 7 на подводах. Тое же зимы пожаловал царь князь великой аглинских гостей, Вычегрея³ с товарищи, велел им отдати

---

1. Уиллоуби Хью (ум. 1554) – английский мореплаватель, начальник экспедиции 1553 г.– См. Уиллоуби Х. Записка о путешествии 1553 г. / пер. с англ. Ю.В. Готье. С, 41–46.

2. Джерфорт – капитан одного из судов экспедиции 1553 г. под руководством Х. Уиллоуби. Там же. С. 41–46.

3. Рычегрей. – См. краткую редакцию Двинского летописца: Полн. собр. рус. летописей, Т. 33. С. 150.

товар и рухлядь мертвых кораблей. Они ж приехав и взяша... (*Холмогорская летопись. Там же. С. 138*).[55]

4. *Двинской летописец (Краткая редакция) о первом русском посольстве в Англию. 1556 г.*

О после. В лето 7064-е. Царь и великий князь послал посла своего Осипа Непею¹, а с ним гостей послал, Феофана Макарова да Михаила Григорьева в Немецкую в Аглинскую землю на корабле морем, а итти с Двины на немецких кораблех с товары. Они же поидоша июля в 23 день. (*Двинской летописец. Краткая редакция. Там же. С. 150*).

5. *Отпись сотника Степана Миронова в получении с Егорьевской земли на Лодье денег на городовое дело, а равно и других сборов. 30 сентября 1582 года.*

Се яз сотник Андреяновской Степан Миронов взял есми у Авдокима Лукина сына да у Антипы Сысоева с Егорьевской земли с пяти вервей² с четвертью, по десяти денег с веревки, в городовое дело и Петра Афонасьевича Нащекина протори в приезд и корм (т. е. расходы по приезде на Двину. – А.К.), и в поминки. И отпись дал. На то послуши (свидетели. – А.К.): Микифор Яковлев сын. Отпись писал Вознесенской дьячок Симанко Иванов Рагозин. Лета 7091 (1582) сентября в 30 день. (*Акты Холмогорской и Двинской епархий. Ч. 2. Рус. ист. библика. Т. XIV. СПб., 1894; Акты Лодомской церкви Архангельской епархии, СХП, с 87*).

---

1. Осип Григорьевич Непея (Непеин, Непея Григорьевич Вологжанин) (1520-е–1570). См.: Веселовский С.Б. Ономастикой. С. 218; Коньков Н.Л. Первый русский посол в Англии Осип Непея // *Моряк Севера*. 1968. 30 авг., 3, 6 сент.

2. Старая «веревная земельная мера» определялась в 256 квадратных сажений, делилась на четыре части по веревкам длиною в 64 сажени; полчети – 32 сажени и т. д. Таким образом, веревка составляла четвертую часть веревной единицы измерения пахотной или сенокосной земли; равная «чети земли», она составляла площадь земли в 64 квадратных сажений. – См.: Елизаровский И.А. Лексика Беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. С. 53.

*6. Двинской летописец (Краткая редакция)
о строительстве города Архангельска. 1584 г.*

В лето 7092-е. Приехали с Москвы воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин Никифоров сын Волохов, и Архангельской город деревянный поставили одним годом на Пурнаволоке над[56] Двиною рекою за тридцать верст от устья той Двины реки. И поставили город круг Архангельского монастыря и съехали к Москве. И после того присланы на Двину приказные люди дети боярские. *(Двинской летописец. Краткая редакция. Там же. С. 150).*

*7. Двинской летописец (Пространная редакция)
о строительстве города Архангельска. 1584 г.*

О воеводских приездах на Двину. В лето 7092¹. Приехали с Москвы на Двину воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин сын Волохов и Архангельской город деревянной поставили одним годом на Пур наволоке над Двиною рекою, за тридцать верст от устья, той Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря, и съехали к Москве. И после того присланы на Двину приказные люди дети боярские. *(Двинской летописец. Пространная редакция. Там же. С. 169).*

*8. Грамота Ивана IV двинским воеводам П.А. Нащокину
и А.Н. Залешанину-Волохову о строительстве
Архангельского города, 4 марта 1583 года.*

Список (копия. – А.К.) с государевой грамоты слово в слово.

---

1. Библиотека Академии наук – II – дополнено: «О Зачатии города Архангельского» – надпись на полях столбца. – А.К.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии воеводе нашему Петру Офанасьевичу Нащекину да Залешанину Микифоровичу Волохову¹. Писали есте к нам о двинском о городовом деле и роспись и чертеж тому городу к нам прислали, и мы росписи вычли и чертежу смотрили, и указали поставити город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и чертежу написано. А Архангилскому монастырю церкви и кельем указать есми им быти в городе, а которые их монастырские службы и дворы, их служни и всякие монастырские обиходы, и тем службам и дворам и всяким монастырским обиходам указали есте быти за городом. А что монастырские земли отойдет под город и к городу и под посады и для животинного выпуску и для всяких городских нужд, и против тое монастырские земли в обмен указали есмя к монастырю дати пашенные земли столько же четвертей или десятин, что у них отойдет под город и к городу.[57]

И как к вам ся паша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех, теми посошными людьми, которую посоху к тому к городовому делу есмя указали. А монастырю Архангилскому и церковь и кельи из города бы есте носить не велели, а которые их службы монастырские и служные дворы и монастырские всякие обиходы, опричь келей, из города велели выносить и указали под те монастырские службы и под дворы и подо всякие монастырские обиходы место за городом где пригоже. А что какие монастырские земли отошло под город и к городу, под посады и на выпуск, и вы б сместили да по своей смете велели двинским земским судьям и старостам и целовальникам к Архангилскому монастырю отделите из черных земель то же число четвертей или десятин, сколько отойдет их монастырские земли под город и к городу. И что им против того отделите, и что с тое земли, что им против того отделите,

---

1. А.Н. Волохов; имя воеводы – Алексей – впервые установлено А.Г. Гемпом // Правда Севера. 1968. 17 мая.

в год шло всяких доходов каких порознь, и вы б то все велели написати в книги подлинно, порознь, да те книги, за поповыми и за дьяконовыми и за земских людей и за старостинами и за целовальниками и за лугчих людей руками, прислали к нам на Москву, в наш в Дворовый Большой приход, к дьякам нашим к Ондрею Арцыбашеву да к Семейке к Сумарокову. А которые будет их монастырские всякие угодыя и рыбные ловли под монастырем, и вы б тех их угодей и рыбных с ловель на нас у монастыря не отписывали. А о наряде о городовом и о железе указ вам учиним часа того. Писан на Москве лета 7091-го марта в 4 день. *(Опубликовано: Акты археогр. экспедиции. Т. I. СПб., 1836, с. 380, № 318. Выверено по копии, хранящейся в Центр, гос. архив древн. актов).*

9. *Запись («данная», дарительная) о передаче в дар
Михаило-Архангельскому монастырю двора с жилыми
и хозяйственными постройками от Алексея Никифоровича
Залешанина-Волохова. 28 июня 1584 года.
(Грамота открыта Алексеем Германовичем Гемпом).*

Се яз Алексей прозвище Залешанин Никифоров сын Волохова дал есми Покрова Пречистой богородицы архистратига Михаила монастырь игумену Йасафу да старцу келарю Герасиму да старцу казначею Нилу и яже их всей братьи Архангилскому монастырю или по них игумен или келарь или казначей с братею в том монастыре будет, что стоит на низу на Двине на реке в Новом городе. Двор свой на низу у Нового города над Двиною рекою подле Пет[58]рова двора Афанасьевича Нащокина с верхнюю сторону поставленье мое Залешаниново. А дал есми тот свой двор в монастырь в поминанье по своих родителей и по своей душе и по жене своей Мавре и по своим детех в дернь без отиимки (в собственность навсегда. – А.К.) А во дворе хоромах горница стоит с подклетом да повалыша с подклетом да между горницею и повалышею сени с подклетом, да у ворот изба, а перед избою сени да мыльно

с сенцами. Да на дворе ж две клетки да ледник с надпогребицею да мшаник, а на нем клеть да поварня естовная и пивоварная да два тщаны пивные да корыто да три чюланы да замет кругом двора новой да в городе житница у колодезя. И яз им отдал тот свой двор и со всеми хоромы, что ни есть хоромов во дворе и житница совсем без вывета по своих родителях и по своих душах. А на то послуши Безсон Кондратьев сын Мисюрьев да Василий Иванов сын Леонтьев Низовец от Вознесенья да Двинянин Курополского посаду Юшка Иванов сын Микулина.

Лета 7090 втораго июня в 28 день. (Гос. архив Арх. обл. Ф. 1408. Оп.2. Д. 18).

10. Краткая Архангелогородская история.

Выдержки из книги В.В. Крестинина¹

«Краткая история о городе Архангельском».

Вопрос 1: Где стоит город Архангельск? Ответ 1: При реке Двина, на правой стороне, в 42 верстах от Белого моря, под 64 градусом 34 минутами северной широты.

Вопрос 2: Место, на котором стоит город Архангельский, как называлось в старину прежде сего города? Ответ 2: Пур Наволок. Разумеется же под сим собственным именем мыс Двинского берега, примечания достойный но тому, что Двина река при оном месте разделяется на разные устья, в море протекающие между островами.

Вопрос 3: Какое было на сем месте селение прежде города? Ответ 3: Монастырь Архангельский, древностию все Московские[59] монастыри

---

1. Василий Васильевич Крестинин (1729–1795) – северный историк-краевед, видный общественный деятель, Просветитель, один из организаторов первого в России «Общества Для исторических исследований» в Архангельске (1759) – См.: Заринский Г.В. В.В. Крестинин // Арханг. губерн. ведомости. 1858. № 13; БСЭ. Т. 23. С. 350; Сов. ист. энцикл. Т. 8. М., 1965. Стб. 75; Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965. С. 296–332; Памятные даты Архангельской области, 1979 год. Архангельск, 1979. С. 54–55 и др.

превосходящая обитель, построенная во втором надесять столетствии (XII в. – А.К.) в земле Заволоцкой, названной после, по имени реки Двиною.

Вопрос 4: Что подало причину к строению города Архангельского?

Ответ 4: Заведенные на Двине Российские с Англичанами и Голландами торги, посредством мореплавания сих иноземцев.

Вопрос 5: Когда и кто открыл путь из Европы морем к Двинским берегам? Ответ 5: Англичане, пришедшие в 1553 году по морю на корабле к Николаевскому или Карельскому Двинскому устью и монастырю, при котором прежде города иностранные торги тридцать лет продолжались.

Вопрос 6: Когда, и чьим повелением, город Архангельский был построен? Ответ 6: Заложен 1584 года, повелением Государя Царя Иоанна Васильевича втораго, или Грознаго.

Вопрос 7: Как проименован сей новый город в начале? Ответ 7: Новохолмогорским городом, потом прозван Архангельским, по монастырю сего ж имени.

Вопрос 8: Какое было первое городское здание на Пур наволоке? Ответ 8: Острог, то есть деревянная крепость, около Архангельского монастыря построенная, а с наружности рвом укрепленная, превратившимся уже в болото, видимое близ нынешних церквей, Троицкой соборной и Воскресенской приходской.

Вопрос 9: Какие еще при начале города построены были здания, достойные примечания? Ответ 9: Два гостиные деревянные двора, Руской и Немецкой, на том же месте, где стоят ныне каменные гостиные дворы.

Вопрос 10: Которые первыя приходские в городе церкви построены вне монастыря и острога? Ответ 10: Преображенская и Воскресенская, деревянные, первая принадлежала к Стрелецкому, вторая к Посадскому приходам.

Вопрос 11: Когда переведены с Карельского устья иностранные торги в сей новый город? Ответ 11: В 1587 годе.

Вопрос 12: Какие первые жители поселились в сем городе? Ответ 12: Стрельцы, которые из 200 человек состоящий городской гарнизон в остроге содержали, кроме Холмогорских стрельцов.

В опрос 13: От куду первые граждане поселены в сем городе? Ответ 13: Первые посадские люди сего города были переведенцы из Двинских посадов и волостей, числом 130 (133. – А.К.) семей, из коих самую большую часть составляли деревенские поселяне.[60]

Вопрос 14: Умели ли они пользоваться в новом портовом городе коммерческими правами? Ответ 14: Не умели, по привычке их к скудной деревенской жизни и работе, во времена строгих денежных поборов, оставляли они дома свои пусты, убегали почитай все из города, и в окрестных деревнях скрывались. По чему Двинские воеводы не малый труд прилагали утвердить их жительство в городе постоянным.

Вопрос 15: Долго ли они к сему новому роду жизни привыкали? Ответ 15: Более тридцати лет. (*Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, С. 1–5).*

10.Краткая хронологическая роспись

Архангелогородской истории.

Выдержки из книги В.В. Крестинина

«Краткая история о городе Архангельском».

	Годы от Р.Х.
Основание города Архангельскаго, и строение гостиных дворов деревянных	1584
Царская грамота о денежных сборах таможенные избы города Архангельскаго	1585 апреля 1 дня
Учреждение Архангелогородского посада	1587
Начало иностранных и Российских торгов в городе Архангельском	1587
Первый платеж Архангелогородскаго посада в казну сошными подати 13 рублей 3/4 копейки	1592
Посад состоит действительно из 96 семей переведенцев из Двинских волостей и посадов	1596

Кабацкий городской збор из 90 рублей 57 копеек	1602
Побег из города Архангельского и разсеяние по деревням городских жителей посадских, уstraшенных новою переписью, Двинского роеводы Ивана Чепчугова и дьяка Михайла Новокшенова, предприятою для умножения подати	1606
Воеводская, по присланной из Москвы грамоте, перепись новозаписавшихся самоизвольно в городе посадских 80 человек, составивших отdelенное от первых переведенцев общество, снабденное по Московской грамоте, исключительным правом по мирским расходам от соединения, со всеми посадами и волостями Двинские земли	1608
Посад отправляет даточных, то есть, военнoслужаших людей на земском содержании, для вспоможения Москве в смутное время	1609
Соединение старых и новых жильцов в единое общество, последовавшие не без челобитья первых, воспользовавшихся соединенными силами предреченным изюпочительным правом	1610
Посад отправляет вторично на Московскую службу даточных	1610
Соединенный посад платит годовую казенную подать 24 рубля 31 копейку	1610
Раззорительный пожар в городе принуждает посадских разсеяться по деревням	1611
Город Архангельский снабдевает пушками и зельем соседний город Холмогоры, во время опасности от поляков	1612
Жалоба Горожан в Москве на Холмогорцев о излишних расходных налогах, и челобитье о возвращении из деревень посадских на жительство в город	1613
Посад платит в Москве подать пятые деньги, 217 Рублев 15 копеек	1616
Посаду велено платить в казну годовые подати 41 рубль. Посад жалуется на городских стрельцов в притеснении не вольными постоями и в лишении посадских доходов их от вольных постоев	1616
По переписи сих лет Двинскаго писца Мирона Вельяминова, положено на посад платить в год дани и оброка 40 рублей 30 копеек	1622 1623 1624
Холмогорцы взыскивают на Горожанах, боевым правежом перед земским двором, расходную, по их розрубам, подать	1630
Взыскание на посаде казенной и расходной по Холмогорским розрубам подати 68 рублей 27 копеек, принуждает всех Горожан разбежаться из города в деревни	1631 зимою
Воеводское представление в Москву, челобитье Горожан, и	1631

последовавшая, Июля 5 дня, из Москвы грамота уничтожают взыскание расходных подати на Горожанах, по Холмогорским розрубам	
Большой пожар в городе превращает в пепел Архангельский монастырь, воеводский дом и половину острога	1637
По окладному списку мирские избы, в городе посадских домов 172	1638
Город Архангельский сохраняется войском Московских, Нижегородских и Двинских стрельцов, составивших рать из 1800 человек против ожидаемого, но не впоследствии, нападения Датских Немцов	1646
Платил посад за даточных людей со 101 двора, дани, 20 рублей 20 копеек	1648
Тщетное покушение холмогорцев безуспешным челобитьем на Горожан, о привлечении сих последних под иго Холмогорских розрубов	1652
Новое установление пошленного збора в таможенной города Архангельского избе, под управлением гостя с товарищи	1652
Збор таможенных городских пошлин 51 500 рублей 20 ³ / ₄ копеек	1655
В приходе было 67 иностранных кораблей у Архангельского города	1655
Возобновление и уничтожение прежних Холмогорских притязаний на Архангелогородском посаде	1661
Жалоба Горожан в Москве, на мелочных Немцов, поселившихся и опромысливающих посадские торги в городе, и челобитье, Правительством подтвержденное, о предписании Немцам, платить посадскую со всех их домов подать в общегражданскую казну	1664
Пожар в городе превращает в пепел деревянную церковь Преображения Господня, все стрелецкие улицы, многие лавки и дома посадские	1664 Сентября 27 дня
Новое издание торгового 7175 года устава, с надписанием: «Устав торговле в царствующем граде Москве, и во всей великой России, в порубежных городех», содержащий 94 статьи, в том числе относимых к Архангелогородской ярмарке 52 статьи	1667 Мая 7 дня
Великий пожар в городе, зачавшийся в пустом анбаре мясного ряда в близости гостиных дворов, превращает в пепел оба гостиных двора, таможню, две церкви Воскресенскую и Пятницкую, многие лавки и анбары купеческие	1667 Мая 16 дни
Новое строение кладовых Немецких анбаров возле острожных стены, а лавок и анбаров внутри острога, или деревянного города	1667

Основание городских каменных гостиных дворов	1668
Страшный и жестокий пожар в городе, зачавшийся в кладовом новопостроенном Немецком анбаре, превращает в пепел весь деревянный острог, со внутренними казенными и торговых людей строениями	1669 Сентября 15 дня
Сооружен новый острог, новой воеводский дом и новая съезжая изба в сем деревянном городе	1672
Дворовая на Двине перепись Стольника Афанасья Фанвизина, окончанная на другой год	1678
Хлебная мера, уменьшенная против старой, приведена в сходство с Московскою мерою, при отпуске хлеба за море	1678
Освящение в городе Боровской деревянной церкви Успения Пресвятыя Богородицы	1685 Сентября 6 дня

(Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 97–102).[64]

*12. Грамота воеводы Василия Андреевича Звенигородского
о приписке к Новому Колмогорскому городу жильцов.
12 февраля 1587 года.*

По Государеву Цареву и Великого Князя Феодора Ивановича всеа Руси наказу воевода князь Василий Андреевич Звенигородский с товарищи написали на Двине к Новому Колмогорскому городу в жильцы с посадов с верхние половины Ивана Иванова сына Косицына с товарищи, да з Глинок Степанка Фролова сына, да Нестерка сына Яковлева с товарищи; да с Курцова Сенку Борисова сына Голцова с товарищи; да нижние половины Гришку Никифорова сына Овцына с товарищи; да с Кулуя Гаврилка сына Дмитриева с товарищи; да с Уны и с Луды Гришку Заслонова, да Юшку Мансурова; да с черных волостей верхняя половины с Кур-острова и с Ровдины горы Нечайко Негодяев с товарищи; да с Матигор из Быстрокурья Иванка Кирьянова с товарищи; да с Волока с Пенежского Гришку Иванова сына Ивашева с товарищи; с Приходского прихода Аксенка Афанасьева с

товарищи; да с Емецкого стану с Никольского приходу что на Емцы Якова Якимова сына Ортемьева с товарищи; да с Хаврогор Васку Терентьева сына Подносова с товарищи; да с Ильинского прихода что в Сии и в Челмохты Михалка Обросимова сына да Иванку Дерягина с товарищи; да с Ракулы с Покровского и с Рождественского прихода Давыдка Васильева сына Микотина с товарищи; да с нижней половины с Ухтострова Михаила Антонова сына Максимова да Давыда Михайлова сына Яковлева с товарищи; с Великекур Пантелейка Иванова сына Иманева с товарищи; с Княж острова Истомку Яковлева сына Беляева с товарищи; с Лиетострова да Заостровья Парфенка Афанасьева сына Навалипашина да Окинея Яковлева сына Починкова с товарищи; с Низовские Луки с Вознесенского приходу и с Мудьюги и с Лодьмы Васку Онтуфьева сына Котельникова да Антонка Копытова да Лучку Никифорова сына Зеленина да Игнатья молодых бояр, да Сухана Епифанова с товарищи.

А льгота им дана от лета 7095 февраля по 12 число на пять лет, в те им льготные лета дворы себе поставить и огородити и жити им на посаде¹ в Новом Холмогорском городе торговати, и корчемного пития и блядни и приезду лихим людем у себя не держати, а никаким воровством не воровати, а с немцым и с приезжми не дру[65]жити, и товаров у них заморских на встрече у города не покупать, и в государевых ни в каких делах хитрости не чинити. А в те им льготные лета государевых и великого князя подати не давати, и с черными с волостными людми никаких разметов с своих тутошних с посадских дворов не тянут, а как отойдут у них те урочные льготные лета, и им тогда давати с своих тутошних дворов государеву цареву и великого князя дань и оброк по книгам, чем они вперед описаны будут.

К сей грамоте Василий Андреевич печать свою приложил. Лета 7095 февраля в 12 день. *(Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 162–165).*

---

1. Посад получил название Новохолмогорский в 1587 г. – А.К.

*13. Из грамоты царя Михаила Федоровича о пожаловании
независимости Архангелогородскому посаду от Холмогорцев
и Двинян по разрубам¹ и сборам подати. 1 августа 1613 года.*

От царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси на Двину воеводе нашему Миките Михайловичу Пушкину да дьяку нашему Путилу Григорьеву. Бил нам челом Архангельского города соцкой Степанко Киприянов и во всех посадских жильцов место, а сказал: в прошлом де в 6095 (1587) году переведено их з Двины с посадов и с уезду в Архангельский город на житье по писцовым книгам князя Василия Звянигорского² да подьячего Рохманина Воронова сто тридцать три человека, а оброку в нашу казну велено платить на год по тридцати рублей и по двадцати по семи алтын по полторы деньги на год. И после де того от Архангельского города разбрелось жилцов и померло сорок семей, а иные городовые жилцы наши всякие подати с ними платят, а у города с ними не живут, а живут по посадам и по деревням³ в старых своих дворах верст за сто и за полтора ста...

И в прошлом де в 7118(1610) году Царь Василей их городовых и наезжих жилцов пожалова, велел дати грамоту, а по той грамоте велено в тех розошлых и мертвых жилцов место завести на житье[66] в Архангельской город с посадов из деревень детей их братью, и наши денежные доходы велено им платить по писцовым книгам князя Насилья Звянигородцкого да подьячего Рохманина Воронова по прежнему опричь двинские земли и посады...

И в прошлом де в 7119 (1611) году как горело стрелецкая и пушкарская и жилецкие и половина затинной слободы, и они де жилецкие люди, пометав

---

1. Разруб или розруб – раздел подати, раскладка тягла, налога. – См.: Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. С. 45–46.

2. Правильнее: Василий Андреевич Звенигородский. – А.К.

3. «Деревня» – от слова «дърати» (корень «дър»), значит выдирать в лесу корни и пни. Деревня, таким образом, означает выдранное и очищенное от леса место для пашни или сенокоса. – См.: Елизаровский И.А. Указ. соч. С. 33.

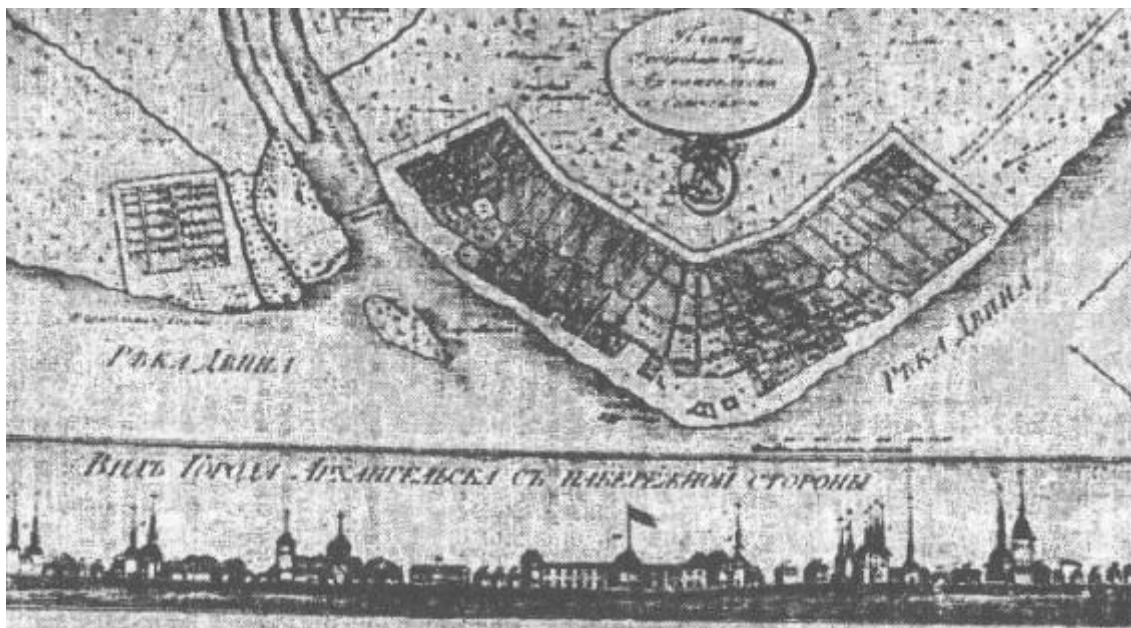
свои дворы и животы, с стрельцы и с пушкари и з затинщики город и нашу казну в городе от пожару отняли, а их дворы и животы все погорели, и они де от того и де остальные разбрелись розно.

И в нынешнем де в 7121 (1613) году приходили на Двину литовские люди, и они де до приходу литовских людей сидели в Архангельском городе в осаде, а свои дворишки, которые были за городом, возили в город, а Колмогорцы де в приход литовских людей на Колмогорах делали собою без нашего указа, а к ним в Архангельской город не поехали, и Архангельской город и нашу казну, наряд и зелье покинули, а иной наряд и зелье из Архангельского города возили к себе в острог для оберегания своих дворов и животов, а ныне де городских жилцов те Колмогорцы притягивают к себе в позжеиы дворы и в острожную поделку и в иные земские расходы, а они де и без того обнищали и одолжали великими долги и нам бы их старых жилцов пожаловати...

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б городских жилцов, которые в писцовых книгах у города написаны, а ныне у города не живут, а живут по посадам и по деревням избывая наших податей, и тех же, которые в прошлых годах же били челом ложно, и имали грамоты что их велено от города для скудости отписати, и у вымерых крестьян, у которых остались дети и братья, а живут будет в разъезде по посадам и по волостям, и вы б велели свести на житье к Архангельскому городу, и велели б по их имати порчные записи, что им в Архангельском городе дворы ставите и с женами и с детьми без съезду... А для наших всяких земских дел велели в естя у них быти земским судейкам переменяясь по годам лутчим людем по выборам, кого они меж себя излюбя выберут, и их приводите к крестному целованию, что им наши денежные доходы збирати в позженные дворы и в острожное дело, и во всякие земские расходы городских жилцов притягивати не велели... Писан на Москве лета 7121 (1613) августа в 1 день. *(Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 168–175).*[67]

*14. Купчая стрельцов Василия Солозерова и Савы Петрова
на дворовое место в Архангельске. 16 августа 1611 года.*

Се яз Семен Парфеньева сын Александрова, стрелец Архангилского города, Михайлова сотни Кашенцовы, продал есми стрельцом Архангилского ж города, Смирного сотни Чертовского, Василью Якимову сыну Солозерову да Сиве Петрову, дворец свой, у Архангилского города в слободе, позаде Матфеева двора Филатова, а во дворе хоромов: изба с нутром и с кровлею; а ставил тот двор яз Семен сам, и яз той продал и с подворною землею, по своей заимке; а длина дворищу восьми сажень, а поперек четыре сажени. А взял есми яз Семен у Василья да у Савы на том своем дворе и на подворной земли три рубли с полтиною денег, все деньги взял вруч; а продал в дернь, без выкупа, и дела мне Семену нет до того двора, ни моим детям, и никому дела ж нет. А в снимке и в очи- щеньи тому двору и подворной земли, от купчих, и от всяких письменных крепостей, яз Семен своими денгами, а Василью и Саве в том убытка не учинить. А на то послуши: Терентей Филипов сын да Василий Семенов сын Пингиша, оба стрелцы Архангилского города Смирного сотни Чертовского, да Иван Мартемьянов сын Кижурова с Еметцкого прилука. Писал купчую у Архангилского города земский дьячек Еметцкого стану Заболотцкой сотни Федька[68] Васильев сын Савина. Лета 7119 (1611) августа в 16 день. *(Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической Комиссией. СПб., 1838. № 97. С. 133).*

Вид города Архангельска с набережной стороны

15. *Из грамоты царя Михаила Федоровича о владении земель
в Кехотской волости Архангельского монастыря. 1613 г.*

От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руссии на Двину воеводе нашему Миките Михайловичу Пушкинину да дьяку нашему Путилу Григорьевичу... В прошлом де в 6092 (1584) году блаженные памяти Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Русии велел поставить на Двине город для корабельные пристани, а монастырь занять в город, а которая да была монастырская пашенная земля около того монастыря полтретьи обежки¹, и то е де землю заняли под город и под к гостины дворы, и под животный выпуск. И в 7094 (1586) году блаженные памяти Царь и Великий Князь Феодор Иоаннович всеа Русии того монастыря бывшего игумена Евфимья с братьею пожаловал, велел им в тое земли в полутретьи обежки место, что у них монастырской земли взято под город и под посады, и под гостиные дворы, и под животинной выпуск дата земли на оброк в Студеменском в Олексеевском стану да в нижней Кехте оброчных два починка, Потатину слободку, за Заволовские починки, и Смердью речку с поженками... Почему

1. Полтрети обежки = 33 $\frac{1}{4}$ десятины. – А.К.

им тою землею впредь владети, Писан на Москве лета 7121 (1613) августа в 18 день. (*Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 156–162.*)

О КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

(Опыт классификации)*

Прошло 125 лет с момента выхода в свет первых работ, посвященных лабиринтам Северной Европы¹. С тех пор вопрос о происхождении, назначении и датировке этих древних памятников все[69]гда находился в центре внимания исследователей. В зарубежной и отечественной литературе высказаны десятки различных мнений по этому вопросу.

Не имея возможности подробно осветить историографию вопроса, мы, тем не менее, можем констатировать, что единого мнения нет и не могло быть при общем неудовлетворительном состоянии наших знаний о каменных лабиринтах. Эту проблему нельзя решить, исходя только из узко локальных групп памятников, как это делалось, например, для скандинавских лабиринтов (теория Л.И. Рингбума о культово-развлекательном характере построек)² или для беломорских (гипотеза Н.Н. Гуриной о культово-рыболовном назначении памятников³). Составленные до сих пор описания памятников в большинстве своем носят выборочный и настолько поверхностный характер, что мы не можем с полной уверенностью не только точно картографировать имеющийся материал, но даже определить общее число памятников в каждом из известных ареалов.

По самым приблизительным подсчетам, общее число зарубежных каменных лабиринтов не превышает 70-80. Они распределяются следующим образом: в Швеции – не менее 12 лабиринтов, в Норвегии – около 4, в Финляндии – более 50, в Англии – не менее 3; имеются также косвенные указания на недавнее существование лабиринтов в Дании и Исландии.

---

* Впервые опубликовано: Советская археология. 1970. № 1, С. 34–48.

1. Baer E. Über labyrinthformige Steinsetzungen im Russischen Norden. Bullet. de l'Acad. de St.-Petersb., I, 1844; Massmann H.F. Wunderkreis und Irrgarten. Duxburg und Leipzig, 1844.

2. Ringbom L.J. Trojalek och tranedans // Finskt Museum. XLV, Helsingfors, 1938. С. 68–106.

3. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология. 1948. № 10; Она же. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Материалы и исследования по археологии. 39. 1953.

В границах Европейского Севера лабиринты распространены в Мурманской области (около 10), в Карельской АССР (около 6) и в Архангельской области (около 29 лабиринтов). Всего – около 45.

Таким образом, исследователи имеют в своем распоряжении не менее 120 памятников, разбросанных от островов Силли на западе до Соловецкого архипелага на востоке, от юго-западной Англии до Беломорья.

Следует отметить, что большинство исследователей неправомерно выделяют лабиринты из числа других каменных сооружений, часто сопровождающих спиралевидные выкладки. Мы имеем в виду каменные выкладки самых причудливых очертаний, груды камней,[70] менгиры, дольмены и т.д. Выясняется, например, что в ряде случаев такие сооружения не сохранились вблизи лабиринтов. Тем больший интерес вызывают пункты, где имеются и лабиринты, и сопровождающие их разнообразные конструкций из камней;

В 1902 году финский исследователь Л. Пяккенен описал лабиринты и 32 каменные кучи в устье реки Торнео¹. Это чуть ли не единственное научное наблюдение подобного рода для всей Финляндии. Других данных о совместном Нахождении лабиринтов и каменных сооружений в современной зарубежной литературе не встречается.

Более повезло памятникам на территории СССР. Описывая лапландские лабиринты, А.В. Елисеев обратил внимание на каменные насыпи, названные им «лопарскими могилами»². Автор находок, к сожалению, не приводит точных статистических данных о памятниках и не дает их описания. Карельские лабиринты иногда сопровождаются каменными кучами, точное число которых неизвестно. По мнению А.Я.

---

1. Гейкель Г.К. Из финляндской археологической литературы // Известия Археологии, комиссии. СПб., 1911. Вып. 38. С. 181.

2. Елисеев А.В. По белу свету: очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. СПб., 1894. С. 59, 114.

Брюсова, некоторые из них несомненно являлись «надмогильными насыпями»¹.

На островах Соловецкого архипелага, по самым приблизительным подсчетам А.Я. Брюсова, находится около 500 различных сооружений из камня². Их подробное описание дал Н.Н. Виноградов в 1926–1927 годах. Каменные сооружения Соловецких островов разделяются, по Н.Н. Виноградову, на следующие группы: «груды камней», «продолговатые каменные гряды», «загадочная фигура (вентерь)», «каменные перемычки», «курганы», «остатки землянки», «дольмены», «менгиры и пр»³. Все эти сооружения и каменные лабиринты, расположенные здесь же, по мнению исследователя, не составляют самодовлеющих комплексов, они связаны какой-то внутренней целесообразностью и образуют оригинальный архитектурный ансамбль. Эту особенность соловецких лабиринтов чутко уловил А.Я. Брюсов. «...Лабиринты, по-видимому, не являются самостоятельными памятниками, – писал он в одной из своих работ. – На Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага лабиринты, расположенные по полукругу, все без исключения направлены так, что при входе в них лицо обращено к цепи каменных насыпей на каменистом берегу; во многих случаях исследователи, упоминаящие о лабиринтах в других местах, указывают на находящиеся около них каменные насыпи, так что отсутствие подобных указаний, быть может, следует объяснить только *недостаточным вниманием* (курсив наш. – А.К.) к каменным кучам, этим нередко очень невзрачным погребальным сооружениям»⁴.

Некоторые из каменных сооружений Соловецкого архипелага были раскопаны. Так, несколько каменных груд исследовалось в 1907 году К.П.

---

1. Брюсов А. Я. Каменные насыпи Карелии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. Вып. 5. С. 118.

2. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Тр. Гос. Истор. Музея. М., 1940. Вып. № С. 149.

3. Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты; их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927. С. 46–56 (материалы Соловецкого о-ва краеведения; вып. 4).

⁴. Брюсов А.Я. История древней Карелии. С. 150.

Ревой¹. Курган, расположенный к северу от лабиринтов первой группы Соловецкого острова, в 1926 г. частично вскрыт А. Ивановым². В 1930 году обследование ряда археологических памятников Соловецкого архипелага было произведено А.Я. Брюсовым, А.М. Линевским, Н.Н. Гуриной и Е.П. Кузнецовой. На Анзерском острове, в частности, установлено наличие каменных куч, лабиринтов, менгиров и погребений³.

Однако все эти исследования носили эпизодический и незавершенный характер. Изучение каменных лабиринтов и других сооружений из камня по существу начинается только сейчас. Накопленный фактический материал настолько фрагментарен и несовершенен в описании, что он пока еще не может служить для каких-либо теоретических обобщений. К такому неутешительному выводу приходится прийти после беглого анализа проведенных исследований. Между тем опасность непродуманных и поспешных выводов вполне очевидна. Приведем один характерный пример.[72]

В 1966 году советский ученый И.М. Мулло опубликовал статью, в которой, увлекшись оригинальной гипотезой Н.Н. Гуриной, развил идею о промыслово-рыболовном характере беломорских лабиринтов до абсолютного отрицания культово-религиозного назначения памятников⁴. Отвергая в принципе наивный рационализм И.М. Мулло, я хочу сделать несколько критических замечаний в адрес автора статьи.

Во-первых, обращает на себя внимание несколько примитивная классификация беломорских лабиринтов, – разделение их на «несложные» и «сложные». К первым отнесены лабиринты «типа соловецких», расположенные в «местах лова мелкой рыбы – сельди и наваги», ко вторым –

---

1. Рева К. О раскопках в 1907 году // Отчет археолог, комиссии за 1907 г. С. 107.

2. Иванов А. О раскопках кургана на Большом Соловецком острове: исследовательская работа историко-археологической секции // Отчет Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения за 1924–1926 гг. Соловки, 1928. С. 65. (Материалы СОК; Вып. 3).

3. Брюсов А.Я. История древней Карелии. С. 207.

4. Мулло И.М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 185–193.

лабиринты «типа Кандалакшского», встречаемые лишь «близ семужьих тоней»¹. Совершенно очевидно, что такого приблизительного разделения беломорских лабиринтов на «сложные» и «несложные» произвести нельзя. Достаточно указать на большое сходство друг с другом «семужьего» Кандалакшского и «сельдяного» Большого Соловецкого лабиринтов. Описывая далее лабиринт в Красной Луде, И.М. Мулло даже не попытался искать аналогий ему среди финских (на западе) и соловецких (на востоке) лабиринтов. Определение места памятника среди подобных ему по типу сооружений не дало бы автору права противопоставить места «семужьего лова» местам «лова соловецкой сельди и наваги».

Во-вторых, мнение о том, что каменные лабиринты могли служить древнему рыболову в качестве «модели» при изготовлении рыболовных ловушек, вряд ли состоятельно. Принимая как аксиому точку зрения Н.Н. Гуриной о безусловной близости конструкции каменных лабиринтов с планами рыболовных снарядов поморского Севера, автор не приводит нового фактического материала, а сама статья не снабжена необходимыми иллюстрациями, позволившими бы зрительно сопоставить те и другие сооружения. Вполне естественно напрашивается вопрос: почему каменные лабиринты – «модели рыболовных ловушек», по И.М. Мулло, – не только не сохранились у современных рыболовов, но и память о их «рыболовном» назначении совершенно стерлась у поморов, хотя на Се[73]вере, по свидетельству автора, продолжают пользоваться рыболовными ловушками – «копиями лабиринтов»? Было бы логичнее предположить, что и рыболовные снаряды, и их «модели» могли в равной степени существовать и в новейшие времена.

В-третьих, предположение автора о том, что лабиринты, кроме всего прочего, «обозначали принадлежность лова определенному роду», выглядит более интересным. Однако эта мысль в статье не получила развития и осталась простой догадкой.

---

1. Там же. С. 191.

Таким образом, гипотеза И.М. Мулло об утилитарно-хозяйственном назначении лабиринтов Беломорья носит явно схематичный и упрощенный характер. Поверхностность и предвзятость в наблюдениях приводят исследователя к заведомо неверным теоретическим обобщениям.

Нам остается присоединиться к мнению Н.Н. Гуриной об особом значении северных лабиринтов, являющихся «продуктом деятельности людей, живших задолго до нас», и связанных «с их религиозными представлениями»¹. С этой верной посылки следует продолжить поиски новых путей к решению поставленной проблемы.

С решением главной задачи связана проблема типологического описания каменных лабиринтов, их классификации.

Ниже мы предлагаем свой опыт классификации, в основу которого взято два критерия: внешняя форма каменных лабиринтов и технологический принцип конструирования схемы лабиринтов. Отдельные попытки предложить проект номенклатуры и классификации соловецких лабиринтов по их внешней форме делались и раньше. Н.Н. Виноградов выделил среди них следующие типы построек: 1) лабиринты спиральные, или улиткообразные; 2) лабиринты круглые или кругловатые; 3) лабиринты подковообразные; 4) смешанные типы². Классификационная схема Н.Н. Виноградова, сыгравшая в свое время большую роль в разработке систематики лабиринтов, имела два недостатка: 1) она охватывала главным образом соловецкие памятники; 2) единственным критерием для классификации лабиринтов избиралась их внешняя форма.

Первый из отмеченных недостатков приводил к узко локальной характеристике лабиринтов, не пригодной для общей классификации каменных лабиринтов Северной Европы.[74]

Внешняя форма лабиринтов является одним из главных, но не единственных признаков формально-типологического ряда. Важным

---

1. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья. С. 131.

2. Виноградов Н.Н. Указ. соч. С. 85–128.

критерием в определении того или иного типа лабиринта служит принцип его конструирования, предваряющий окончательное оформление лабиринта в камне (или в дерне).

Исследователи неоднократно задавали вопрос: каким же образом сооружались лабиринты? Можно ли, исходя из формы лабиринта, сделать определенные выводы о конкретных строительных приемах при его строительстве? Какое количество труда затрачивалось при этом?

Подобные вопросы вполне закономерны. При удовлетворительном их решении появляется возможность сформулировать строительно-технологический принцип, лежащий в основе классификации лабиринтов по типологическим признакам.

В зарубежной литературе имеется на этот счет несколько взглядов.

Наиболее распространенным типом лабиринтов Западной Европы является так называемый «классический тип», представленный довольно сложным спиральным узором в виде взаимно вписанных друг в друга подков. Исследователей давно занимает вопрос, каким образом этот «классический тип» подковообразного лабиринта удивительным образом повторяется на огромной территории. Так, например, каменный лабиринт одного из островов архипелага Силли юго-западной Англии (рис. 1) почти не отличается от шведского лабиринта в Висбу на о. Готланде (рис. 2). Естественнее всего сделать вывод о конвергентно возникшем приеме сооружения лабиринтов. Какой же прием применялся в каждом конкретном случае?

Вильгельм Мейер предложил рассматривать лабиринты как некую модификацию сдвоенного меандра¹. Действительно, если мы соответствующим образом развернем лабиринт в его классическом варианте, а его спирально-овальные линии выстроим в прямоугольную конструкцию, то получим меандровую форму. Своеобразной иллюстрацией интересного предположения В. Мейера может служить северорусское скально,

---

1. Meyer W. Em Labyrinth mit Versen / Sitz. ber. d. Akademie zu Miinchen. Munchen, 1882.

вывезенное в 1968 году этнографом Ю.П. Прокопьевым из Пинежского района Архангельской области¹. На боковых стенках скальна вырезаны лабиринтообраз[75]ные фигуры, удивительно напоминающие по форме их каменные аналогии (рис. 3). Тем не менее В. Мейер так и не дает объяснения техническим приемам постройки каменных лабиринтов.

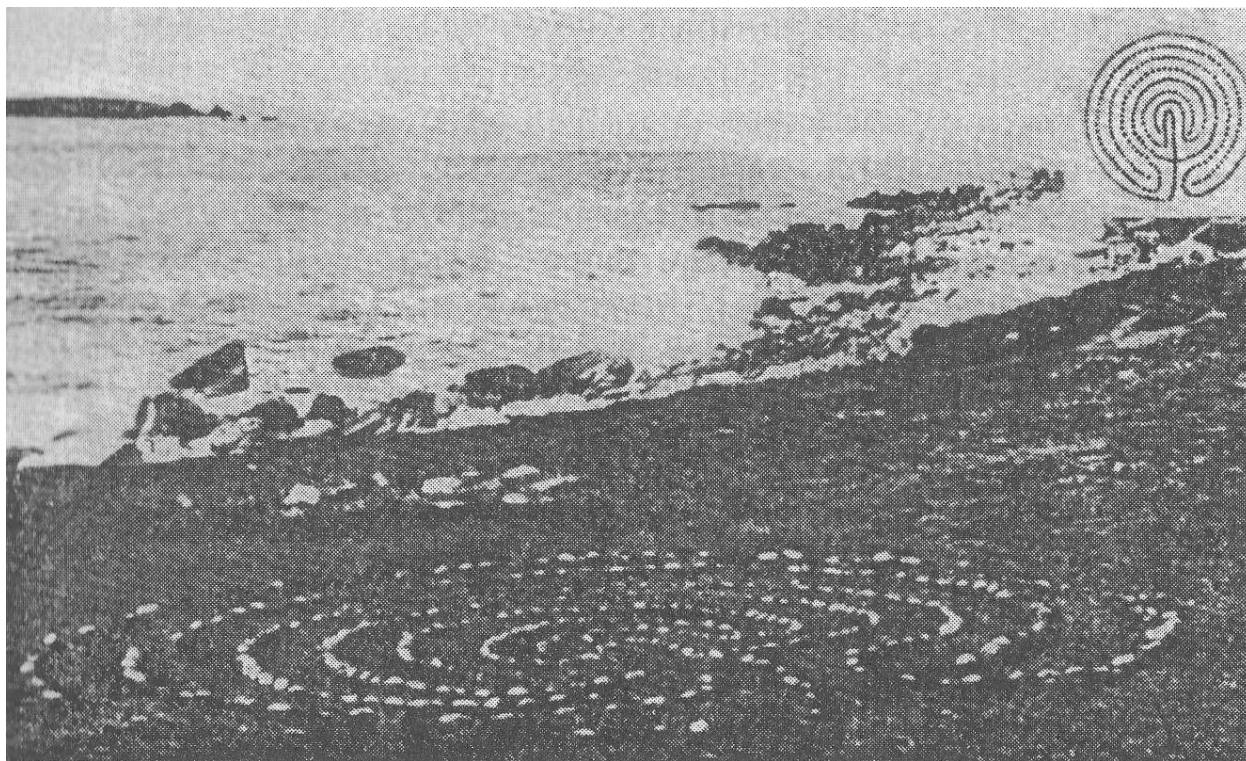

Рис. 1. Каменный лабиринт одного из островов архипелага Силли. Англия
(репродукция с открытки)

Эрнст Краузе дал другое решение вопроса. В одной из своих работ он предположил, что в основе каждого лабиринта «классического типа» лежит группа концентрических кругов, расчлененных радиальной линией. Остается только, по мнению Э. Краузе, соответствующим образом соединить ряд линий, чтобы получить подковообразную форму лабиринта².

Точка зрения Э. Краузе, несмотря на оригинальность и простоту решения сущности принципа конструирования, критиковалась финским ученым Л.И. Рингбумом. Рингбум указал на вкравшуюся неточность в реконструкции Краузе: крестообразное перенесение радиальной линии и

---

1. Скально хранится в фондохранилище Арханг. краевед. музея. Инв. номер 13446.

2. Krause E. Die nordische Herkunft der Trojasage. Glogau, 1893.

линии круга должно быть всегда перпендикулярным, а у Краузе оно происходит под значительным косым углом¹. [76]

Сам Рингбум предлагает принципиально иной прием конструирования. Исследователь приходит к выводу, что при строительстве каменных лабиринтов мог быть использован так называемый шнуровой циркуль. В качестве образца для своих априорных построений он выбирает лабиринт на о. Уте в финском проходе Корпо (рис. 4.2). «Можно себе представить человека, – пишет Рингбум, – который укрепляет 8–10-метровую веревку в центре будущего «троянского замка» в поле или на горе. Другой конец веревки он держит в поднятой руке; затем он идет одиннадцать кругов вокруг центра, причем веревка наматывается на руку, а радиус все время укорачивается. По следам Идущего человека проводится спиральная линия, которая может быть легко изменена в «троянский замок».

Безусловно, мысль об использовании шнурового циркуля представляет интерес. Однако внимательное изучение всех известных лабиринтов показывает, что значительная часть спиралевидных каменных сооружений построена без использования геометрических приспособлений (например, целый ряд соловецких лабиринтов, имеющих асимметрично-овальную конфигурацию, выстроен вручную и «на глазок»). Совершенно иначе восстанавливала предполагаемую картину постройки лабиринта Н.Н. Гурина. Свою реконструкцию она дает применительно к знаменитому Кандалакшскому лабиринту (рис. 4.11). «Очевидно вначале, – пишет Н.Н. Гурина, – был выложен дугообразный ряд, который затем был обложен таким же рядом камней, концы которых соединены между собой. Получалась замкнутая дуга с двумя ходами внутри, по которым никогда не ступала нога человека. Затем началось строительство двух новых рядов... Линия ведется вдоль края дуги.

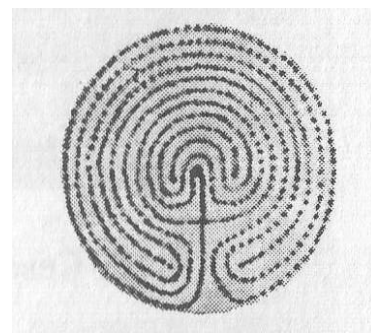

Рис. 2. Лабиринт «Троеборг»
около Висбу, о. Готланд.
Швеция (по Рингбуму)

---

1. Ringbom L.J. Указ. соч. С. 70.

Прокладывая две линии, одну параллельно другой, строители закончили ее внутри центра лабиринта небольшой грудой камней»¹.

Расшифровка Кандалакшского лабиринта, предложенная исследователем, нам кажется спорной и маловероятной. Всматриваясь в схему лабиринта, мы обнаруживаем в ней почти точное воспроизведение Большого Соловецкого лабиринта (рис. 4.10): На их близ[77]кое сходство

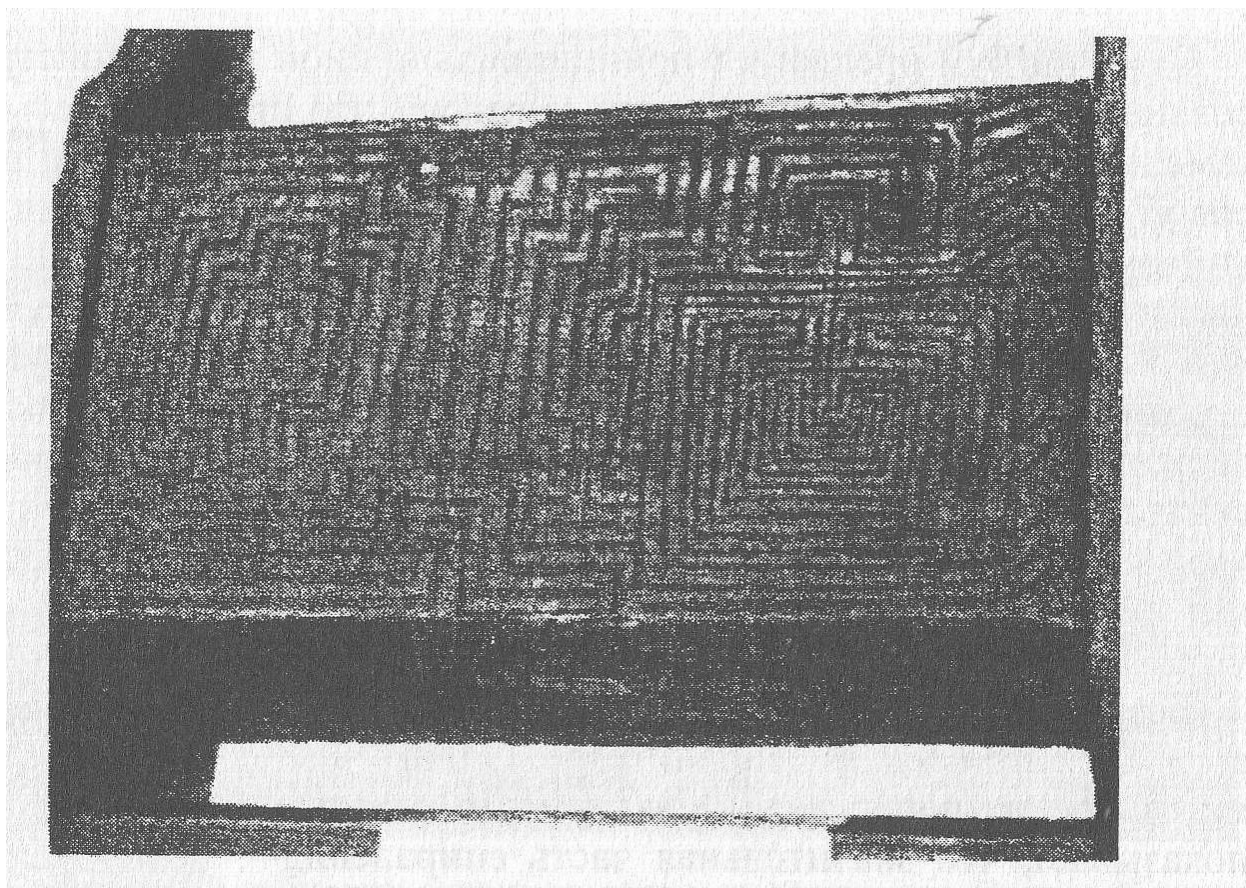

Рис. 3. Северорусское скально с изображением лабиринтов.

Фонды АКМ. № 13 446

указывала сама Н.Н. Гурина. Скорее всего Кандалакшский лабиринт был частично разрушен и позднее неумело перестроен. Аргументировать свое предположение мы можем лишь ссылкой на все известные схемы целых лабиринтов, в которых нет случая, чтобы внутри лабиринтного хода оставалась хотя бы одна незамкнутая круговая линия, кроме концевых завершений.

---

1. Гурина Н.Н. Указ. соч. с 128–129.

Большой Соловецкий лабиринт, подробно описанный Н.Н. Виноградовым, имел своеобразную структуру, характерную для какой-то одной группы северных лабиринтов. Он состоял из двух спиральных линий, раскрученных по принципу «шнурового циркуля» Рингбума, но без применения геометрических инструментов.

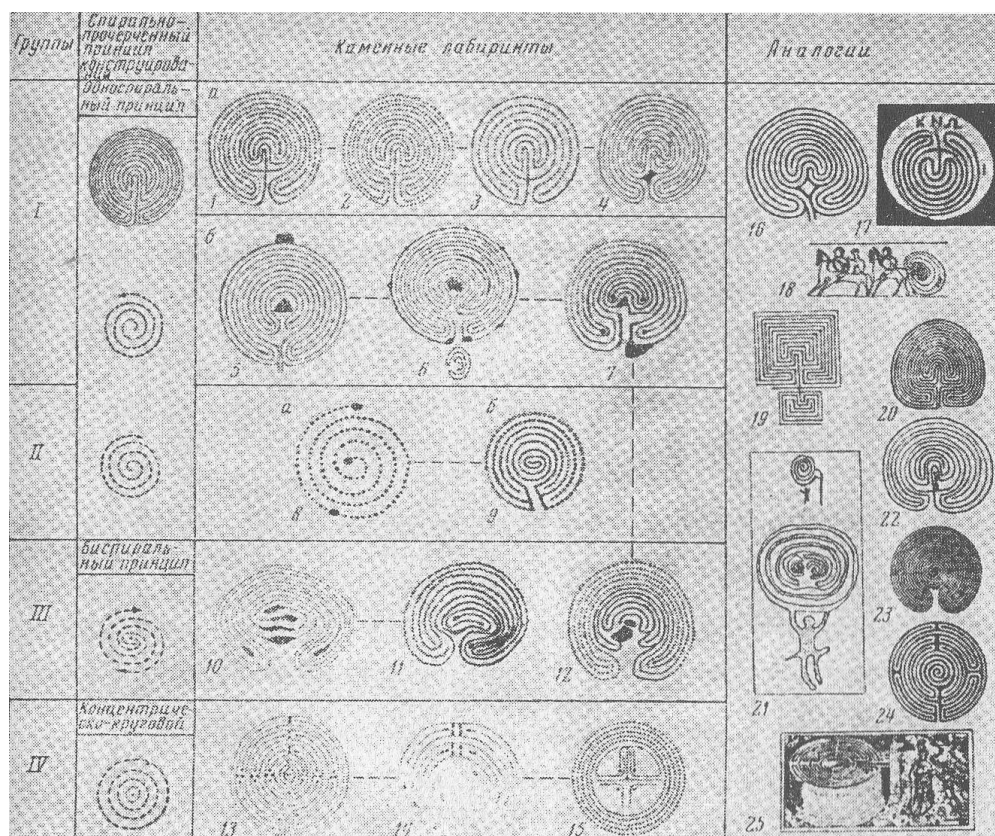

Рис. 4. Классификация каменных лабиринтов севера Европы

1-15 – каменные лабиринты; 16, 23 – дерново-растительные лабиринты Зап. Европы («вундеркрайсы»); 17 – изображение лабиринта на кносской серебряной монете; 18 – изображение лабиринта на этрусской вазе; 19 – изображение лабиринтов на северо-русском скальнике; 20, 24 – английские мазы; 21 – наскальные рисунки; 22 – изображение лабиринта в средневековой церкви; 25 – иллюстрация к мифу о Тезее и критском лабиринте. Каменные лабиринты: 1 – Висбу, Швеция (по Яну де Вризу), 2 – Уте, Финляндия (по Рингбуму), 3 – Силли, Англия (по Шустеру), 4 Красная Луда (по Мулло), 5–6 –Б. Заяцкий остров, 7 – Анзерский остров, 8 – Соловецкий остров (по Виноградову), 9 – о. Вир, Финляндия (по Спицыну), 10 – Соловецкий остров (по Виноградову), 11 – Кандалакша (по Гуриной), 12 – Б. Заяцкий остров, 13 – Поной (по Спицыну), 14 – Соловецкий остров (по Виноградову), 15 – Б. Заяцкий остров (по Михайлову).

Аналогии: 16 – Штайгр (по Рингбуму), 17 – о. Крит, Греция, III–I вв. до н.э. (по Мэтьюзу), 18 – Траглиателла, Италия, V в. до н. э. (по Гиглиоли и Гаджиано де Азенедо), 19 – дер. Занюхча Пинежского района Архангельской области, 20 – Самертон, Англия (по Мэтьюзу), 21 – Южная Швеция, эпоха бронзы (по Яну де Вризу), 22 – Сиббо, Финляндия (по Рингбуму), 23 – Южная Прибалтика (по Массману), 24 – Нортхэмптон-шир, Англия (по Мэтьюзу), 25 Италия, 1450 г. (по Мэтьюзу)[79]

Первоначально строители, по-видимому, вычерчивали на земле две взаимно вписанные спирали, раскручивая их из центра. Затем они разомкнули внешние круговые линии (пять слева и семь справа), соединив четыре с одной стороны и шесть с другой. Обрисовался подковообразный лабиринт с широким устьевым входом. Заключительным этапом работы являлась выкладка камней по очерченному контуру.[78]

Несколько иначе строились, вероятно, круглые подковообразные Лабиринты Большого Заяцкого острова Соловецкого архипелага (рис. 4.5; 4.6). Здесь прослеживается та же операция «раскручивания» спирали, только прочерчивалась одна линия. На земле сначала намечался некий центр, от которого прочерчивали непрерывную спиральную линию с постепенным расширением от центра к периферии. При этом строитель старался соблюдать примерно равные расстояния между соседними параллельными линиями. Много зависело от того, в какую сторону раскручивалась спираль: если прочерчивание осуществлялось по часовой стрелке (слева направо), то при дальнейшем «проектировании» получался один вид лабиринта (рис. 4.5), если это делалось против часовой стрелки (справа налево) – зеркальное отражение первого вида (рис. 4.6).

Начертив на земле спиральную линию, строитель выбирал во внешнем круге то место, где должен быть вход в будущий лабиринт. Здесь происходило радиальное расчленение спиральных линий от внешнего круга до центра. Теперь оставалось соединить линии кругов так, чтобы получились две подковообразные фигуры, одна в другой. Оставалось «одеть» лабиринт в камень.

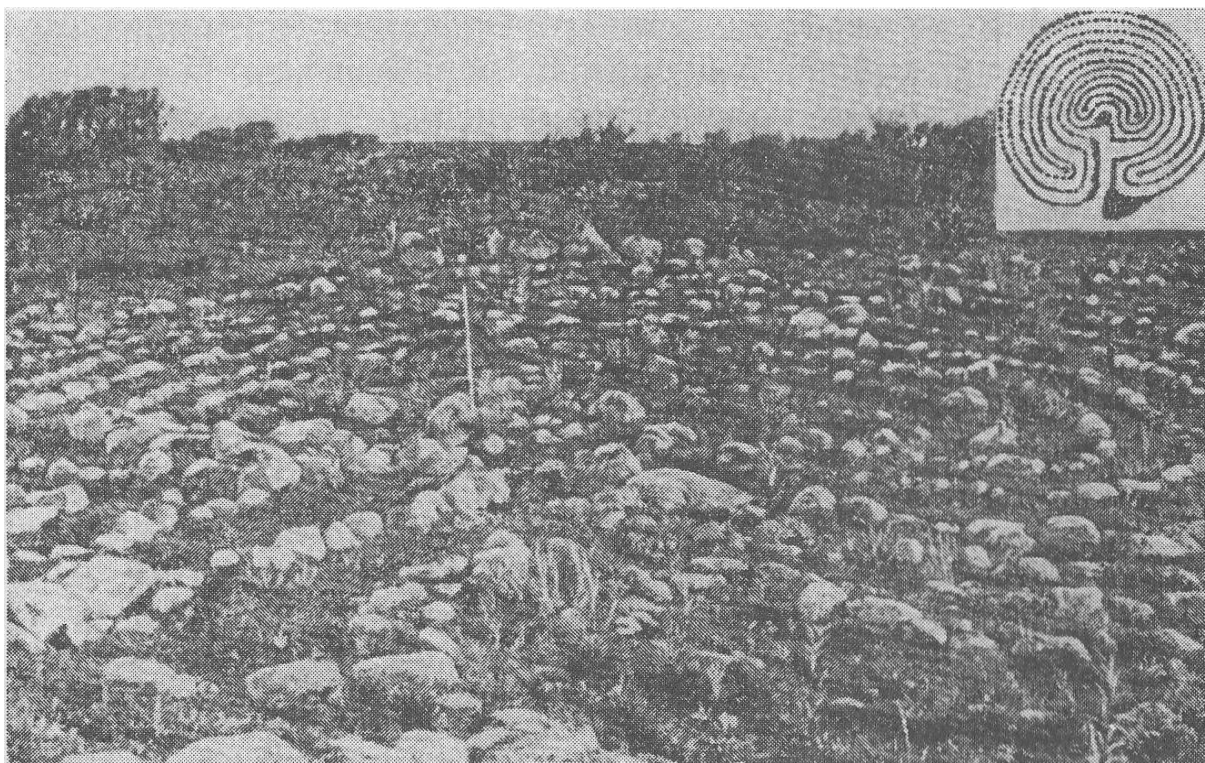
Спирально-прочерченный прием конструирования лабиринта использован, вероятно, и при строительстве одного из лабиринтов Анзерского острова. Лабиринт хорошо сохранился. Он расположен на высоком мысу около Петровской губы. Впервые описанный Н.Н. Виноградовым (лабиринт № 1), лабиринт повторно обследован Нами в 1967

году. Схема лабиринта публикуется нами впервые (рис. 4.7; рис. 5). Стены его сложены в один ряд из

мелких и средних валунов. Промежутки между извилистыми стенками довольно широкие (15–20 см). Вход в лабиринт расположен с юга, со стороны моря. Лабиринт имеет 11 кругов. Внешний круг равняется 44 м, большой Диаметр (с востока на запад) 14, маленький диаметр (с юга на север) – 13 м. Центральное сооружение явно перестроено (рис. 5).

В непосредственной близости от Описанного памятника, к северу от него, видны еще три лабиринтные кладки, сильно задернованные и заросшие можжевельником. Но и здесь улавливаются основные признаки подковообразно-спиральной формы.

Тот же строительный прием был использован при сооружении лабиринта на Красной Луде, около Керети (описан в 1966 г. И.М. Мулло). И.М. Мулло, к сожалению, не затрагивает вопроса о способе постройки лабиринта. Интересна одна существенная деталь, отличающая Краснолудский лабиринт от подковообразных лабиринтов Соловецкого архипелага, а именно присутствие вблизи центральной части лабиринта «крестообразного пересечения» радиальной и круговой линий, что делает его близким «классическому типу» каменных лабиринтов (рис. 4.4).

Ри

с. 5. Каменный лабиринт на мысу около Петровской губы.

Сформулировав спирально-прочерченный метод конструирования лабиринтов, мы решили проверить его экспериментальным путем. Первый эксперимент был осуществлен в 1967 г. в пос. Орлецы. В опыте принимал участие один человек (автор статьи). Была поставлена следующая задача – построить подковообразный лабиринт диаметром 6 м.

Второй эксперимент имел несколько усложненную задачу. Эксперимент проводился в дер. Нижняя Золотица в 1968 году. В опыте принимали участие 24 человека. Задание предполагало постройку подковообразного лабиринта диаметром 20 м.

В том и другом случае за образец принимались круглые подковообразные лабиринты Большого Заяцкого острова Соловецкого архипелага.

Ниже приводятся хронометражные результаты опытов.[81]

Подготовительный этап: а) заготовка строительного материала (валунных камней): 1-й эксперимент – 60 мин.; 2-й – 30 мин.; б) конструирование лабиринтов спирально-прочерченным методом: 1-й

эксперимент – 20 мин.; 2-й – 30 мин.; в) выверка схемы, в обоих опытах – 5 мин.

Строительный этап: а) выкладка камнями внешней линии лабиринта: 1-й эксперимент – 25 мин.; 2-й – 12 мин.; б) выкладка камнями внутренних линий лабиринтов: 1-й эксперимент – 90 мин.; 2-й – 40 мин.; в) выкладка камнями центрального сооружения: 1-й эксперимент – 25 мин.; 2-й – 8 мин.; г) корректировка конструкции, дополнительное сооружение каменных куч на внешнем круге и на линейных завершениях лабиринтов: 1-й эксперимент – 20 мин.; 2-й – 30 мин.

Итого затрачено чистого времени: 4 часа в 1-м эксперименте и 2,5 часа во втором.

Наиболее ответственным моментом в опыте был первый, подготовительный этап. Сравнительно большое время заняла заготовка камней для лабиринта. В первом опыте было заготовлено около 360 булыжных камней разного размера (10-35 см в диаметре), во втором – свыше 2 тысяч камней. Оставшееся время подготовительного этапа (25% в первом опыте и 50% во втором) было потрачено на предварительное проектирование лабиринта спирально-прочерченным способом, описанным выше. В том и другом случае был использован односпиральный принцип конструирования.

Собственно строительный этап носил характер механического исполнения поставленной задачи. В 1-м эксперименте на долю этого этапа пришлось 2 часа 40 мин. (66,6% всего рабочего времени), во 2-м – 1 час 30 мин. (60%). В результате мы получили полные аналоги заяцким лабиринтам¹.

Проведенные опыты позволяют сделать некоторые выводы.

По-видимому, следует отказаться от широко распространенного представления о сравнительно большой затрате рабочей силы и времени при строительстве лабиринтов. Каменные лабиринты сооружались, по всей

---

1. Куратов А.А. Археологический отчет за 1968 год: научный архив Арханг. краевед. музея: Рукопись. С. 57–68.

вероятности, небольшим коллективом строителей в относительно короткое время.[82]

Эксперимент подтвердил также вероятность применения спирально-прочерченного метода конструирования лабиринтов. В таком случае лабиринтный мотив, имеющий в своей основе раскрученную от центра спираль, является главным признаком лабиринтов подковообразной формы. Этот признак характеризует, таким образом, отдельную типологическую группу лабиринтов.

Внутри этой первой группы выделяется два подтипа.

Первый подтип состоит из лабиринтов так называемого «классического типа». К нему относятся некоторые лабиринты Финляндии (Утё), Швеции (Висбу), Англии (Острова Силли) и Россия (Красная Луда) (рис. 4.1–4).

Основные признаки лабиринтов «классического типа»: 1) наличие двух подковообразных фигур, образованных извилистыми линиями внутренних стенок; 2) между входным устьем и центральной частью лабиринта имеется крестообразное пересечение радиальной линии и линии круга. Иногда место крестообразного пересечения линий занимает подчетырехугольное сооружение из камней (Красная Луда); 3) центральное сооружение из камней, как правило, отсутствует; 4) лабиринты имеют очертания правильного круга.

Интересные аналогии каменным лабиринтам «классического типа» обнаруживаются среди древних изображений античного времени.

Наиболее ранним рисунком лабиринта является изображение на стеле в Пилосе, описанное в 1958 году Блогеном и Лангом¹.

Мэтьюз опубликовал фотографии кносских серебряных монет, связывая помещенное на них изображение круглого подковообразного лабиринта с каменными лабиринтами Северной Европы². Монеты относятся к III–I вв. до н.э. (рис. 4.17).

---

1. Blogen C.W., and Lang M. The Palace of Nestor. AJA. 1958. Vol. 62. C. 181.

2. Matthews W.H. Mazes and Labyrinths, London, 1922, C. 177.

На известной этрусской вазе из Траглиателлы приемом граффити нанесен уникальный рисунок, изображающий двух всадников рядом с подковообразным лабиринтом (рис. 4.18). Ваза датируется VI– V вв. до н.э.¹

Один из германских дерновых лабиринтов около Штайгра, в Тюрингии, имеет ту же конструкцию, что и столь удаленный от[83] него каменный лабиринт в Красной Луде. Штайгрский лабиринт, по мнению исследователей², довольно позднего происхождения (рис. 4.16). Возможно, он синхронен дерновым мазам Англии; один из них, «троя таун» из Самертон, по форме наиболее близок «классическому типу» каменных лабиринтов (рис. 4.20).

Церковные лабиринты средневековой Франции и ряда других европейских стран повторяют древний подковообразный мотив каменных лабиринтов. В Финляндии, в частности изображения лабиринта встречаются на стенах некоторых церквей XV в.³ Так, например, на стене церкви в Сиббо изображен лабиринт, в центре которого помещена женская фигура (рис. 4.22).

Второй подтип группы каменных круглых подковообразных лабиринтов характеризуется теми же чертами, что и первый подтип, но, в отличие от «классического типа», лабиринты второго подтипа имеют ряд особенностей: 1) отсутствует крестообразное пересечение радиальной линии и линии круга в центре лабиринта, 2) в центре лабиринта всегда имеется сооружение из камней в виде овальной в плане (иногда подтреугольной, подчетырехугольной) пирамиды.

Примером такого типа сооружений служат многие из соловецких лабиринтов, в частности лабиринты Большого Заяцкого и Анзерского островов (рис. 4.5–7).

---

1. Giglioli G.Q. L'oinochoe di Tragliatella. «Studi Etruschi». III, Firenze, 1929; Cagian de Azenedo M. Saggio sul Labirinto. Milano, 1958.

2. Ringbom L.-J. Указ соч. С. 75-76, рис. 7 (K.F. Leonhardt)

3. Там же. С. 79-80, рис. 8.

С известной осторожностью можно проследить восточный ареал распространения лабиринтов второго подтипа, хотя очевидно, что лабиринты «классического типа» преобладают на западе. Однако провести более четкую границу между намечающимися ареалами невозможно из-за отсутствия исчерпывающего типологического описания большинства лабиринтов.

Описанный нами прием прочерчивания одной спиральной линии от центра к периферии ярко выражен в конструктивной схеме лабиринтов второй группы. Они также разбиваются на два подтипа.

Первый подтип представлен спиральным лабиринтом Соловецкого острова (рис. 4,5). Линия камней, выложенных по спирали, подтверждает нашу догадку о способе сооружения каменных лабиринтов. Спиральный лабиринт Соловецкого острова представляет собой определенный, возможно древнейший этап в развитии ла[84]биринтного узора. В этом смысле лабиринты первой группы (лабиринты «классического типа» и подковообразные) являются более поздней и усложненной модификацией спирального лабиринта.

Ко второму подтипу относится лабиринт на о. Вир (Финляндия), обнаруженный в 1837 году Эрнстом Бэром (рис. 4.5). Лабиринт сочетает в себе черты спирального и подковообразного типов: 1) внешняя подкова выстроена из четырех (слева) и пяти (справа) круговых линий (признак подковообразных лабиринтов); 2) внутренняя конструкция из камней состоит из одной спиральной линии, соединенной с внешней подковой (признак спирального лабиринта).

Типологическое сравнение двух выделенных подтипов приводит к выводу о переходном характере лабиринта на о. Вир от простейшей формы Соловецкого спирального лабиринта к более сложным подковообразным очертаниям лабиринтов первой группы.

Наше предположение об относительно древнем происхождении спирального лабиринта подтверждается наскальными рисунками бронзового века Южной Швеции. Среди них имеются два любопытных изображения

лабиринтов (рис. 4.21). Ян де Вриз в одной из своих работ связывает шведские наскальные рисунки с солнечным культом¹. Верхний рисунок, передающий картину несомненно культово-религиозного «действия», когда человек-жрец совершает определенный ритуал у спирально выстроенного жертвенного или культового места, дает прекрасный аналог каменным спиральным лабиринтам.

Мы описали две группы лабиринтов, основанные на схеме одной спиральной линии, прочерченной от центра к периферии.

Другой способ предполагает тот же принцип конструирования, но отличие его от односпирального заключается в том, что прочерчивается две Спирали, взаимно вписанные друг в друга. Техническое исполнение выкладки камней по существу не отличается от исполнения односпиральных лабиринтов.

Биспиральный принцип конструирования объединяет лабиринты третьей группы. К ним относятся Большой Соловецкий лабиринт, лабиринт в Кандалакше и, возможно, один из лабиринтов Большого Заяцкого острова (рис. 4.10–12).[85]

Характерные признаки лабиринтов третьей группы: 1) присутствие внутри лабиринтов рисунка двух, взаимно вписанных друг в друга спиралей; 2) подковообразное оформление внешних круговых линий; 3) роль центрального сооружения играют груды камней в начальном отрезке спиральных линий; 4) форма лабиринтов овально-вытянутая в плане; вход в лабиринт расположен с удлиненной стороны овала.

Ближайшей аналогией каменным лабиринтам третьей группы является один из немецких «вундеркрайсов» (рис. 4.23), опубликованный в 1844 году Х.Ф. Массманом². Исследователь описал его как сооружение в «форме почки с неправильными дорожками». Воспользовавшись удачным сравнением, мы предлагаем назвать лабиринты третьей группы «почкообразными».

---

1. Vries J. de. Untersuchung tiber das Hiipfspiel Kinderspiel-Kultanz. II. Das Labyrinth und das Labyrmthspiel. F. F. Comunuaications. LXX, 173, Helsingfors, 1957. С. 61–62.

2. Massmann H.F. Указ. соч. С. 11-13.

Совершенно особую, четвертую группу каменных лабиринтов Северной Европы составляют памятники типа Большого Понойского лабиринта, раскопанного в 1900 г. К.П. Ревой¹.

Своеобразие лабиринтов четвертой группы заключается в принципиально новом приеме их конструирования. Автором этого метода является Э. Краузе, предложивший теорию концентрических кругов для лабиринтов «классического типа». Мы экспериментально показали, что эта теория не имеет отношения к подковообразным лабиринтам, но она вполне применима при практическом исполнении конструирования каменных лабиринтов типа Большого Понойского лабиринта.

Перед выкладкой камней выполнялась предельно простая операция вычерчивания рабочей схемы на земле. Вокруг выбранной точки вычерчивались концентрические круги. Затем производилась укладка камней по намеченным линиям. В процессе работы строители внесли незначительные, казалось бы, изменения в концентрическо-круговой конструкции кладки: соответствующим образом оформлялась центральная часть, строились перемычки во внутренних ходах и соединялись некоторые круговые линии у входа.

Так нам представляется процесс постройки Понойского лабиринта (рис. 4.13).[86]

Большой Понойский лабиринт не составляет единичного явления. Один из лабиринтов Соловецкого острова (№ 2, по Н.Н. Виноградову²), исследованный уже в разрушенном состоянии; является почти точным повторением Понойского лабиринта (рис. 4.14).

Среди соловецких лабиринтов имеются и вариации описанного типа.

Так, один из лабиринтов северной группы памятников на Большом Заяцком острове сконструирован, без сомнения, на основе концентрическо-

---

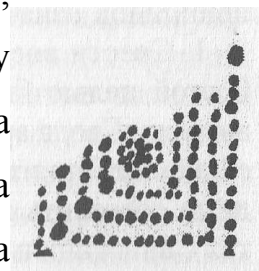
1. Рева К. О раскопках жилища неизвестного времени у села Поной на реке Поное и об исследовании там же пяти лабиринтов // Отчеты археолог, комиссии за 1900 г. С. 86.

2. Виноградов Н.Н. Указ. соч. С. 43–45.

круговой схемы. Впрочем, лабиринт разрушен и не Поддается удовлетворительной реконструкции¹ (рис. 4.25).

Концентрическо-круговые лабиринты типа Большого Понойского имеют довольно близкие аналогии среди дерновых мазов Англии. Один из них, известный под названием «пастушеская гонка» («Shepherd's Rase») опубликован Мэтьюзом². Это дерновое сооружение конструктивно очень напоминает схему Большого Понойского лабиринта, правда, его центральная часть несколько видоизменена (рис. 4.24).

Мэтьюз, обращаясь к легенде о критском лабиринте, приводит в качестве иллюстрации итальянскую гравюру 1450 г³. На рисунке изображен момент, когда Ариадна вручает в руки Тезея чудодейственный клубок. Обращает на себя внимание изображенный тут же лабиринт, схема извилистых ходов которого аналогична плану Понойского Лабиринта (рис. 4.25).

Приведенные аналогии заставляют отнести лабиринты четвертой группы к более позднему времени. Однако этот вывод нуждается еще в дополнительной аргументации.

К пятой группе лабиринтов относятся все постройки, которые из-за разрушенного состояния не могут быть отнесены ни к одной из вышеописанных групп.

Среди них, возможно, обнаружатся и принципиально новые конструктивные схемы. Сюда следует отнести единственный на Соловецких островах прямоугольный лабиринт (по Н.Н. Виногра[87]дову, «комбинация концентрических прямоугольников»⁴). Расположенный в группе круглых подковообразных лабиринтов, он резко выделяется на их фоне (рис. 6).

---

1. Лабиринт открыт студентами МГУ в 1967 г. Схема составлена С.В. Михайловым – Науч. архив Соловецкого филиала Арханг. краевед. музея.

2. Matthews W.H. Указ. соч. С. 92.

3. Там же. С. 46.

4. Виноградов Н.Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага: лабиринт Б. Заяцкого острова. Соловки, 1927. С. 33. (Материалы СОК; вып. 12).

Однако типологическое описание лабиринта абсолютно исключается из-за его плохой сохранности.

Классификация каменных лабиринтов Северной Европы, предложенная нами, носит предварительный характер.

Систематика памятников будет завершена лишь при условии комплексного их изучения. Методологическая ошибка многих исследователей заключалась прежде всего в том, что они делали свои обобщения на базе неполного фактического материала. Перед учеными, таким образом, стоят сейчас две задачи – методологическая и практическая. Во-первых, необходимо выработать единую методологию исследования, предполагающую создание общей терминологии и номенклатуры названий лабиринтов, а также определения каких-то единых принципов описания, единого метода исследования. Во-вторых, практическое осуществление методологических принципов означает реализацию целого комплекса мероприятий:

1. Свести воедино все ранее сделанные описания памятников. С этой целью было бы целесообразно подготовить специальный выпуск «Свода археологических памятников СССР» с полным описанием лабиринтов Белого и Баренцева морей. Кроме того, необходимо составить хотя бы краткую справку о зарубежных лабиринтах с аннотациями, библиографией и с обязательным иллюстративным материалом. Такая справка могла бы стать хорошим дополнением (в виде приложения) к выпуску «Свода археологических памятников».

2. Шире развернуть полевые исследования лабиринтов. Полевые работы должны отвечать на следующие вопросы: а) природное окружение и демографическая среда, география и топография памятников; б) ориентировка лабиринтов по странам света и по отношению к материку; высотная отметка к зеркалу воды в приливной момент; в) точный обмер памятника по следующим параметрам: длина в метрах по радиальным линиям (минимум; максимум), окружность лабиринта в метрах, величина

центрального сооружения и других дополнительных построек из камней внутри лабиринта; составление масштабного чертежа; г) словесное описание[88] основных элементов лабиринта: каменных стен, центрального сооружения, входного устья, перемычек внутри ходов, проходов, тупиков и пр.; характеристика каменной кладки; петрографический анализ строительного материала; четкое определение типа лабиринта по внешней форме; внимательное обследование дневной поверхности без раскопочных вскрытий; закладка разведочных шурфов и траншей рядом с лабиринтом с целью изучения стратиграфии подпочвенных напластований; взятие проб на споропыльцевой анализ; в случае обнаружения культурного слоя расширить раскоп, не распространяя его на лабиринт; тщательно изучить культурные остатки в рамках обычной методики; д) комплексное изучение групповых лабиринтов; составление карт и схем, проведение нивелировки, подробное словесное описание памятников, присвоение лабиринтам внутри группы определенного шифра (номера); е) внимательное обследование прилегающей территории и обязательное описание других сооружений из камней и земли вблизи лабиринтов курганов, каменных груд, каменных гряд, сооружений типа дольментов, менгиров и кромлехов, отдельных крупных камней, землянок, ям и т.д.; раскопочное обследование указанных памятников производить только в исключительных случаях, в частности тогда, когда памятникам угрожает разрушение; фиксировать все случаи видимой связи каменных и земляных построек с лабиринтами, проведение петрографического анализа и взятие проб на споро-пыльцевой анализ; в случае обнаружения культурного слоя провести необходимые исследования раскопочным путем; установить для описанных памятников определенную номенклатуру и присвоить им шифры (номера); особо обратить внимание на ориентировку сооружений по странам света и по отношению к лабиринтам; ж) проведение широких археологических исследований на стоянках северного неолита; осуществить

эти работы параллельно с изучением лабиринтов и других сооружений из камней.

3. Обобщить материал полевых исследований: а) определить место памятников среди подобных им сооружений на более широкой территории; б) оформить окончательную классификацию лабиринтов и каменных построек по типам и систематику по условиям нахождения памятников; в) решить вопрос о соотношении лабиринтов и других Сооружений из камней (имеется ли генетическая связь между ними?); г) найти нужные аналогии среди исторических и этнографических материалов; д) установить связь с известными и новыми археологическими памятниками; е) на основе[89] датирующих моментов дать абсолютную датировку лабиринтов, а внутри типов и групп упорядочить относительную хронологию;

ж) вписать лабиринты в определенную этнокультурную общность на основе солидного вещественного археологического материала;

з) решить вопрос о назначении лабиринтов.

Так нам представляется программа действий исследователя на ближайшие годы. Только при этом условии можно надеяться на удовлетворительное решение проблемы каменных лабиринтов Северной Европы.

ДРЕВНИЕ ЛАБИРИНТЫ АРХАНГЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

(К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы)*

Каменные лабиринты Архангельского Беломорья представляют собой уникальное явление первобытной культуры. Соловецкие лабиринты как археологические объекты правомерно внесены в список памятников всесоюзного значения¹, а вопрос их охраны неразрывно связан с проблемой изучения, историко-культурной интерпретации этих поистине загадочных архитектурных сооружений древности.

Памятники, называемые лабиринтами, представляют собой наземные постройки из небольших валунных камней (средняя величина камней не превышает 40 см в диаметре), имеющие в своей конструктивной схеме спираль или систему концентрических кругов. Каменные лабиринты распространены в обширном, но сравнительно ограниченном регионе европейской части Старого Света – на каменистых берегах Белого и Баренцева морей, островах и шхерах Финляндии, Швеции и Норвегии, на Британских островах. Всего известно не менее 120 каменных лабиринтов, в том числе на территории СССР 45 лабиринтов (из них 29 на островах Соловецкого архипелага).

Историография лабиринтов Белого и Баренцева морей довольно богата². В специальной литературе (Н.Н. Виноградов, Н.Н. Гурина, А.А. Куратов) разработана типология лабиринтов, в основе которой лежат два критерия внешняя форма и спирально (концентрически) прочерченный принцип предварительного конструирования лабиринтов. Не останавливаясь

---

* Впервые опубликовано: Историко-краеведческий сборник. Вологда: Вологод: гос. пед. ин-т, 1973. С. 63–76.

1. Список памятников археологий общесоюзного Значения РСФСР И Материалы по охране памятников археологий: сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры СССР, М., 1967. Вып. III. С; 7.

2. Спицын А.А. Северные лабиринты // Известия Археолог, комиссии. Вып. 6. М., 1904. С. 101–112, Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты: их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927. (Материалы Соловецкого о-ва краеведения; вып. 4). Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология. 1948. С. 125–142. Мулло И.М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 185–193 и др.

подробно на классификации лабиринтов, укажем только па основные типы лабиринтов, поскольку в дальнейшем изложении нам придется пользоваться специфическими терминами.

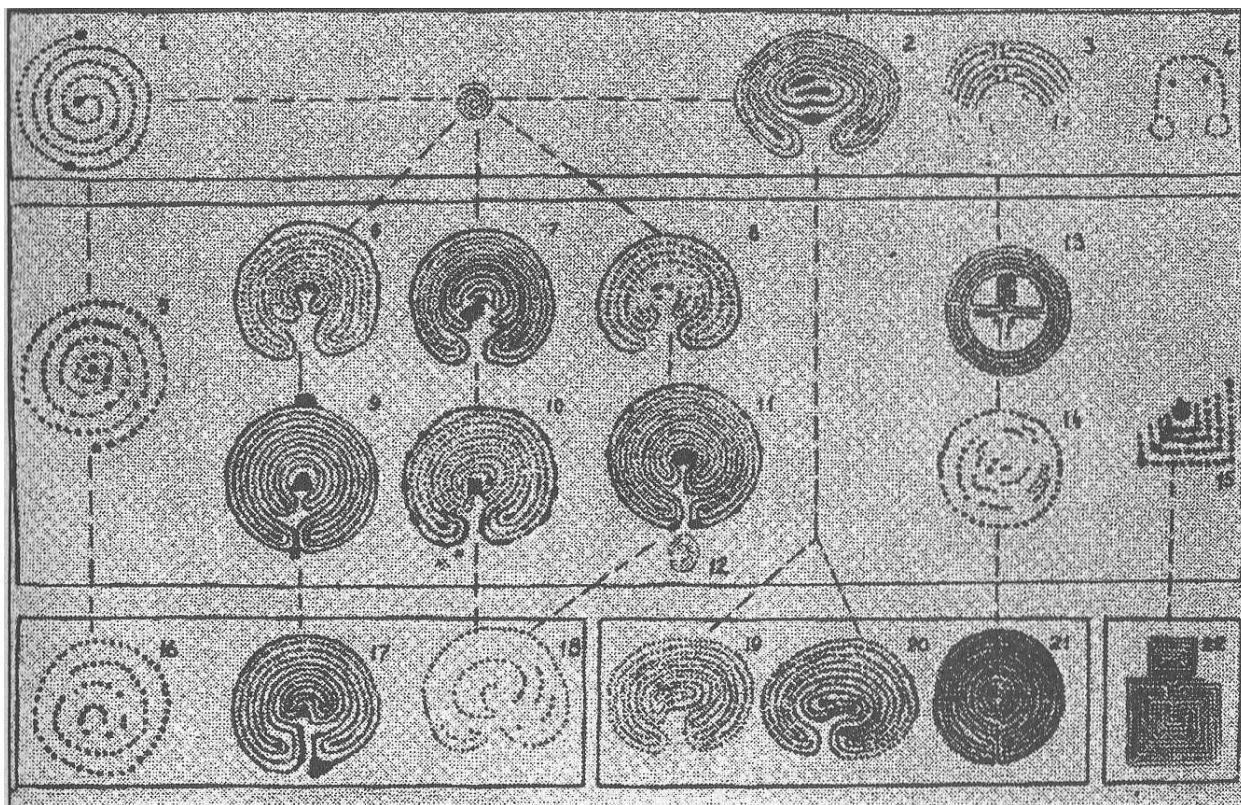

Рис. 1. Планы каменных лабиринтов Соловецких островов

Типология лабиринтов: круглоспиральные (1, 5, 16), подковообразные (6–12, 17–18), почкообразные (2), concentрическо-круговые (3, 13, 14); каменные постройки: «вентерь» (4), «прямоугольный лабиринт» (15). Б. Соловецкий остров – 1–4, Б. Заяцкий остров – 5–15; Анзерский остров – 16–18.

Аналогии: каменные лабиринты Кольского полуострова – 19 (Харловка), 20 (Кандалакша), 21 (Поной); изображение на северорусском скальне – 22[91]

Одспиральный метод конструирования лабиринтов ярко иллюстрируется круглоспиральными (или спиральными) лабиринтами (рис. 1–1, 5, 16), включающими и ряд переходных, смешанных форм (круглоспиральные лабиринты Б. Заяцкого и Б. Соловецкого островов), лабиринты переходных форм на острове Вир и в архипелаге Хиитис в Финляндии и др.

Конструирование подковообразных лабиринтов предполагало предварительное вычерчивание той же спирали, но при последующей трансформации ее в подковообразную фигуру. Исполненный на земле «чертеж» далее «одевали» на камень. Следует отметить, что окончательная форма лабиринта в конечном итоге зависела от того, в какую сторону «раскручивалась» спираль: а) слева направо – один тип (рис. 1–6–10), б) справа налево – зеркальное отражение первого вида (рис. 1–11, 17). Подковообразные лабиринты составляют большинство соловецких каменных лабиринтов и имеют множество аналогии среди западноевропейских лабиринтов так называемого «классического типа».

Биспиральный принцип конструирования, сочетающий две взаимно вписанные спирали, объединяет почкообразные лабиринты Соловков (рис. 1–2) и Кольского полуострова (рис. 1–19, 20).

Четвертую группу каменных лабиринтов составляют сооружения, в конструктивной схеме которых лежит система концентрических кругов. Концентрическо-круговые лабиринты (рис. 1–3, 13, 14, 21) известны как на территории нашей страны, так и за ее пределами.

Прямоугольные лабиринты (рис. 1–15) составляют исключения, однако подтверждающее правило, так как в конструктивной схеме прямоугольных лабиринтов лежит спираль, изломанная в прямо-угольный меандр.

Вряд ли возможно выделение принципиально иных типологических схем каменных лабиринтов. Те или иные вариации типов будут вписываться в какую-то одну из выше описанных групп северных лабиринтов в разработанных нами классификациях¹.

В сложной проблематике древних лабиринтов наиболее трудным и сложным является вопрос о их назначении.[92]

Загадочность лабиринтов заключается, между прочим, в том, что современные европейские народы начисто «забыли» происхождение этих

---

1. Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: Опыт классификации // Сов. археология. 1970. № 1 С. 34–48. Он же. Каменные лабиринты Северной Европы // Наука и жизнь. 1971. № 3. С. 138–139.

таинственных каменных построек. Вследствие этого исследователи не могут эффективно использовать привычную методологию историко-культурных сравнений.

Исторические Письменные источники не проясняют происхождение лабиринтов. В лучшем случае они просто фиксируют известное Название рассматриваемых памятников. Приведем некоторые из этих названий: «Девичьи пляски», «Игра святого Петра», «Забор великанов», «Ограда монахинь», «Иерихон», «Ниневия», «Гибель Иерусалима», «Лиссабон», «Каменная ограда» (Финляндия), «Танец девушек», «Тройеборг» (Швеция), «Треллеборг» (Дания), «Танец Адама» (Германия), «Вавилон», «Каменный городской оклад» (Русский Север) и т. д.¹ Разнообразие микротопонимии лабиринтов лишний раз свидетельствует об отсутствии у современных народов Северной Европы истинного понимания назначения каменных лабиринтов.

Остановимся на одной из русских средневековых записей легенды о происхождении Кольских лабиринтов. В 1592 году два русских дипломата Г. Б. Васильчиков и князь С.Г. Звенигородский были посланы в Колу для переговоров с послами Христиана IV о русско-датской границе. «А в Варенге, на побоище немецком, – записали московские послы, – где Варенский летний погост, Валит (мифический герой карел. – А.К.) на славу свою принеся с берегу камень в вышину от земли есть и ныне больше сажени, а около него подале выложено камнем как бы городской оклад в 12 стен, а назван был у него тот оклад Вавилоном...»².

Итак, в представлении русских людей XVI века «вавилон», или лабиринт, это «городской оклад», «камен город», «город», «крепость». Своеобразным подтверждением этого мнения может служить очень

---

1. Спицын А.А. Указ. соч. С. 104.

2. Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1824. Т. XI. С. 20.

интересная русская миниатюра XVI века, на которой помещено изображение города Вавилона в виде лабиринта¹ (рис. 2).[93]

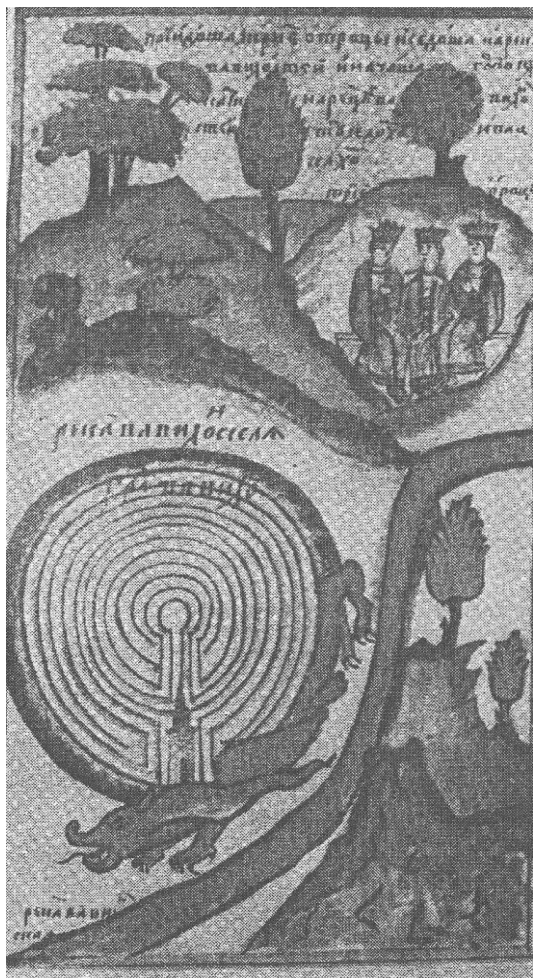

Рис. 2. Миниатюра из русской рукописи XVI века «Вавилонское пленение»².
Некоторые исследователи³ предлагают вообще перечеркнуть иррациональную (культовую) интерпретацию лабиринтов. Этот вывод базируется на безусловном признании конструктивной близости каменных лабиринтов и рыболовных снарядов поморского Севера. Сравнение тех и других построек, однако, не доказывает полную идентичность их конструктивных схем в пяти установленных нами типологических группах.[94]

Согласно другой точке зрения, лабиринты являлись местом древних развлечений и хороводных танцев культового характера («танец журавля»,

1. Вавилонское пленение: Рукопись Императорской Академии наук – Записки императорского Московского археологического института. СПб., 1913 Т. I. С. 60–61. Рис. 44.

2. Спицын А.А. Указ. соч. С. 111-112.

3. Мулло И.М. Указ. соч.

«геранос», «танец юных дев», «танец Адама», «танец Тезея» и пр.), а также ристалищем для военных и спортивных состязаний («троянский замок», «троянская игра», «вундеркрайз» и пр.). Однако, никто из исследователей (О. Бенндорф, Л.И. Рингбум, Ф. Вэге, Э. Краузе и др.) не отметил факта понимания местным населением каменных лабиринтов в указанном качестве.

Большинство исследователей отстаивают иррациональный, культово-религиозный характер каменных лабиринтов, связанный со своеобразным рационализмом первобытных охотников и рыболовов финальной поры каменного века. Истинное понимание каменных лабиринтов исходит, таким образом, из того, насколько полно и отчетливо мы представляем себе первобытное бытие, рождающее первобытное сознание.

Авторы используют для обоснования своих гипотез самые разнообразные историко-этнографические материалы, рыболовные приспособления и орудия лова из прутьев и жердей рассматриваются одними исследователями как аналоги каменных лабиринтов, что позволяет им связывать лабиринты с первобытной рыболовно- промысловой магией¹; другие исследователи используют наскальные рисунки эпохи бронзы, широкие этнографические параллели и данные античной и средневековой пиктографии для обоснования культа мертвых², обряда умножения промысловых животных и родоплеменной инициации³, погребального обряда⁴ и т. д. Трудно перечислить все высказанные гипотезы, настолько их много. С нашей точки зрения, все они не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Это неизбежный вывод, если обратиться, хотя бы выборочно, к некоторым аналогиям каменных лабиринтов.

Возьмем районы распространения каменных лабиринтов и их пиктографических аналогий в максимально удаленных друг от друга географических пунктах, от Австралии до Севера Европы.[95]

---

1. Гурина Н.Н. Указ. соч.

2. Виноградов Н.Н. Указ. соч.

3. Кабо В.Р. Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1966. Т. 23.

4. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Тр. Гос. Истор. музея. М., 1940. Вып. IX. С. 149–150.

У примитивных охотничье-рыболовческих племен Австралии сохранилась древняя традиция изображать лабиринты на деревьях и камнях. Больше того, на земле сооружались или вычерчивались фигуры в форме лабиринта. Здесь проводились обряды инициации, связанные с переводом австралийских юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин¹. Этнографы, наблюдавшие эти сцены посвящения, научно описали их. На сохранившихся фотографиях видно, как посвящаемых подростков с закрытыми глазами ведут вдоль тропы, на которой начертаны фигуры, напоминающие изображения лабиринта. Так представлялся аборигенам Австралийского континента путь великих тотемических предков по земле и по «стране сновидений». Иногда рядом с изображением лабиринта можно видеть и контуры животного, которого аборигены во время обрядов поражали копьями. В Австралии встречаются и на скальных изображения лабиринтов (Новый Южный Уэльс); лабиринт сочетается здесь с изображением следов животных и сцен охоты и обрядовой пляски².

Большую смысловую нагрузку несут изображения спиральных и подковообразных лабиринтов на мегалитических (из больших камней) погребальных сооружениях древнего Дагестана³. Временем возникновения подковообразного лабиринта исследователь дагестанских мегалитов А.А. Миллер обоснованно считал эпоху бронзы, в то время как спиральный мотив лабиринта впервые встречен в памятниках материальной культуры Дагестана медно-каменного века⁴.

Предположение об относительной древности спирального мотива каменных лабиринтов подтверждается, в частности, на скальными рисунками Южной Швеции, на острове Готланд, где вместе с петроглифами встречаются каменные лабиринты. По мнению Яна де Фриза, на скальные

---

1. Инициации имели целью подготовку молодежи родового общества к производственной, общественной и брачной жизни и, как правило, сопровождались различными испытаниями силы и мужества будущих охотников, посвящением в тайны и мифы племени. – А.К.

2. Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969. С. 311–313.

3. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. С. 17.

4. Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного Дагестана. Л., 1927. С. 26–51, 59.

рисунки Южной Швеции датируются бронзо[96]вым веком и связаны с солнечным культом древних жителей острова Готланд¹.

Недавние раскопки мегалитических захоронений в Ирландии, в долине реки Войн, привели к открытию камней с выбитыми на них спиральными и лабиринтными рисунками. На одном из рисунков изображен странный прибор, напоминающий солнечные часы. В графстве Мит найдены аналогичные изображения на мегалитических камнях, датируемые II тысячелетием до н.э. По мнению исследователей (Д. Эогана и др.), происхождение этих изображений также связано с солнечным культом².

Рис. 3. Изображение лабиринтов на мегалитических постройках.

Графство Мит, Ирландия (репродукция с открытки)

Следует обратить внимание на тот факт, что ирландские лабиринты так же, как лабиринты Дагестана, сопровождают мегалитические захоронения. Примеры такого удивительного сочетания можно бесконечно умножить.

Мотив солнца — один из древнейших сюжетов орнамента. Он встречается, кстати, в русской домовой резьбе и в резном декоре предметов

---

1. Куратов А.А. О каменных лабиринтах... С. 44.

2. За рубежом. 1970. № 3. С. 16.

труда и быта северных крестьян¹. Очень интересно[97] в этом отношении ящичное скально, обнаруженное недавно в деревне Занюхча на реке Пинеге этнографом Ю.П. Прокофьевым². На боковых щитках скальна изображены спиральные и подковообразные лабиринты (рис. 1–22), сюжетно связанные с помещенными на этом же скальне символическими изображениями солнца – «солнечными розетками». Надо отметить, что изобразительные элементы культовой символики вообще широко распространены в севернорусской вышивке, где сложные орнаментальные узоры названы знакомым нам словом «вавилонны»³.

Приведенные примеры позволяют предположить, что каменные лабиринты получили отражение в петроглифике, пиктографии и прикладном искусстве многих стран и народов. Анализ собственно археологического материала, добытого в процессе раскопок, и со-поставление его с данными этнографии и истории приводит к выводу о несомненно иррациональной, культово-религиозной основе как каменных лабиринтов, так и их аналогий.

Северные каменные лабиринты служили отнюдь не утилитарными «моделями рыболовных ловушек», как считает И.М. Мулло, а скорее моделями «нижнего мира», где совершались магические обряды умножения промысловых рыб или животных. Иррационализм первобытного коллектива был в данном случае неразрывен с его рыболовно-промысловым рационализмом. Очень вероятно, что в действиях и ритуальных обрядах древних колдунов-жрецов немалое место отводилось такой рыбе, как семга. Ее появление у берегов Белого моря, выход в реки на нерест связаны с движением солнца-светила. Не исключено, что эти два движения – светила и рыбы – исполнялись в магическом действии первобытных колдунов по разобщенным спиралям лабиринта. Если это предположение А.Л. Никитина⁴

---

1. Мальцев Н.В. Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове // Русское народное искусство: Сб. ст. Л., 1968. С. 69–82. Тазановская Н.В., Мальцев Н.В. Русские прялки. Л., 1971.

2. Собрание Арханг. краеведч. музея. Инв. номер 13446.

3. Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Сов. археология. 1966. № I. С. 61–76.

4. Никитин А.Л. Загадка древнего Беломорья // Знание – сила. 1970. № 2. С. 30–32.

верно, то становится понятней относительная близость спиральных лабиринтов и простейших рыболовных ловушек для семги на поморском Севере.

Можно ли, однако, объяснить назначение каменных лабиринтов только рыболовно-промысловой магией? По нашему мнению, куль[98]тово-промысловая магия не может полностью осветить проблему лабиринтов.

Установлено, что одиночные лабиринты или группы лабиринтов часто сопровождаются другими постройками из камней – менгирами, сейдами, дольменами, каменными грядами, курганами, фигурными выкладками из камней и пр. Наши раскопки на Соловецких островах позволили установить, что некоторые из этих мегалитических сооружений – остатки погребений (дольмены и каменные курганы). Разборка каменных груд вблизи лабиринтов Б. Заяцкого острова в 1969 году и на Анзерах в 1971 году привела к открытию следов захоронений, предусматривающих обряд трупосожжения. Погребальный инвентарь в курганах состоял из костей животных и рыб (морская фауна), а также кварцитовых отщепов и скребков.

Единственно возможный вывод из полевых археологических наблюдений над разнообразными каменными сооружениями на Соловках сводился к тому, что здесь мы имеем дело со святилищами, включающими погребальные и культовые памятники. На Соловецких островах обнаружено по крайней мере четыре таких святилища, и в каждом из них каменные лабиринты занимают видное место. Так, например, на Б. Заяцком острове Соловецкого архипелага каменные лабиринты широкой подковой окружают каменные курганы и груды камней (всего их на острове 610), дольмены (3), каменные гряды (3) и другие фигурные выкладки из камней (рис. 4).

Святилища Соловецких островов посещались людьми для погребения умерших, а также для отправления разнообразных обрядов первобытной религии. Несомненно, здесь имела место и охотничье-промысловая и рыболовная магия (производственная магия). Одновременно на святилищах

проводились инициальные операции, по аналогии с австралийскими аборигенами.

В момент сбора членов промысловой общины, вероятно, отдельного рода, на святилищах исполнялись общие ритуальные пляски, содержавшие в своей основе все элементы охотничье-промысловой магии. В фигурах танца повторялись движения охотника и рыболова на морском промысле. Хороводные танцы и ленточные «игрища», имеющие место в современной народной хореографии (ленточные танцы североевропейских народов, русские и финские хороводы и пр.) ведут свое происхождение от древних культовых танцев наших первобытных предков.

Военные и Спортивные игры в лабиринтах античности («людус[99] тройэ», «троянская игра», «троянский замок» и т.д.) и периода средневековья («вундеркрайзы») зародились задолго до «военных утех» классового общества в виде испытательных действий и обрядов первобытной инициации.

Таково сложное объяснение северных лабиринтов, предлагаемое нами в качестве наиболее вероятной гипотезы.

Остается определить место лабиринтов в сложной этнической мозаике первобытных племен неолитической Европы и их приблизительную датировку.

Советские и зарубежные ученые пришли к выводу о принадлежности каменных лабиринтов к кругу так называемого «арктического неолита». Этому понятию соответствует специфический термин «циркумполярная культура» (Гуторм Иессинг), отражающий единообразие в материальной культуре, социальной организации и идеологических представлениях многих северных племен эпохи неолита. Циркумполярные культуры каменного века и эпохи раннего металла (бронзы и раннего железа) занимали узкую полосу, непосредственно примыкавшую к северным морям современной Европы.

Разноэтнические группы приполярного Севера (в Беломорье это были, вероятно, предки современных саамов) под воздействием единой

географической среды создавали одну материальную, духовную и социальную культуру. Трудрами советских и зарубежных ученых¹ установлено, например, что древние жители полуострова Ямал (В.Н. Чернецов), Кольского полуострова (Н.Н. Гурина), Беломорья (А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс) и Восточного Финмарка (К. Однер) имели развитый зверобойный и рыболовный промысел на море.[100]

Сходство материальной культуры (близкие формы орудий из кварца, сланца и кремня) усиливается при более широких демографических сравнениях: везде в указанных районах имели место как сезонные, так и зимние поселения, что наталкивает на мысль о значительных годовых миграциях, совершаемых промысловыми племенами моря. При морском промысле требовались огромные площади для того, чтобы прокормить группу в несколько сот или даже в несколько десятков человек. По подсчетам Кнута Рассмусена (1934), племя эскимосов нетоилик численностью в 259 человек охотилось на огромной площади в 12,5 тыс. кв. км.

В социальном отношении охотничье и рыболовческое население приполярного Севера организовывалось в небольшие полукочевые группы. И у разных северных племен складывалась сходная идеология.

В свете изложенных соображений, каменные лабиринты, как одно из проявлений первобытной идеологии, могли сооружаться разноэт[101]ническим населением, что в целом удовлетворительно объясняет необычайно широкий район их распространения.

---

1. Гурина Н.Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // Материалы и исследования по археологии. 1951. Вып. 20. С. 143–167; Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии. 1952. Вып. 29; Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре: Доклад на междунар. конгрессе антропологии и этнографии М., 1964; Гурина Н.Н., Хлобыстин Л.П. Заселение Арктики // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. – Институт археологии АН СССР. М., 1972. С. 32–36; Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии, неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы: проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 26–42.

Фиксация следов материальной культуры на Соловках дает основание для датировки каменных лабиринтов. На Б. Заяцком острове и Анзерском острове архипелага, вблизи святилищ с лабиринтами, нами собраны изделия из кварца – скребки и отщепы. Такие же находки ранее были сделаны Н.Н. Гуриной на Кольском полуострове, около каменных лабиринтов в Кандалакше, Вящино, Харловке, Захребетном¹ и Кнутом Однером в Финмарке, около лабиринтов в Варангерфиорде. Исследователи уверенно датировали памятники по данным неотектоники и методом радиоактивного анализа вторым-первым тысячелетиями до н.э. По-видимому, этим же временем датируются и Соловецкие лабиринты.

Дальнейшие исследования помогут полнее раскрыть проблему северных лабиринтов.

---

1. Гурина Н.Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Материалы и исследования по археологии. 39. 1953. С. 408–429.

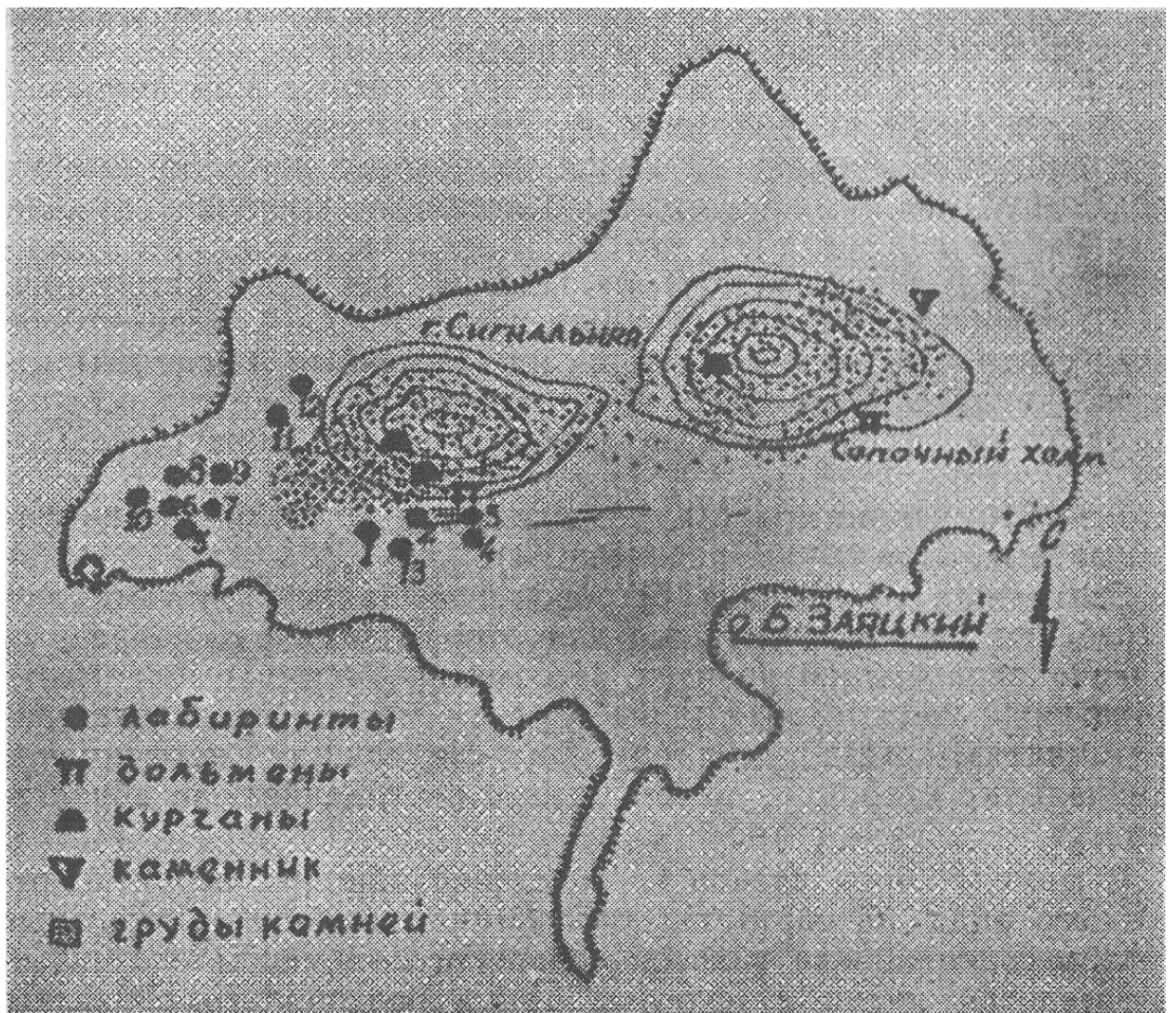

Рис. 4. План святилища Б. Заяцкого острова

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАБИРИНТЫ – ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ*

Соловецкие острова являются самым восточным ареалом распространения знаменитых европейских лабиринтов. Соловецкие лабиринты составляют сравнительно немногочисленную группу (33 памятника) в ряду дерново-кустарниковых и каменных лабиринтов Северной Европы. Всего их в настоящее время около 640, как считает известный шведский ученый Дж. Крафт¹.

Прошло 150 лет со времени первых научных публикаций, посвященных проблеме лабиринтов: в 1844 году Бэр описал древний каменный лабиринт на острове Вир в Финском заливе², а Мас[102]сманн исследовал³ поздние кустарниково-дерновые «вундеркрайзы» в Германии⁴. С тех пор

---

* Впервые опубликовано: Культура Русского Севера / отв. ред. К.В. Чистов. Л., 1988. С. 13–21.

1. Kraft J. Labyrinter i magins tjanst: Bottnisk Kontakt: Maritimhistorisk Konferens: Omskold–sviks museum, 12–14 Februari 1982. Omskoldsvik, 1982. S. 91–101.

2. Baer E. Über labyrinthformige Steinsetzungen im Russischen Norden. Bullet. de L' Akad. de St.-Petersb. 1844. I.

3. Massmann H.F. Wunderkreis und Irrgarten. Dueblinburg und Leipzig, 1844.

4. Библиография лабиринтов огромна, отметим лишь некоторые работы: Спицын А.А. Северные лабиринты // Изв. Археол. комиссии. М., 1904. Вып. 6; Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты: Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927. (Материалы Соловецкого о-ва краеведения. Вып. 4); Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология. 1948. № 10. С. 125–142; Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Сов. археология. 1970. № 1. С. 34–48; Meyer W. Em Labyrinth mit Versen: Sitz. ber. d. Akademie zu Munchen. Munchen, 1882; Krause E. Die nordische Herkunft der Trojasage. Glogau, 1893, Matthews W.H. Mazes and Labyrinths. London, 1922; Ringbom L. J. Trojalek och tranedans // Finskt Museum. Helsingfors, Vol XLV. 1938. S. 68–106; Kuratov A.A. On the stone labyrinths of Northern Europe // Soviet anthropology and archaeology. Vol. XII. S. 61–83; Он же. Stenlabyrinter i Solovetskij arkipelageni Vita havet // Finskt Museum, 1972. Hagalund, 1973. S. 59–63; Sundquist N. Trojeborgarna i Uppland och Norga av deras trader // Sartruck ur Upplands Fomminnsforening Arsbok. Uppland, 1956. S. 39–59; Odner K. To ny-oppdagede labyrinter i Ost-Finnmark // Viking. Oslo, 1961. N 25. S. 89–110; Trollope E. Notis of ancient and mediavel labyrints // The Archaeological Journal. London, 1958. N 15; Backbacka Chr. Stenlabyrinter i Finland // Finskt Museum, 1972. Hagalund, 1973. S. 64–73; Caerdroia. London, 1985. № 17; Kraft J. Labyrint och rytterlek // Tomvannen 72. Stockholm, 1977. S. 61–80; Он же. Trojeborg och Trelleborg // Blekingeboken. Argang 56. Karlskrona, 1978. S. 123–140; Он же. Vastergotlands trojeborgar: Fran Boras och sju haradema. 1978–1979. Boras, 1979. S. 3–38; Он же. Labyrintmagi pa Kuggoren? Halsingerunor, 1981. S. 5–15; Он же. Trojeborgar Kultplatser och stader // Ostergotland 1980. Linkopig, 1981. S. 75–105; Он же. Labyrinter i magis tjanst... S. 91–101; Он же. Aldrig vilse i en labyrint // Norrbotten 1980–1981. Lulea, 1982. S. 7–32; Он же. Gotlands trojeborgar // Gotlandskt Arkiv. 1983. S. 59–90; Он же. Gud innan i la byrintch // Popular Arkeology. Argang 2. 1984. N 3. S. 16–19; Он же. En nyupptackt labyrint i Fridlevstad : Blekinge lars museum//Sartryck ur Blekingeboken. 1984. S. 71–76;

историография вопроса значительно выросла¹, хотя проблематика так и не получила удовлетворительного решения.[103]

Проблематика каменных лабиринтов складывалась из ряда взаимосвязанных вопросов: орографическое описание лабиринтов, их экология и демография; комплексное изучение групповых и одиночных лабиринтов в ряду мегалитических построек; типология и классификация лабиринтов, их относительная и абсолютная хронология; их назначение; сохранность лабиринтов как ценных памятников древней культуры; музеефикация лабиринтов.

В 1964–1987 гг. нами проведены полевые исследования каменных лабиринтов и других археологических памятников Соловецких островов (рис. 1). Осуществленные по комплексной программе, эти работы значительно дополнили результаты исследований, проведенных ранее в этом районе. На Соловках были исследованы лабиринты, менгиры, сейды, каменные курганы², дюнные стоянки с кремневым и кварцевым инвентарем³, средневековые могильники саамов⁴ и т. д. В результате выяснилось, что каменные лабиринты и дюнные стоянки, вероятно, образовали сложный комплекс протосаамской культуры II–I тысячелетия до н.э., дополненной в I – начале II тысячелетия н.э. средневековыми памятниками саамов. «Доисторические» и «исторические» саамы расселились на огромных пространствах северных и приполярных морей Европы.

Обратимся к древностям Анзера, одного из островов Соловецкого архипелага. Природа Анзера почти не отличается от природы других

Он же. Stone-labyrinths // *Caedroia. Benfleet*, 1985. N 17. P. 12–18; Он же. Labyrintnamn-fran Troja till Trelleborg // *Svdsvenska Ortnamnssallskapets Arsskrift* 1986. Lund, 1986. S. 8/172 и др.

1. Куратов А.А. Древние лабиринты архангельского Беломорья: к вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // *Историко-краеведческий сборник*. Вологда, 1973. С. 63–76; Kuratov A.A. Stenlabyrinter i Solovetskij arkipelagen. S. 59–63.

2. Куратов А.А. Соловецкие стоянки II–I тысячелетий до н.э. // *Сов. археология*. 1983. № 1. С. 199–204; Мартынов А.Я. Древняя история Северодвинского бассейна в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

3. Мартынов А.Я. Археологические памятники древних саамов – на Соловецких островах // *Природа и хоз-во Севера*. Мурманск, 1983. Вып. 11. С. 83–87; Он же. К истории исследования Соловецких древностей // *Археология и археография Беломорья*. Котлас, 1984. С. 36–51.

4. Мартынов А.Я. Работы в Северодвинском бассейне и на островах Белого моря // *Археологические открытия*, 1984. М., 1986. С. 16.

соловецких островов с их особым микроклиматом, своеобразием островной флоры и фауны. Западная часть Анзера густо заросла лесами. Здесь много озер, живописно «спрятанных» среди холмов. Один из них, самый высокий, известен как гора Голгофа. Восточная часть острова равнинна и почти лишена леса. Нами собран небольшой, но весьма выразительный гербарий. Известным[104] ботаником, заведующим отделом природы

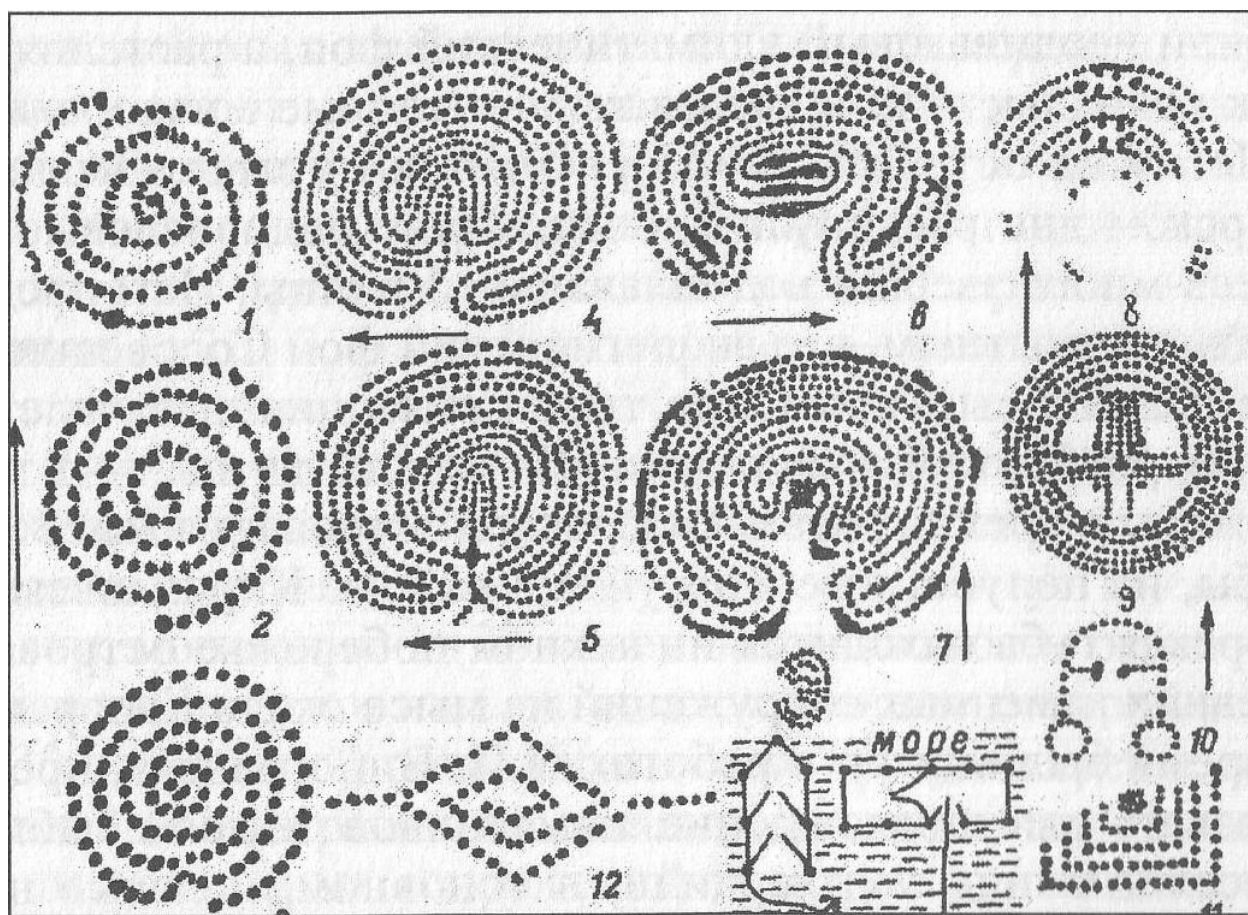

Рис. 1. Схемы каменных лабиринтов Соловецких островов:
 1, 7, 9, 11 – Большой Заяцкий остров;
 2, 4, 6, 8, 10 – Большой Соловецкий остров;
 3, 5 – Анзер; 12 – план рыболовной ловушки по Л.П. Сабанееву;
 13 – планы поморских ловушек

Архангельского областного краеведческого музея А.А. Гасконским определено свыше 50 видов растений. В анзерском гербарии преобладали растения, которые могли служить биоиндикаторами различных по своим экологическим характеристикам природных зон. Некоторые виды относились к арктическим и гиперарктическим видам, характеризующим тундровые фитоценозы (лерхенфендия извилистая, арктоус альпийский,

резуха каменистая, ясколка каменистая и др.), другие – к бореальным евроазиатским формам (около 20 видов, например: майник двулистный, линнея северная, седмичник европейский, костяника обыкновенная и др.). Представлена в гербарии и группа растений-голофитов, типичных обитателей засоленных песков беломорского побережья (чина приморская, гонкения бутерлаковидная, мертензия приморская и др.). Имелись здесь и циркумполярные виды с широкими ареалами распространения (щитовник игольчатый, хвощ лесной, плавун годичный, иван-чай узколистый и др.). Таким образом, географическое положение Анзерского острова вытянутость с востока на запад и неустойчивость его рельефа[105] обусловили неодинаковый климатический фон, а растения обозначили как холодные, так и сравнительно теплые микрорегионы острова. Летом на островах буйно расцветают травы. Около Анзера и на морском дне раскинулись богатейшие водорослевые плантации. Здесь много зверя и водоплавающей птицы. Нам представляется вполне вероятным, что экологический фон Соловецких островов был неизменным в течение трех последних тысячелетий. Памятники первобытной археологии (II–I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) расположены в трех пунктах Анзерского острова: на мысе у Капорской губы, на полуострове Колгуй и в районе Кирилловской губы.

Капорская губа находится на южном побережье острова. Комплекс древних каменных сооружений на мысе около Капорской губы в свое время был описан в работах Н.Н. Виноградова, предложившего назвать местонахождение памятников Мысом лабиринтов. Наши исследования подтвердили, в основном, полевые наблюдения Н.Н. Виноградова. Из трех лабиринтов хорошо сохранился один, по номенклатуре Виноградова – № 3. Его размеры: окружность 43,85 м, длина по длинной оси – 14,00 м, по короткой оси – 12,58 м; выход из подковообразного лабиринта обращен на юг, в сторону моря. При разборке одной из каменных груд около лабиринта в подкурганной яме, заполненной гумусом, обнаружены кальцинированные кости человека, великолепный кварцевый скребок, кварцевые и кремневые

отщепы, а также рыбы позвонки и фрагменты костей животного, вероятно тюленя. Здесь же, в пределах Мыса лабиринтов, зафиксированы следы кварцевой индустрии. Ансамбль древних каменных сооружений, включавший описанный выше лабиринт и еще два, скрытых под растительной «подушкой», 17 каменных груд, каменную гряду искусственного происхождения и некоторые другие сооружения, представлял собою одно из первых известных на Соловках святилищ, датируемое не древнее I тысячелетия до н.э.

Полуостров Колгуй, являющийся восточной оконечностью Анзера, вызвал особый интерес Н.Н. Виноградова, обнаружившего здесь множество древних каменных сооружений; они представляли собой, по выражению исследователя, «развалины какого-то когда-то бывшего здесь города». После пожара 1975 года Колгуй почти полностью лишился растительного покрова, вследствие чего мы смогли детальнее изучить находящиеся здесь памятники. В 1977 году рекогносцировочный осмотр Колгуя был проведен нами совместно с И.И. Гохманом и Т.В. Лукьянченко.[106]

Колгуевский мыс представляет собой Три террасы, ступенями поднимающиеся от моря к островному матерiku; высотные отметки террас соответственно 3,95, 8,35, 18,65 м (по данным «усредненной» нивелировки); Археологические памятники были расположены на трех уровнях: на низкой первой террасе – саамские могильники 1, 2 и 3; на второй террасе – каменный лабиринт и стоянка с кремневым инвентарем (лабиринт – на южной подошве террасы, стоянка расположена севернее); на третьей, самой высокой террасе, были собраны отдельные каменные орудия.

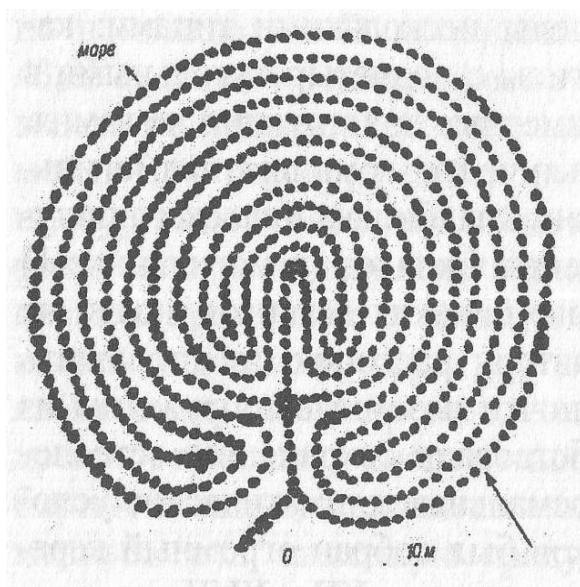
Надмогильные каменные сооружения на Колгуе имели четкую планировку: могильник 1 (27 каменных выкладок и оградок) вытянут в одну линию с востока на запад; каменные постройки могильника 2 (30 погребений) располагаются по кругу, на гребне впадины; могильник 3 (12 погребений) имеет ту же циклическую планировку. Подсчет надмогильных сооружений был проведен приблизительно, поскольку некоторые погребения

атрибутируются с трудом из-за плохой сохранности. Они представлены несколькими типами: каменные кладки овальной формы, могилы с подчетырехугольными в плане каменными оградками, многокамерные конструкции из камня. По мнению И.И. Гохмана и Т.В. Лукьянченко, комплекс надмогильных сооружений аналогичен лопарским кладбищам Кольского полу-острова. Одна из надмогильных каменных кладок (в могильнике 1) была раскопана И.И. Гохмаином, однако никаких останков людей не было обнаружено, что позволило автору раскопок предположить особые условия захоронения, когда почти наземные сооружения из камней над погребениями не способствовали сохранению остеологического материала, учитывая экстремальные климатические условия острова. На площади могильников был собран огромный керамический материал-остатки тризн, датируемые XII–XVII вв.

На второй террасе были расположены более древние археологические памятники. В ста метрах к юго-западу от могильника 1 находится подковообразный лабиринт классического типа (рис. 2). Его размеры: по оси с севера на юг – 12,10 м, с востока на запад – 12,80 м, длина окружности – 39 м. Колгуевский лабиринт составляет почти полный аналог каменному лабиринту у Перечь-наволока Большого Соловецкого острова. Стенки лабиринта были сложены в один ряд из камней различного размера, вход в лабиринт ориентирован почти точно на восток, в сторону оконечности мыса. Недалеко от него был расположен второй лабиринт, почти полностью разрушенный.[107]

Рядом с лабиринтами, на той же террасе, расположена стоянка Колгуевская-1, открытая нами в 1979 году. В 1980 году здесь были проведены дополнительные исследования. Площадь сбора подъемного материала составила 1500 кв.м, однако выходы культурного слоя были отмечены лишь на площади в 400 кв. метров. Коллекция стоянки состояла из кремневых сколов и отщепов, разнообразных изделий из них (кремневый наконечник дротика ромбической формы, миниатюрный треугольно-

черешковый наконечник стрелы, обломанные наконечники, кремневая фигурка, кварцевый наконечник дротика и др.). Кремневый инвентарь стоянки имел много аналогий среди каменных орудий из дюнных стоянок Летнего берега Белого моря и датировался II-I тысячелетиями до н.э. Поскольку планиметрически стоянка и каменные лабиринты Колгуя составили единый синхронический ряд, возникло предположение, что лабиринты, возможно, были построены жителями стоянки Колгуевская-1, а сами они перебрались на остров с Онежского полуострова.

На третьей террасе, в 350 метрах к западу от стоянки, был найден кремневый наконечник стрелы. Он был поднят в песчаном выдуве, на древней тропе, ведущей с Колгуевского мыса внутрь острова. Поскольку на месте находки других древних вещей не было обнаружено, можно предположить, что наконечник был утерян охотником во

Рис. 2. Схема каменного лабиринта на время промысла. В 1984 году А.Я. полуострове Колгуй Анзерского острова Мартынов обнаружил стоянку Колгуевская-2, расположенную в дюнах в 1,2 км к западу от Колгуевской-1. Инвентарь стоянки был представлен ямочно-гребенчатой керамикой и изделиями из кремня и кварца. Мы полагаем, что стоянка Колгуевская-2 более ранняя по времени, возможно, датируется рубежом III-II тысячелетий до н.э.¹[108]

Кирилловская губа расположена на северном побережье Анзера. В 1977–1979 гг., мы открыли и предварительно описали искусственные сооружения из камней на террасовидном гребне мыса у Кирилловской губы. В 1980 году исследования памятников продолжил А.Я. Мартынов. Обращает

1. Куратов А.А. К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Вопросы советского финноугроведения : тез. докл. и сообщ. на XV Всесоюзной конф. по финноугроведению, посвящ. 250-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 18–20.

на себя внимание группа надмогильных сооружений, аналогичных колгуевским (часть несохранившегося сооружения в виде линейной каменной выкладки длиной 16 м; вокруг него – надмогильные каменные груды; здесь же – остатки каменной оградки фигурной конфигурации и др.). Эта группа каменных построек – остатки саамского могильника 4.

Рядом с описанными сооружениями был расположен односпиральный лабиринт, открытый А.Я. Мартыновым. Размеры лабиринта: максимальный диаметр 3,7 м, минимальный – 3,4 м. Стенки лабиринта были сложены в один ряд из камней. Высота над уровнем моря 7–8 м. Вход в лабиринт – с юга, со стороны материка. Лабиринт сильно зарос травой.

Описанные памятники разновременны. Планиметрически мыс не расчленен по высотным отметкам, как это можно наблюдать на Колгуде. Однако вполне очевидно, что каменный лабиринт и постройки саамского могильника у Кирилловской губы разновременны и неоднозначны по функциональным Целям.

Для Анзера спиральный лабиринт уникален. На других островах Соловецкого архипелага подобных сооружений несколько: один находится в группе реконструированных лабиринтов у Школьной губы Большого Соловецкого острова, другой – в группе лабиринтов Большого Заяцкого острова. По разработанной нами классификации каменных лабиринтов, односпиральные (спиральные) лабиринты относятся к простейшему и, вероятно, древнейшему типу. Спираль в конструкции лабиринтов «закручена» слева направо – прием, чаще всего применявшийся древними строителями. Однако у Кирилловского лабиринта имелись и свои особенности: стенка у входа в лабиринт была намеренно искривлена с целью облегчить входящему доступ в первобытный «храм». Следует отметить еще одну особенность лабиринта: каменная стенка заметно «усилена» крупными камнями в начальной и конечной частях спирали, в целом же спираль сложена из камней ординарной величины.

Анализ соловецких археологических артефактов, сопоставление лабиринтов с этнографическими данными и письменными историческими источниками, с репрезентативными аналогами лабиринтов в петроглифике, пиктоглифике и прикладном искусстве наро[110]дов Европы приводит к выводу о несомненно иррациональном, культово-религиозном назначении лабиринтов¹. Соловецкие лабиринты были сосредоточены, за исключением одиночных сооружений, в четырех святилищах (по одному на Большом Заяцком и Большом Соловецком островах, два – на Анзере). Они достаточно подробно были описаны Н.Н. Виноградовым и автором настоящей статьи². Беломорские племена погребали умерших в каменных курганах или их души – в кенотафах, а также в каменных ящиках (дольменах). Кроме того, возможно, здесь отправлялись обряды инициации, о чем косвенно свидетельствуют далекие этнографические параллели (австралийские лабиринты)³. В ритуальных танцах вдоль каменных стенок соловецких лабиринтов, по-видимому, репродуцировались движения охотника и рыболова на морском промысле. От этих культовых движений произошли хороводные танцы и ленточные «игрища» в современной народной хореографии стран Северной Европы (ленточные танцы в немецкой Тюрингии, финские и русские хороводы и т.п.). Здесь уместно вспомнить о военных и спортивных играх в античных лабиринтах («людус Тройэ», «троянская игра», «троянский замок» и пр.) и в старонемецких «вундеркрайзах», зародившихся задолго до «военных утех» и спортивных упражнений классового общества. Все они изначально могли быть просто испытательными действиями при обрядах первобытной инициации.

Сложность «загадки» лабиринтов заключается и в том, что современные европейские народы начисто «забыли» назначение этих

---

1. Виноградов Н.Н. Указ. соч.; Он же. Новые лабиринты Соловецкого архипелага // Материалы Соловец. о-ва краеведения. 1927. Вып. 12.

2. Куратов А.А. Указ. соч.; Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецких островов. Архангельск, 1983.

3. Кабо В.Р. Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема происхождения австралийцев // Сборник музея антропологии этнографии. М., Л., 1966. Т. 23. С. 254–267.

удивительных построек. Поэтому привычная методология историко-культурных и этнографических сравнений может быть использована весьма условно. Артур Эванс остроумно сопоставил лабиринтный узор с изображениями «лабриса» – двулезвийного топора культового назначения¹. Религиозно-культовая подоснова лабиринтного узора здесь выступает весьма убедительно, а этимологическая близость древнегреческих лексем *labrus* и *labyrinthus* вполне очевидна. Церковники средневековой Европы позаимствовали у древних язычников идею лабиринта, поместив его изображения на стенах и мозаичных полах храмов как символизированный путь заблудших грешников к праведному спасению (изображения лабиринтов в христианских храмах в Шартре, Реймсе, С.-Бертене, Амьене, Сиббо и т. д.). С другой стороны, мотив лабиринта «звучит» в орнаментике вышивок и резьбы на дереве, как, например, на бельевом катке из музея острова Готланд² или на деревянном скальне для перемотки нити из деревни Нюхча Пинежского района Архангельской области³. Сюжетика древней пиктографики наводит на новые размышления. В петрографии Дагестана часто встречаются изображения спиральных и подковообразных лабиринтов⁴. По мнению А.А. Миллера, прообразом любого лабиринта является спираль, а квадратный лабиринт выступает в качестве позднейшего варианта круглого или подковообразного лабиринта⁵. Нельзя не отметить существенную деталь дагестанских лабиринтов: их изображения, вырезанные на камне, всегда сопровождали могильные комплексы. Временем возникновения подковообразного лабиринта А. А. Миллер определил эпоху бронзы, а спиральный лабиринт им был отнесен к энеолиту. Эта датировка была подтверждена наскальными рисунками в Южной Швеции,

---

1. Evans A. The Palace of Minos at Knosos. London, 1921.

2. Готландский музей. Инв. № С 1909.

3. Архив Арханг. области, краеведч. музея. Инв. № 13446.

4. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. С. 17, рис. 25, 26, 30, 130 и др.; Он же. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. С. 181, рис. 174в.

5. Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного Дагестана. Л., 1927. С. 26–51, 59.

отнесенными их исследователем Яном де Фрисом к бронзовому веку¹. Примечательно, что Ян де Фрис связал шведские наскальные рисунки с солнечным культом. К такому же выводу пришел Д. Эоган, исследовавший мегалитические захоронения в долине реки Войн в Ирландии. На одном из камней был вырезан странный прибор, напоминающий солнечные часы. В графстве Мит были найдены аналогичные изображения на мегалитических камнях, датированных II тысячелетием до н.э. По мнению Д. Эогана, происхождение этих изображений также восходило к культу Солнца². Итак, мотив Солнца один из древнейших сюжетов первобытной орнаментации, уходящий едва ли не в эпоху верхнего палеолита, как можно судить по бляхе из мамонтовой кости, украшенной точечной спиралью³.

Мотив солнечной спирали потребовал экспериментальной проверки. Мы провели опыты построения каменных лабиринтов в 1968 году (пос. Орлецы, р. Северная Двина), в 1968 году (дер. Нижняя Золотица, Зимний берег Белого моря) и в 1978 году (Школьная губа, Большой Соловецкий остров). В результате эксперимента мы отказались от обыденного мнения о сравнительно большой затрате времени и рабочей силы при строительстве каменных лабиринтов⁴, а главное – была разработана типология лабиринтов, в основу которой положены два критерия: внешняя форма и спирально-прочерченный метод их предварительного конструирования⁵. Не останавливаясь подробно на классификации лабиринтов, укажем лишь на основные типы северноевропейских лабиринтов, а также их многочисленных аналогов:

а) односпиральный метод конструирования ярко иллюстрируется круглоспиральными (по Н.Н. Виноградову, или просто спиральными)

---

1. Vries J. de. Das Labyrinth und das Labyrinthspiel : Untersuchung iiber das Hiipfspiel Kinderspiel – Kultanz // FF Communications. Helsinki, 1957. Vol. LXX, N. 173. S. 61–62.

2. За рубежом. 1970. № 3. С. 16.

3. История искусства народов СССР: В 9 т. Т. 1. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР / ред. А.Л. Монгайт, и Н.В. Черкасова. М., 1971. С. 19.

4. Куратов А.А. Опыт музеефикации каменных лабиринтов Соловков // Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников. Архангельск, 1983. С. 43–46.

5. Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы... С. 41.

лабиринтами, включающими ряд переходных и смешанных форм (односпиральные лабиринты Большого Заяцкого, Большого Соловецкого и Анзера, лабиринты переходных форм на острове Вир и в архипелаге Хиитис в Финляндии и др.);

б) конструирование подковообразных (термин Н.Н. Виноградова) лабиринтов предполагало вычерчивание спирали на земле с последующей трансформацией ее в подковообразную фигуру; выполненный на земле «чертеж» далее «одевали» в камень, причем окончательная форма лабиринта зависела от того, в какую сторону «раскручивалась» спираль: слева направо – один тип, справа на[112]лево – другой; большинство соловецких лабиринтов, как и северноевропейских вообще, относится к подковообразному типу;

в) биспиральный (сдвоенный) принцип конструирования сочетает две взаимно вписанные спирали и объединяет так называемые почкообразные (термин Н.Н. Виноградова) лабиринты («Большой Вавилон» на Большом Соловецком острове и Кандалакшский лабиринт);

г) отдельную группу составляют лабиринты, в конструктивной схеме которых лежит система концентрических кругов; концентрически-круговые лабиринты известны как в России, так и за ее пределами;

д) наконец, прямоугольные лабиринты составляют особую группу, и их конструкция в целом повторяет схему круглоовальных каменных лабиринтов: в основе прямоугольных лабиринтов лежит спираль или система концентрических кругов, изломанных под прямым углом.

В 1977 году дирекция Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника предложила нам восстановить по документации Н.Н. Виноградова группу каменных лабиринтов у Школьной губы Большого Соловецкого острова. Лабиринты были полностью разрушены в начале 1950-х гг. Планируя реконструкцию 16 объектов («Большой Вавилон», «Спиральный Вавилон», «Вентерь», «Груда камней», «Три камня» и др.), мы решали две задачи: во-первых, выполняли заказ о создании нового экскурсионного объекта и, во-вторых, продолжили

эксперименты по изучению технологии сооружения каменных лабиринтов. К эксперименту были привлечены 30 студентов Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова. В ходе реставрации каждая операция хронометрировалась. Опыт осуществлялся в два этапа:

Подготовительный этап: 1.1. Заготовка строительного материала – валунных камней, собранных с морского берега: «Большой Вавилон» – 30 человек – 1 часов работы – 4855 камней; «Спиральный Вавилон» – 10 человек – 1.5 часа работы – 225 камней; «Груда камней» – 5 человек – 2 часа работы – 187 камней; «Три камня» – 1 человек – 1 час работы;

1.2. Конструирование лабиринта («Большой Вавилон») спирально-прочерченным методом: 1 человек – 1.5 часа работы; 1.3. Выверка схемы «Большого Вавилона»: 1 – человек – 0.4 часа работы;

Строительный этап: 2.1. Выкладка камнями «рисунка» лабиринта: «Большой Вавилон» – 30 человек – 10 часов работы – из[113] 4855 камней в землю заложено на глубину 0,2 м 1855 камней, остальные – встроены в конструкцию стенок лабиринта; «Спиральный Вавилон» 30 человек – 2 часа работы камней заложено соответственно – 125 и 183; «Вентерь» – 10 человек – 2 часа работы – камней 125 и 100; «Груда камней» – 5 человек – 0,6 часа работы; 2.2. Корректировка конструкций, дополненная обкладкой мелкими камнями: время соответственно по сооружениям – 5; 1; 0,5; 0 часов работы.

Итого затрачено времени: «Большой Вавилон» – 22 часа (без учета корректировок на первом и втором этапах); «Спиральный Вавилон» – 3 часа; «Вентерь» – 3,5 часа; «Груда камней» – 1,6 часа работы. На конструирование, выверку схем и корректировку построек понадобилось 7,4 часа работы. Кроме того, площадка с восстановленными постройками была частично задернована (время не учитывалось).

Реконструированные памятники в итоге эксперимента представляли собой следующее.

«Большой Вавилон» (рис. 3) был отнесен нами к третьей группе в классификационной схеме северноевропейских лабиринтов. Ему присущи

следующие характерные признаки: а) взаимно вписанные друг в друга спирали внутри лабиринта; б) подковообразное оформление внешних круговых петель; в) груды камней в начальных отрезках спиральных линий; г) овально-вытянутая форма конструкции с входом с удлинённой стороны овала. Размеры лабиринта: длина – 10 м, ширина – 9 м (у Н.Н. Виноградова – 16 и 14 шагов); наружный периметр 38,5 м («приблизительно» 65 шагов, как отметил Н.Н. Виноградов); длина внутренних дорожек 297 шагов (у Н.Н. Виноградова – 285). Реконструированный лабиринт несколько развернут в плане, так что вход в него ориентирован не строго на север, как у Н.Н. Виноградова, а на северо-восток. Изначальная ориентировка не была выдержана из-за ландшафтных особенностей мыса после карьерной

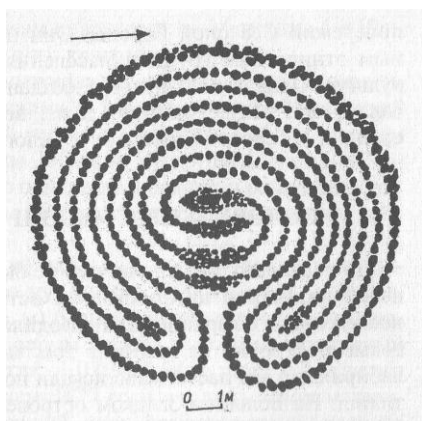

Рис. 3. Схема каменного лабиринта «Большой Вавилон» после реставрации. Большой Соловецкий остров. Школьная губа

выработки в пору разрушения памятников.

«Спиральный Вавилон», или «Улиткообразный лабиринт» (по Н.Н. Виноградову), нами был отнесен к типу спиральных (односпиральных) лабиринтов. Лабиринт, выложенный из камней в один ряд, представляет собой, возможно, древнейший тип каменных лабиринтов Северной Европы. Его размеры: по оси север – юг – 11 м, по оси восток – запад – 12 м; окружность внешней стенки – 15,3 м (у Н.Н. Виноградова – «до 20 шагов»); длина хода не превышает 40 шагов. Вход в лабиринт ориентирован на юг, т.е. в сторону материка.

Отметим; однако, что у Н.Н. Виноградова имелись противоречия в тексте описания и иллюстрации. В тексте указано, что от входа к северу до центра конструкции насчитывалось по прямой шесть стенок камней, а в рисунке – на один ряд меньше; мы следовали в своей реконструкции словесному описанию, на наш взгляд, более достоверному.

«Вентерь» (рыболовный снаряд, ловушка для рыбы) представляет собой рисунок с контурами в виде яйцевидного овала, широкий конец которого не сомкнут, линии камней здесь, закругляясь, образуют два малых овала внутри большого – один против другого; внутри большого овала были выстроены две перемычки из камней, расположенные на расстоянии одной трети длины узкого донца фигуры. По мнению Н.Н. Виноградова и Н.Н. Гуриной, «фигура» составляла довольно близкий аналог поморскому рыболовному снаряду, известному в Беломорье под названием «морда», «вентерь». Каменный «вентерь» имел длинную ось в направлении с северо-востока на юго-запад; его размеры: длина 6 м, ширина 5.1 м; вход обращен в сторону моря. Три крупных камня и груда камней были вписаны в реконструированный комплекс согласно описаниям Н.Н. Виноградова.

Итак, опыт восстановления древних построек у Школьной губы Большого Соловецкого острова оправдал себя как в научном, так и в музейно-прикладном отношении. Реконструированный комплекс помог отвлечь основной поток экскурсантов и туристов от подлинных лабиринтов Соловков. Эксперимент в целом удовлетворительно репродуцировал древнюю технологию постройки каменных лабиринтов.

Каменные лабиринты рассматриваются нами как одно из проявлений синкретического мировоззрения древних жителей морских[115] побережий Северной Европы. Они принадлежали, вероятно, разным этническим группам населения в рамках циркумполярных культур. Одна из этих культур, созданная протосаамами, локализовалась во II–I тысячелетиях до н.э. на северном побережье Фенноскандии и берегах Баренцева и Белого морей.

СОЛОВЕЦКИЕ СТОЯНКИ (II–I тыс. до н.э.)*

До недавнего времени ничего не было известно о древней кремневой индустрии на Соловецких островах, хотя археологические исследования на архипелаге проводились в 1964 году¹. Изучая культовые постройки из камня, в том числе знаменитые соловецкие лабиринты², мы настойчиво искали поселения вблизи древних святилищ. На Большом Заяцком острове и на о. Анзерском в каменных россыпях были найдены следы кварцевой индустрии. Однако за годы стационарных исследований на архипелаге не было обнаружено ни одного кремневого орудия.

В 1974 году при случайных обстоятельствах была найдена уникальная кремневая фигурка, изображающая, по всей вероятности, тюленя³. Эта находка позволила нам увереннее предполагать наличие в позднем неолите связей между Соловецкими островами и памятниками Архангельского Беломорья, где кремневые фигурки встречаются довольно часто⁴. В 1975–1979 гг. были открыты [116] две первые стоянки с кремневым инвентарем – Муксалма-1 и Колгуевская-1⁵. Ниже приводится их краткое описание.

Стоянка Муксалма-1 расположена на северо-восточной оконечности острова Большая Муксалма, в 1,5 км восточнее Ивановской гони на дюнной

---

* Впервые опубликовано: Советская археология. 1983. № 4. С. 199–204.

1. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области: каталог. Архангельск: Сев.-Зап. книж. изд-во, 1978.

2. Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Сов. археология. 1970, № 1. С. 34–48; Он же. Древние лабиринты Архангельского Беломорья: к вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда. 1973. С. 63–76; Он же. К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Севера Европы // Вопросы советского финноугроведения. Петрозаводск, 1974. С. 18–20; Он же. Stenlabrynter i Solovetskij arkipelagii i Vita havet (USSR). FM 1972, Hagalund, 1973. S. 59–63.

3. Куратов А.А., Мартынов А.Я., Михайловский Ф.А. Древние памятники Беломорья // Археологические открытия. 1974. М., 1975. С. 21.

4. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // Сов. археология. 1948. № 10. С. 106 : Рис. 4–7, 14.

5. Исследования в Архангельской области / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов, Ф.А. Михайловский, В.В. Шевелев // Археологические открытия, 1975 год. М., 1976. С. 27; Исследования на Архангельском Севере // Археологические открытия, 1976 год. М., 1977. С. 22; Куратов А.А., Мартынов А.Я. Разведки и раскопки на Архангельском Севере // Археологические открытия. 1977 год. М., 1978. С. 20.

гряде второй террасы, на высоте 8 м над уровнем моря¹. Площадь стоянки около 150 кв.м. Культурный слой (0,03 м) залегал в песке, неравномерно обнажаясь в осыпях и раздувах дюны. И близи стоянки тянутся ряды каменных груд искусственного происхождения.

В раскопе 1975 г. (50 кв. м) найдено 15 кремневых наконечников, 20 скребков и несколько нуклеусов, 1500 отщепов и сколов. Раскопками 1977 года (16 кв. м) была уточнена стратиграфия стоянки: дерн с подстилающим серым песком – 0,10 м, культурный слой с прослойками золы и угля – 0,03–0,04 м, ниже культурного слоя – белый песок, В раскопе 1977 года и в подъемном материале найдены 13 кремневых орудий, один фрагмент стенки лепного сосуда и 250 отщепов и пластинок. Наибольший интерес вызывают кремневые наконечники стрел с пильчатой ретушью (рис. 1, 17, 25). Форма некоторых наконечников приближается к беломорскому типу, по М.Е. Фосс (рис. 1, 19). Большинство наконечников обломаны и представляют собой производственный брак (рис. 1, 16, 30). Вторую по численности группу находок составляют разнообразные по форме боковые и концевые скребки (рис. 1, 3–10, 12, 32–35). Единственный в своем роде обломок вкладышевого кремневого кинжала (рис. 1, 13). Керамика из сборов 1975–1977 гг. немногочисленна, очень плохой сохранности. Преобладает керамика без орнамента, лишь на нескольких фрагментах стенок сосудов с примесью песка в тесте видны точечные штрихи и слабые гребенчатые отпечатки; один из сосудов со штриховкой украшен рядом ямчатых отпечатков. По аналогии со стоянками Летнего берега Белого моря дюнная стоянка Муксалма-1 датируется второй половиной II – середины I тыс. до н. э.[117]

Стоянка Колгуевская-1 находится на восточной оконечности Анзерского острова, на мысе Колгуй², близ известного каменного лабиринта. Выступая далеко в море, мыс представляет собой три террасы. Первая

---

1. Обнаружена разведкой А.Я. Мартынова и Ф.А. Михайловского в 1975 г.

2. Открыта автором в 1969 г. См.: Куратов А.А. Изучение древностей Архангельского Севера // Археологические открытия, 1971. М., 1972. С. 17. Последнее обследование проведено в 1977 г. И.И. Гохманом и Т.В. Лукьянченко См.: Гохман ИИ., Лукьянченко Т.В. О предшественниках русских на Соловецких островах // Сов. этнография. 1979. № 4. С. 98–106.

терраса возвышается над уровнем моря на 3,95, вторая – на 8,35, третья – на 18,65 метра. Археологические памятники Колгуя расположены соответственно: три саамских могильника с массой обломков тризненной лепной и гончарной посуды – на первой террасе; на второй террасе расположен каменный лабиринт; на третьей террасе были собраны единичные находки.

Колгуевский лабиринт видела К.П. Гемп еще в 40–50-х годах XX века. В 1975 году его «открыли» участники тушения пожара на Колгуе. Лабиринт стал широко известен благодаря научно-популярным изданиям¹. Он расположен на южной «округлости» второй террасы (рис. 2, 3). Юго-западная часть каменного сооружения разрушена оползнем: две каменные стенки лабиринта обрушились в море. Размеры лабиринта: диаметр с севера на юг 12,1 м; с востока на запад 12,8 м; окружность по внешней стенке 39 метров. Вход в лабиринт ориентирован почти строго на восток, в створ оконечности Колгуевского мыса. Памятник относится к так называемому классическому типу северо-европейских каменных лабиринтов, характеризующемуся крестообразным пересечением круговой и радиальной линий стенок в центре подковообразной конструкции. Вся площадь террасы (около 30 тыс. кв. м) представляет собой выжженную песчано-каменистую твердь с углисто-зольными «потеками». Лишь в отдельных местах были обнаружены скопления кремневых сколов и отщепов, а в одном из таких скоплений удалось проследить нетронутый культурный слой в горизонте золы и угля мощностью в 0,05–0,06 метра.

Подъемный материал состоит из 119 предметов. В коллекции кремневых орудий выделяется группа наконечников стрел и дроти[118]ков, в основном обломки, представленные либо производственным браком (рис. 4, 6), либо орудиями, сломанными при использовании (рис. 4, 5). Великолепен треугольно-черешковый наконечник дротика (гарпуна?) (рис. 4, 1).

---

1. Куратов А.А. Наш край в древности // Наш край в истории СССР. Архангельск, Сев.-Зап. книж. изд-во, 1979. С. 12.

Традиционна для Беломорья треугольно-удлиненная форма узколезвийного кремневого наконечника с прямой базой, с удивительно тонкой пильчатой и «стелющейся» ретушью (рис. 4, 3). Скребки на отщепах и пластинах составляют особую группу орудий (рис. 4, 7–10). Несомненный интерес вызывает кремневая фигурка, обломанная с одного края, уже вторая на Соловках (рис. 4, 12). Наряду с кремневыми орудиями на стоянке найден

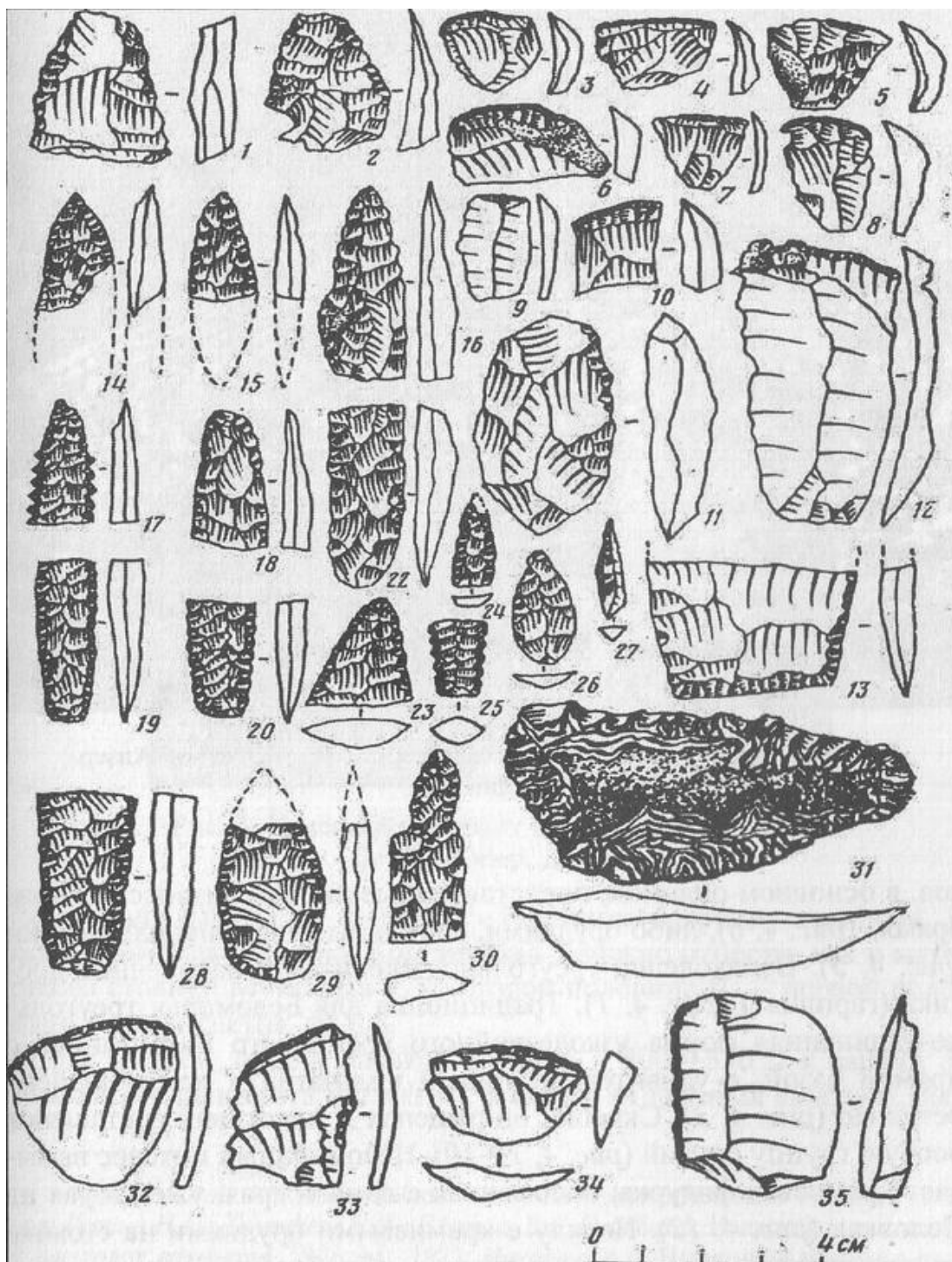

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Муксалма-1.
Остров Большая Муксалма Соловецкого архипелага

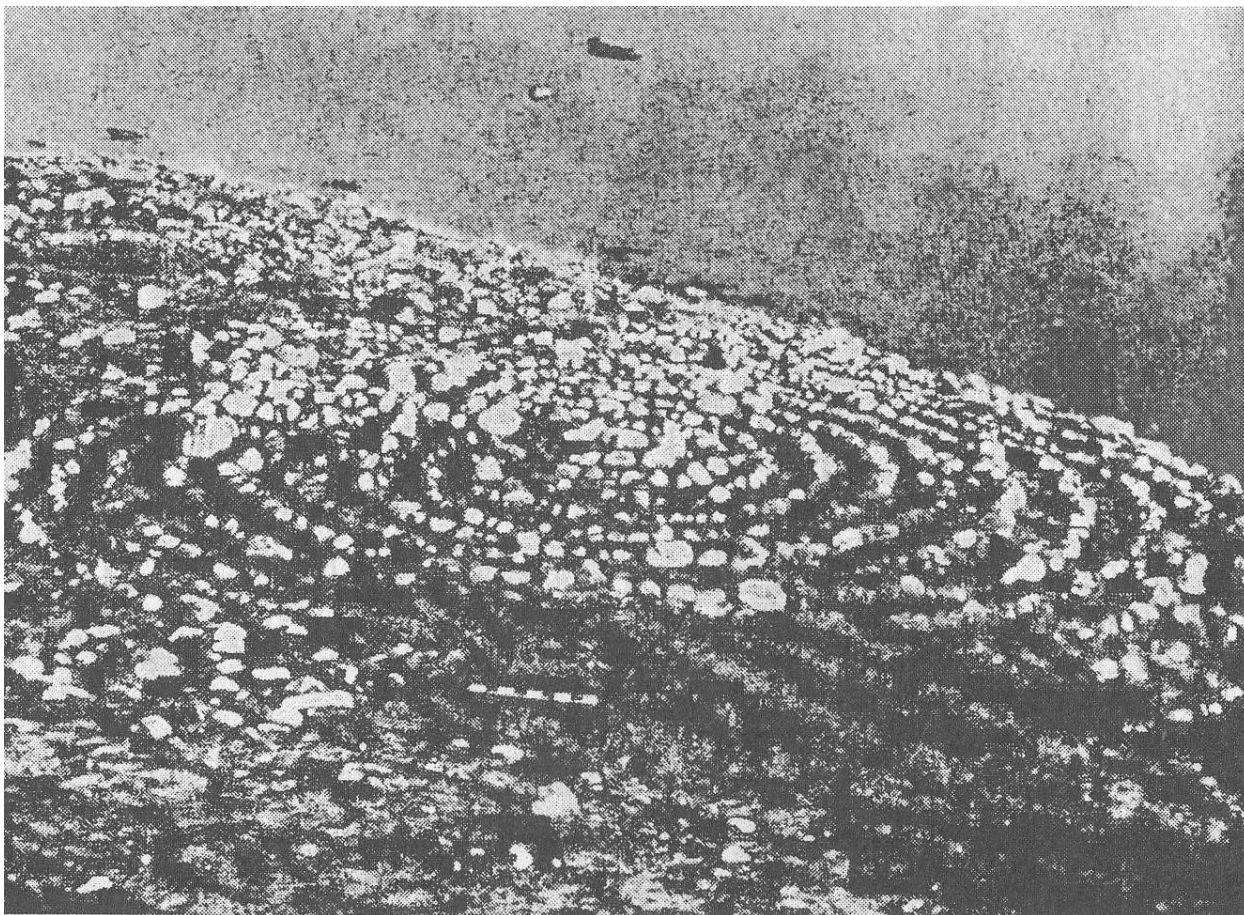

Рис. 2. Каменный лабиринт на Колгуевском мысе. Остров Анзер.

Общий вид

кварцевый наконечник дротика, обработанный двухсторонней ретушью (рис. 4, 2). И кремневый инвентарь, и единичные кварцевые орудия стоянки Колгуевская-1 находят близкие аналогии в инвентаре дюнных стоянок Летнего берега, с одной стороны, и в комплексах стоянок южного и юго-восточного побережья Коль[120]ского полуострова – с другой¹. Керамика сохранилась плохо. В целом комплекс стоянки Колгуевская-1 можно отнести, как и материалы стоянки Муксалма-1, ко второй половине II – первой половине I тысячелетия до н.э.

1. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области, каталог; Гурина Н.Н., Тимофеев В.Ц., Шумкин В.Я. О работах Кольской экспедиции к Археолог, открытия. 1976. М., 1977; Никитин А.П. Памятники позднего неолита на юго-востоке Кольского полуострова // Памятники древней истории Евразии. М.: Наука, 1975; Он же. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // Сов. этнография. 1976. № 2; Песонен Н.Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

На третьей, самой высокой террасе, в 300–350 м к западу от каменного лабиринта и стоянки, в одном из дюнных выдувов, был[121] поднят кремневый наконечник стрелы ромбической формы, тщательно обработанный ретушью (рис. 4, 4). Находка оказалась единичной, поиски культурного слоя и других кремневых изделий вблизи места находки

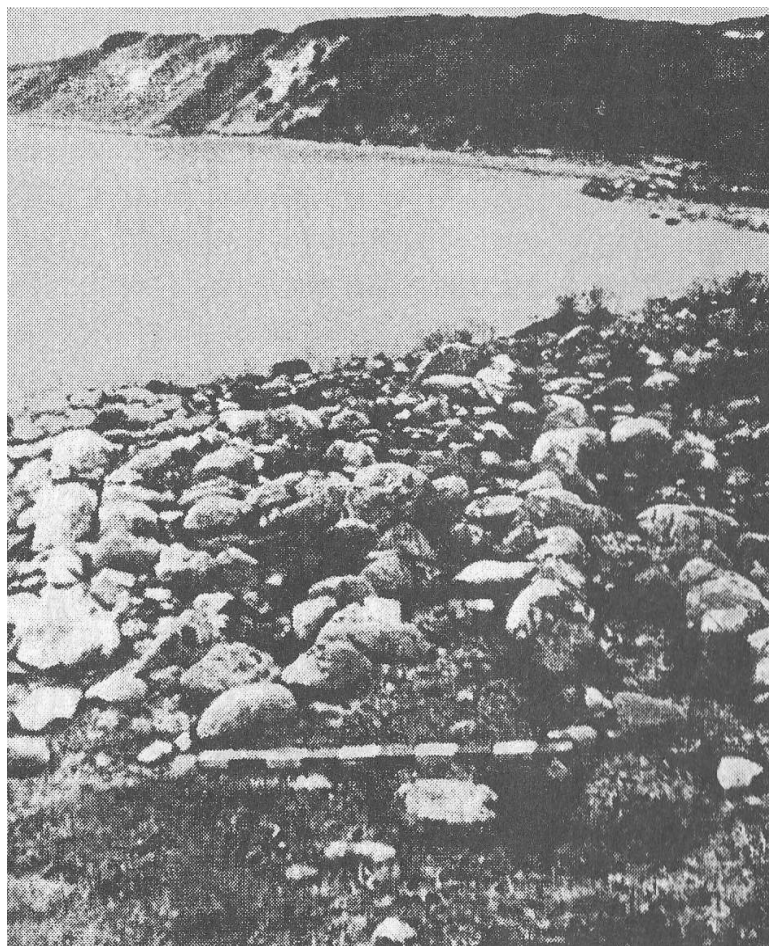

Рис. 3. Каменный лабиринт на Колгуевском мысе.

Остров Анзер. Деталь

оказались безрезультатными; несомненно, однако, что наконечник занесен сюда жителями стоянки Колгуевская-1.

Соловецкие стоянки с кремневым инвентарем, по всей вероятности, синхронны каменным лабиринтам, о чем свидетельствуют одинаковые высотные отметки стоянок Колгуевская-1, Муксалма-1 и большинства соловецких лабиринтов. На Колгуевском мысе стоянка и каменный лабиринт расположены на одной террасе по соседству друг с другом. Весьма вероятно, что поселенцы стоянок Колгуевская-1 и Муксалма-1 были строителями

каменных лабиринтов Соловецких островов, Дальнейшие археологические исследования на архипелаге позволяют сформулировать этот предварительный вывод более категорично.

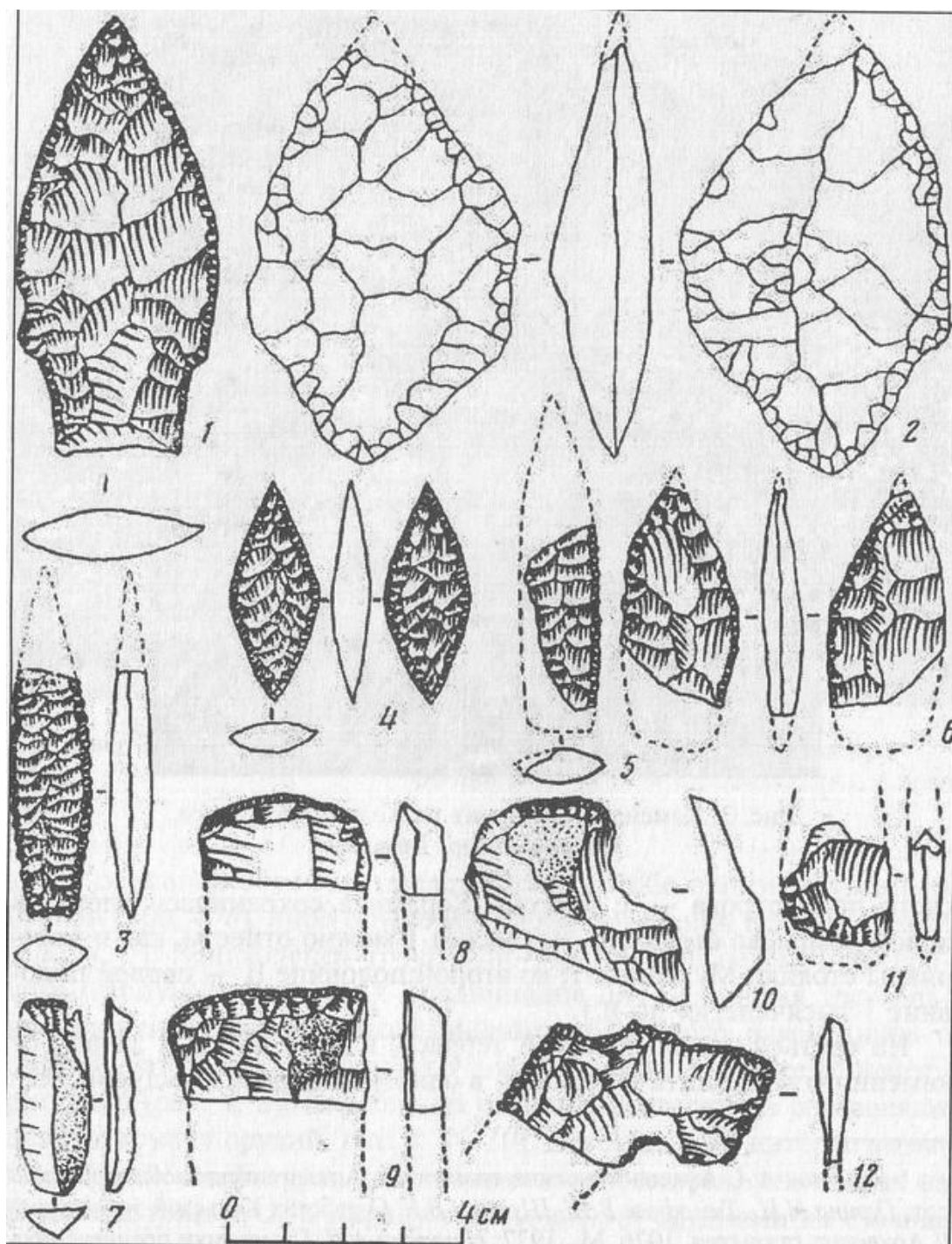

Рис. 4. Кремневый и кварцевый инвентарь стоянки Колгуевская-1. Остров Анзер Соловецкого архипелага. 1979 г.

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

Археологическое изучение районов Европейского Севера, входящих ныне в Архангельскую область, насчитывает более 100 лет. С 60-х годов XIX века начался особенно плодотворный период, производились раскопки и появились первые попытки систематизации и интерпретации археологического материала различных эпох¹.

В советское время изучение археологических памятников Севера характеризуется глубоким конкретно-историческим подходом к проблематике первобытной и средневековой археологии².

В последние два десятилетия археологические исследования в [123] Архангельской области проводились не только в прежних, «традиционных» районах скопления древних памятников, но и охватывали новые территории, малоизученные или вообще не изученные прежде. Это повлекло за собой расширение хронологического диапазона изучаемых археологических древностей вплоть до позднего средневековья.

Основные выводы, полученные в ходе археологического изучения Архангельской области, сводятся к следующему. Есть все основания полагать, что заселение юго-восточной части Архангельской области началось еще в эпоху палеолита. Косвенным образом об этом свидетельствуют находки древней фауны (кости плейстоценовых животных – мамонта, овцебыка, шерстистого носорога и т.д.). Сводная карта находок

---

* Впервые опубликовано: Историография и источниковедение истории северного крестьянства: Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 3–12. (в соавторстве с О.В. Овсянниковым).

1. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Тр. Гос. Ист. музея. М., 1940. Вып. IX. С. 169–205; Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии. М., 1952. Вып. 2. С. 9–23.

2. Появление обобщающих работ Брюсова А.Я., Фосса М.Е., Гуриной Н.Н., в которых воссоздалась древнейшая история Севера Европейской части СССР, в полной мере отразило успехи первобытной археологии.

четвертичной фауны, составленная еще в 1937 году В.И. Смирновым¹ и в значительной степени дополненная в последние годы А.А. Гасконским (Архангельский краеведческий музей), свидетельствуют о концентрации подобных находок в центральной и юго-восточной частях Архангельской области. Вероятно, именно в этих районах следует искать следы поселений древних охотников на мамонта и шерстистого носорога. Не следует забывать, что памятники среднего и верхнего палеолита в достаточном количестве обнаружены на соседних территориях, например, в бассейне среднего течения реки Печоры (Коми АССР)².

В 1967–1968 гг. в районе Ичково-Ступинских известняковых карьеров была собрана коллекция весьма архаичных кремневых орудий³. Это массивные дисковидные нуклеусы (ядрища), скребла, рубиловидные орудия; вещи покрыты толстой патиной и сильно обкатаны. Поскольку они собраны не в культурном слое, а на по[верхности], в россыпи камней на гребне высокой речной террасы, очевидно, что древние кремневые изделия многократно перемещались и датировать их стратиграфически невозможно. Это обстоятельство заставляет осторожно подойти к вопросу о принадлежности данных находок к эпохе древнекаменного века (палеолита).

Достоверные следы человека на территории Архангельской области относятся к следующему периоду каменного века – эпохе мезолита. Первый мезолитический памятник обнаружен в 1968 году на Пинеге – это стоянка на реке Явроньге, недалеко от Карпогор⁴. В нижнем слое стоянки обнаружены наконечники стрел на маленьких кремневых пластинках (микролитах), а

---

1. Смирнов В.И. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих в Северной области // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода в Европе. М.; Л., 1937. Т. V, вып. 1. С. 47–67.

2. Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Палеолитические стоянки на Печоре // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965. С. 86–103. Бадер О.П. Человек, его культура и природная среда северного края Европейской ойкумены в верхнем палеолите // Первообытный человек и природная среда: материалы Всесоюз. симпозиума, организ. Институтом географии АН и Комиссией по изучению четвертичного периода АН в марте 1973 г. М., 1974. Ч. I. С. 117–125.

3. Куратов А.А. Изучение неолита в Архангельском Беломорье // Археологические открытия, 1968 г. М., 1969. С. 12.

4. Буров Г.М. Первые исследования в бассейне Пинеги // Археологические открытия, 1968 г. М., 1969. С. 6–8.

также примитивные орудия обработки дерева и кожи – угловые резцы и концевые скребки. Стоянка Явроньга датируется IX–VII тысячелетиями до н.э. К более позднему времени относятся стоянки Ягорба и Погостище в Вологодской области и Нижнее Веретье в Архангельской области, где вместе с мезолитическими кремневыми орудиями обнаружены великолепные костяные гарпуны и наконечники стрел.

Следующий период древней истории Архангельской области – эпоха неолита (III тысячелетие до н.э. – первая четверть II тысячелетия до н.э.).

Для ранних стоянок эпохи неолита характерно появление керамики – глиняной посуды. Это ямочно-ребенчатая керамика льяловского типа. Яйцевидные остродонные сосуды из глины с примесью дресвы в тесте украшались глубокими коническими ямками и косыми отпечатками ребенки. Такая керамика встречена в инвентаре беломорских дюнных стоянок (Галдарея-1, Зимняя Золотица), а также в комплексе неолитических памятников, расположенных в среднем и нижнем течении Северной Двины (Бык, Лявля, Орлецы-1)¹, на Пинеге (Явроньга-II)², в бассейне реки Устья (Мошеозеро)³, в Каргопольском озерном районе (Верхнее Веретье, Кубенино), на Печоре (Печорская стоянка около г. Нарьян-Мара) и т. д. На Бело[125]морском побережье в кремневом инвентаре дюнных стоянок преобладают листовидные наконечники с прямым основанием, пластинчатые и подтреушльные ножи, треугольные и округлые скребки, концевые скребки на пластинчатых отщепах, шлифованные топоры и тесла.

Хозяйство неолитических племен Севера было охотничье-рыболовческим: охота была преимущественно лесной, а рыболовство – озерно-речным. Примечательным фактом в истории северного неолита явился выход первобытных охотников и рыболовов на морское побережье, где они столкнулись с совершенно новыми географическими условиями.

---

1. Куратов А.А. Неолит Архангельского Беломорья // Археологические открытия, 1969 г. М., 1970. С. 11–12.

2. Буров Г.М. Указ. соч. С. 6–8.

3. Козырева Р.В. Поздненеолитические жилища на стоянке Ильинский остров в Архангельской области // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1972. Вып. 131. С. 119–122.

Приспособление к этим условиям приходится на переходный этап от неолита к бронзовому веку – вторую четверть II тысячелетия до н.э.

В это время, вероятно, значительно ослабевают связи Архангельского Севера с волго-окским районом культур ямочно-гребенчатой керамики и устанавливаются более тесные сношения со смежными областями Беломорья – на западе с Карелией и Финляндией, на востоке и юго-востоке с Западной Сибирью, Уралом и Волго-Камским бассейном¹. В беломорских памятниках место ямочно-гребенчатой керамики занимает характерная глиняная посуда с примесью раковин и растений в тесте, орнаментированная гребенчатыми оттисками. Такая керамика встречена на поселениях Кузнечиха, Галдерея-2, Верхняя Лопшеньга, Ненокса, Зимняя Золотица и пр. Для кремневых орудий характерны устойчивые местные формы: наряду с листовидными наконечниками стрел распространяются треугольные наконечники с вогнутым основанием, бытуют мелкие черешковые наконечники и наконечники вытянутых пропорций с зауженной базой, часто встречаются наконечники дротиков и копий с прямым, усеченным, или треугольным черешком; имеются ножи листовидной формы, миниатюрные кремневые скульптуры и т.д. Кремневая индустрия включает отдельные элементы волосовской культуры (треугольно-черешковые наконечники стрел волосовского типа, кинжальные ножи, кремневая скульптура), а в керамике Кузнечихи-1 имеет место раковинная и растительная примесь, что сближает ее с волосовской керамикой. Те же элемент[126]ы влияния более южной волосовской культуры обнаружены в отдельных Памятниках каргопольской культуры на втором этапе ее развития (стоянка Модлона-II)².

Бронзовый век (Третья четверть II тысячелетия до н.э. – начало I тысячелетия до н.э.) выделен по гребенчато-зубчатой, зубчато-штриховой и гребенчато-прочерченной керамике с развитой технологией кремневой

---

1. Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973. С. 54–65.

² Ошибкина С.В. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к Каргопольской культуре // Сов. археология. 1966. № 4. С. 27–37.

индустрии в беломорских и двинских памятниках – Кузнечиха-И, Орлецы-II¹, Галдарея-3, Летняя Золотица, Яш-Наволоок, Сараиха, Това, Зимия Золотица, Усть-Яренга, Могилки, Люленька, Кялованга, Большое Слободское озеро и т.д. Типичные кремневые орудия Беломорского побережья: ланцетовидные наконечники стрел, треугольно-черешковые наконечники стрел и дро-тики-гарпуны «беломорского типа»; листовидные ножи-кинжалы, кинжальные вкладыши турбииского типа; кремневые скульптурки; разнообразные скребки. К этому же времени относится деревянная доска с геометрическим узором из Кузнечихи².

В конце II тысячелетия до н.э. происходят изменения в формах и орнаментации на беломорской глиняной посуде: форма сосудов перерастает в округлые и вытянуто-шаровидные, узоры на горшках размещаются разряженной, рисунки группируются в верхней части сосуда, у венчика, преобладает зубчато-гребенчатый штамп. Появляются предметы, непосредственно указывающие на развитие местной металлургии меди и бронзы – бронзовый кельт и идол из Кузомени на Пинеге, бронзовое кольцо из Яренги, обломок тигля и льячки из Усть-Яренги на Летнем берегу Белого моря и т.д.

Фаза раннего железного века (900-800 гг. до н.э.– рубеж н.э.) выделена по шаровидным сосудам с орнаментом в виде валикообразных утолщений и отпечатков шнура-веревочки (Красная Гора, Тамица, Товица, Кирокса, Ковозеро и пр.). Эта керамика характерна для памятников ананьинской культуры, хорошо изученной в Камском бассейне. Кремневый инвентарь сохраняет «архаичные» черты развитой индустрии предыдущих фаз. К этому же времени относится керамика с примесью толченого асбеста, обнаруженная[127] в Орленкой стоянке (Орлецы-III)³; орнамент на этих сосудах составляют очень мелкие прочерченные линии в виде

---

1. Раскопки А.А. Куратова в 1964-1973 гг.

2. Смирнов В.И. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН. 1941. Вып. 9. С. 90–98.

3. Куратов А.А., Мартынов А.Я. Исследование памятников Архангельской области // Археологические открытия, 1973 г. М., 1974. С. 15–16.

перекрещивающихся полос. Точно такая же керамика известна в комплексах Кольского полуострова.

Таким образом, новый фактический материал позволяет выделить несколько этнокультурных пластов в истории охотничье-рыболовческих племен Архангельского Севера: а) племена ямочной, ямочно-ребенчатой и ребенчатой керамики (потомки льяловских и, возможно, волосовских племен волго-окского междуречья); это эпоха развитого и позднего неолита; б) племена турбинского ареала в беломорском варианте материальной культуры (бронзовый век); в) ананьинские племена и племена культуры асбестовой керамики¹.

Этническая принадлежность племен ямочно-ребенчатой керамики остается невыясненной. Движение турбинских племен на Север знаменовало собой распределение финно-угорской этнической общности на древнефинскую (волго-камская этнокультурная общность, по О.Н. Бадеру, 1970) и древнеугорскую (горбуновская культура Приуралья). Беломорский вариант ананьинской культуры раннего железного века явился одним из этноареалов пермской ветви финно-угорских народов. Памятники культуры асбестовой керамики принадлежали древним саамам.

При характеристике хозяйственной деятельности беломорских племен следует отметить, что в силу суровых природных условий и бедности северной почвы не было необходимых предпосылок для развития земледелия и скотоводства ни в эпоху неолита, ни в эпоху раннего металла. Нельзя сказать, однако, что охотничье-рыболовческая экономика деревни северных обществ оставалась неизменной. Хозяйство агонеолитических («аго» – охота²) племен прогрессирует: с веками совершенствуются способы лесной и мор[128]ской охоты и рыбной ловли, развивается дальше техника

---

1. Куратов А.А. Древняя история Архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971.

2. О терминах «агонеолит» и «агронеолит» см.: Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники. Собиратели. Рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 26–142.

производства и обработки кремневых и других каменных орудий, становится разнообразнее хозяйственная утварь, появляются изделия из металла и т.д.

В удаленных от моря районах (например, в районе Каргополя) хозяйственная деятельность северных племен не выходила за рамки лесной охоты и озерно-речного рыболовства. Здесь широко применялись загонные способы охоты на лесных животных. Высокие технические средства, приемы и навыки были достигнуты в охоте на морского зверя и в морском рыболовстве.

Таким образом, складываются два специфических типа охотничье-рыболовного хозяйства северных племен – высокоорганизованная лесная охота и морской промысел. И тот и другой типы хозяйственной деятельности северных охотников и рыболовов эпохи неолита и раннего металла ярко и впечатляюще иллюстрируются сценами охоты в наскальных рисунках Карелии.

Освещение истории неолитических племен Архангельского Севера было бы неполным без характеристики такой своеобразной категории древних памятников, как каменные лабиринты Соловецкого архипелага. Несмотря на то, что беломорские лабиринты известны исследователям давно, их типология и классификация оставались до недавнего времени неразработанными. Перспективным оказался так называемый метод предварительного конструирования лабиринтов, что позволило выделить пять основных типов построек – этих таинственных древних архитектурных сооружений (круглоспиральные, подковообразные, биспиральные, концентрическо-круговые и прямоугольные лабиринты)¹. В процессе полевых работ описано 33 соловецких лабиринта. Среди них имеются памятники, открытые совсем недавно. Так, на Большом Соловецком острове в 1973 году благодаря счастливому случаю обнаружен интересный каменный лабиринт, относящийся к группе подковообразных лабиринтов

---

1. Куратов А.А. О каменных лабиринтах Севера Европы: опыт классификации // Сов. археология. 1970. № 1. 34–48.

«классического типа» (в таком лабиринте имеется крестообразное пересечение радиальной и круговой линий каменной стенки в центре сооружения). Лабиринты «классического типа» широко распространены в Западной Европе, а на Соловках встречен впервые¹. Успешно решается слож[129]ный вопрос о происхождении и назначении каменных лабиринтов², хотя многое в этой проблеме остается загадкой. Однако культовое их назначение признается большинством современных исследователей³. Лабиринты датируются II–I тысячелетиями до н.э., возможно I тысячелетием н.э.

Несомненный интерес представляют памятники первобытного искусства Архангельского Севера. К ним относятся рисунки на стенах грота около деревни Курга в Пинежском районе Архангельской области⁴. Первобытный охотник изобразил фигуры людей в ритуальных позах: руки и ноги «человечков» широко расставлены в стороны. Рядом с ними на известняковой стене грота выбиты изображения наконечников копий и жилища в виде чума. Курганские рисунки людей очень напоминают бронзовые идолы Галичского клада и «чудской» идол из Кузонеме на Пинеге, что позволяет датировать ансамбль рисунков в Курге эпохой раннего металла.

К сожалению, приходится констатировать, что сведения о памятниках раннего средневековья, а также о памятниках X–XIII вв., принадлежавших как местному («чудскому»), так и славянскому населению, крайне ничтожны и к настоящему времени их перечень остался почти на уровне 1940 года.

---

1. Куратов А.А., Мартынов А.Я. Исследование памятников Архангельской области // Археологические открытия, 1973 г. М., 1974. С. 15–16.

2. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология. 1948. № 10. С. 125–142. Мулло И.М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 185–193.

3. Куратов А.А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья: к вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. С. 63–76.

4. Куратов А.А. Петроглифы на Пинеге // Археологические открытия, 1972 г. М., 1973. С. 18–20.

За последние годы археологическим раскопкам и обследованию подвергались некоторые группы средневековых городищ – прежде всего важские и двинские.

Вопрос хронологии и этнической принадлежности этой группы памятников Архангельского Севера имеет принципиальное значение для изучения процесса освоения северных территорий славянским населением. Сведения письменных источников (Устав Новгородского князя Святослава 1137 г.; летописные данные) и археологические характеристики большинства известных науке городищ не^[130] дают никаких оснований считать их «чудскими» и датировать ранге XIII в. Это позволяет рассматривать первоначальный процесс освоения славянским населением северных земель по Онеге, Северной Двине и ее притокам как мирный процесс и связывать появление укрепленных поселений с совершенно иной, более поздней эпохой и с другой военно-политической обстановкой на Севере¹. Таким образом, памятники, первые известия о которых были собраны еще на рубеже XIX–XX вв. И которые считались «чудскими», удалось хронологически отнести к двум периодам XIII–XV вв. и XVII в.

Группа важских городищ в районе Вельска стала объектом изучения уже во второй половине XIX в., а городище у д. Городок было частично раскопано В.Н. Глазовым, который обнаружил остатки оборонительных сооружений и вещи XIII–XIV вв.² Обследование городищ по Ваге, Вели, Устье, Кокшеньге, проведенное в 1971 году А.В. Никитиным, показало, что большинство из них лишено культурного слоя или его мощность очень незначительна и что это – городища, служившие временными убежищами в тревожное время³. Не исключено, что некоторые из городищ Важской земли XIII–XV вв. были использованы, а может быть, и частично подверглись

---

1. Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 10–21.

2. Воронов П. Городища близ г. Вельска // Записки императ. рус. археолог. о-ва. СПб., 1856. Т. VIII. С. 74. Спицын А.А. Древности Севера (Вологодской, Архангельской, Сев.-Двинской губ. и области Коми). Тотьма, 1926. С. 13.

3. Никитин А.В. Вологодская и Турчасовская экспедиции // Археологические открытия, 1971 г. М., 1972. С. 38–39.

реконструкции в начале XVII века в связи с набегом на северные земли отрядов польско-литовских интервентов и русских «воров». Однако на этот вопрос окончательно можно дать ответ лишь после более широких археологических исследований этих памятников.

Неожиданные результаты дало исследование древнейшего городища Среднего и Нижнего Подолья – Орлецкого¹. Археологические раскопки по изучению оборонительных сооружений Орлецкого городка показали, что город, заложенный в 1342 г., имел мощ[131]ные каменные стены и воротную башню, техника сооружения которых позволяет отнести Орлецкую крепость к кругу памятников новгородского каменного оборонного зодчества XIV века². Несомненно, Орлецкий кремль, воздвигнутый новгородцами в далеком Подвинье в первой половине XIV в., представляет значительный интерес для изучения каменного оборонного зодчества Северной Руси как одна из древнейших (после Ладоги, Копорья, Порхова, Новгорода, Пскова) каменных твердынь древней Руси. Орлецкий кремль интересен как памятник особого, переходного типа, в котором, наряду с архаическими чертами («утопленность» воротной башни в толще стены – башня не выступала за линию стены, что значительно снижало ее роль при ведении фланкирующего огня; максимальное использование естественных преград), отчетливо проявляются и прогрессивные тенденции в русском каменном оборонном зодчестве. Прежде всего эти прогрессивные тенденции сказались в прямолинейности каменных стен Орлецкого кремля, в несомненном тяготении к регулярности общей планировки. Мощную крепость со сложной системой земляных укреплений и каменным кремлем воздвигли новгородские мастера, хорошо знавшие фортификационное искусство своего времени.

---

1. Овсянников О.В. Орлецкий городок // Краткие сообщения Института археологии АН. М.; Л., 1964. Вып. 96. С. 116–119; Овсянников О.В., Теребихин НМ. Обследование средневековых памятников на территории Архангельской области // Археологические открытия, 1970 г. М., 1971. С. 30–33; Овсянников О.В. Археологические раскопки в Орлеце в 1971 г // Археологические открытия, 1971 г. М., 1972. С. 39–40.

2. Овсянников О.В. Каменный кремль XIV в. в Низовьях Северной Двины // Краткие сообщения Института археологии АН. М., 1974. Вып. 139. С. 114–117.

На территории Шенкурского района, у д. Смотроковки (в 17 км к северу от г. Шенкурска) разведочные работы были произведены на городище, упомянутом в письменных документах в середине XV в. Пенешский городок являлся укрепленной усадьбой новгородского боярина Василия Степановича. Городище – типичный памятник мысового типа – расположен на высоком мысу в излучине р. Большая Пенешка, с напольной стороны укреплено рвом и валом. Культурный слой на городище уничтожен распашкой. Вал, протяженностью по линии С-Ю около 70 м, шириной 15 м и высотой 2,8/13 м, сохранился довольно хорошо. С целью выявления и изучения внутривальных конструкций в средней части вал был разрезан до подошвы (площадь раскопа 43 кв. м). Удалось определить, что первоначальная высота вала была не выше 2,3 м, выявлена последовательность насыпки глиняного грунта. Внутри вала обнаружены деревянные конструкции из бревен диаметром 0,2–0,3 м, располагавшиеся в два яруса. Каждый ярус состоял из бревен, положенных вдоль вала в три венца, и бревен в два венца, положенных поперек вала. Таким образом, внутривальные сооружения не являлись клетями (у них не было стенки, обращенной в сторону городища), они были поставлены с целью укрепить насыпь вала, на гребне которого стояла деревянная крепостная стена, срубленная «в замок» из продольных и поперечных бревен¹.

Сложная «мозаика» на северных территориях владений Великого Новгорода и Москвы, отразившая результаты двух колониционных потоков – новгородского и «низовского», бесспорно, усиливала остроту противоборства. В конце XV века, на заключительном этапе борьбы между Новгородом и Москвой, часть северных городков находилась в Московских владениях, часть – в Новгородских. В землях, принадлежавших великим князьям, например, по реке Пинеге, находились городки, против которых в 1471 году велись активные военные действия (новгородцы «город

---

1. Овсянников О.В., Назаренко В.А. Изучение средневековых памятников на территории Архангельской области // Археологические открытия, 1975 г. М., 1976.

Кегрольский сожгли, а с Чакольского городка окуп взяв»). Новгородский Емецкий городок, входивший в систему обороны нижнедвинских земель, еще в XIX в. привлек внимание археолога К.П. Ревы. Рекогносцировочные работы в 1959 году и особенно раскопки в 1974 году дали новые сведения о характере этого укрепленного поселения, о его судьбе. Емецкий городок – один из немногих памятников Северной Руси XV века, исследование которого позволило определить конструкцию дерево-земляных оборонительных сооружений этого времени. Являясь памятником мысового типа, Емецкий городок имел с напольной стороны мощные укрепления в виде рва, а также вала и деревянной крепостной стены на нем. Удалось определить, что основу вала составляли мощные клетки-срубы, стоявшие почти вплотную друг к другу. Возможно, часть внутривальных клеток могла служить жилыми или складскими помещениями. Таким образом, в конце XV века в далеких северных землях продолжали применяться оборонительные конструкции, непосредственно продолжавшие фортификационные традиции домонгольской Руси. Археологические работы позволили по-новому определить и историческое значение Емецкого городка. Если до раскопок он представлялся исключительно оборонительным центром, куда лишь во время военной опасности стекалось население окрестных сел и деревень, то сейчас можно говорить о непродолжительной, но довольно интенсивной жизни этого центра. Можно полагать, что Емецкий городок, как и ряд других северных городков XIV–XV вв., являл собой начальный этап городской жизни на средневековом Севере.

Изучение русского средневекового города – большая и важная проблема, занимающая в исторической науке одно из центральных мест. Советскими археологами отработана методика полевого археологического исследования городских и сельских поселений Древней Руси, на конкретном вещественном материале поставлены и успешно решаются узловые вопросы, связанные с зарождением и развитием русского феодального города как торгово-ремесленного, культурного и военно-административного центра.

Однако основное внимание уделялось археологическому исследованию памятников домонгольской Руси. Культурный слой городов эпохи позднего средневековья изучается в меньшей степени, как правило, попутно, при вскрытии культурных слоев более раннего времени. Между тем культурный слой северных городов XVII в., насыщенный вещественными находками и остатками сооружений, может служить наряду с письменными документами ценным историческим источником. Археологические работы, проведенные в таких городах, как в Архангельске, Холмогорах, Каргополе в 1959–1974 гг., дали интересные материалы для изучения северного крепостного зодчества, каменной культовой архитектуры, материальной культуры широких масс посадского населения¹.

Отмечая определенные успехи в археологическом изучении памятников различных эпох на территории Архангельского Севера, постоянное расширение географии разведочных и раскопочных работ, следует отметить, что перед археологами еще стоят большие задачи по систематизации северных древностей, восполнению целого ряда хронологических «лакун» и территориальных «белых пятен».

---

1. Овсянников О.В. Красные печные изразцы из древних Холмогор // Краткие сообщения Института археологии АН. М., 1967. Вып. 110. С. 24–29; Кирпичников А.Н., Шилик К.К. Археологическое и геофизическое обследование в Соловецком кремле // Археологические открытия, 1971 г. М., 1972. С. 45–46; Овсянников О.В., Булкин В.А., Назаренко В.А. Раскопки в г. Каргополе // Археологические открытия, 1972 г. М., 1973. С. 29–31; Никитин А.В. Вологодская и Турчасовская экспедиции // Археологические открытия, 1971 г. М., 1972. С. 39.

ARKHANGELSK-SKATTEN*

Det er gjennom tidene gjort flere skattefunn i Nord-Russland. F.eks. ble det i 1888 gjort et stort sølvfunn på Kolahalvøya som bl.a. besto av deler av hals – og handleddsmykker. Skatten var pakket inn i never. Arkeologen og slavisten Alexander Spitsin fant at mesteparten av Skatten har vestlig opprinnelse. Den kan ha havnet på Kolahalvøya enten via nordmenn eller karelere.

100 år etter dette berømte funnet, høsten 1989, kom et nytt stort skattefunn for dagen i Nord-Russland, i forbindelse med jordbruksarbeid. Funnstedet er høyre bredd av en liten elv som faller ut i elven Vitkhuj, en sideelv til Dvina, ikke langt fra Arkhangelsk! Skatten består av sølvsmykker med tilbehør og mynter. Vekten av funnet er 1756 gram.

Som ofte ellers med store skattefunn fra det gamle Russland, ca. 200 i antall, har også Arkhangelsk-skatten flere dimensjoner som gir store utfordringer – og problemer – i tolkningen. Skatten viser flere kryssende kulturimpulser samtidig som den dokumenterer russisk kunsthåndverk. En enkelt gjenstand kan være laget av en russisk smed, men ha tatt til seg stil-elementer utenfra, likesom et importert smykke kan ha blitt tilført lokale trekk. Gjenstanden kan ha vært i bruk over lang tid og blitt endret gjennom reparasjon. Det må understrekes at Arkhangelsk-skatten fortsatt er under utforskning. Foreløpig er mange spørsmål ubesvarte. Skatten er oppbevart i Historisk museum (fylkesmuseet) i Arkhangelsk.

Funnet inneholder over 2000 mynter. Tre av myntene er klart identifisert som arabiske (kufiske dirheme). De aller fleste er av vestlig opprinnelse. Blant myntene finner vi to norske, den ene fra Harald Hardrades tid (1046–1066), den andre fra tida like etter. Begge kan være preget i Trondheim. Til sammen spenner myntfunnet fra 900-tallet til om lag 1130.

Det meste av solvutstyret består av gjenstander og fragmenter av gjenstander som gjerne er funnet langs de store handelsrutene i det gamle Russland. Her er en

---

* Впервые опубликовано: Помор: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Gyldendal Norsk Forlag, Oslo, 1992. S. 22–23.

ring for feste av haret ved tinningen («tinningsring») av Svasrt gammel type, men et solestralesymbol (med sju strller). Vide re finner vi et mSneformet hengesmykke dekorert i filigran[135] og med Solvdraper. Gjenstander som dette ble produsert i rus-siske byer. De kan generelt dateres til 1000–1100-tallet. Til samme periode horer et tvunnet armband der endene har form av sma skjold hvor det opprinnelig trolig har vaert satt inn edelstener, men hvor det na er sma granittstykker. Et annet armband er i massivt hamret solv, med mandelformede endestykker hvor det ligger rester av glass. Det er rikt dekorert med flere parallelle rekker av strekede og prikkede linjer. Armbandet kan vaere importert fra Det naere osten, eller det kan vaere laget i Volga-Bulgaria. Dekortypen var i bruk fra 900 – til 1200-tallet.

Et par tringalformede hengesmykker, dekorert i pointilleringsteknikk, er Mde elegante og enkle. Lignende dekor finnes i bronsesmykker ftinnet flere steder i Nord-Russland, bl.a. ved elva Avga pa Kolahalvoya og pa oya Vaigatsj. De kan dateres til 1000–1100-tallet. Slike smykker var vanlig hos de ostlige finsk-ugriske folk.

Et stopt trefliket hengesmykke er av en type som tidligere vanligvis ble henfort til import fra Skandinavia. Nyere forskning tyder imidlertid pa at det var slaviske folk som begynte a lage slike smykker, men pa 1100–1200-tallet kan de ogsa ha blitt produsert i verksteder i Latvia eller Finland. Hengesmykketi Arkhangelsk-skatten ble funnet sammen med en ring der endene var vridd sammen til en karakteristisk knute. Rimeligvis horer ring og hengesmykke sammen, opprinnelig festet til et kjede. Til funnet horer da ogsl mange fragmenter av kjeder tvunnet eller flet-tet av solvtrad, likesa fragmenter av andre hengesmykker.

Et stort okseformet hengesmykke, laget av en tynn solvplate med en innretning for kjedefeste, er av stor interesse. Fronten en rikt dekorert, der to store inngraverin ger som ender i spiraler, dominerer. Kan tene har friser med ulike figurer. Ovre del av platen er dekorert i pointilleringsteknikk. Denne smykketypen er nord-euro peisk; den forekommer innenfor et stort ormlde som omfatter Skandinavia, Finland, Estland, det nord-vestlige Novgorod og Vaga-bassenget.

Særlig sterk tilknytning synes smykket å ha til kjente funn i Osterbotten i Finland, som igjen hadde nærs forbindelse med Skandinavia.

Det er fristende, især på basis av dette smykket og de skandinaviske myntene i funnet, å kaste fram en hypotese om at Arkhangelsk-skatten er en indikasjon på forbindelse mellom Kvitsjøen (Bjarne land) og Skandinavia i vikingtida og i den nærmeste tid etter. Det virker ikke usannsynlig at en god del av skatten kan være vestlig betaling i forbindelse med den omfattende skinnhandelen i tidlig middelalder der.[136]

АРХЕОЛОГИЯ ОСТРОВА МОРЖОВЕЦ И ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙШЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВОВ БЕЛОГО МОРЯ*

В 1983 году экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН впервые провела на острове Моржовец рекогносцировочные работы¹. Моржовец – холмистый остров (10–13 м над зеркалом моря) с множеством озер и тремя реками, расположен в горле Белого моря. Осмотрен весь периметр берега на протяжении 45 км; внутренняя территория обследована частично. Именно в прибрежной полосе обнаружены 19 первобытных местонахождений и остатки 19 поздних деревянных обетных крестов поморов. Памятники располагались неравномерно, преимущественно на южном и юго-западном побережье острова, обращенных к материку. Культурный слой стоянок разрушен, все находки собраны с поверхности развеянного ветром песка и мелкого галечника, в южной части острова – с торфяной поверхности. Местонахождения группировались следующим образом: пункты 1–2 – на Каменном мысе (23 предмета: кремневые отщепы, пластины, проколки, ретушер); пункты 3–6 – около озера Рыбного (66 предметов: кремневая ножевидная пластина, нож, нуклеус и пр.); пункты 7–16 – около озера Малое Чаичье, в устье реки Золотуха (142 предмета: кремневые наконечники стрел, боковые и концевые скребки, ножевидные пластины с ретушью, ножи, нуклеусы и пр.); пункты 17–18 – на Северном мысе (27 предметов: кремневый наконечник стрелы с пальчатой ретушью, листовидный наконечник, скребок, нуклеусы и пр.); пункт 19 – в устье реки Литовки, на правом берегу (18 предметов: кремневые наконечники стрел, скребки, микроскребок, сработанный, нуклеус и пр.). Характер кремневого инвентаря свидетельствует о том, что здесь была своя индустрия камня. Найдены пластинчатые одноплощадные нуклеусы, краевые сколы с

---

* Впервые опубликовано: Двести лет арктической археологии. М.: Наука, 1990. С. 44–46 (в соавторстве с О.В. Овсянниковым).

1. Овсянников О.В. Археологические работы в Беломорье // Археологические открытия, 1983 г. М., 1985. С. 23.

нуклеусов, многочисленные отщепы и кремневые чешуйки. Сырьем служил карбоновый кремнь, возможно, местного происхождения. Его обработка велась традиционными способами и проходила все стадии первичной и вторичной обработки. Из 276 предметов на долю кремневых орудий пришлось 43 изделия (коллекция хранится в Архангельском областном краеведческом музее, инв. номер 2735 КП). Среди кремневых изделий особый интерес представляют листовидные наконечники стрел и их фрагменты (рис. 1, 2, 3, 5, 6). Один наконечник относится к типу беломорских, с вогнутой базой и характерной пальчатой ретушью (рис. 1, 1). Аналогии таким наконечникам встречаются во многих памятниках беломорской культуры, имеются они и в инвентаре стоянок Зимнего берега, например в Нижней Золотице. Кремневые ножи на пластинчатых отщепах представлены однолезвийными и двулезвийными образцами (рис. 1, 7, 16). Группа кремневых концевых и боковых скребов делится на пластинчатые (рис. 1, 9–13) и из отщепов (рис. 1, 17–20, 22); выделяется массивное скребовидное орудие с желвачной коркой на спинке и тщательной обработкой рабочего края (рис. 1, 8). Разнообразные по форме и следам обработки скребки имеют многочисленные и устойчивые аналогии в инвентаре стоянок Зимнего берега¹, а также в памятниках всего беломорского ареала. В коллекции имеются кремневые проколки, заостренные с одной стороны ретушью (рис. 1, 15). Уникальной находкой является небольшой пластинчатый отщеп с закругленным боковым краем, тонко обработанным ретушью; верхний край орудия оформлен в виде зубца (рис. 1, 14). Обращает на себя внимание фрагмент широкой пластины с крупными зубцами на одном из боковых краев (рис. 1, 21). В целом имеющийся в нашем распоряжении кремневый инвентарь из местонахождений на острове Моржовец свидетельствует об относительно раннем, в пределах II–I тысячелетий до н.э., проникновении сюда человека и

---

1. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии. М., 1952. № 29. С. 176–184.

скорее всего речь идет о сезонном промысловом освоении данного микрорайона. Такой выход древних охотников и промысловиков к берегу моря прослеживается на целой серии памятников арктического побережья от Кольского полуострова до полуострова Канин и далее до Югорского Шара¹. Изучение соловецких древностей позволило связать в [138] этнокультурном отношении Архангельское Беломорье (южный берег моря), с одной стороны, и территорию Карелии и Кольского полуострова, с другой, причем древние миграционные потоки были направлены, вероятно, с юго-востока на северо-запад². Тогда же происходила сезонная миграция с Зимнего берега на острове Моржовец. Об этом свидетельствуют находки, сделанные в 1983 году на левом берегу реки Большая Кедовка. В 450 метрах выше устья реки собран небольшой подъемный материал (32 предмета), состоящий из кремневого ножа, кварцевого скребка, отщепов и пластин. Несколько находок было сделано в выдувах дюн, в 500 метрах выше устья реки Майды. Наряду с кремневыми отщепами обнаружены два обломка кремневых наконечников беломорского типа. Небольшие коллекции (кремневые отщепы и орудия) были собраны также в районе деревень Койда и Ручьи. Определить хронологию всех этих находок довольно трудно, однако по ряду признаков (карбоновый кремнь, характер обработки орудий, беломорские типы наконечников стрел) кремневая индустрия Моржовца и указанных материковых местонахождений относится к одному культурному комплексу. Кроме того, исследования, проведенные на западном и северном побережье Канина Носа, дают основания, правда в предварительном плане, говорить о

---

1. Сводку материала по этому вопросу см.: Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрия мезолита – раннего металла Кольского полуострова: авто- реф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хлобыстин Л.П. Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // Археологические открытия, 1984 г. М., 1986. С. 32–33; Никитин А.Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // Сов. этнография. 1976. № 2. С. 103–111.

2. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология. 1948. № 10. С. 125–142; Она же. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Материалы и исследования по археологии. 1953. № 39. С. 408–420; Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Сов. археология. 1970. № 1. С. 34–48 и сл.; Он же. Основные проблемы археологии Архангельского Беломорья // Природа и хозяйство Севера/ Мурманск, 1983. С. 78-83.

том, что здесь представлены довольно многочисленные стоянки охотников на северного оленя со времени мезолита до эпохи раннего металла.

Остров Моржовец с давних пор входил в район морских зверобойных и рыбных промыслов сначала двинян и монастырских крестьян, а затем и жителей селений Зимнего берега, в первую очередь сел Ручьи и Койды. На северной оконечности Зимнего берега находилось крупнейшее становище – Кеды (Большая Кедровка у устья рек Кедровка и Малая Кедровка). В первом пункте зафиксированы остатки креста с неразборчивой надписью, во втором – стоящий крест с датой «1923». От становища Кеды к югу по берегу моря были обследованы течи до селения Майда (Проры[139]вы, Послонка, Корабельная, Засопки) и от Майды в сторону селения Мегры (Майдица, Чебурай, Логовка, Орал, Швейкин ручей, Подкрасное). Здесь выявлены лишь два креста (устье Майдицы и Подкрасное), аббревиатуры на которых сохранились плохо. Кресты на Моржовце также плохой сохранности. На мысе Каменный Нос удалось найти лишь срубленные кресты вблизи остатков промысловых изб предвоенного времени. Наиболее хорошо сохранился крест с надписью «1878 года месяца июня 1 дня поставлен сей[141] крест... 21 человеком» (рис. 2, 2). Другие даты в этой группе крестов: «18...», «188...», «1907...», «1926 г. 26...» (рис. 2, 1, 3). Всего на Каменном Носу стояло не менее 17 крестов, но, к сожалению, данный уникальный комплекс, несомненно с большой «летописной» информативностью, безвозвратно погиб. В северной части острова (мыс Северный) был зафиксирован фрагмент креста с датой «1919 г... апреля...», а в северо-восточной – отдельные фрагменты креста с надписью: «18.8 года пдл... переноси крест сей... мца октя 4 дн.». Как показал опыт работы в Беломорье, необходимы комплексные исследования с фиксацией памятников широкого хронологического диапазона (археологии и памятников культуры), что позволит в дальнейшем воссоздать целостную картину освоения Арктики на различных этапах отечественной истории.

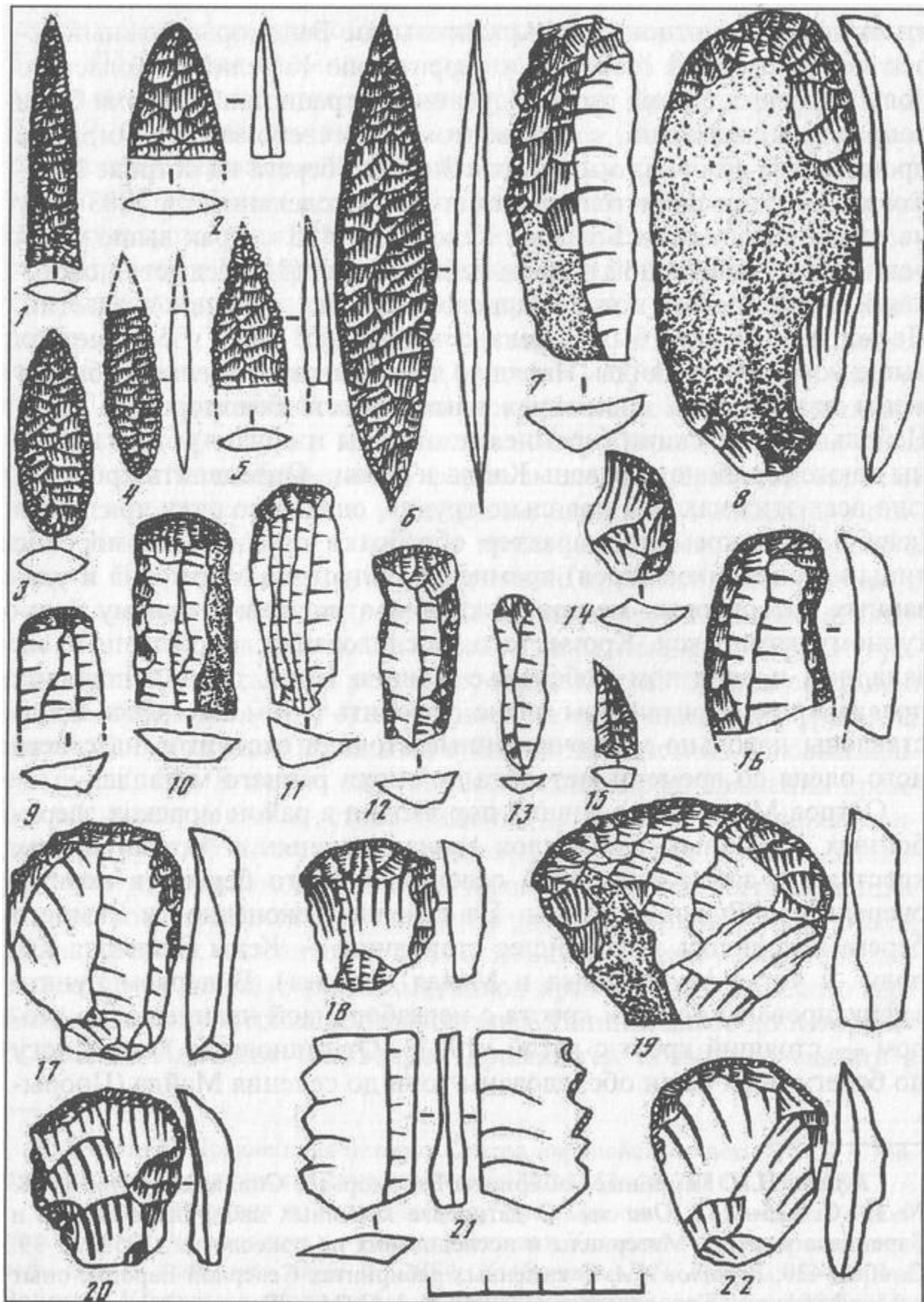

Рис. 1. Кремневый инвентарь с о-ва Моржовец и из сборов у устья р. Майды

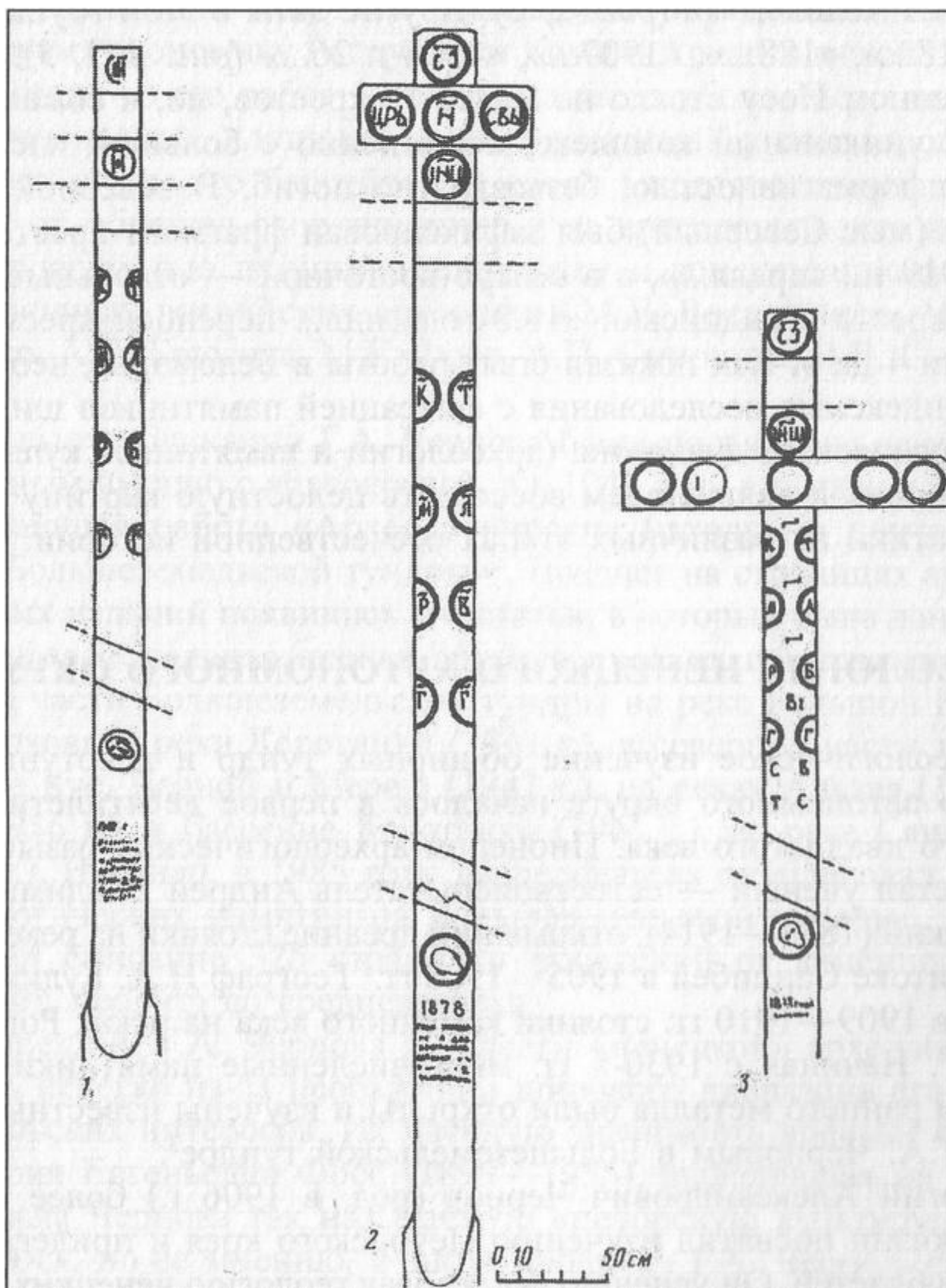

Рис. 2. Обетные кресты на острове Моржовец

АРХЕОЛОГИЯ НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА*

Археологическое изучение обширных тундр и лесотундр Ненецкого автономного округа началось в первое десятилетие прошедшего двадцатого века. Пионером археологических разысканий в крае стал ученый – естествоиспытатель Андрей Владимирович Журавский (1888–1914), открывший древние стоянки на реке Колва и ее притоке Сандибей в 1905–1908 гг.¹ Географ Н.А. Кулик обнаружил в 1909–1910 гг. стоянки каменного века на реках Роговая и Адъзва². Начиная с 1930-х гг. многочисленные памятники эпохи камня и раннего металла были открыты и изучены известным геологом Г.А. Черновым в Больнеземельской тундре³.

Георгий Александрович Чернов (род. в 1906 г.) более 60 лет своей жизни посвятил изучению Печорского края и прилегающих к нему областей. Он успешно исследовал геологию ненецких тундр,[142] открыл важнейшие полезные ископаемые, определяющие в настоящее время экономику Республики Коми и Архангельской области. Важнейшие из его работ – определение наиболее перспективных нефтегазоносных площадей и месторождений углеводородов Печорского угольного бассейна⁴. В своих многочисленных путешествиях он обращал свое внимание и на археологические находки, с благодарностью принимая поддержку и консультационную помощь видных российских археологов М.Е. Воеводского, М.В. Талицкого, А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, А.П. Смирнова, В.И. Смирнова и др.

Первые публикации Г.А. Чернова были посвящены открытиям, связанным именно с археологией, а в 1948 году в печати появилась обобщающая работа «Археологические находки в центральной части

---

* Впервые опубликовано: Вестник Поморского университета. 2003. Спецвыпуск. С. 173–182.

1. Впервые опубликовано: Вестник Поморского университета. 2003. Спецвыпуск. С. 173–182.

2. Кулик Н.А. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 года // Зап. Минералог. общества. Серия 2. Пг., 1910. Ч. 51. С. 24–25.

3. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985.

4. Георгий Александрович Чернов: судьба первооткрывателя / сост. Л.Н. Чернова. М., 1997.

Большеземельской тундры»¹. Позднее на страницах археологических изданий появились его статьи, в которых была дана вполне профессиональная оценка археологических памятников в восточной части Большеземельской тундры на реке Большой Роговой и в верховьях реки Коротаихи (1941 г.), в северной части тундры, на реке Куе, Черной и Мерею (1947 г.), на реках Адзва (1952 г.), Уса (1956 г.), в бассейне Коротаихи (1961 г.), на реке Сандибейю (1975 г.). Наконец, в 1985 году исследователь опубликовал «Атлас археологических памятников Большеземельской тундры», в котором дал описание 325 стоянок и поселений от каменного века (мезолит, неолит) до средневековья.

Концепции Г.А. Чернова в области «ненецкой» археологии изложить нелегко из-за необычайно широкого диапазона его исследовательских интересов. Их научную значимость впервые отметила Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955), выделившая на основе материала Чернова так называемую «печорскую культуру», относившуюся, по ее мнению, к эпохе неолита². Г.А. Чернов при внимательном изучении материалов, собранных в Пустозерске, Нарьян-Маре (Харитоново) и близ устья реки Толотаяха (Хайпудырская[143] губа), сопоставил их с материалами второй и первой фазы развития беломорских стоянок (по В.И. Смирнову)³, с одной стороны, и с уральскими стоянками Северной Сосьвы и Конды – с другой. Изучение стоянок на реках Большая Роговая, Падимейвис, Коротаиха, Тарьяю и других привели исследователя к выводу об относительно позднем заселении тундры, к времени бронзы. Однако после изучения материалов со стоянок Куя, Черная и Хэйбидя-Пэдара он уточнил датировку. По мнению Г.А. Чернова, древний человек освоил северные районы Большеземельской тундры в конце II–I тысячелетий до н.э.

---

1. Чернов Г.А. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1948. Т. 7, вып. 1. С. 55–122.

2. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 29. М., 1952.

3. Смирнов В.И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области // Сов. археология. 1937. Вып. 4. С. 169–210.

После открытия 79 пунктов с археологическими материалами на Адъзве (1952 г.) Г.А. Чернов выделил 3 этапа развития Большеземельского неолита: начало I тысячелетия до н.э. (круглодонные сосуды с прямыми стенками, орнаментированные от венчика до дна); конец I тысячелетия до н.э. – первые века н.э. (круглодонные сосуды с выпуклыми боками, на верхней части которых имеются оттиски штампа); I тысячелетие до н.э. (сосуды круглодонные с поддонами, украшенные различными штампами, в том числе крестовидными оттисками). В результате исследования пришел к выводу о том, что неолит Большеземельской тундры развивался самостоятельно, имел культурные связи через верховья Печоры с Камским бассейном, восточная же часть микрорегиона ощутила на себе влияние обской культуры (1951 г.).

Эти взгляды были несколько скорректированы в связи с открытием в 1955 году стоянки в 30 км севернее Нарьян-Мара, на которой была обнаружена коллекция каменных орудий и ямочно-ребристой керамики, датированная Н.Н. Гуриной (1957 г.) первыми веками II тысячелетия до н.э. Найденное принадлежало некогда племенам ямочно-ребристой керамики, продвинувшимся в низовья Печоры из районов Каргополя и Костромского Поволжья¹. К этому времени Г.А. Чернов нашел около Нарьян-Мара и Пустозерска 14 стоянок.

В 1961 году Г.А. Чернов собрал большой материал в бассейне Коротаихи, позволивший ему дифференцировать находки, в которых сочетались элементы нижнеобской и печорской культур.[144]

К значительной удаче Г.А. Чернова относилось открытие мезолитических памятников в Печорском Заполярье. Выделить в разновременных материалах, состоящих из ранних сборов, мезолитический комплекс было довольно трудно, так как вещи собирались с поверхности развееваемых песков – «яреев». Так, например, стоянка Садибейю-1 привлекла

---

1. Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // Сов. археология. 1957. № 2. С. 115–120.

внимание И.В. Верещагиной, пришедшей к выводу о мезолитическом возрасте комплекса ножевидных кремневых пластинок и орудий из них¹. Г.А. Чернов согласился с датировкой Сандибейю VI— началом V тысячелетий до н.э.² Мезолитическое население пришло в тундры с верхней Волги через Вычегду и среднюю Печору.

В неолите же тундра заселялась плотнее. Многочисленные памятники этого времени обнаружены в бассейнах рек, впадающих в Баренцево море, — в низовьях Печоры и на реке Коротаихе³. Древние люди ненецких тундр были охотниками на северного оленя. Отсутствие на стоянках рыболовных приспособлений указывает на то, что рыболовство как промысел еще не выделилось из первобытной охоты; впрочем, не исключено, что протоки (висы), вытекавшие из рыбных озер, перегораживались силками, подобными тем, что ставили на наземных животных. Интересна стоянка Сандибейю-1, расположенная вблизи большого озера Небесохасырейты, в настоящее время мелкого и совершенно безрыбно, что и отражено в названии, которое ему дали позднее ненцы («хасырей» означает «пустое»). На реку Сандибейю древних охотников привлекало обилие гусей. В это время из-за критических природных условий человек был вынужден переселяться в более южные районы — на левый приток Печоры, Ижму, Тиман и истоки реки Цильмы⁴. [145]

Неолитическая керамика сохранилась на стоянках довольно плохо. Исследователи объясняют это обстоятельство обилием крупной гальки в

---

1. Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 5. Сыктывкар, 1973.

2. Чернов Г.А. Новые мезолитические стоянки на реках Сандибейю и Колве // Сов. археология. 1980. № 1.

3. Он же. Археологические памятники в низовьях реки Коротаихи и на побережье Белого моря // Сов. археология. 1957. № 2. С. 103–123.

4. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972; Он же. Неолитические стоянки Центрального Тимана // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 4. Сыктывкар, 1973; Он же. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита европейского Северо-Востока // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 5. Сыктывкар, 1973.

оловых песках, способствующей плохому сохранению на поверхности ярея изделий из глины¹.

В эпоху бронзы керамика сохранилась, например, на стоянках в низовьях Печоры, на реках Куе, Черной, Морею, Сандибейю, Колве, Колвейис, Падимейвис, Коротаихе и др. Она типологически близка камской керамике, что указывает на возможную связь этих удаленных районов через верховье Печоры с тундрой полярного Припечорья. На большеземельских стоянках встречается керамика лебяжской культуры эпохи поздней бронзы, хорошо изученная на средней Печоре и в бассейне Вычегды. Нижней хронологической границей лебяжской культуры В.И. Канивец считал вторую половину II тысячелетия до н.э., причем эта датировка хорошо согласовывалась с хронологией второго этапа беломорской культуры (около 1300–1200 гг. до н.э.), установленной М.Е. Фосс. Описание глиняной посуды этой культуры было дано в ряде публикаций Г.А. Чернова. В большинстве своем сосуды (диаметр по венчику – от 12 до 40 см, толщина стенок – 0,2–0,8 см) были круглодонные с прямыми боками, иногда с плоским дном и очень низким поддоном. Примесь в тесте – дресва из дробленых обожженных кристаллических пород, чаще гранита. Орнамент разнообразный, чаще в виде отпечатков конических палочек («ямки») и оттисков штампов различных форм, по большей мере гребенчатых. Встречаются сосуды с «веревочным» или «вафельным» узором. Более ранние сосуды сплошь орнаментированы, более поздние – лишь в верхней части стенки. Ямки группировались в нескольких рядах (до четырех) ближе к венчику.

Глиняные сосуды, относящиеся к раннему железному веку, были круглодонными, с выпуклым туловом и с утолщением на торце венчика, они украшались ямками и оттисками различной формы штампов.

Сосуды, орнаментированные «овальным» штампом, отнесены Г.А. Черновым к так называемому «бечевниковскому типу» (термин В.И. Канивца) керамики из стоянок на средней Печоре. К это[146]му же времени

---

1. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. С. 119.

относились сосуды, орнаментированные «отступающей лопаточкой», «ногтевыми» оттисками и «веревочными» отпечатками, Наиболее поздняя керамика, относящаяся к I тысячелетию н.э., была представлена сосудами разных размеров, всегда с сильно выпуклым туловом. В Верхней части стенок сосудов шел один ряд ямок, на тулово «спускались» гирлянды, выполненные оттисками разнообразных штампов. На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте вместе с подобной керамикой были найдены и металлические предметы.

На стоянках найдено много кремневых изделий. Значительную группу составляли кремневые наконечники с неполной обработкой поверхности пера, листовидные и Миндалевидные наконечники (Адзва-29, 41, 45; Сандибейю-8, или Шренк-ярей, Куя-3, Коллавис-6 и др.). В эпоху бронзы встречались наконечники лавролистные (Адзва-12, 24, 54, Устье-1 и др.), ромбоидальной формы (Адзва 15), треугольно-черешковые, «сейминской» формы (Коллавис-2, Адзва-20), ланцетовидные (Куя-4, Падимейвис-13, Пустозерск-1), «беломорского типа» (Коллавис-2, 18, Куя-5, Коротаиха-23, Адзва-24, 28); наконечники стрел с асимметричной боковой выемкой (Коллавис-11,16) и т.д.

Ножи изготавливались из ножевидных кремневых пластинок. В неолите появились специализированные кремневые ножи в виде сегмента («Северный тип»). Ко II тысячелетию до н.э. относился нож «с пуговкой» (Инди́га). Очень интересен нож изогнутой формы (Коротаиха – Сарна-яха). Оба типа кремневых ножей имели близкие аналогии в известном Волосовском кладе и в Каргопольском озерном районе и Прикамье.

Обнаружено очень много кремневых скребков. Если в развитом неолите чаще всего встречались концевые скребки, то в бронзовом веке они имели самые различные очертания со скребущим лезвием по бокам орудия и на его верхнем или нижнем концах. На озере Ярей-ты вместе с «выемчатым» скребком был найден фигурный кремнь, напоминающий по очертаниям камбалу. В кремневом инвентаре тундровых стоянок часто встречались

кремневые про-колки и резцы. На стоянке Садибейю была найдена многовыемчатая антропоморфная фигурка из кремня. В целом анализ кремневых изделий Печорского Заполярья обнаружил типологическую близость их с кремневым инвентарем стоянок Беломорья, с одной стороны, и Прикамья – с другой.[147]

Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место было найдено Г.А. Черновым в 1947 г.¹ Хэйбидя-Пэдара (с ненецкого – «священный лес») расположено на левом берегу среднего течения реки Морею. Окрестности памятника удивительно красивы: здесь раскинулся самый северный в тундре участок елово-березового леса. Жертвенное место представляло собой песчаный задернованный бугор почти правильной формы до 10 м в диаметре и высотой до 1,5 м, расположенный на бровке высокого речного берега, на мысу.

При раскопках Г.А. Чернов нашел здесь много керамики. Узоры на глиняных сосудах были выполнены с особой тщательностью и старанием. В культурном слое, исследованном при зачистке, были найдены металлические предметы из серебра, бронзы, меди и железа: женские украшения, серьги, браслеты, кольца, медальоны, предметы культа, изображающие человека с лосиной головой, ли-чины совы и других животных. Были там и сасанидские монеты, служившие подвесками, аравийские сердоликовые бусы, пластинки с нацарапанным рисунком оленя, целая серия наконечников из железа. Святилище просуществовало с III по XI в. н.э. В 1967 году работы на памятнике продолжил В.И. Канивец, разбивший на нем раскоп около 40 кв. м. В южной части холма было расчищено большое продолговатое пятно с остатками кострищ. Всего было найдено 2823 предмета, в том числе из серебра, бронзы и некоторых других сплавов – 976, из железа – 514, из стекла – 8, из шины – 572 фрагмента глиняной посуды, из кости – 744. Эти находки позволили сделать важные выводы. Люди, оставившие святилище, вели смешанное тундрово-лесное хозяйство. Среди культовых поделок и

---

1. Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // Сов. археология. 1955. Вып. XXIII. С. 291–320.

граффити встречались изображения лося или оленя (сюжет «человека-лося»). Имелись и литые и процарапанные изображения морских животных, модели лодок. Другая хозяйственно-культурная группа людей, создавших святилище, была связана с так называемой «арктической приморской культурой» (термин В.Н. Чернецова). По мнению археологов, эта культура была создана племенем «сииртя», упоминавшимся в ненецких преданиях, или летописной «печерой», памятники которой были позднее исследованы О.В. Овсянниковым в Ортино и на реке Гнилке, впадающей в Пустое озеро. Таким образом, по следам Г.А. Чернова пошли археологи[148] младшего поколения, продолжившие дело старейшего археолога страны. Выявленные в ходе исследований археологические факты в древней истории Ненецкого автономного округа были обобщены и памятниковедческих сводках, атласах и картах, а также в монографических трудах, опубликованных в 1970–2000-х гг.¹.

В течение последних десятилетий в округе плодотворно вели исследования две арктические экспедиции – Архангельская Арктическая экспедиция Института материальной культуры Российской академии наук под руководством Л.П. Хлобыстина и О.В. Овсянникова и Морская Арктическая комплексная экспедиция научно-исследовательского института культурного и природного наследия под руководством П.В. Боярского². Проблематика археологии Арктики получила историографическое освещение в 200-м выпуске кратких сообщений Института археологии (КСИА)³, в котором были опубликованы материалы совещания по проблемам истории и

---

1. См., например: Стоколос В.С., Королев В.С. Археологическая карта Коми АССР. Сыктывкар, 1989; Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997; Куратов А. А. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск. 1978; 1988; Исторические карты Архангельской области // Поморская энциклопедия. История Архангельского Севера. Т. II Архангельск, 2001; Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002 и др.

2. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т. 1-2. СПб., 1998; Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990; Он же. Морская Арктическая комплексная экспедиция: комплексные исследования историко-культурной среды Арктики: сб. науч. тр. М., 1990; и др.

3. Двести лет арктической археологии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 200. М., 1990.

культуры народов Крайнего Севера, прошедшего в Санкт-Петербурге 22–24 апреля 1987 г.¹

Археологи убеждены в том, что люди вышли в морские пространства еще в каменном веке. Тогда же они стали осваивать острова Белого и Баренцева морей. Они шли и дальше на Север, в Арктику на Шпицберген, Землю Франца-Иосифа и Новую Землю. Недавно П.В. Боярский высказал гипотезу о существовании в рамках геологической эпохи голоцена северо-западных мостов суши,[149] соединявших Северную Америку и Гренландию с северным побережьем Евразии. Составными частями этих древнейших «мостов» были острова Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой и Северной Земель. По этим перешейкам и через неширокие проливы первопроходцы осваивали новые арктические земли. Археолог Г.В. Иванов обнаружил следы каменной индустрии на острове Вайгач (1989 г.), на островах Алджер и Нортбрук Земли Франца-Иосифа (1990 г.)².

Большой интерес вызывают стоянки эпохи неолита, обнаруженные на западной периферии европейской субарктики – на Соловецких островах, островах Кузова, Мудьюг и Моржовец³. Так, например, имеющийся в распоряжении археологов кремневый инвентарь Моржовца (19 стоянок) свидетельствует об относительно раннем, в пределах II–I тысячелетий до н.э., проникновении сюда человека на сезонный рыболовно-зверобойный промысел. Такой выход древних охотников в океаническую акваторию прослеживается по целой серии памятников арктического побережья от

---

1. Тимофеев В.И. Совещание по проблемам изучения истории и культуры народов Крайнего Севера // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1990. Вып. 200. С. 102–104.

2. Боярский П.В. Введение в памятниковедение. С. 144–145; Он же. Морская Арктическая комплексная экспедиция. С. 11.

3. Куратов А.А. Соловецкие стоянки II–I тысячелетия до н. э. // Сов. археология. 1983. № 4. С. 199–204; Куратов А.А., Овсянников О.В. Археология о. Моржовец и проблема заселения островов Белого моря // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М., 1990. Вып. 200. С. 44–48; Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. III тыс. до н. э. – XV в.: материалы и исследования. Архангельск; Соловки, 2002.

Кольского полуострова на западе до Югорского Шара на востоке¹. Исследования на западном и северном побережьях Канина Носа дают основание предварительно говорить о сравнительно раннем проникновении сюда охотников на северного оленя (15 местонахождений)².

В последние десятилетия Л.П. Хлобыстин и О.В. Овсянников провели широкие исследования памятников как в континентальной [150] части Архангельской области, так и на побережье морей Арктики. На островах Белого моря работали экспедиции Архангельского областного краеведческого музея (А.А. Куратов) и Соловецкого природного и историко-архитектурного музея-заповедника (А.Я. Мартынов)³. Обнаружено значительное число древних поселений, могильников и культовых мест. Новые открытия сделаны молодыми археологами А.Г. Едовиным и А.Е. Беличенко.

Большой вклад в арктическую археологию внес Леонид Павлович Хлобыстин (1931–1988)⁴. В результате комплексного археолого-этнографического изучения святилищ на острове Вайгач он установил их связь с религиозными представлениями древних охотников. При раскопках святилищ были найдены жертвенные предметы из металла – украшения и сакральные изображения. Эти находки подтвердили летописные сведения о поездках новгородцев и ладожан в далекие земли югры и «самояди» в XI–XII вв. Древняя часть святилищ принадлежала, по мнению Хлобыстина, юграм. Исследования поселений арктических охотников на Вайгаче и побережье

---

1. Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрия мезолита – раннего металла Кольского полуострова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хлобыстин Л.П. Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // Археологические открытия, 1984. М., 1986. С. 32–33.

2. Гаврилова К.В., Овсянников О.В. Археологические исследования на полуострове Канин // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1988. Вып. 193. С. 51–56.

3. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области; Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и другие островов южной части Белого моря. III тыс. до н.э. – XV в.

4. Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л, 1973. Вып. 172. С. 54–65; Он же. Проблемы социологии неолита Северной Евразии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982; о Хлобыстине см.: Овсянников О.В., Тимофеев В., Шумкин В. Леонид Павлович Хлобыстин (02.03.1931–11.03.1988) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: сб. науч. тр. М., 1990. С. 392–399.

Югорского Шара дали возможность выделить культуру, черты которой оказались близкими к усть-полуйской культуре. Благодаря многослойности поселений была прослежена эволюция керамических комплексов на протяжении I тысячелетия н.э.¹

В Большеземельской тундре были обнаружены памятники досамодийского времени. А.А. Мурыгиным были введены в научный оборот новые находки Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места². Здесь были обнаружены более 50 бронзовых votivных (посвященных богам) предметов, выполненных в технике ажурного односто[151]ронного литья. Преобладающее место среди них составляли изображения одиноко стоящего человека-лося («сульце», по Ф.А. Теплоухову, «мяндаш», по В.В. Чарнолускому). В других композициях к человеку-лося добавилось изображение «ящера». Сюжет представлял собой сложный образ «человека-лося-птицы на ящере», широко представленный в искусстве пермского звериного стиля I тысячелетия до н.э. на территории Приуралья, Прикамья и Зауралья³.

Значительных результатов в изучении ранне- и позднесредневековых памятников приполярного Припечорья добился Олег Владимирович Овсянников (род. в 1937 г.). Им был обнаружен и полностью раскопан племенной центр доненецкого населения VI в. в Ортино, расположенного в низовьях р. Печоры⁴. Памятник был исследован Овсянниковым в 1987–1991 г. Жизнь на поселении- городище продолжалась вплоть до прихода сюда ненцев, то есть до X–XI вв. Раскопки его дали огромный вещественный материал: остатки деревянно-земляных сооружений оборонительного

---

1. Хлобыстин Л.П. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 23–28. Мурыгин А.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984

2. Мурыгин А.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984

3. Грибова Л. С. Культурная бронзовая пластика Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (Хэйбидя-Пэдара) // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 94.

4. Овсянников О.В. Путь встреч солнцу... // Летописец Севера. Архангельск, 1990. С. 5-21.

характера, бревенчатые жилища и хозяйственные постройки, предметы обихода и украшений.

В X-XIV вв., вероятно из Западной Сибири, в тундру пришли ненцы, поглотившие племена досамодийской пещеры («сииртя», как называли аборигенов тундры ненцы). Древняя культура охотников на дикого оленя и морских зверобоев сменилась культурой кочевых оленеводов.

Древние доненецкие и раннененецкие святилища и места обитания стали известны археологам и в других районах тундры: в устье Коротаихи и на горе Сииртеса (Чудская гора), на островах в дельте Печоры, в устье реки Индигы и т.д. Следы древних югров были обнаружены на острове Вайгач в 1983 году: на Болванском Мысу были собраны многочисленные изделия из бронзы и серебра XI– XII вв., на западном берегу острова были исследованы остатки святилища XI–XII вв. В 1987 году О.В. Овсянников нашел святилище VI–XIII вв. на берегу реки Гнилки около знаменитого Пустозерска.[152]

Раскопки городища, расположенного вблизи святилища, были продолжены в 1992 году. Оказалось, что городище было сооружено московскими воеводами в 1499 году.

На территории Ненецкого автономного округа известно немало ненецких святилищ. Одно из них было расположено в бассейне реки Поймы в 25 км от города Мезени. Святилище расположено на месте, известном как «Козьмин перелесок»¹. Древнее святилище было разрушено православными миссионерами во главе с архимандритом Вениамином в 1820-х гг. Впрочем, ненцы использовали святилище и позднее, вплоть до XX в. В 1986 году О.В. Овсянников и Н.М. Терехихин исследовали памятник, сохранивший древние языческие традиции.

Святилище находилось на дороге-«ворге», расположенной по маршруту ненецких перекочевок на полуостров Канин в начале весны и

---

1. Терехихин Н.М., Овсянников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. С. 223–234.

обратно на «материк» в начале зимы. По преданию, святилище было основано одним из четырех братьев – сыновей Вэсако и Ходако («Старика и Старухи») – двух каменных идолов, поставленных в самом центре сакрального мира ненцев на острове Вайгач¹. Братья разошлись по свету и основали новые святилища, которые символически маркировали границы родовой (этнической) территории ненцев. Священный центр на западной границе Канинской тундры имел два названия – ненецкое «Харв-под» (лиственничная чаща, дорога в ней) и русское «Козьмин перелесок». Исследователи обнаружили остатки жертвоприношений на 242 деревьях: разнообразные пояски, ленты, ремни, веревки, куски ткани; медные и бронзовые предметы (зеркало, колокольчики, кольца, перстень, бляшки), черепа и рога оленей, повешенные на деревьях и т.д. Святилище было маргинальным (пограничным) культовым объектом, отмечавшим, с одной стороны, родовую территорию ненцев, а с другой – местом проведения календарных (весенне-летних и осенне-зимних) обрядов, фиксировавших наиболее значимые переходные моменты сезонных миграций ненцев-оленоводов. В обрядах актуализировались важнейшие категории традиционной культуры ненцев: мужское и женское, дикое и домашнее, сырое и вареное, чистое и нечистое, природа и культура.

Археологические и этнографические материалы свидетельствовали о двух наиболее существенных аспектах в развитии производственных сил у населения северных тундр и лесов. Первый был связан с одомашиванием северного оленя (до середины I тысячелетия н.э.). Появление оленеводов привело к интенсификации традиционных промыслов и занятий. Приручение оленя вместе с освоением железа способствовало многокилометровым миграциям. Второй крупный шаг в развитии производительных сил был отмечен переходом к крупному кочевому оленеводству, вплоть до XVII–XVIII вв. При кочевом скотоводстве маршруты передвижения могли легко меняться по желанию хозяина стада, но в лесотундре и тундре миграции

---

1. Хомич Л.В. Ненцы: ист.-этногр. очерки. М.; Л., 1966. С. 199.

имели меридианное направление – с юга на север и с севера на юг. Оленевод, в отличие от скотовода-кочевника, был не столько пастухом, сколько хранителем стада, полагаясь в вопросах выпаса на природное умение оленей находить богатые ягелем места¹. В этом смысле оленеводы по своему хозяйственно-бытовому укладу стояли ближе к подвижному охотничьему быту, чем к кочевому скотоводству. Оленеводам, в отличие от скотоводов, не были известны навыки элементарной селекции, ветеринарии, теплого содержания и подкормки молодняка. Сам термин «домашний олень» в значительной степени условен, потому что олени так и не привыкли до конца к людям и легко переходили от «домашней» жизни к дикому состоянию.

Стремление увеличивать численность оленьего стада заставляло его владельцев чаще передвигаться по тундре с места на место в поисках новых ягельных пастбищ. Как считал Л.П. Хлобыстин, тундровое охотничье и охотничье-рыболовное население каменного и бронзового веков, хотя и вело довольно подвижный образ жизни, было в целом более оседлым, нежели сменившие их ненецкие оленеводы. По наблюдениям М.А. Кастрена, степень подвижности северного населения напрямую зависела от численности оленей: семьи, имевшие мало оленей, вели более оседлую жизнь, и наоборот, владельцы больших стад проводили весь год в непрерывных передвижениях по тундре². [154]

По мнению Л.В. Хомич, генезис самодийского оленеводства исходил из предгорий Саян³. Этнографические наблюдения подтверждали, например, широкое распространение среди ненцев за-пряжки нарт «веером» (от двух до семи оленей)⁴. Езда на собаках использовалась ненцами на Новой Земле, на острове Вайгач и на Югорском Шаре, а в зимнее время повсеместно. Собаки также запрягались «веером», а собачьи нарты были аналогичны оленьим,

---

1. Инфантьев П. Этнографические рассказы. СПб., 1909. С. 159.

2. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. СПб., 1851. С. 316.

3. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 79.

4. Она же. Ненцы: ист.-этногр. очерки. С. 91.

только меньше по размерам и значительно легче. Реже использовалась лодка – нарта, заимствованная из Западной Сибири¹.

Другие артефакты материальной и духовной культуры ненцев (жилище, одежда, пища, общественный строй, этнономинация, брак и семья, обряды и религиозные представления, изобразительное искусство и фольклор) обстоятельно освещены в трудах Л.В. Хомич². Многовековая история ненцев получила обстоятельное освещение в юбилейном издании «Сквозь вьюги лет»³. Памятники истории и культуры Нижнепечорья представлены в атласе, изданным недавно Ненецким окружным краеведческим музеем⁴.

Изучение археологии и истории Ненецкого автономного округа успешно продолжается и в наше время. Ненцы – «яраны», «самоядь», как они были названы в «Повести временных лет», – один из «малых» народов Крайнего Севера, имеющих великую историю.

---

1. Козьмин В.А. Лодка-нарта в этнографии Западной Сибири // Вестник ЛГУ. 1981. № 8. С. 29–33.

2. Хомич Л.В. Указ. соч.

3. Ненецкий край: Сквозь вьюги лет: Очерки. Статьи. Документы / сост. В.Ф. Толкачев. Архангельск, 2000.

4. Атлас памятников истории и культуры Нижнепечорья / сост. Е.Г. Меньшикова. Нарьян-Мар, 1998.

ДРЕВНЯЯ НЕНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ*

Археологическое изучение территории Ненецкого автономного округа началось в первое десятилетие XX века. Биолог и основа[155]тель Усть-Цилемской сельскохозяйственной станции А.В. Журавский открыл древние стоянки на реке Колве и ее притоке Сандибей (Шренк-Ярей и Мой-Ярей, 1905–1908)¹. Географ Н.А. Кулик обнаружил древние стоянки на реках Роговой и Адъве (1909–1910)². Позднее М.Е. Фосс отнесла эти стоянки к новокаменному веку³, а Л.П. Хлобыстин – к эпохе бронзы⁴. Начиная с 1930-х годов, многочисленные памятники эпохи камня и раннего металла были открыты и изучены геологом Г.А. Черновым в Большеземельской тундре⁵. Их интерпретация была дана в одной из монографий В.С. Стоколоса⁶. Значительный интерес представляет собой Печорская стоянка, опубликованная Н.Н. Гуриной⁷. Памятник расположен в низовьях Печоры, около города Нарьян-Мара. Инвентарь стоянки позволил исследовательнице сделать вывод о близости беломорской и печорской археологических культур⁸.

По мнению Г.А. Чернова, большеземельский неолит имел сходство с беломорскими и зауральскими стоянками. Однако позднее он констатировал самостоятельное развитие большеземельского неолита и возможность его

---

* Впервые опубликовано: История и культура ненцев Европейских тундр / под ред. Л.Ю. Корепановой. Нарьян-Мар, 1998. С. 4–14.

1. Журавский А.В. Результаты исследований Приполярье Заполярья в 1907 и 1908 годах // Известия Рус. геогр. общества. Т. 14. С. 207–209.

2. Кулик Н.А. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 года. // Записки Минералогического общества. Пг., 1910 Сер. 2. Ч. 51. С. 24–25.

3. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии. 1952. № 29.

4. Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Материалы и исследования по археологии. 1973. № 172.

5. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985.

6. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.

7. Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // Сов. археология. 1957. № 2. С. 115–120.

8. Там же. С. 120.

связей с югом через верховья Печоры и Камы¹. По данным Г.А. Чернова, на обширной территории Большеземельской тундры выявлено 325 археологических памятников². [156]

Первыми поселенцами тундры были охотники на северного оленя. Отсутствие на стоянках рыболовных приспособлений указывает на то, что этому промыслу не уделялось большого внимания, хотя не исключено, что протоки (висы), вытекающие из рыбных озер, перегораживались загородками наподобие силков на наземных животных. Интересна стоянка Сандибейю-1, расположенная вблизи большого озера небесохасырейты, в настоящее время мелкого и совершенно безрыбного, что и отражено в самом названии озера («хасырей» означает «пустое»). На реку Сандибейю древних охотников привлекало обилие гусей.

В ненецких тундрах – Большеземельской и Малоземельной – обнаружены археологические памятники различных эпох – от мезолита (среднекаменного века)³ до средневековья⁴. Древнейшее, мезолитическое, население тундры пришло сюда с верхней Волги через Вычегду и среднюю Печору. В неолите тундра заселяется плотнее, выходы людей этого времени фиксируются в памятниках бассейнов рек, впадающих в Баренцево море – в низовьях Печоры и на реке Коротаихе⁵. В это время из-за критических условий человек был вынужден переселяться в более южные районы тундры на левый приток Печоры, реку Ижму, а также на Тиман, и на истоки реки Цильмы⁶.

---

1. Чернов Г.А. Новые археологические находки в Большеземельской тундре // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 54.

2. Он же. Атлас археологических памятников... С. 116.

3. Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. 1973. Вып. 5; Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

4. Овсянников О.В. Путь встреч солнцу // Летописец Севера: ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 5–21.

5. Чернов Г.А. Устьейягинское древнее поселение на р. Коротаихе // Сов. археология. 1975. № 4. С. 112–131; Он же. Археологические памятники в низовьях р. Коротаихи и на побережье Баренцева моря // Сов. археология. 1975. № 2. С. 103–123.

6. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972; Лузгии В.Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. 1973. Вып. 4;

Стоянки с керамикой сравнительно малочисленны – около 30% от общего числа. По данным Г.А. Чернова, наибольшее их количество приходится на бассейн реки Колвы (28) и реки Коротаихи (53); на реке Адзьве среди 79 стоянок керамику содержат лишь 15.[157]

Исследователи объясняют это обстоятельство обилием крупной гальки в эоловых песках, способствующей плохому сохранению на поверхности ярея изделий из глины¹.

В эпоху бронзы количество стоянок в тундрах значительно увеличивается. Археологи обнаружили их на нижней Печоре, в бассейнах реки Куи, Черной, Морею, Сандибейю, Колвы, Коллавис, на побережье Баренцева и Карского морей, а также на островах Ледовитого океана. Материал этих стоянок представлен богатым и разнообразным каменным инвентарем и своеобразной керамикой, близкой по составу глиняного теста и орнаментации камской керамике. В то же время часть керамики с «крестовым» орнаментом, например, из инвентаря стоянок на реке Коротаихе, находит аналогии в керамике низовий Оби. Можно предположить, что более древние сосуды из инвентаря стоянок Большеземельской тундры были орнаментированы сплошь по тулову, а позднее – лишь в верхней части. Сосуды из инвентаря стоянок раннего железного века имели круглодонные формы, с выпуклым туловом, с утолщенным венчиком и орнаментом в верхней части тулова в виде ямок и оттисков разнообразных штампов. В поздней керамике встречаются также сосуды с оттисками овального штампа («бичевникский тип», встречающийся, по В.И. Канивцу, на средней Печоре), а также с веревочным орнаментом.

Поздняя керамика (I тыс. н.э.) представлена сосудами разных размеров всегда с сильно выпуклым туловом, орнаментированными в верхней части ямками в один ряд, на тулово сосудов опускались гирлянды отпечатков

Лузгин В.Е. Поселения Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита европейского Северо-Востока // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. 1973. Вып. 5.
1. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников... С. 119.

штампов; сосуды плоскодонные, с низкими поддонами (например, в инвентаре Хейбидя-Пэдарского жертвенного места).

Приведем описание стоянки бронзового века на реке Коротаихе (по В.С. Стоколосу)¹. Стоянка расположена на правом берегу реки, в трех километрах выше впадения в нее правого притока Хейяги. Высота береговой террасы колеблется от 5 до 20 м. территория стоянки имеет протяженность вдоль берега реки в 240 м. В раскопе (170 кв. м.) был собран значительный вещественный материал, состоящий из каменных изделий и керамики. Основным материалом для орудий состоял из кремня и кварцита – 143 законченных изделия, 11 заготовок. Использовался желвачный кремень преимущественно хорошего качества; цвет кремня серый различных оттенков; красноватый, желтоватый кремень встречается довольно редко. Типы орудий: наконечники стрел (листовидные, треугольновытянутые с усеченным основанием); наконечники дротиков и копий (наряду с кремневыми имеются и кварцитовые); заготовки для наконечников; ножи (двулезвийные и однолезвийные на отщепах и пластинах, плиточные); проколки (на тонких и массивных отщепах); скребки (63 экз.) треугольной формы трех типов; подчетыреугольные в трех вариантах; кварцитовые подпрямоугольные; аморфные; рубящие и долбящие орудия; тесла с подшлифовкой. Керамика представлена 1085 фрагментами стенок сосудов (76 сосудов) – остродонных и «котловидных», предметами металлургического производства: сопла, литейные «шишки». Время существования стоянки – третья четверть II тыс. до н.э. Собственно металлических орудий, к сожалению, не обнаружено.

Значительный вклад в первобытную и средневековую археологию субарктики внесли Л.П. Хлобыстин, В.Е. Лузгин, О.В. Овсянников, П.В. Боярский и др. Выявленные в ходе исследований археологические факты были обобщены в памятниковедческих сводках, атласах и картах,

---

1. Стоколос В.С. Стоянка бронзового века на реке Коротаихе // Археологические памятники Северного Приуралья: материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. Вып. 9. С. 31–54.

опубликованных в 1970–1990 гг.¹ В настоящее время большие работы осуществляют две арктические экспедиции – Архангельская Арктическая экспедиция Института материальной культуры Российской Академии (руководитель О.В. Овсянников) и Морская арктическая комплексная экспедиция НИИ культурного и природного наследия (руководитель П.В. Боярский). Проблематика археологии Арктики получила историографическое освещение в 200-м выпуске кратких сообщений Института археологии², в котором были опубликованы материалы совещания по проблемам исто[159]рии и культуры народов Крайнего Севера в Санкт-Петербурге (22–24 апреля 1987 г.)³.

В неолите и бронзовом веке люди вышли в морские пространства, высадились на островах Белого и Баренцева морей. Они шли дальше на Север, в Арктику – на Шпицберген, Землю Франца-Иосифа и Новую Землю. П.В. Боярский высказал гипотезу о существовании в рамках геологической эпохи голоцена северозападных мостов суши, соединявших Северную Америку и Гренландию с северным побережьем Евразии. Составными частями этих древнейших «мостов» были острова Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой и Северной земель. По этим перешейкам или нешироким проливам первопроходцы осваивали новые земли. Археолог Г.В. Иванов обнаружил следы каменной индустрии на острове Вайгач (1989), на островах Алджер и Нортбрук Земли Франца-Иосифа (1990)⁴.

---

1. Стоколос В.С., Королев К.С. Археологическая карта Коми АССР. Сыктывкар, 1989; Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978; 1988; Куратов А.А. Исторические карты Архангельской области // Атлас Архангельской области. М., 1976. С. 69–71; Боярский П.В. Морская Арктическая комплексная экспедиция: комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. М., 1990.

2. Двести лет арктической археологии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 200.

3. Тимофеев В.И. Совещание по проблемам изучения истории и культуры народов Крайнего Севера // Краткие сообщения Института археологии АН. Вып. 200. С. 102–104.

4. Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990. С. 144–145; 171; 210; Он же. Морская Арктическая комплексная экспедиция... С. 11.

Особый интерес вызывает открытие стоянок эпохи неолита и раннего металла на Соловках¹, островах Кузовах, Мудьюге и Моржовце². Имеющийся в распоряжении археологов кремневый инвентарь Моржовца (19 стоянок) свидетельствует об относительно раннем, в пределах II—I тыс. до н.э., проникновении сюда человека на сезонный промысел. Такой выход древних охотников и промысловиков в океаническую акваторию прослеживается на целой серии памятников арктического побережья и островов от Кольского полуострова на западе до Югорского Шара на востоке³.

Исследования на западном и северном побережьях Канина Носа дают основание предварительно говорить о сравнительно раннем[160] проникновении сюда охотников на северного оленя (15 местонахождений)⁴.

В последнее время Л.П. Хлобыстин и О.В. Овсянников провели широкое исследование памятников как в континентальной части Архангельской области, так и на побережье морей Арктики. На островах Белого моря работали экспедиции Архангельского областного краеведческого музея (А.А. Куратов) и Соловецкого природного и историко-художественного музея-заповедника (А.Я. Мартынов). Обнаружено значительное число древних поселений, могильников и культовых мест. В результате комплексного археолого-этнографического изучения святилищ на острове Вайгач установлена их связь с религиозными представлениями древних охотников. При раскопках святилищ первых веков нашей эры Л.П. Хлобыстин добыл большое количество жертвенных предметов из металла — украшений и сакральных изображений. Среди них были и более поздние

---

1. Куратов А.А. Соловецкие стоянки II—I тысячелетия до н.э. // Сов. археология. 1983. № 4. С. 199–204.

² Куратов А.А., Овсянников О.В. Археология о. Моржовец и проблема заселения островов Белого моря // Краткие сообщения Института археологии АН. Вып. 200. С. 44–48.

3. Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хлобыстин Л.П. Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // Археологические открытия, 1984 год. М., 1986. С. 32–33.

4. Овсянников О.В. Работы в Архангельской области // Археологические открытия, 1984 год. М., 1986. С. 19; Гаврилова И.В., Овсянников О.В. Археологические исследования на полуострове Канин // Краткие сообщения Института археологии АН. 1988. Вып. 193. С. 51–56.

предметы, оказавшиеся изделиями древнерусских мастеров. Эти находки подтвердили летописные известия о поездках новгородцев и ладожан в далекие земли югры и самоеди в XI–XII вв. Древняя часть святилищ принадлежала юграм. Раскопки их поселений на острове Вайгач и побережье Югорского Шара дали возможность выделить культуру приморских охотников, черты которой оказались близкими к усть-полуйской культуре. Благодаря многослойности поселений и серии радиоуглеродных дат была прослежена эволюция керамических комплексов на протяжении I тыс. н.э.¹

В Большеземельской тундре были обнаружены памятники досамодийского времени. А.А. Мурыгиным введены в научный оборот находки Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, открытого в 1947 году Г.А. Черновым и частично раскопанного в 1967 году В.И. Канивцом². Всего на памятнике обнаружено более пятидесяти бронзовых вотивных (посвященных богам) предметов, выполненных в технике ажурного одностороннего литья. Преобладающее место среди них составляют изображения одиноко стоящего чело[161]века-лося («сульце» – по Ф.А. Теплоухову, «мяндаш» – по В.В. Чарнолускому). В других композициях к человеку-лося добавляется изображение «ящера». Композиция представляет собой сложный образ «человека-лося-птицы на ящере», широко представленный в искусстве пермского звериного стиля I тыс. н.э. на обширной территории Приуралья, Прикамья и Зауралья³.

Племенной центр доненецкого населения VI в. (Ортинское городище) был обнаружен О.В. Овсянниковым в низовьях реки Печоры. Памятник был полностью раскопан в 1987–1992 гг. Жизнь на городище продолжалась вплоть до прихода сюда ненцев, то есть до X–XI вв. Исследования этого памятника дали огромный вещественный материал: остатки деревянно-

---

1. Хлобыстин Л.П. Культовые памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 23–28.

2. Мурыгин А.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984.

3. Грибова Л.С. Культовая бронзовая пластика Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (Хэйбидя-Пэдары) // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 94.

земляных сооружений оборонительного характера, бревенчатые жилища и хозяйственные постройки, предметы обихода и украшения¹.

В X–XIV вв. в тундру, вероятно, из Западной Сибири, пришли ненцы, поглотившие племена досамодийской печеры, или «сииртя» (так называли аборигенов тундры ненцы). Древняя культура охотников на дикого оленя и морских зверобоев сменилась культурой кочевых оленеводов. Древние доненецкие и раннененецкие святилища и места обитания были известны археологам и в других регионах тундры: в устье реки Коротаихи на горе Сииртеса (Чудская Гора), на островах в дельте Печоры, в устье реки Индиги и т.д. Следы древних югров были обнаружены на острове Вайгач в 1983 году: на Болванском Мысу были найдены многочисленные изделия из бронзы и серебра XI–XII вв. На западном берегу острова были исследованы остатки святилища XI–XII вв. В 1987 году О.В. Овсянников нашел святилище VI–XIII вв. на берегу реки Гнилки, около знаменитого Пустозерска. Раскопки городища, расположенного вблизи святилища, были продолжены в 1992 году.

На территории Ненецкого автономного округа известно немало святилищ. Одно из них расположено в бассейне реки Поймы (в 25 км от города Мезени) на месте, известном как «Козьмин перелесок». Древнее святилище было разрушено христианами-миссионерами во главе с архимандритом Вениамином. В 1986 году О.В. Овсянников и Н.М. Терехин исследовали здесь же более позднее по времени святилище, сохранившее, однако, древнюю традицию. Оно расположено по дороге «ворге» на маршруте перекочевки оленеводов на полуостров Канин в начале весны и обратно «на материк» в начале зимы. По преданию, святилище «Козьмин перелесок» было основано одним из четырех братьев – сыновей Вэсако и Ходако («Старика» и «Старухи») – двух каменных идолов, стоящих в самом центре сакрального мира ненцев – острове Вайгач². Братья

---

1. Овсянников О.В. Путь встреч солнцу // Летописец Севера. Архангельск, 1990. С. 5–21.

2. Хомич Л.В. Ненцы: ист.-этногр. очерки. М.; Л., 1966. С., 199.

разошлись по свету и основали новые святилища, которые символически маркировали границы родовой (этнической) территории ненцев. Священный центр на западной границе в Канинской тундре имел два названия – ненецкое («Харе под» – лиственничная чаша, дорога в ней) и русское («Козьмин перелесок»). Исследователи обнаружили остатки жертвоприношений на 242 деревьях: разнообразные пояски, ленты, ремни, веревки, куски ткани; медные и бронзовые предметы (зеркало, колокольчики, кольца, перстень, бляшки); черепа и рога оленей, повешенные на деревья и пр. Святилище было маргинальным (пограничным) культовым объектом, отмечавшим, с одной стороны, родовую (этническую) территорию ненцев, а с другой – местом проведения календарных (весенне-летних и осенне-зимних) обрядов, фиксировавших наиболее значимые переходные моменты сезонных миграций оленеводов. В обрядах актуализировались важнейшие категории традиционной культуры ненцев: «мужское» и «женское»; дикое и домашнее; сырое и вареное; чистое и нечистое; природа и культура¹.

Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о двух наиболее существенных аспектах в развитии производительных сил у населения северных лесов и тундр. Первый связан с одомашниванием северного оленя (до середины I тыс. н.э.). Появление оленевода привело к интенсификации традиционных промыслов. Приручение оленя вместе с освоением железа способствовало многокилометровым миграциям. Вторым крупным шагом в развитии производительных сил был отмечен переходом к крупному кочевому оленеводству (до XVII–XVIII вв.).

При кочевом скотоводстве маршруты передвижения могли легко меняться по желанию хозяина стада, но в лесотундре и тундре они всегда имели меридиальное направление – с юга на север и с севера на юг. Оленевод, в отличие от скотовода-кочевника, был не столько пастухом,

---

1. Терехин Н.М., Овсянников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики / отв. ред. П.В. Боярский. М, 1990. С. 223–234.

сколько Хранителем стада, полагаясь в вопросах выпаса больше на природное умение оленей находить богатые ягелем места¹.

В этом смысле оленеводы по своему хозяйственно-бытовому укладу стояли ближе к подвижному охотничьему быту, чем к кочевому скотоводству. Оленеводам, в отличие от скотоводов, не были известны навыки элементарной селекции, ветеринарии, теплого содержания и подкормки молодняка. Сам термин «домашний олень» в значительной степени условен, так как это животное так и не привыкло до конца к людям и легко переходило от «домашней» жизни к дикому состоянию.

Стремление увеличивать численность домашних оленей в тундре заставляло владельцев оленьих стад чаще передвигаться с места на место в поисках новых ягельных пастбищ. Как считал Л.П. Хлобыстин, тундровое охотничье и охотничье-рыболовческое население каменного и бронзового веков, хотя и вело довольно подвижный образ жизни, было в целом более оседлым, чем позднейшие оленеводы². По наблюдениям М.А. Кастрена, степень подвижности северного населения прямо зависела от численности оленей: семьи, имевшие мало оленей, вели более оседлую жизнь, и, наоборот, владельцы больших стад проводили весь год в непрерывных передвижениях по тундре³.

По мнению Л.В. Хомич, генезис самодийского оленеводства исходит из предгорий Саян⁴. Этнографические наблюдения подтверждают, например, широкое распространение среди ненцев зап[164]ряжки нарт «веером» (от двух до семи оленей)⁵. Ненецкая нарта «хан» имела две-семь пар копыльев с наклоном внутрь и назад, а также загнутые до уровня сиденья передние

---

1. Инфантьев П. Этнографические рассказы. СПб., 1909. С. 159.

2. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 32. Инфантьев П. Этнографические рассказы. СПб., 1909. С. 159.

3. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлечение из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. СПб., 1851. С. 316. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 32.

4. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 79. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлечение из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. СПб., 1851. С. 316.

5. Хомич Л.В. Ненцы... С. 91.

полозья. Езда на собаках использовалась ненцами на Новой Земле, на острове Вайгач и на Югорском Шаре, а в зимнее время повсеместно. Собаки также запрягались «веером», а собачьи нарты были аналогичны оленьим, только меньше по размерам и значительно легче. Однако для ненцев более характерной была все же оленья упряжка. Реже использовалась лодка-нарта, заимствованная из Западной Сибири¹.

Другие артефакты материальной и духовной культуры ненцев (жилище, одежда, пища, общественный строй, этнономинации, брак и семья, обряды и религиозные представления, изобразительное искусство и фольклор) обстоятельно освещены в трудах Л.В. Хомич; памятники же истории и культуры Нижнепечорья представлены в атласе, изданном недавно окружным краеведческим музеем².

Ненцы – «яраны», «самоядь» в Повести временных лет – один из «малых» народов Крайнего Севера имеют великую историю. Изучение истории и культуры ненцев поможет усвоить общечеловеческие ценности.

---

1. Козьмин В.А. Лодка-нарта в этнографии Западной Сибири // Вестник ЛГУ. 1981. № 8. С. 29–33.

2. Атлас памятников истории и культуры Нижнепечорья / Сост. Е.Г. Меньшикова. Нарьян-Мар, 1998.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СКАНСЕНЫ В СССР*

Вопросы археологической скансенологии недостаточно освещены в отечественной историографии¹, хотя у нас имеются памятники как отдельные музейные объекты и как части природных и историко-архитектурных музеев-заповедников. В стране отсутствует специализированный научный центр, который проводил бы [165] фундаментальные исследования в области теории и практики археологической скансенологии. Невозможно произвести точный подсчет археологических музеев под открытым небом, так как они «растворены» в шести основных профильных группах музеев (исторических, художественных, естественно-исторических, техничеких, литературных и комплексных). Термин «археологический скансен» отсутствует в учебной музеологической литературе².

Государственные и общественные организации³ провели в последние годы конференции и совещания, посвященные этой проблеме, но результаты этого обсуждения оказались весьма приблизительными. Так, например, в Новгороде 26 мая 1986 г. состоялся пленум научно-методического Совета по охране памятников культуры при Министерстве культуры СССР. Участники пленума с удовлетворением отметили, что в стране вновь организованы музеи-заповедники в Меиаморе и Эребуки (Армянская ССР), Херсоне Таврическом (Украинская ССР), Танаисе (РСФСР), Ольвии (УССР), Волжских Болгарах (Татарская АССР), Берестье (Белорусская ССР) и многих других местах⁴.

---

* Впервые опубликовано: Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар, 1990. С. 90–102.

1. Бадер О.Н. Музеефикация археологических памятников // Сов. археология. 1978. № 3. С. 138–153; Булатов Н.М. Археологический музей-заповедник в системе музейного строительства // Тр. НИИ культуры Министерства культуры РСФСР. М., 1978. С. 120–125.

2. Музееведение: Музеи исторического профиля / под ред. К.Г. Левыкина и В. Хербста: учеб. пособие М., 1988.

3. Министерства культуры СССР, РСФСР и союзных республик, Советский Фонд культуры, Всероссийское и республиканские общества охраны памятников истории и культуры.

4. Сов. археология. 1988. № 2. С. 296.

Большое внимание советские археологи уделяют методике изучения, научной реконструкции и музеефикации памятников древнерусского зодчества. Среди памятников домонгольского времени удалось восстановить в первоначальном виде Пятницкую церковь в Чернигове и Петропавловскую в Смоленске (П.Д. Барановский), Борисоглебскую церковь в Чернигове (Н.В. Холостенко)¹. К неудачным реконструкциям следует отнести постройку заново Золотых ворот в Киеве, выполненную без документального обоснования².

Свыше 100 памятников псковского зодчества – Кремль, Довмонтов город, Паганкины палаты, палаты Позноевых, комплекс гражданских зданий XVII в. на Романовой горке, комплекс Ми[166]ронского монастыря и пр. – в разной степени музеефицированы или подготавливаются к музейному показу³. В 1960 и 1985 гг. в Пскове были проведены конференции по теме «Археология и история Пскова и Псковской земли», в ходе которых решены лишь некоторые вопросы музеефикации Псковских памятников.

Археологически заповедником стал Новгород, где ведутся многолетние раскопки⁴. К выдающимся достижениям советской археологии относится труд Ю.П. Спегальского, предложившего свой метод историко-архитектурной реконструкции жилищ Северо-Западной Руси в IX–XIII вв.⁵

В Киеве сейчас имеется два музея, включающие в свой состав музейные комплексы под открытым небом. Один из них, Исторический музей УССР (основан в 1899 г., с 1965 года – Государственный исторический музей), расположен на площади усадьбы на улице Владимирская (дом № 2), где находятся остатки Десятинной церкви (898–996 гг.) и другие сооружения

---

1. Раппопорт П.А. О методике изучения древнерусского зодчества // Сов. археология. 1988. № 3. С. 118–128.

2. Косточкин З.В. Проблемы воссоздания в архитектурном наследии. М., 1984. С. 47.

3. Кондратьева О.А. Подготовка к музеефикации памятников археологии и архитектуры в Пскове // Сов. археология. 1975. №2. С. 306–312; Гусев А.И. Псковский историко-художественный музей. Л., 1976; Спегальский Ю.П. Псков: Художественные памятники. Л., 1972; Он же. Дом Печенко. Л., 1973.

4. Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1962; Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1982; Рождественская Л.А. Новгородский Кремль. М., 1960; Андреев В.Ф. Северный страж Руси: очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1983.

5. Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1932.

X–XIII вв.; эта территория постановлением Совнаркома СССР от 30.05.1944 г. объявлена заповедной. Большой интерес вызывает другой музей – Киевско-Печерский историко-культурный заповедник, организованный по постановлению ВУЦИК и СНК СССР 29.09.1926 г. на территории Киевско-Печерской лавры; в заповеднике (28 га) имеется свыше 80 древних сооружений¹.

Замечательным памятником является Каменец-Подольский государственный историко-архитектурный заповедник с впечатляющим комплексом археологических объектов под открытым небом². [167]

В РСФСР известно свыше 2 тысяч городов, имеющих культурный слой X–XIII вв. (подсчеты Р.Л. Розенфельда). Центральную часть их составляют кремли (детинцы), окруженные посадами и слободами. Территории кремлей нередко объявляются заповедными (кремли Москвы, Новгорода, Пскова, Казани, Тобольска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Астрахани и т.д.).

Музеи Московского Кремля открыты для посещения в 1961 году³. В 1973 году были выделены заповедные зоны Москвы: Китай-город, застройка конца XVII – начала XX вв. на Кропоткинской улице, Арбат, городские усадьбы в районе улиц Герцена и Воровского, торговый район в черте улиц Петровка – Кузнецкий мост, улица Кирова, улицы Хмельницкого и Чернышевского, часть Заяузья в пределах Садового кольца, Замоскворечье. Ведутся реставрационные работы в Зарядье, на территории бывших Кадашевской слободы и Овчинной слободы⁴. Завершены реставрационные работы в Александровой слободе⁵. В 1974 году был открыт Государственный Историко-архитектурный заповедник в селе Коломенском

---

1. Киев: энцикл. справочник / под ред. А.В. Кудрицкого. Киев, 1986. С. 240–241, 254–258; Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л, 1958–1961. Т. I–II.

2. Винокур И.С, Хотюн М. Каменец-Подольский государственный Историко-архитектурный заповедник. Львов, 1986.

3. Москва: энциклопедия. М., 1980. С. 438.

4. Там же. С. 267.

5. Александровская слобода. М., 1971.

(с 1923 года – филиал Государственного Исторического музея), куда включено Дьяково городище (конец I тыс. до н.э. – VI–VII вв. н.э.)¹.

Археологи и этнографы ведут исследования городов Московского княжества X–XVI вв. (Москва, Тушков, Можайск, Верея, Руза, Звенигород, Волок Ламский, Радонеж, Троица, Дмитров, Перемышль Московский, Серпухов, Коломна)².

Целая группа городов (Владимир, Боголюбovo, Юрьев-Польский, Суздаль, Переславль-Залесский, Загорск, Александра слобода, Ростов Великий, Углич, Ярославль, Кострома) включены в «Золотое Кольцо» для экскурсионного показа³.

В последние годы проведены археологические раскопки каменных крепостей древней Новгородской земли (Ладога, Орешек, Ко[168]рела, Тиверский городок, Копорье, Ямгород, Порхов, Орлецы и др.)⁴. Основные итоги археологического изучения древнерусских городов были подведены в одном из томов фундаментального труда «Археология СССР» в 1985 году⁵.

Разнообразные памятники первобытной и средневековой археологии музеефицированы в Соловецком государственном природном и историко-архитектурном музее-заповеднике⁶. В 1970 году В.А. Буровым восстановлена, например, бойница подошвенного боя⁷. О реконструкции древних каменных лабиринтов будет рассказано ниже (А.А. Куратов. 1978 г.).

---

1. Там же. С. 253, 313.

2. Рабинович М.Г. К типологии восточно-славянских городов: средневековая Москва и города Московского княжества // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 230–244; Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье: справочник-путеводитель, М., 1979.

3. Егорова М.В. Золотое Кольцо. М., 1978.

4. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984; Овсянников О.В. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 164–174.

5. Древняя Русь: Город, замок, село // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1985.

6. Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.

7. Буров В.А. Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1984. С. 513–515.

Проблема археологической реставрации обсуждалась на Всесоюзном семинаре «Новые методы исследования, консервации и реставрации археологических находок», проходившем в Киеве в 1984 году¹. Участники семинара рассмотрели два толкования понятия «археологическая реставрация»: 1) сфера деятельности реставратора, занимающегося проблемами археологических объектов; 2) подход к решению реставрационной проблемы в целом. И. Юрченко (Вильнюс) рассказал на семинаре о консервации Вильнюсского замка, Артиллерийского бастиона, деревянной застройки Тракайского и Биржайского замков. А. Жалнерюс (Каунас) раскрыл технологию восстановления воскоплавильных печей, жилых домов на Ратушной площади в старом Каунасе.

Аналогичные задачи решают музейные работники Эстонской ССР (Таллинн, Тарту), Латвийской ССР (Рига), Грузинской ССР (Тбилиси), Армянской ССР (Ереван, Гарни), Узбекской ССР (Бухара, Самарканд, Ургенч), Туркменской ССР (Байрам-Алг, Куш- Ургенч), Казахской ССР (Отрар), Украинской ССР (Киев, Львов, Белгород-Днестровский, Хотин, Кременец), Молдавской ССР (Бутучены, Цыпово, Сороки, Жабка). К разряду известных археологи[169]ческих скансенов следует отнести археологический заповедник «Танаис», созданный в 1961 году², историко-археологический музей «Херсонес Таврический»³, историко-археологический заповедник «Ольвия»⁴, музей-заповедник «Дворец Ширваншахов» (Азербайджанская ССР)⁵, скальный город Вардзия (Грузинская ССР)⁶, археологический музей «Старая Рязань»⁷, историко-археологический и архитектурный заповедник

---

¹. Сов. археология. 1986. № 3. С. 296–300.

². Шелов Д.Б. Танаис – потерянный и найденный город. М., 1967.

³. Херсонес Таврический: путеводитель по музею и раскопкам / Стржелецкий С.Ф., Колесникова Л.Г., Щеглов А.Н., Курганова С.К. под ред. И.А. Антоновой. Симферополь, 1975.

⁴. Крыжицкий С., Лейпунская Н. Ольвия – память тысячелетий. Одесса, 1982.

⁵. Аржалов Р., Адигёзов Э. О чем поведал «бадамбар»: архитектурные шедевры Баку // Сов. музей. 1984. № 3. С. 25–28.

⁶. Памятник скальной архитектуры Вардзия. Л., 1975.

⁷. Даркевич В.И. Старая Рязань // Памятники Отечества. 1988. № 1. С. 106-109; Монгайт А.Л. Старая Рязань. 1955.

«Биллярское городище»¹, музеефицированные аулы Эрзи, Таргим и Вовнушки (Чечено-Ингушская АССР)² и другие.

Первобытная археология представлена единичными скансенами. С 1922 г. велись раскопки верхненалеолитических стоянок в окрестностях с. Костенки (Вороженская область). В 1960 году экспедицию возглавил А.Н. Рогачев, построивший над культурным слоем одной из стоянок, Костенки XI (Амосовка II), кирпичный павильон. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922–1975 гг.) следующим образом освещает историю создания этого уникального археологического скансена:

«1965 г. Костенковская палеолитическая экспедиция (нач. А.Н. Рогачев) продолжала раскопки стоянки Амосовка II (Костенки XI). Исследование данного уникального памятника производилось не только путем разрушения памятника, но и с расчисткой и консервацией его для сохранения в павильоне музея. Было завершено вскрытие всей площади остатков жилища. Произведена разведка второго жилища второго культурного слоя и шурфовка третьего культурного слоя. Поставлена кирпичная облицовка стен раскопа[170] 1960–1965 гг. по утвержденному проекту сооружения постоянного кирпичного павильона...

1966 г. ... Как и в предшествующие годы, археологическое изучение стоянки сочеталось со строительством павильона музея...

1967 г. ... Продолжались раскопки Амосовки II и строительство музея. Были заложены шурфы-котлованы для опорных столбов павильона...

1970 г. Костенковская палеолитическая экспедиция (нач. А.Н. Рогачев) на средства Воронежского краеведческого музея продолжала исследование многослойной стоянки Амосовка II (Костенки XI)...

1975 г. ... На Костенках XI открыто третье мощное скопление культурных остатков слоя IA. Раскопки производились внутри и около здания музея-павильона с целью подготовки натуральных объектов для

---

1. Халиков А.Х. Город, выявленный из пепла // Памятники Отечества. 1982. № 2 (6). С. 72–75.

2. Азиев Р. Прошлое и современность // Памятники Отечества. 1982. № 2 (6). С. 78–79.

музейного показа...»¹. В процессе исследования памятника удалось методом радиоуглеродного анализа установить следующие даты культурных слоев: слой IA – 12000 ± 100 лет; слой II – 15200 ± 300 лет; 21800 ± 200 лет; слой III – 16040 ± 120 лет; 22760 ± 340 лет.

В верхнем слое (IA) Костенок XI исследованы два округлых костно-земляных жилища, окруженных ямами-кладовыми. Одно из жилищ демонстрируется в качестве натурального объекта в Костенковском скансене. Это жилище было сооружено с использованием значительного числа костей мамонта в качестве строительного материала. Диаметр жилища достигает 9 метров. Скопление костей мамонта представляет единое большое нагромождение трубчатых, плоских, черепных и других костей, всего в количестве около 500 целых экземпляров, принадлежащих свыше трем десяткам особей. А.Н. Рогачев восстановил каркас земляной стены жилища, укрепленной в основании семью павами черепных костей мамонта. Тазовые кости и лопатки мамонта были вкопаны между звеньями кольцевого нагромождения черепов. По всему периметру жилища были реконструированы 9 таких звеньев². Музеефицирование жилища палеолитической стоянки Костенки XI (Амосовка II) является единственным в своем роде экспериментом по созданию археологического скансена.

На территории СССР было открыто много памятников древнего изобразительного искусства, но лишь единицы из них были музеефицированы.

На южном Урале в 1959 году была открыта Каповая пещера (Шульган-Таш), исследованная в 1960–1961 гг. О.Н. Бадером³. В глубине пещеры, во втором горизонте, сохранились монохромные изображения 7 мамонтов, 2 лошадей и 2 носорогов наряду с условными геометрическими рисунками. Галерея рисунков в Каповой пещере остается едва ли не единственной на

---

¹. Проблема палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 213-215.

². Там же. С. 191–192.

³. Бадер О.Н. Каповая пещера. М., 1965.

огромной территории от Урала до Румынии и Франко-Кантабрийской области, где пещерные росписи эпохи позднего палеолита известны в большом количестве¹. Большой наплыв посетителей в Капову пещеру, ставшую музейной достопримечательностью, повредил сохранности настенной живописи, и в настоящее время допуск к рисункам ограничен. Памятник законсервирован.

Мировую известность получили петроглифы Карелии, выбитые на отлогих гранитных берегах Онежского озера и реки Выг, впадающей в Белое море². Выдающийся исследователь петроглифов В.И. Равдоникас призывал принять меры к спасению и охране этих выдающихся памятников путем «превращения района наскальных изображений в государственный заповедник, хорошо охраняемый». По предложению Ю.А. Савватеева, в Беломорье над скалой с Бесовыми Следками строители каскада Выгских ГЭС возвели защитный домик из бетона и стекла, который надежно закрыл от дождя и ветра одну из групп беломорских петроглифов. На базе павильона был организован филиал Карельского краеведческого музея «Бесовы Следки»³. Спустившись по лестнице внутрь домика, экскурсант видит сотканный из рисунков ковер площадью около 40 кв. м. Изображения тянутся вдоль отвесного края прибрежной скалы, некогда круто обрывавшейся в воду. Найденные здесь же каменные орудия и глиняная посуда дают возможность датировать памятник III тысячелетием до н.э. На скале выбиты фигуры лосей, оленей, морских зверей, лодок, птиц, медведей (около 300 изображений). По краю скалы тянется цепочка следов человеческой стопы, ведущая к горбатой фигуре с вытянутой рукой с пятью растопыренными пальцами, острым ухом, огромным фаллосом и большой ступней, показанной в окружении лодок. Это и есть Черт (или Бес), по

---

¹ Брейль А. Запад – родина великого наскального искусства // Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1971. С. 40–52.

² Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. I; 1938. Ч. II; Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970. Ч. 1.

³ Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 206.

мнению А.М. Линевского, открывшего эту группу петроглифов в 1926 году, всемогущий «хозяин» водной стихии, в жертву которому принесены звери¹. Всего в этой группе на скале высечено 16 изображений.

Ждут музеефикации петроглифы Залавруги (Старой и Новой), а также наскальные рисунки на восточном берегу Онежского озера (11 групп).

22–23 сентября 1988 года в Кемерове состоялось заседание Ученого Совета историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница», на котором был обсужден вопрос о создании многокомпонентного скансена в Кемеровской области. Инициаторами этого эксперимента в области музейного дела выступили археолог А.И. Мартынов и этнограф В.М. Кимеев. Первый из них известен своими исследованиями наскальных рисунков на реке Томи². Предполагается, что новый музейный комплекс объединит несколько разделов: музейно-экскурсионная зона; археология и геология Притомья (в том числе Томская писаница и неолитическая стоянка); этнография коренного и русского населения Притомья; зона отдыха с предполагаемым включением вольера с сибирскими животными. В существующей экспозиции имеются три Томских писаницы и выставка камней с петроглифами, свезенных сюда из различных мест Сибири.

Проект Кемеровского скансена отражает в целом возросший уровень советского музееведения. Проекту присуще интеграционное отношение его авторов к вопросу об охране и использовании всемирного культурного и природного наследия, к которому, без сомнения, принадлежат памятники Притомья.[173]

В 1989 году Советский Союз присоединился, наконец, к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой

---

¹. Линевский А.М. К вопросу о петроглифах Карелии (Бесовы Следки, Бесов Нос и Пери-Нос) // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. 1929. С. 53–95.

². Окладников А.И., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц: наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972; Кемерово, 1988.

Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1972 г.¹ Как заявил академик В.Е. Соколов, председатель Советского комитета по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», подготовлен проект перечня выдающихся культурных и природных ценностей в СССР².

В этом списке по праву должны присутствовать Соловецкие острова (Архангельская область).

Соловецкие памятники природы и культуры во взаимосвязи занимают исключительное место в замкнутой экологии и своеобразной истории Русского Севера. Природа островов в силу особенного микроклимата не похожа на природу континентального Беломорья – она вобрала в себя экологические признаки нескольких природных поясов, от тундры до широколиственных лесов, с удивительно разнообразной флорой и величественными нагромождениями из булыжных камней. Дикая и фантастическая по красоте природа издавна влекла сюда людей. Первые поселения древних морских охотников и рыболовов появились на островах в III–I тысячелетиях до н.э.³ Тогда же на островах появились святилища, представлявшие собой сложные комплексы мегалитических сооружений. Им «сопутствовали» разновременные могильники. В XV–XX в. острова находились во владении и хозяйственном использовании Соловецкого монастыря⁴. По данным регистрационного описания 1934 г., на островах находится 274 памятника истории и культуры⁵. На самом деле их гораздо больше, и все они образуют гигантский по своим масштабам археологический и архитектурный скансен (ныне[174] Соловецкий Государственный природный и историко-архитектурный музей-заповедник).

---

¹. Курьер ЮНЕСКО. 1980. Сент. Природа и культура: наследие человечества; 1988. Сент. Всемирное наследие: природа и культура.

². Васильева Т. Байкал под охраной мирового сообщества // Известия. 1989. 20 февр.

³. Куратов А.А. Соловецкие стоянки II–I тысячелетия до н.э. // Сов. археология. 1983. № 4. С. 199–204.

⁴. Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836; Летописец Соловецкий. Изд. 2-е. М., 1821.

⁵. Казаринов П.К., Евневич А.А. Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (вне Кремля): Регистрационное описание 1934 г. Рукопись. 410 стр., 130 рисунков // Научный архив Архангельского областного краеведческого музея. № 24698 (фотокопия).

Автор этой работы в течение четверти века (1964-1988 гг.) специально изучал каменные Лабиринты Соловецкого архипелага. Продолжая работу своих предшественников¹, разработал классификацию лабиринтов, в типологическую основу которой был положен технологический принцип их предварительного конструирования².

В 1978 г. по документации Н.Н. Виноградова³ была восстановлена группа каменных лабиринтов у Школьной губы Большого Соловецкого острова. Лабиринты были полностью разрушены в начале 1950-х гг. Планируя реконструкцию 16 объектов («Большой Вавилон», «Спиральный Завиток», «Вентерь», «Груда камней», «Три камня» и др.), мы решали две задачи: во-первых, выполняли заказ о создании нового экскурсионного объекта и, во-вторых, провели эксперимент по изучению технологии сооружения каменных лабиринтов. В ходе реставрации каждая операция хронометрировалась. Опыт осуществлялся в два этапа:

1. Подготовительный этап: 1.1. Заготовка строительного материала – валунных камней, собранных с морского берега: «Большой Вавилон» – 30 человек – 7 часов работы – 4855 камней; «Спиральный Вавилон» 10 человек – 1,5 часа работы – 225 камней; «Груда камней» – 5 человек – 2 часа работы – 187 камней; «Три камня» – 1 человек – 1 час работы; 1.2. Конструирование лабиринта («Большой Вавилон» спирально-прочерченным методом: 1 человек – 1,5 часа работы; 1.3. Выверка схемы «Большого Вавилона»: 1 человек – 0,4 часа работы.

2. Строительный этап: 2.1. Выкладка камнями «рисунка» лабиринта – 30 человек – часов работы – из 4855 камней в землю заложено на глубину 0,2 м 1855 камней, остальные – встроены в конструкцию стенок лабиринта; «Спиральный Вавилон» – 30 человек – 2 часа работы – камней заложено

---

¹ Спицын А.А., Виноградов Н.Н., Гурина Н.Н. и др.

² Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Сов. археология. 1970. № 1. С. 125-142.

³ Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты: их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников Соловки, 1927 (Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 4).

соответственно – 125 и 183; «Вентерь» – 10 человек 2 часа работы – камней 125 и [175] 100; «Груда камней» – 5 человек – 0,6 часа работы; 2.2. Корректировка конструкций, дополненная обкладкой мелкими камнями; время соответственно по сооружениям – 5, 1,0 часов работы.

Итого затрачено времени: «Большой Вавилон» – 22 часа (без учета корректировок на первом и втором этапах); «Спиральный Вавилон» – 3 часа; «Вентерь» – 3,5 часа; «Груда камней» – 1,6 часа работы. На конструирование, выверку схем и корректировку построек понадобилось 7,4 часа работы. Кроме того, площадка с восстановленными постройками была частично задернована (время не учитывалось) Реконструированные памятники в итоге эксперимента представляли собой следующее: «Большой Вавилон» с биспиральной схемой каменных стенок в центре и подковообразным оформлением внешних петель имел размеры: длина – 10 м, ширина – 9 м (у Н.Н. Виноградова – 16 и 14 шагов), наружный периметр – 38,5 м (65 шагов, по Виноградову) длина внутренних дорожек 297 шагов (у Виноградова – 285): «Спиральный Вавилон», отнесенный нам к типу спиральных (односпиральных) лабиринтов, имел размеры: 11 м по оси север-юг, 12 м по оси восток-запад, окружность внешней стенки – 15,3 м (у Виноградова – «до 20 шагов»), длина внутренней дорожки не превышает 40 шагов; «Вентерь» (рыболовный снаряд, ловушка для рыбы) представлял собой рисунок с контурами в виде яйцевидного овала, широкий конец которого не сомкнут, линии камней здесь, закругляясь, образуют два малых овала внутри большого – один против другого, с размерами: длина по оси с северо-востока на юго-запад 6 м, ширина 5,1 м, вход в «Вентерь» обращен в сторону моря, на юг. Другие сооружения комплекса были восстановлены согласно описаниям Н.Н. Виноградова.

Опыт восстановления древних построек у Школьной губы Большого Соловецкого острова оправдал себя как в научном, так и в музейно-

прикладном отношении¹. Реконструированный комплекс помог отвлечь поток экскурсантов и туристов от подлинных каменных лабиринтов Соловецкого архипелага. Эксперимент в целом[176] удовлетворительно репродуцировал древнюю технологию постройки каменных лабиринтов: для их сооружения потребовалось сравнительно немного рабочего времени при незначительных затратах рабочей силы. Кроме того, на практике была проверена гипотеза о применении строителями лабиринтов спирально-прочерченного метода их предварительного конструирования.

Рассмотренные выше проблемы археологической скансенологии остаются актуальными в современной музеологии. В практике музейного строительства археологические скансены уже включаются в музейные комплексы, в ряде случаев оформляются и как самостоятельные музейные единицы. Задача их изучения, использования и сохранения сводится к нескольким положениям: 1) вычленение главных критериев отбора памятников для музеефикации (научная ценность, сохранность, доступность для обозрения); 2) обоснование основных методов в создании археологических скансенов: а) фиксация и консервация исследованных археологических объектов, б) реконструкция утраченных памятников по документам полевых исследований, в) перенос памятников из мест их первоначального местонахождения в музеи под открытым небом; 3) эффективное использование археологических скансенов в научно-просветительной и познавательно-воспитательной работе музеев; 4) обеспечение «вечного» хранения памятников с проведением необходимой научно обоснованной их реставрации.

При этих условиях станет возможным переход археологической скансенологии от эмпирических экспериментов на теоретический уровень мировой музеологии.

---

¹ Куратов А.А. Опыт музеефикации каменных лабиринтов Соловков // Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников. Архангельск, 1983. С. 43–46; Он же. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 13–21.

ГДЕ ЖЕ ИСКАТЬ «НЕУЛОВИМУЮ» ЧУДЬ? НОВОЕ О ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ*

Каждый год, осенью, подводятся «предварительные», как говорят археологи, итоги экспедиционных исследований... Материал раскопок, собранный в музее, находится еще в стадии камеральной обработки, проявляются фотопленки, приводятся в порядок полевые записи и чертежи, а до составления подробного официального[177] отчета еще далеко. Тем не менее, главный результат вполне очевиден: получены новые факты, проливающие яркий свет на древнейшую историю Севера.

Я просматриваю странички полевого дневника. Лаконичные записи: «Август: разведка на Пинеге, раскопки стоянки на реке Кузнечихе, работы на Ковозере, поездка в Орлецы». И в каждом пункте – исследование памятников ново-каменного века, стоянок охотников и рыболовов, точнее – только «следов» и «остатков» первобытного бытия. В работе мне помогают студенты Архангельского пединститута, проходящие археологическую практику. Да еще Коля Терехихин, историк-старшекурсник, самоотверженно влюбленный в археологию и выполняющий функции заместителя начальника экспедиции.

Раскопки стоянки на Кузнечихе завершили многолетние, с 1938 года, исследования памятника. Контрольные раскопы на гребне береговой террасы позволили уточнить расположение культурного слоя, его толщину и заполнение «раритетами древности». Их немного, и ребята не совсем довольны этим. Но с каким любопытством они рассматривают кремневые орудия, характерные для беломорского неолита наконечники стрел и дротиков, ножи и скребки! А вот и керамика – тонкие, расслоившиеся куски обожженной глины, фрагменты стенок и венчиков кухонной посуды. Это особенно ценная находка, так как именно по керамике, вернее по гребенчато-зубчатому орнаменту на ней, мы уверенно датируем культурный слой

---

* Впервые опубликовано: Правда Севера. 1970. 15 окт.

поселения второй половиной II тысячелетия до нашей эры. Найденный материал еще раз подтверждает наши выводы и наблюдения при раскопках памятника в прошлые годы.

Ближние аналогии кремневому инвентарю и керамике Кузнечихи имеются на сезонных стоянках промыслового населения дюнного Приморья и в богатейшем комплексе Орлецкой стоянки на Двине. Орлецы – удивительное место. Еще в XIV веке новгородцы здесь ставят Орлец-городок. Кстати, «средневековый» отряд нашей экспедиции под руководством научного сотрудника Института археологии Академии наук СССР О.В. Овсянникова начал в этом году перспективные раскопки единственного в своем роде памятника на Двине – «белокаменного кремля». Но нас, археологов первобытности, привлекают больше неолитические стоянки, открытые здесь четыре года назад студентами-историками пединститута. В 1967-1968 годах Архангельская экспедиция раскопала одну из стоянок. Она оказалась одновременно и мастерской, причем одной[178] из крупнейших на Севере. На стоянке были обнаружены следы жилища, остатки очагов. Огромный вещественный материал состоял из 1200 кремневых орудий и массы керамики. Всесторонний анализ находок из Орлецкой стоянки, а также сопоставление их с соответствующими материалами дюнных стоянок беломорского побережья и стоянки на реке Кузнечихе привели к совершенно новым выводам: племена охотников и рыболовов более раннего периода (нижний слой Орлецкой стоянки) были вполне «неолитическими» и пришли в бассейн среднего течения Северной Двины и в Беломорье из Волго-Окского междуречья; население же, оставившее свои следы в среднем (верхнем) горизонте Орлецкой стоянки, относилось уже к бронзовому веку и происходило из Волго-Камского бассейна (турбинская культура). Итак, где-то в середине II тысячелетия до новой эры произошла «смена» одного населения Севера другим – племенами, пришедшими сюда с юго-востока.

Задача заключалась в том, чтобы найти дополнительный материал – новые турбинские памятники. В таком случае, предположение о движении турбинских племен на Север будет более обоснованным. Поставленную задачу частично выполнил Коля Тере[179]бихин, возглавивший рекогносцировочный отряд. Вместе со студентом Сашей Мартыновым он выехал в район Ковозера – глухой болотистый уголок правобережного Подвинья, известный, пожалуй, только пингишским и звозским рыбакам. Не без труда добравшись до озера, археологи обнаружили здесь несколько стоянок. Был собран интереснейший подъемный материал (подъемный – в буквальном смысле этого слова, так как находки подняты с песчаного приплеска озера). В богатой коллекции представлены все категории охотничьего инвентаря – наконечники стрел, дротиков и копий, кремневые скребки и ножи-кинжалы, комбинированные орудия и, что очень важно, характерная турбинская керамика. Вновь открытые стоянки будут детально исследованы в будущем году. Но уже сейчас очевидна ценность коллекции ковозерских находок.

Другая задача этого года – найти кремнедобывающие мастерские, аналогичные орлецкой мастерской. Поиски были сконцентрированы в нижнем течении Пинеги, на участке от поселка Пинега до Усть-Пинеги, а также в ее среднем течении, от Карпогор до Суры. Разведка обнаружила выходы месторождений валунного и карбонового кремня, а в некоторые пунктах (Крылово, Першково, Пенино, Березник, Чакола) зафиксированы следы кремнедобывающих мастерских открытого типа. В размывах надпойменных террас Пинеги подняты характерные ядрища-нуклеусы и сколы с них, кремневые скребки и отщепы с ретушью. Здесь должны быть и стоянки (например, в Чаколе), но их поиски отложены на ближайшее будущее.

На Пинеге со мной был Николай Теребихин. Он выполнял специальное задание – собрать и записать пинежские легенды и предания «чудского» цикла. В процессе полевых исследований 1969–1970 годов перед нами

возник вопрос: а нельзя ли связать предания о «чуди» с определенными археологическими памятниками?

Мифологическая традиция устойчиво сохраняет следующую картину расселения чудских племен: «емь» (река Емца), «шень» (река Вага), «пинь», «немь» и «ло» (река Пинега). Имеющиеся в этом районе археологические и геологические объекты (городища, курганы-«пупчики», «чудские ямы», карстовые пещеры и пр.) в народном представлении принадлежали чудским племенам. Археолого-фольклорные сопоставления привели к любопытным наблюдениям.

Село Ратонаволоок, около Емецка, в преданиях связывается с ожесточенными боями чудской «еми» с новгородскими славянами.[180] Археологическое обследование показало, что в действительности здесь располагался поселок селищного типа не древнее начала XVII века. «Чудские» городки на Ваге (Ровдино, Шенкурск, Городок между Сельменгой и Борком) и в среднем течении Двины (Чутьгаево близ Кургомени, Ньюма близ Заостровья) археологически изучены очень мало. Однако именно здесь был раскопан А.Г. Тышинским сто лет назад крупный чудский(?) могильник. Согласно преданиям, остатки разгромленных новгородцами племен «шени» и «еми» «бежали» с Ваги и Емцы в лесные дебри правобережья Двины и расселились в верховьях рек Юлы, Покшеньги и Немнюги, смыкаясь с пинежской чудью. У современного русского населения Пинежья сложился своеобразный эпос, прослеживающий едва ли не по этапам длительную борьбу новгородцев с чудью, последовательное покорение пини, неми и ла, подвиги храброй воительницы Ла, месть «полудниц», крещение чуди, версии «ухода» чуди в землю и т.д. Археологическое обследование «чудских» городищ на Пинеге установило их принадлежность к русскому населению XV–XVII веков. Достоверных «чудских» памятников с ярко выраженным культурным слоем дославянского времени не обнаружено. Следовательно, нет достаточных оснований для отождествления северных городищ с чудскими древностями. В таком случае, где же искать «неуловимую» чудь?

Дославянские поселения, по всей вероятности, имели несколько другую топографию, и искать их нужно, вопреки легендам, на уровне надпойменных террас равнинных северных рек, в демографической черте поселений эпохи камня и раннего металла. И в поисках этих поселений нам могут помочь читатели «Правды Севера». Каким образом? Давайте вместе попытаемся картографировать отдельные категории предметов древности, несомненно, чудского происхождения, например, зооморфные шумящие подвески в виде «уточек» и полых «коньков» из бронзы. Такие находки изредка встречаются. Сообщите нам об этом. По предварительным данным, бронзовые украшения северных городищ являются не чем иным, как новгородскими «подделками» XIII–XIV веков. Было бы очень интересно из общей массы находок выделить те предметы, которые обнаружены не на городищах, а в пойме рек. Таким путем мы можем прийти неожиданно для себя «в гости» на поселение легендарной чуди Заволочья. Таковы основные итоги археологических исследований в этом году. Нас ждут те же «пути-дороги» археологического поиска и в следующем году.[181]

СЕВЕРНОРУССКАЯ ОНОМАСТИКА*

Архангельская область и прилегающие к ней российские регионы составили значительный по площади ареал, традиционно называемый Поморьем, Русским Севером. Здесь, как и везде на Земле, на протяжении многовековой этнической истории шел активный процесс номинации в рамках отдельных, а зачастую взаимосвязанных друг с другом языковых пластов; каждый этнос оставил свой след в ономастической стратиграфии, в том числе антропонимической и топонимической.

В работах этнологов, фольклористов и диалектологов проанализированы факты, свидетельствующие о ранней (до XV века) этнической и культурно-бытовой неоднородности севернорусского населения, связанной с довольно ранним продвижением славянских и неславянских племен из Приильменья-Приладожья и Верхнего Поволжья¹. Можно предположить, что ономастическая терминология рождалась из местных «чудско»-русских диалектов: архангельских², вологодских³, олонечно-карельских⁴, саамо-русских⁵ и др.[186]

Изучение историко-географических истоков севернорусских говоров, по существу, только началось, их системно-этимологическое осмысление продвинулось, однако, немногим далее В.И. Даля, М. Фасмера и А.И. Подвысоцкого. На новый исследовательский уровень вышел Г.М. Керт, составивший совместно с Ю. Елисеевым «Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, венского и саамского языков»; в настоящее

---

* Впервые опубликовано: Живое слово Русского Севера / отв. Ред. О.Е. Морозова. Архангельск: ПГУ, 1998. С. 5-20.

¹. Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 5–29; Она же. Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

². Словарь Архангельской области / под ред. О.Г. Гецовой, Вып. 1–9. М., 1980–1996 (издание продолжается).

³. Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск, 1988.

⁴. Керт Г.М., Мамонтова Н.Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982; Ономастика Карелии: проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.

⁵. Керт Г.М. Словарь саамо-русский и русско-саамский. Ок. 4000 слов. Л.: Просвещение, 1986; Минкин А.А. Топонимы Мурманска. Мурманск, 1978.

время он плодотворно работает над созданием компьютерного банка топонимики Европейского Севера России.

Значительный интерес представляет сопоставительный словарь коми языка, составленный еще в прошлом веке (1873–1875 гг.) И.А. Куратовым и опубликованный в 1979 году В.С. Гуляевы¹; в словаре сопоставляются слова дерптско-эстонского, ревельско-эстонского, лапландского, финского, венгерского, остяцкого, вогульского, вотяцкого, карельского, зырянского, пермяцкого, черемисского, мордовского, самодийского, санскритского, татарского языков. Собранные Куратовым материалы должны были послужить основой для этимологического словаря коми языка, однако завершить работу над ним он не успел из-за своей преждевременной кончины. В наше время топонимию в бассейне Вычегды изучал А.И. Туркин².

В «Архангельском областном словаре» можно найти немало слов, вошедших в лексемы антропонимов, этнонимов, топонимов и других номинаций, например: БАСАЛАЙ – шалун, проказник – и фамилия БАСАЛАЕВ; БАСАРГА травянистое растение – и прозвище БАСАРГА; БОРОК – высокое место с леском – и название полей (Вилегод. р-н), поляны БАСКОЙ БОРОК (Котл. р-н), фамилия БОРЕЦКИЕ; ВОРГА – временная проезжая дорога (Холмогор. р-н), лесная тропинка (Пинеж. р-н), оленья дорога (Мезен. р-н) и т.д. – и название сенокосных угодий АЗАПОЛЬСКАЯ ВОРГА (Мезен. р-н), название реки ВОРГА (Пинеж. р-н); ВЫСТАВКАМ^ деревня, перенесенная на новое место, – и название деревни ВЫСТАВКА (Краснобор. р-и); ВЫИКА – порода коров – и кличка[187] коровы ВЫЙКА (из дер. Выя); ГОРНЕЙ, ГОРНОЙ – расположение на возвышенном месте – и название поля, озера, болота: ГОРНЕ ОЗЕРО (Мезен. р-н), ГОРНЕ ПОЛЕ (Пинеж. р-н), прозвище человека СЫСОЙ ГОРНИЙ (Лешуконс. р-н), Ильин

---

¹. Гуляев Е. С. Сопоставительный словарь коми языка (Новые публикации из архива И.А. Муратова) // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1979. Т. 3. С. 109-129 (С. 113-128 – текст словаря).

². Туркин А.И. Коми топонимия на территории Архангельской области: Бассейн Нижней Вычегды // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала ДН СССР. Сыктывкар. 1972. № 14. С. 62–76.

день – ГОРНЕЙ ПРАЗДНИК; ГОРОДИЩЕ – холм искусственного происхождения – и название места ГОРОДИЩЕ (Пинеж. р-н), поля (Каргоп. р-н) и т.д.

Лингвоисторическое изучение Архангельской области, начатое с 1967 года В.Я. Дерягиным и Л.П. Комягиной, позволило поставить и решить целый ряд этногенетических проблем¹. На 198 картах «Лексического атласа Архангельской области» Л.П. Комягиной дана пространственная характеристика наиболее известных диалектных лексем. Путем анкетирования в 38 пунктах с деревнями, расположенными вдоль больших рек и по побережью Белого моря, удалось картографировать более 320 лексем севернорусского говора (таких, например, как УГОР, ЛУДА, ВЕРЕТЬЯ, КОРГА, РАДА, ЛАХТА, КУРЬЯ, КОШКА, НЯША, ТАЙБОЛА, СОГРА, ШАЛГА, ОБЖА и др.). Сводные карты изоглосс и площадей (№№ 192–198) отразили, как считает автор, следы различных колонизационных потоков из более южных районов, признаки культурных влияний, результаты взаимодействия с языками и диалектами древнейшего финского населения, вытесненного или ассимилированного русскими, а также итог длительного соседства северноруссов на западе и востоке с нерусским населением².

Не меньший интерес представляют работы Г.Я. Симиной³, обратившейся к изучению географической терминологии Пинежья; в ходе полевых исследований в 1958–1977 годах она собрала уникальный материал по пинежской микротопонимии, сравнив его с данными писцовых книг XVII века и других официальных документов XVII–XVIII веков. Из 593 пинежских лексем было выделено лишь [188] 45 неславянских по происхождению (например, в названиях болот – КАЛТУС, ПАХТА, ОЛЬДЮГА, МУРГА, РАДА, ТУНДРА; в названиях водоемов – ВИСКА,

---

¹. Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории финно-угорских заимствований в северно-русских народных говорах // Вопросы изучения русских говоров. Диалектная лексика. Л., 1972. С. 32–49.

². Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

³. Симиная Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район, Архангельская область). Л., 1969; Она же. Географические названия: по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья. Л., 1980.

ВАДЕГА, ЛЫВА); остальные лексемы были русскими (например, в числе земледельческих не было ни одного заимствованного слова: ДЁР, ДЕРНИНА, КОПАНИНА, ЧИЩЕНИНА, НОВЬЕ, НОВИНА, ПЕРЕПАШЬ, РАСЧИСТКА; РЖИЩЕ, ЖИТИЩЕ, РЕПИЩЕ; ПЕСОК, СУПЕСЬ, СУГЛИНА, ЧЕРНОЗЁМИНА; ОКРАЙКА, ВЫГОРОДКИ, ЗАГОН, ГУМЕННИК, ПЕЧИЩЕ, ПУСТОШЬ, ПАР; ГАРЬ, ВЫРУБКА, ГОРЕЛИЩЕ, СЕЧИЩЕ и т.д.).: Значительная часть этих слов оказалась репродуцированной в топонимах, в основном – в микротопонимах (например, деревни НОВИНКА, РЕПИЩЕ и др.). Ясно прослеживается историческая закономерность: если в топонимии Пинежья преобладают слова с неславянскими формантами, то в микротопонимии русские слова, то есть в микротопонимии процесс репродуцирования русской лексики, начавшийся несколько веков тому назад, продолжается и сейчас, тогда как в топонимии (макротопонимы и мезотопонимы) он завершился давно; нерусская лексика была «спроецирована» из микротопонимии в топонимию; русская лексика, преобладающая в современной микротопонимии, с течением времени (веков, тысячелетий) повторит тот же путь, постепенно переместится в топонимию.

Тот же репродуктивный эффект можно наблюдать в северной антропонимике, В.А. Никонов на основе материалов Всероссийской переписи 1897 года составил список из четырех тысяч фамилий жителей Архангельской губернии. Многие из них получили следующее истолкование: БОБЫКИН (БОБЫКА – птица), БУРАКОВ (БУРАК – корзина), КЛУБЫКОВ (КЛУБЫКА – верхний сноп) и т.п.; некоторые расшифровки Никонова обстоятельны и многословны, например: фамилия СКРОЗНИКОВ – отчество от прозвища отца из диалектного СКРОЗНИК – «ловкий, пройдоха», «проныра»¹.

---

¹ ГААО. Ф. 6. Оп. 18, 19; Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. С. 56–77; Он же. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. М., 1993.

Ценный материал о происхождении русских фамилий содержится в известном «Ономастиконе» С.Б. Веселовского¹, в котором можно[189] найти и северные фамилии: ВОЛОХОВ (1583 г., Сев. Двина), ГОРЮШИН ФЕДОР (1545 г., Каргополь), ДВОЙНИН МИЛЕНЯ (1683 г., Каргополь), ДЯГИЛЕВ ФЕДОР (1630 г., Яренск) и др. Постепенно сложились, по мнению В.А. Никонова, четыре главных фамильных ареала России: ИВАНОВИЯ (Новгород., Псков., Смолен., Брян. области, части Москов. обл.), ПОПОВИЯ (Арханг. обл.), СМИРНОВИЯ (Костром., Яросл., Иванов, области), КУЗНЕЦОВИЯ (Туль., Нижегород., Самар. области). На Севере Поповым и Кузнецовым уступают лишь Шестаковы, Некрасовы, Симаковы (Семаковы) и др. По данным антропонимического анкетирования, в Архангельской области (1997 г.) наибольшее распространение получили следующие фамилии: Лукошков, Вашуков, Пластинин, Мартынов, Чернаков, Ширяев и др. (Шенкур. р-н), Лобанов, Романов, Баков, Соколов, Могутов, Шубин, Воронцов, Некрасов и др. (г. Вельск), Попов, Чесноков, Выморков, Курицын, Новоселов, Коробицын (Вельский р-н), Бачинов, Свинцов, Бурков, Солодов, Тарутин, Лупандин и др. (Няндом), Леушев, Литвин, Туробов, Попов и др. (Ярен. р-н), Вежливцев, Лагунов, Третьяков, Пьянков (с. Вознесенское, Верхнетоем. р-н), Галашев, Евстафеев, Чуркин, Обухов, Тырлов и др. (дер. Шепоховская, с. Архангело, Каргоп. р-н), Петухов, Каменев, Семенов, Агапитов, Якунин и др. (г. Онега), Попов, Андреев, Дерябин, Максимов, Жданов, Смородин, Федотов, Морозов и др. (пос. Лешуконское), Софронов, Кобылий, Лобанов, Коковин, Хлызов, Пинежанинов, Байдин, Лыков, Амосов и др. (пос. Урдома, Ленек, р-н), Борисов, Абрамов, Глубокий, Бурачкин, Варзимоев, Воронин и др. (дер. Кушкопала, Пинеж. р-н), Савин, Аксенов, Третьяков, Некрасов, Короткий, Рудаков, Попов, Макаров, Корельский, Михайлов, Елфимов, Волков и др. (пос. Емецк), Личутин, Окладников, Минькин, Малыгин, Сахаров и др. (г. Мезень), Таратин, Марков, Ляпин,

---

¹. Веселовский С.Б. Ономастикой: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Ушаков, Банков, Куликов, Васильев, Ядрихинский, Широкий, Кобелез, Шубин, Фролов и др. (дер. Волонга, Ненец, авт. округ) и т.д.

При всем разнообразии севернорусских фамилий можно выделить основные способы номинации. Например, авторы переписной книги г. Ярославля (1671 г.) для обозначения посадского человека с именем Иван использовали следующие приемы: 1) личное, календарное (церковное) имя – ИВАШКО; 2) притяжательное прилагательное от календарного имени отца – ВАСИЛЬЕВ; 3) притяжательное прилагательное от имени матери – АПРАКСИН; 4) прозвище или некалендарное имя («свое») – ГНИДА; 5) притяжательное прилагательное от прозвища (некалендарного имени) отца – СОЛОДОВНИК; 6) прозвище или некалендарное имя отца в форме родительного падежа – ЗАТРАПЕЗНОГО; 7) происхождение человека по местности или национальности – ХОЛМОГОРЕЦ; 8) притяжательное прилагательное от прозвища отца по его происхождению – ХОЛМОГОРЦЕВ; 9) занятия человека – ПИРОЖНИК, САПОЖНИК, ОВСЯНИК, ЛОДОВНИК; 10) притяжательное прилагательное от обозначения отца по его занятию – ЩЕТИННИКОВ, КОНОВАЛОВ, САПОЖНИКОВ; 11) притяжательное прилагательное от обозначения матери по ее занятию – МЕЛЬНИЧИХИН; 12) прилагательное от названия церкви (только для священнослужителей), например: НИКОЛЬСКИЙ ПОП ИОАНН. В XVII в. в указах о переписи уже устойчиво предписывалось записывать «с отцы» (то есть с отчеством) и «с прозвища» (то есть с фамилией).

Фамилии у горожан, таким образом, начали оформляться в XVII в. Несколько раньше, в XVI в., появились первые купеческие фамилии (например, Строгановы, Бачурины, Прощелыкины и пр.). Крестьянские же фамилии начали складываться на Севере в XVII–XVIII веках в среде государственных (бывших чернососных) крестьян. В помещичьей деревне этот процесс шел замедленными темпами, как и в удельной деревне (ранее дворцовой), вплоть до второй половины XIX века.

В крестьянской семье, кроме способа фамильной номинации «с отцы» и «с прозвища», был распространен и слабо исследованный в русской антропониимии способ названия «с деда» («дедичество»), например: дед ФЕДОР Иванов Семенов, сын Иван ФЕДОРОВ Маркелов, внук Егор Иванов ФЕДОРОВ (не Маркелов!). Кроме того, значительная часть севернорусского населения носила фамилии принадлежностные (ПОПОВ, МОНАСТЫРСКИЙ, ВЛАДЫКИН), владельческие (СВОЕЗЕМЦЕВ), земляческие (ПИНЕГИН, КАНИН, КАРЕЛЬСКИЙ, КОРЕЛЬСКИЙ, КОРЕЛОВ, СМОЛЕНСКИЙ), церковные (УСПЕНСКИЙ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ), прозвищные (УЗКИЙ, ШИРОКИЙ, ШИРОКИХ) и т.д. Многие фамилии напоминают об исчезнувших профессиях (СКОМОРОХОВ, ТРАПЕЗНИКОВ, ШОРНИКОВ, КОНОВАЛОВ, ЛОДОЧНИКОВ). В фамилиях прозрачно отразились социальные отношения (БАТРАКОВ, ПОЛОВНИКОВ), обычаи и обряды (РЯЖЕНЫХ, ПАНИХИДИН), многие другие стороны жизни и быта.[191]

Многие жители Сибири носят фамилии, характерные для Русского Севера, что позволяет выявить ранние маршруты крестьянско-посадского переселения с Архангельского Севера за Урал, вплоть до Тихого океана. Так, например, В.А. Никонов проследил движение фамилий МЕНЬШИКОВЫ и ДОСТАВАЛОВЫ с низовьев Северной Двины (бывшая Великодворская волость Холмогорского уезда) в Приуралье (бывшие Гуринский и Оханские уезды), на Средний Тобол и в Забайкалье. На Русском Севере, как и в Центральной России, фамилии имели, как правило, форму прилагательного с давно (?) сложившейся суффиксацией на -ОВ и -ИН (ПОПОВ, ШУБИН); распространенными были форманты на -СКИЙ с суффиксом -СК, обозначающим, вероятно, принадлежностный признак (то есть отвечающие на вопрос «чей?») (ПАВЛОВСКИЙ, СЕ(И)ЛИНСКИЙ, ПЕНЬЕВСКИЙ); архаичными были суффиксы и окончания на -Й (БЕДНОЙ, БЛАГОЙ) и -АГО (ВЕСЕЛАГО), а также «сибирские», на самом деле 44 севернорусские окончания -ИХ, -ЫХ (ДОЛГИХ, ШИРОКИХ, ГЛАДКИХ, МАЛЫХ); редкие

фамилии на -ИЧ (АНДРИЕВИЧ), а также некоторые исключительные фамилии (ЛЯХ, ГОФЕ, БУРЛЯК) отражают в северной антропониимии позднейшие иноязычные включения.

В поисках корней русских фамилий исследователи не без успеха прибегали к систематизации их морфологической структуры, абстрагируя имя в качестве социального знака – социальной характеристики человека. Лучшими исследованиями этого рода можно назвать книгу Б.О. Унбегауна «Русские фамилии»¹ и статью Б.А. Успенского в послесловии к этому труду². Имена были исходными элементами фамилий (например, имя ТРЕТЬЯК Яр фамилия ТРЕТЬЯКОВ, БУЯН «БУЯНОВ, ОВЧИНА, ОВЧИННИКОВ, СИДОР – СИДОРОВ и пр.). В севернорусском именнике преобладают канонические христианские (календарные) имена (АЛЕКСАНДР, ВАСИЛИЙ, ИВАН, МИХАИЛ и др.), хотя в советское время в него вошли имена со странной, но ставшей привычной языковой конструкцией (ВЛАДЛЕН, ПОЛЯРИНА, СТАЛИНА, РЭМ и пр.)³. [192]

Очень интересны названия лиц по местности (катойконимы)⁴. Обычно оттопонимные названия лиц дополняли собственно личное имя, например: СЕМЕН АНДРЕЕВ СЫН КОНДАКОВ ГУ БАНИНЫХ КОЛМОГОРЕЦ (1601 г.), ПРОКОПИЙ СКРЕПОВ КОЙДОКУРЕЦ (1713 г.). Антропониимия отразила также и этнонимы – названия этнической группы, племени, народа, например, в северной антропоэтнонимии: ГРИША КОРЕЛЯНИН (1554–1555 гг.), ОСТАНЯ ТАТАРИНОВ (1549 г.) и т.п.

Этнонимы получили довольно полное освещение в специальной литературе⁵, однако этнонимия Русского Севера скрывает в себе еще немало

---

¹ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989; 2-е изд., испр. М., 1995.

² Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. С. 336–364.

³ Справочник личных имен народов РСФСР. Изд 3-е. М.: Рус. яз., 1987. С. 20–26.

⁴ Коршунова И.А. Названия лиц по местности в деловой письменности Карелии XV–XVII вв. // Ономастика Карелии: проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 55–68.

⁵ Этническая топонимика. М., 1987.

не разгаданных тайн. Например, известный этноним «чудь»¹. В исторической этнонимике принято считать, что «чудь» в узком смысле слова обозначало в летописях название эстов и других народов Прибалтики, в широком же смысле – название финно-угорских племен бывших северных губерний России и Сибири. «ЗАВОЛОЧСКАЯ ЧУДЬ» (в «Повести временных лет» – «ЧУДЬ ЗАБОЛОЦКАЯ») – название локальной финно-угорской племенной группировки на Русском Севере, занимавшей в XI–XIII веках территорию к северу от бассейна реки Сухоны, с запада ограниченную бассейном реки Ваги, с востока – средним и нижним течением Северной Двины; в центре очерченного региона находились новгородские волости по реке Ваге (позднее – Важская земля). Заволочская чудь, таким образом, являлась древнерусским суммарным обозначением всего финно-угорского населения Заволочья и Подвинья².

Наряду с летописными «языцами» – народами ВЕСЬЮ (ВЕПСАМИ), КА(О)РЕЛАМИ, ЛОПЬЮ, САМОЯДЬЮ исследователи обнаружили в устных преданиях этнонимы, неизвестные по письменным источникам (ЕМЬ, ШЕНЬ на Северной Двине; ПИНЬ, НЕМЬ, ЛА на Пинеге и т.д.); народные предания связывают их,[193] как правило, с гидронимами (реки Емца, Пинега, Немьнюга и пр). Вельский краевед А.Ф. Орлов, автор изданной в 1907 году работы о происхождении географических названий³, утверждал, что этнонимы произошли от гидронимов (например, ВАГАНЫ – от реки Ваги, ПОДЮЖАНЕ – от реки Подюги, ПОКШАРЫ – от реки Покшеньги, УСТЬЯНЕ (УСЬЯНЕ) – от реки Устьи, КУЛОЙЦЫ – от реки Кулой, МОШАКИ – от реки Моши, ИЖЕМЦЫ – от реки Ижмы, ТОЙМИЧИ – от рек Верхняя и Нижняя Тойма и т.д.). Историки и археологи обнаружили немало «чудских» памятников в Белозерье (Л.А. Голубева, Н.А. Макаров), на Ваге и

---

¹ Агеева Р.А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970.

² Савельева Э.А., Королев КС. По следам легендарной, чуди: страницы истории народа коми. Сыктывкар, 1990; Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники Чуди Заволочской // Сов. археология. 1984. № 4. С. 197–216; Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997.

³ Орлов А.Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.

Северной Двине (О.В. Овсянников), в архангельской Субарктике (Л.П. Хлобыстин, В.Я. Шумкин), В нижнем течении реки Печоры были исследованы памятники VI–XIII веков, раскрывшие культуру местных доненецких этносов (летописной ПЕЧЕРЫ, которую ненцы называли СИИРТИ, СИХИРТЯ); значительную роль в изучении древней ПЕЧЕРЫ сыграл О.В. Овсянников.

Заслуживает внимания еще один этноним – «биармы». БЪЯРМЫ, БЪЯРМАЛАНД (БИАРМЫ, БИАРМИЯ) – народ и страна, упоминаемые в средневековых скандинавских источниках в широких временных рамках – от конца IX века («беормас», «Орозия» англосаксонского короля Альфреда Великого) до первой половины XVI века («История северных народов» Олауса Магнуса, 1539 г.; карты Меркатора и Ортелия). В древнерусских источниках сведений о биармах нет. М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (1758 г.) писал, опираясь на «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона (1230 г.) и «Деяния датчан» Саксона Грамматика (конец XII века): «...Пермия, кою они (Стурлусон и Саксон Грамматик. – А.К.) Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами» (см. главу 6 «О чуди»). Это мнение поддержал К. Тиандер в книге «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906).

Современная историография Биармии дана в трудах Е.А. Мельниковой, Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон, Е.А. Савельевой и др. Оказывается, каждый источник, взятый в отдельности, сообщал о «своей» Биармии. В течение IX–XII веков она «перемещалась» с[194] юго-востока на северо-запад – от устья Северной Двины (исландские саги IX–XII веков) через Карелию на Кольский полуостров (Олаус Магнус поместил ее в 1539 году за полярным кругом, между 90° и 85° с. ш.; Антоний Дженкиисон на карте 1562 года поместил ее севернее «Лашши»; на карте Московии 1613 года Гесселя Герритса Биармия уже отсутствует). Между тем биармы (бъярмы) принадлежали к финской

группе северных народов. Их сопоставляли с карелами (М. Фасмер, А.С. Росс, И.П. Шаскольский, М.И. Белов и др.), с вепсами или заволочской чудью (К. Кастрен, В.В. Пименов и др.). Широко известна расшифровка этнонима «бьярмар» как прибалтийско-финское «регшаа», «реггашаа», то есть «задняя земля», «земля за рубежом», «окраинная земля». Возможно, однако, другое толкование этнонима, связанного с древними саамами (лопью) или северной труппой этих племен, названной их финскими соседями «бьярмами». Протосаамы заселяли некогда обширные земли на Европейском Севере, а их переселение в течение IX–XVI веков шло с востока на запад до тех пор, пока они не локализовались в современной Лапландии.

В 1989 году под Архангельском был найден клад серебряных украшений и западноевропейских монет XI–XII веков. Архангельский клад (так он был назван первооткрывателями) располагался на берегу небольшого ручья, впадающего в реку Вихтуй, рукав реки Тойнокурьи, около дер. Боры. Клад состоял из серебряных изделий общим весом 1632,57 г (более 2 тысяч денариев, 3-х саманидских дирхемов и вещевой материал весом 270,67 г). Находки были датированы 1130-ми годами. Примечательно, что пункт «у Вихтуя» упомянут в перечне погостов новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.). Архангельский клад является первым древнерусским памятником XII века в Северном Поморье, свидетельствующим о существовании торговых связей «русской» Биармии с Западом и Востоком¹.

Большие возможности для исторических реконструкций скрываются в северной топонимии. Как и другие виды ономастики, топонимика исследует географические названия не только как элемент лексики, но и как явление социальное, общественное. Севернорусская топонимия представляет собой совокупность топонимов с ви[195]довым разделением на макро-, мезо- и микроуровни. Поскольку топонимы возникли в определенные исторические

---

¹ Носов Е.Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146–157.

эпохи, меняясь по форме, а часто и по содержанию, распространяясь в зависимости от конкретных исторических событий, наука, их изучающая, топонимика («топос» – место, «онима» – имя), тесно связана с историей.

Один из видных исследователей северной топонимии А.К. Матвеев считал, что в географических названиях Архангельской области получили отражение реликты языков финской группы, близкие к прибалтийско-финскому, саамскому и волжскому типам¹. Многие неславянские топонимы, по его мнению, легко поддаются расшифровке: в топониме ШАРДОНЕМЬ, например, выделяются две части ШАРД (от р. Шарды) и НЕМЬ (вепс – наволок), соответственно перевод: НАВОЛОК У РЕКИ ШАРДЫ. Аналогичные переводы возможны для топонимов ЕЖЕМЕНЬ, КАСКОНЕМЬ, КОЗОНЕМЬ, ПИРИНЕМЬ и др. Вообще же неславянский пласт в пинежских гидронимах составляет 85% в микрогидронимах, в названиях ручьев 50%, в названиях крестьянских пашен и пожен – 5% (в удалении от селений) и 25% (вблизи деревень); ойконимы же (собственные имена любого поселения) обнаруживают следующее соотношение: 64% русских топонимов, 36% – нерусских по основе.

В расшифровке северных топонимов следует различать их исторические пласты. Вот как, например, исторически развивался ойконим ХОЛМОГОРЫ (мнения Н.М. Карамзина, В.В. Крестинина, К.Ф. Тиандера): первоначальный топоним КОЛМОГОРЫ включал в себя лексическую основу «финско-карельского» числительного «три» (КОЛМ, КАЛМЕ), что и обусловило буквальный перевод топонима как ТРЕХГОРКА (деревни Курцево, Карповка и Подкурье); в дальнейшем развитие топонима шло следующим образом: ХОЛМГАРД, ХОЛЬМГАРД (сканд.), КОЛМГАРД, КОЛМЕГОРД (зырянск.), КОЛМЕГОРОД, КОЛМОГОРОД, КОЛМОГОРЫ,

---

¹ Матвеев А.К. Из истории субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1971. Вып. 5; Он же. Происхождение субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. № 5.

ХОЛМОГОРЫ (русск.)¹. Таким образом, КОЛМОГОРОД ассимилировался в КОЛМОГОРЫ под влиянием привычных в Подвинье топонимов, таких, как РОВДОГОРЫ, МАТИГОРЫ, ПИЛЬЕГОРЫ, ХАВРОГОРЫ, КИРЬЕГОРЫ и пр.; поселение носило имя КОЛМОГОРЫ вплоть до конца XVIII столетия, с XIX века утвердилось нынешнее название – ХОЛМОГОРЫ (в местных говорах – с ударением на первом слоге, согласно современному литературному произношению – с ударением на третьем слоге). Впрочем, возможны и другие гипотетические рассуждения по поводу топонима Холмогоры. Древние холмогорские посады (их было не три, а пять: Курцевский, Глинский, Ивановский нижней половины, Никольский нижней половины и Западракурский) обстоятельно описаны в работах О.В. Овсянникова и М.И. Мильника. Имеется и ненаучное, народное объяснение топонима КОЛМОГОРЫ–ХОЛМОГОРЫ: от диалектного слова «МОГОРИТЬ» (просить, кланяться) или слова «МОГОРЫ» (базар), отсюда – «около Могоры», «КОЛО МОГОРЫ» – КОЛМОГОРЫ, ХОЛМОГОРЫ.

Первыми топонимами были, вероятно, видовые нарицательные (РЕКА, ВОДА, БОЛОТО, ОЗЕРО, ТУНДРА, ГОРА и пр.). Наряду с ними источником номинации служили видовые нарицательные с признаками объекта, например, гидронимы Большого Соловецкого острова: озера ШУЧЬЕ, ОКУНЕВСКОЕ, КРАСНОЕ, МЕЛКОВОДНОЕ, ПЕРЕХОДНОЕ, БЕРЕЗОВОЕ, ЗЕЛЕНОЕ, ТОРФЯНОЕ, МОХОВОЕ, КАМЕННОЕ и др. Встречаются, хотя и редко, более развернутые описания в названиях, например: ПОРОГ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА (р. Онега), ПОКРОВСКИЙ ПОСТ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ (Онежской берег Белого моря, устье ручья Пилемского) и т.д.

В переходный период от первобытности к феодализму возникли названия от личных имен, например: дер. НОСОВЩИНА (Онеж. р-н), дер.

---

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. Г. Т. I–IV. М., 1988 (См. примеч. к Т. II. С. 27); Крестинин В.В. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790; Тиандер К.Ф. К истории города Холмогор // Известия Отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 709–787.

ЗУЕВЩИНА (Холмогор. р-н) и др. С появлением частной собственности на землю (крестьянские «вотчины») оформились принадлежностные номинации; в топонимии появились названия, отвечавшие на вопросы «чье?», «кто владеет?». В «заволочских» землях Двинско-Важского бассейна (Емца, Мехреньга, Ваймуга, Нижняя Двина) существовали так называемые «ростовщины», то есть земельные владения ростовских князей: Ивана Владимировича Ростовского, Ивана Александровича Ростовского, Федора Андреевича Ростовского и др. Земельные владения новгородских и двинских бояр, а также духовных феодалов тоже были отмечены принадлежностными названиями, например: селения ДАНИЛОВО, ИГНАТОВСКАЯ, ИСАКОВСКАЯ, АНДРОНОВСКАЯ, ПАТРАКЕ[197]ЕВСКАЯ, ОСТАШЕВО, СИЙСКОЕ, КРАСНОГОРСКАЯ и т.д. А такие топонимы, как МОНАСТЫРЩИНА, КАЗЕНЩИНА, УДЕЛЬНОЕ, ПОПОВЩИНА, ЦЕРКОВНИЧЕСКОЕ, Не требуют особых пояснений. А сколько крестьянских имен, прозвищ и фамилий было запечатлено в названиях деревень, починков, усадеб, рыболовных угодий, охотничье-промысловых «ловель» и «путиков»...

Позднее, с развитием торгово-промысловой деятельности, на Русском Севере, как и в других регионах России, появились топонимы, связанные с экономической жизнью общества, например, ЯРМАРКИ (Никольская на Пинеге; Евдокиевская на Ваге, село Благовещенское; Сретенская в Шенкурске; Крещенская в г. Мезени; Никольская в Сумпосаде; Покровская в с. Кузомень, Терский берег; Архангельская, с 1844 г. – Маргаритинская и др.), ВОЛОКИ (Балтийско-Ладожско-Онежский; Каспийско-Волжско-Белозерский; Беломорско-Онего-Лачский), почтово-торговые ТРАКТЫ (Холмогорско-Московский с 1693 г., Петербургский с 1780 г.; Шенкурский, Онежский, Кемский, Онего-Дегшлавский, Онего-Обозерский, Веркольский, Пинево-Мезенский, зимний; Мезенский, Пинево – Усть-Цилемский, Мезенско – Усть-Цилемский, Усть-Цилемский – Пустозерский, Мезенско-Печорский до Пустозерска через Канинскую и Тиманскую тундры, зимний;

Архангельско-Мезенский, зимний; Кандалакшско-Понойский, зимний; Кемь Ухта, Шенкурско-Няндомский, Шенкурско-Пучужский, Няндомско-Пудожский, через г. Каргополь; Коношско-Вельский, Когласско-Сольвычегодский и др.). В северных городах обычными становились профессиональные номинации, например, названия улиц в г. Архангельске: СМОЛЬНЫЙ И САЛЬНЫЙ БУЯНЫ, МОХОВАЯ СТОРОНА В ЗАТИННОЙ СЛОБОДЕ (1713–1714 гг.), МОХОВАЯ улица (1723 г.), ЗВОЗ (ЮРЬЕВ ЗВОЗ, 1711 г.), БУЯНОВА улица (1686 г.), ПРИСТАНИ-МОСТЫ (ЕРЕМЕЕВ МОСТ, 1615 г.; МОСТ Пертоминского монастыря, 1687 г. и т.д.)¹. Топонимия Архангельска получила хорошее освещение в дважды изданной книге Е.И. Овсянкина «Имена архангельских улиц»².

Топонимы, как известно, не существуют в одиночку, они соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названий, [198] необходимо прежде всего понять; что они возникли не изолированно, а лишь в определенном ряду с другими названиями. Лучше всего закон ряда иллюстрируется топонимическими парами, например, дальними (г. Архангельск у Белого моря – г. Ново-Архангельск на Аляске) и близкими (Верхняя Тойма – Нижняя Тойма). Всего отчетливее сравнительность топонимов можно продемонстрировать в оппозициях: деревни МАЛАЯ и БОЛЬШАЯ ВИРОВЫ МАЛЫЕ и БОЛЬШИЕ КОРЕЛЫ; значительное число таких оппозиций присутствует в гидронимах: реки МЕЗЕНСКАЯ и ПЕЧОРСКАЯ ПИЖМЫ и др.; реки ВАРЗУГА на Терском берегу и БОЛЬШАЯ ВАРЗУГА.

«Наряду с разновидностями бинарных противопоставлений (Белый-Черный, Большой-Малый, Верхний-Нижний, Летний-Зимний, Северный-Южный) встречаются странные, на первый взгляд, топонимические сопоставления: ПУКШЕНЬГА-ПОКШЕНЬГА – реки, верховья которых

---

¹ Овсянников О.В. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск. 1991. С. 55–79.

² Овсянкин Е.И. Имена архангельских улиц. Архангельск, 1983; Он же. Имена архангельских улиц. Архангельск, 1998.

расположены близко друг к другу, а затем расходятся в разные стороны: одна несет свои воды в Северную Двину, другая – в Пинегу. Из гидронимических пар возникают целые ряды, например: гидронимы с суффиксами -ШЕНЬГА, -ЕНЬГА: КОРЖЕНЬГА, МЕХРЕНЬГА, КОКШЕНЬГА, ПУКШЕНЬГА, с суффиксами -УГА, -ЮГА: ВАВЧУГА, МУДЬЮГА, ПОДЮГА, ПАЧУГА, НЕМ Н ЮГА и т.д. Суффиксы легко переводятся с финского: «уга», «юга» – от «йоки» (вода); «ньга» – от югорского «иенк» (вода). Выяснить происхождение и развитие географических названий – значит приурочить их конкретно-исторически.

Закон пересекающихся топонимических рядов обязывает исследователя искать максимум семантических, словообразовательных и ландшафтных связей, обусловивших появление топонимов. Особого внимания требуют микротопонимы, стоящие ближе к именам нарицательным и выходящие из диалектной лексики.

В современной микротопонимии Русского Севера преобладают слова русского происхождения, тогда как в мезо- и макротопонимии – слова из так называемых субстратных языков. Так, например, афанасовские селения (Верхнетоемский р-н) краевед-топонимист А.А. Тунгусов делил на относительно крупные с нерусскими названиями (САРЧЕМА, ВАДЮГА, ИЗЕВЕРА, КОДА, ЛАМБАС, КЕРАС, КЕРГА, СОГРА, ЛОХОМА и др.) и небольшие деревни с русскими названиями (ПРИЛУКСКАЯ, ДРОЗДОВСКАЯ, НИКОЛЬСКАЯ, ЛАРИОНОВСКАЯ, МАШКАНОВО, ПАХОМОВО, ВОЛЫНОВО, ЕФИМОВО и др.); названия пожен на лугах почти все русские[199] (БРЮХАНИХА, РЕПИЩА, ТОРШИХА, ОСОЧНОЕ, ОСИНОВКА, ПАШКОВО и др.), хотя изредка встречаются и нерусские (ЗАКУРЬЕ, ВАГМАСНАЯ). Ссылаясь на авторитетное мнение А.К. Матвеева о своеобразии верхнетоемских топонимов, А.А. Тунгусов предпринял интересную попытку расшифровать многие из них (например, река КОДИМА – с вепс. «родная земля»; ручей ШАЛГА – с фин. «грива», «лесной хребет»; ручей ЛАМБАС – с кар. «лесное озеро»; река УНЖИЦА – с

мар. «тихая», «спокойная»; ручей КАНЗОВ – фин., кар., вепс, саам. – «канз» – «коллектив», «группа людей», «род», «племя»)¹.

Значительный интерес представляет указатель топонимов Кенозерья, составленный при участии В.Я. Дерягина². В форме методической разработки авторы публикации перечислили едва ли не все географические названия Кенозера (деревни, озера, острова, реки, ручьи, поля, пожни, урочища, болота и пр.) с убедительными расшифровками, например: болото ВАЛДАПАХТА –: сравни: карел, *valged*, вепс, *vauged*, фин. *valkea* – «белый»; «пахта» встречается в арханг. говорах – «болото»; «покос на болоте», «торф» – географический термин, по-видимому, также финно-угорского происхождения; урочище МАСЕЛЬГА – от карел, *tuia*, вепс, *ta*, фин. *taa* – «земля», «сельга» – «возвышенность» и т. д. Историко-географический анализ отдельных слов в диалектах на территории современной Архангельской области, по материалам существующих говоров и данным письменных памятников XV–XVII веков, позволил наряду с картографированием и составлением изоглосс (см. «Лексический атлас Архангельской области» Л.П. Комягиной) представить во всей полноте «движение» диалектных слов в топонимию. Например, лексема КУРЬЯ присутствует в топонимии почти повсеместно на территории Архангельского Севера, за исключением бассейна р. Онеги (город Шенкурск – от ШЕНКУРЬИ; дер. ЗААКУРЬЕ в Мезенском р-не и др.), и происходит от коми *kurja* – «залив», фин. *Kit* – «борозда»; лексема ЛУДА в значении «каменистое дно», «каменистый остров», от кар.-олон. *luodo* –[200] «каменистая мель», фин. *luoto* – «маленький остров без леса» ре-продуцировалась в беломорских топонимах (дер. ЛУДА в Приморском р-не, острова ПЕРХЛУДЫ в Онеж. заливе Белого моря).

---

¹ Тунгусов А. Село наше древнее: ист.-краевед. очерк // Заря (Верхняя Тойма). 1986. 11 окт.; 1987, 21 февр.; Он же. Верхнетоемские предания о чуди // Заря. 1971. 20 февр.

² Дерягин В.Я., Дерягина З.С., Манихин Г.И. Топонимика Кенозера: Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ. Ч. 1–2. Архангельск, 1987.

Имеется еще одно свойство топонимов – их относительная «отрицательность» (негативность). Вероятно, во все времена названия географических объектов могли возникать в результате наблюдения за уникальным признаком. Так, например, селение ТУНДРА, расположенное в лесу, казалось бы, никак не соответствовало своему названию. В Поволжье, например, топоним с прилагательным РУССКИЙ встречается чаще, чем в центральной части России (РУССКИЕ ТЕМЯШИ, РУССКИЕ АЛГАТТИ и др.); они определяли пограничье с мордвой, чувашами, татарами и другими нерусскими народами. На Архангельском Севере, однако, при всей его маргинальности, этот этноним отсутствует, хотя в иноязычных топонимах это «пограничье» все же существует в реальности, например, в Республике Коми и Республике Карелии.

В общих чертах топонимическая стратиграфия Русского Севера от карельского Поморья до ненецких тундр представляла собой следующее: 1) древнейшее переселение из Западной Сибири и Урала в X–IV тысячелетиях до н.э. с пратопонимическим пластом (топонимы с окончаниями на -ГА, -МА, -ША, -КСА, -ТА, -ДА и др.); 2) движение неолитических племен с юга в середине III тысячелетия до н.э.; этнос не восстанавливается; 3) саамский топонимический пласт; время – конец – начало II тысячелетия до н.э.; 4) прибалтийско-финский топонимический пласт; время – I тысячелетие до н.э. – начало II тысячелетия н.э.; 5) русский топонимический пласт, с XII–XIII веков (новгородская и верхневолжская колонизации). Своеобразными «языками» на разных уровнях стратиграфической этноколонки на Русский Север проникали угорские, пермские, волжско-финские, самодийские и другие топонимы. Их взаимоотношения еще недостаточно изучены и спорно интерпретируются. А.К. Матвеев установил, что задолго до славяно-русского населения здесь жили, сменяя друг друга или «чересполосно» соседствуя, прибалтийские и волжские финны (в частности, прибалтийские финны занимали когда-то всю северо-западную половину Архангельской области, вепско-людиковский тип – среднее течение рек Пинеги, Выи);

саамы; пермяне-коми; севернофинны. Наиболее поздним «чудским» населением на Севере были прибалтийско-финские племена – карелы и вепсы. Собственно прибалтийско-финская колонизация имела место незадолго до про[201]движения в Поморье славянских племен, а частично шла одновременно с ним; Кроме того, в результате микротопонимических исследований выяснилось, что на Русском Севере оформились особенности ряда ареалов, например Верхнетоемского и Пинежского районов Архангельской области, где издавна пролегалo пограничье между прибалтийско-финским языковым субстратом и волжско-финско-пермскими языковыми пластами. Топонимия ненцев, заселивших европейские тундры, в частности земли летописной «печеры», изучена, к сожалению, слабо, хотя вопросы этнической истории европейских ненцев были поставлены в известных работах Л.В. Хомич (1966; 1976).

Историческая ономастика Русского Севера требует дальнейшего более глубокого изучения.

ИНТЕГРАЦИЯ ИСТОЧНИКОВЫХ ТЕКСТОВ В ИСТОРИИ СЕВЕРА*

Ученые, изучавшие историю субарктической ойкумены на Севере европейской России и приполярной Фенноскандии, традиционно обращались к анализу письменных исторических источников (нарративных и актовых). Однако они использовали и репрезентативные результаты специальных исследований других групп исторических источников – вещественных (археологических и этнологических) и устных (ономастических, фольклорных, меморатных). К сожалению, их источниковедческое осмысление происходило строго дифференцированно, в соответствии с разными научными методиками – археологическими, этнографическими, языковедческими, фольклористическими и т.д.

В новейшей историографии определился интеграционный метод в изучении комплекса исторических источников, в состав которого на равных основаниях вошли как письменные, так и неписьменные тексты. Типология основных источников по северной истории получила предварительную разработку в севернорусском краеведении¹. В нее вошли следующие компоненты: а) историографические труды, или авторские концепции в публикациях («историографические факты»)² и в неизданных материалах («историографические источники»)³; б) историческая библиография⁴; в) персоналии (в биографиях и библиографиях)⁵; собственно исторические

---

* Впервые опубликовано: Массовые источники отечественной истории / гл. ред. А.А. Куратов. Архангельск, 1999. С. 156–170.

¹ Куратов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: учеб. пособие к спецкурсу. Архангельск, 1992.

² См., например, коллективные монографии: Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997; Pomor: Nord-Norge og Nord-Russian gjennom tusen år / Red, Einar Niemi. Oslo, 1992; ets.

³ См., например, Грандильевский А.Н. Описание Курострова Архангельской губернии Холмогорского уезда: Рукопись 1896 г. // Архив Географического общества СССР (Санкт-Петербург). Разд. 1. Оп. 2. № 64; и др.

⁴ Русский Север: Исследования и исследователи: справочник / сост. Т.С. Федорова. М., 1989. Ч. 1; То же: Историко-культурное наследие Русского Севера: аннотированная библиография / сост. Т.С. Федорова, О.Н. Меньшикова. М., 1989. Ч. 2; и др.

⁵ Политические деятели России 1917: Биографический словарь / гл. ред. П.В. Волубуев. М., 1993; Пономарев Б.В. Архангельские писатели: биобиблиографический справочник. Архангельск, 1986; и др.

источники: археологические источники¹; этнографические материалы²; письменные исторические источники³; памятники истории (исторические и мемориальные объекты)⁴; памятники градостроительства и архитектуры⁵; памятники искусства⁶; музей[203]ные материалы⁷; кино-, фото-, фоно- и видеоматериалы⁸ Памятники устного народного творчества (фольклор)⁹; данные языка как исторический источник (диалекты, онимы, антропонимы, этнонимы, топонимы и т. д.)¹⁰; меморат (устные рассказы и воспоминания)¹¹. Разнообразные сведения по региональному историческому источниковедению можно найти, наконец, в энциклопедических изданиях¹².

В разряд исторических источников, таким образом, вошли все без исключения памятники материальной и духовной культуры человечества. При этом отношения понятий «культура» и «история» устанавливались из

---

¹ Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области: каталог. Архангельск, 1978; и др.

² Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967; и др.

³ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Документальные памятники: выявление, учет, использование / под ред. С.С. Шмидта. М., 1988; и др.

⁴ Памятниковедение: теория, методология, практика. М., 1986. Вып. 2. М., 1991; Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990; и др.

⁵ Бартенев И.А., Федоров Б.Н. Архитектурные памятники Русского Севера. М., 1968; Ополоник А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989; Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992; Памятники архитектуры Русского Севера: сб. ст. / сост., отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 1998; и др.

⁶ Маковецкий И.В. Памятники народного творчества Русского Севера. М., 1955; Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1986; Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М., 1989; Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Каталог: Подписанные и датированные иконы в собрании Архангельского областного музея изобразительных искусств / авторы-составители О.Н. Вешнякова, Т.М. Кольцова, Архангельск, 1993; и др.

⁷ Прокопьев Ю.П. Научно-справочный аппарат Архангельского областного краеведческого музея. Рукопись. Архангельск, 1970; и др.

⁸ Документальный кинофильм: «Власть Соловецкая» / Режиссер Марина Голдовская. Творческое объединение «Круг» киностудии «Мосфильм», 1989 г.; и др.

⁹ Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских европейского Севера. М., 1988; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. Н.А. Криничная. Л., 1978; Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л., 1986; и др.

¹⁰ Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974; Он же. География фамилий. М., 1988; Он же. Словарь русских фамилий. М., 1993; и др.

¹¹ Устные рассказы Ф. П. Анциферова о старом Архангельске в передачах Архангельского телевидения (АГТРК), 1989 г. – А.К.

¹² Поморская энциклопедия: Т. 1: История Архангельского Севера / отв. ред. В.Н. Булатов; Сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2001; и др.

положения о всеобщей исторической ценности культурно-исторических памятников, так как они во взаимодействии образовали впечатляющий по объему и содержанию фонд памятников Всемирного наследия; сюда же вошли выдающиеся объекты природы в системе исторически сложившейся современной экологии¹.

Перечисленные выше артефакты дописьменной и письменной эпох исторически универсальны, причем настолько, насколько «историк и история находятся внутри единого пространства человеческой культуры». Автор этой сентенции Ю.М. Лотман далее рассуждал: «Если функция истории, все в той же попытке «представить прошлое, как оно было на самом деле (формула старая, но по сути выражающая стремление каждого историка), то память – инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое. И иначе:[204] содержание памяти составляет прошлое, но без нее невозможно мышление «теперь» и «здесь», это глубинная основа актуального процесса сознания. И если история есть память культуры, то это означает, что она не только след прошлого, но и активный механизм настоящего»². Исходя из этого рассуждения, мы вправе сделать вывод о необходимости установления продуктивного «диалога» между участниками исторических процессов, с одной стороны, и современным историком – с другой. Профессиональный историк хорошо знает, как трудно «выходить» в прошлое на диалогическом уровне. В искренних, но не всегда удачных попытках выстроить диалог «прошлого» и «настоящего» историки различным образом решают проблему достоверности исторических источников, решить же ее можно только в интегрированных «текстах», например, при сопоставлении письменных и устных источников.

Примером сравнительного изучения двух видов исторических источников – устных рассказов и архивных документов – может служить исследовательский проект Валинга Т. Гортера-Гренвика. С 1989 года он

---

¹ Сошин В.В. Соловки: История. Архитектура. Природа. М., 1994; и др.

² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 385.

вместе с женой Анастасией предпринял экспедиционные поездки по северным регионам европейской России (от полуострова Рыбачий на западе до Амдермы на востоке) с целью сбора материалов о норвежско-российских отношениях с конца XIX века по 1930-е годы. Метод, примененный Гортером-Гренвиком в его поездках по Кольскому полуострову, Республике Карелии, Архангельской области, Ненецкому автономному округу и Республике Коми, сводился к видеозвукозаписи устных воспоминаний пожилых северян (памятников мемората) с последующим сравнительным анализом записанных текстов с архивными источниками и литературой вопроса. Результаты исследований были опубликованы в различных научных и популярных изданиях России и Норвегии¹. Многие факты мемората были дополнены сведениями, почерпнутыми из документов Государственного архива Архангельской[205] области. В коллективной монографии «Помор» (редактор Эйнар Ниemi, 1992 г.) появилась, например, статья Анастасии и Валинга Т. Гортер-Гренвик «Земля поморов сегодня и вчера: преемственность и перемены»². Авторы использовали фрагменты интервью, взятые в их разъездах по Архангельскому Северу; устные рассказы северян о поморской торговле с норвежцами были сопоставлены с литературными и документальными источниками. В результате была нарисована в целом правдивая картина быта и жизни современных поморов. В статье затронуты сложные вопросы истории Поморья (миграционные процессы, деятельность рыболовецких колхозов и совхозов, развитие рыбного и звериного

---

¹ Gorter-Grenvik, Anastasia og Waling T.: 1) Pomorenes land i dag og i gar. Kontinuiet og endring // Pomor / EinarNiemi (red.). – S. 173–188; 2) Pomorhan- delens siste fase // Den menneskelige dimensjon, J. P. Nielsen og G. Opeide (red.). Arkhangelsk, 1994. S. 197–210; 3) Vaigach: Nenetsenes hellige oy. Porten til Nordostpassasjen // Nordnorsk Magasin. 1991, nr. 3/4. S. 28–31; 4) Russisk selfangst i Kvitsjoen: Fra fotfolk pa isen til helikopter // Ibidem. 1991, nr. 5. S. 16–18, 23–25; 5) Til de gamle pomorbyene i 1990-ara Kimsha // Ibidem. 1993, nr. 5. S. 28–30; 6) Mezenelva og Revolusjonene // Ibidem. 1993, nr. 6/7. S. 28–29, 36–37; 7) Pomorlandsbyen Dolgosjelie for og na // Ibidem. 1993, nr. 8. S. 10–14; 8) Koida – pomorlandsbyen som hadde sterk kontakt med Norge // Ibidem. 1994, nr. 1. S. 14–17,20; 9) 400 ar med samhandel °g fiske // Barentsnytl. 1996, nr. 1. S. 8; nr. 2. S. 14–15; 10) Tusen arige kfrker i ost og vest // Barents Perspektiv. 1995, nr. 7. S. 6–8; 11) Fiskerhalvoya (Rybachij poluostrov) – et gammelt handelsscenter ved Barentshavet // Ibidem. 1995, nr. 11. S. 19–22; 12) De inscripties op het eiland Anikiev, een onder-zoekverslag // Circumpolar Review. 1997, Febr.; etc. Cm.: Pomor / Einar Niemi (red.). S. 173–188.

² Cm.: Pomor / Einar Niemi (red.). S. 173–188.

промыслов, отношения между «никонианской» и старообрядческими конфессиями, поездки поморов «в Порвегу» после 1917 года, участие поморов в освобождении норвежского Финнмарка в 1944 году и т.д.)¹. Исследования Валинга Т. Гортера-Гренвика успешно продолжаются в настоящее время.

В 1997 году вышла книга Ю.М. Шульмапа «История посада Нёноксы»², в которой дан обстоятельный очерк об истории интереснейшего микрорегиона архангельского Беломорья. Автор использовал большое количество литературных источников как дореволюционных, так и советских, постсоветских. Свои выводы автор подкрепил хрестоматийными текстами (выдержки из трудов К.П. Ревы, П.С. Ефименко, Антона Фон-Пошмана, Козьмы Молчанова, В.В. Суслова, Н.Е. Ончукова, О.Э. Озаровской, В.В. Шергина, В.Н. Фигнер и др.); в приложении были приведены выдержки из[206] документов (Духовная Марфы Борецкой, Летописец Соловецкий и др.). Сочетание всех этих материалов позволило автору книги правдиво описать историю старейшего в Поморье русского поселения. Этот труд послужил трамплином для других исследователей истории Нёноксы. Молодой историк А.И. Климов обратился к памятникам мемората. Совершенно самостоятельно он повторил методику Валинга Т. Гортера-Гренвика, записав на магнитофонную ленту устные рассказы старожилов с. Нёноксы. Одну из записей он любезно продемонстрировал мне 5 февраля 1998 года. Уроженец села Николай Александрович Феликсов (родился в Нёноксе 9 апреля 1946 года) как респондент проявил недюжинную память. Он рассказал о нёнокских фамилиях (Яренгины, Мудьюгины, Коковины, Непытаевы, Трапезниковы, Ермолины, Киприяновы, Костяевы, Кологриевы-Кологризовы, Мусниковы, Скребцовы, Суровцевы, Шудьманы, Дерягины, Турковы и др.). Некоторые из родовых фамилий нёнокских поморов уходили в глубокую древность, вплоть до «времен

---

¹ См.: рус. резюме в той же работе. С. 188.

² Шульман Ю.М. История посада Неноксы: к 600-летию первого датированного упоминания о посаде Ненокса: ист.-краевед. очерк. М., 1997.

Марфы Посадницы», т. е. до XV века. Рассказ Феликсова наполнен бытовыми подробностями жизни людей. Некоторые сюжеты превратились в легенды. Например, Железниковы, родоначальник которых был, по преданию, из мастеров демидовских заводов на Урале, хорошо «клепали» полицы для цренов; «крутой старик» (характер, нрав) из-за этого пострадал: его двор и солеваренный сруб были сожжены недоброжелателями; сыновья Абрам, Иван, Николай первыми обустроились «за речкой», у Святой горы. Семья Трапезниковых (по кличке Сигины) владела рыболовными тонями, торговала рыбой; родоначальник семьи переселился с Соловков, «слепой был»... Интервьюер А.И. Климов обратился к фонду 6 Государственного архива Архангельской области с материалами Всероссийской переписи населения 1897 года, содержащими сведения о каждом из 347 тысяч жителей Архангельской губернии¹, в том числе – о нёнокшанах. Теперь следует ждать итогов этого сравнительного анализа в будущих публикациях Климова. (См., напр.: Климов А.И., Климова Е.В. Здравствуй, Нёнокса!: К 600-летию поморского села Нёноксы. Архангельск, 1998.)[207]

Хорошим примером мемората были устные рассказы Федора Петровича Анциферова, старожила Архангельска. Память у него феноменальная. Вот что он, например, рассказывал об Архангельске 1920-х годов: «При нэпе рубль стал твердым, тысячи-миллионы времен военного коммунизма кончились. Мой отец был разнорабочим на складе «Северолеса». 41 рубль 25 копеек в месяц получал; нас, четверых ребятишек, на эти деньги кормил и маму (она с нами водилась), да сам шестой. С голоду вроде не умирали. Хлеб пекли сами – мука в магазинах не выводилась. Тогда все на фунты мерялось. Фунт сахара (а это 400 граммов) 24 копейки стоил, фунт черного хлеба – 7 копеек, фунт масла сливочного – 40, фунт трески до 8-ми копеек доходил...»².

---

¹ Новая всеобщая перепись населения Всероссийской империи 1897 года. Архангельская губерния. Тетради 1–2. СПб., 1899; Архангельская губерния, Тетрадь 3. СПб., 1904.

² Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера... С. 57. Цитировано по: Анциферов Ф. Всплески памяти // Северный комсомолец. 1989. № 18 (29 апр.–5 мая).

Историк-архивист может легко проверить эту информацию по документальной статистике того времени.

Примеры живого языкового общения народов-соседей, в данном случае русских поморов и норвежцев Финнмарка, можно найти в «руссенорске» – контактном «языке» – pidginsprak (от ант. pidgin)¹. Народное название его у русских – «моя-по-твоя», у норвежцев – «как sprekk», т.е. у поморов эти выражения значили: «я (говорю) как ты (говоришь)», у норвежцев: «как (мне) сказать (это)?». Современная исследовательница «руссе-норска» Ингвильд Брок в одной из своих статей привела образец беседы русского (Р.) и норвежца (Н.), обсуждавших условия торговой сделки на языке-пиджине:

Р.: Страсви! (Добрый день!)

Н.: Как ю снакка? (Что ты говоришь?)

Р.: Моя виль снакка по твоя. Моя виль копум хус твоя. (Я хочу поговорить с тобой. Хочу у тебя покупать.)

Н.: Как ю купум? (Что ты хочешь купить?)

Р.: Фиска копум. Как стоит? (Хочу купить рыбу. Сколько стоит?)

Н.: Пят вога мукка по сто фиска. (Пять вогов муки за сто рыб.)

Р.: Грот дорого! (Очень дорого!)² ... и т.д.[208]

Автор книги об истории города Варде Р.Р. Балсвик приводит разговор, состоявшийся у Нордкапа в 1896 году³, участники беседы: норвежец Эрик Барстад и русский по фамилии Корконосов (разговор по-руссенорску не переводится).

К: Dobro utrom, gammel god venn. Plenty fisk. Kaki ryby?

В.: Dobra morgen, kaptein Korkonosov. Tui kopite ryiba pa morgen?

К: Konersnoff.

В.: Hos moja bolsjoi piksa og treska, lite subadtka og paltuska. Как pris pa tvoja?

---

¹ Broch Ingvild. Moja-po-tvoja: Pidginspraket russenorsk // Ottar. 1992, nr. 192 (Norge og Russland i nord). S. 24–28. Повторено в рус. издании: Брок Инг- вильд. Моя-по-твоя: русско-норвежский язык-пиджин // Оттар. 1992. № 192 (Норвегия и Россия на севере). С. 24–28.

² Там же. С. 24–25.

³ Balsvik R.R. Vardo: Grensepost og Fiskevaer. 1850–1950. Vardo kommune, 1989. Vol. 1. S. 90.

K: Dvopud pa et pud tjomaja muka, a subadtka i paltus как piksa, i arak om trak pa treska.

B.: Njet, njet. Sliskom mala. Subadtka og paltus kak treska, njet kak piksa, men kak treska.

K: Tjomaja moka njet. Dast krupa pa piksa og bjelaka moka pa treska.

B.: Jes, davai..

Вероятно, участники торгова отлично понимали друг друга, как, впрочем, и мы, современные читатели, хорошо разобрались в деталях этого интересного диалога, происходившего более 100 лет тому назад. Историк, анализирующий его контекст, сделал определенные выводы относительно мер веса, объема и денежного счета в руссенорске. Например, voga, vaga, vag (от рус. «вог», «вага») может иметь несколько значений: а) вага – вес, pondus («важити» – взвешивать), waga у чехов равна 30 фунтам (Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского. Ч. 1. М., 1989. С. 223); б) вага – вес пудовый (Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 9); в) 1 вог = 18,52 кг на востоке Норвегии, 1 вог = 23 кг в ее западной части, в новое время 1 вог = 17,95 кг повсеместно (Store Norske Leksikon. Oslo, 1981). Меры веса в руссенорске приравнивались к ходовым предметам – «мешку» («meska gropa»), «кулю» («kul moki»), «бочке» («tunna» щ «Botski»). Денежный счет включал как норвежские, так и русские термины: «penge» = «dengi» («деньги»), Русские считали от 1 до 12 по-норвежски («ен», «ту», «тре» и т.д.), норвежцы – по-русски («odin», «twa», «tri» и т.д.). Из денежных единиц в руссенорске встречались только «эре». Все эти[209] метрологические дефиниции были изучены Анастасией Гортер-Гренвик¹.

Большие интеграционные возможности для исторического осмысления прошлого Русского Севера дает ономазиология, имеющая важный междисциплинарный раздел – ономастику, изучающую собственные имена. Оставаясь предметом лингвистического анализа, собственные имена вызывают пристальный интерес со стороны многих гуманитарных и

---

¹ Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 32–33.

естественных наук (история, география, зоология, ботаника, астрономия и пр.). Языковедами разработана ономастическая модель, включающая терминологический словарь и общие понятия ономастики¹. Сюда входит многообразный комплекс имен собственных (*nomina propria*), которыми люди в определенных исторических ситуациях обозначали объекты неживой (*letalis*) и живой (*vitalis*) природы (*natura*), т. е. все космически-земное пространство. В Поморье, как и везде на земле, на протяжении многовековой этнической истории шел процесс номинации в рамках отдельных, взаимодействующих друг с другом языковых «пластов». Каждый этнос оставил свой «след» в ономастической стратиграфии, особенно в топонимике и антропонимике. В трудах специалистов разных профессиональных групп (этнологи, историки, географы, фольклористы, диалектологи и т.д.) исследованы факты, свидетельствовавшие о ранней, с XV века, этнической и культурно-бытовой неоднородности северно-русского населения, связанной с относительно ранним продвижением славянских и неславянских племен из Приильменя-Приладжья и Верхнего Поволжья². Можно предположить, что ономастическая терминология рождалась из «местных» чудско-русских диалектов[210] (архангельские, вологодские, олонечно-карельские, сааморусские и др.)³. Лингвоисторическое изучение Архангельской области, начатое в 1967 году Л.П. Комягиной и В.Я. Дерягиным⁴, позволило на основе «Лексического атласа Архангельской области»⁵ поставить и успешно решить целый ряд этногенетических проблем! Исследователям удалось

---

¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988. (С. 157–167 – библиография).

² Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44–58; Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993; Он же. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997; Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (XI–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5–29; и др.

³ Словарь Архангельской области / под ред. О.Г. Гецевой. М., 1980–1996. Вып. 1–9 (издание продолжается); Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск, 1988; Керт Г.М. Словарь сааморусский и русско-саамский. Л., 1986; Минкин А.А. Топонимы Мурман. Мурманск, 1978; и др.

⁴ Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории финно-угорских заимствований в северно-русских народных говорах // Вопросы изучения русских говоров. Диалектная лексика. Л., 1972. С. 32–49.

⁵ Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

картографировать свыше 320 лексем северно-русского говора; сводные карты изоглосс и площадей отразили следы различных «колониционных» потоков из южных регионов на север, а также признаки культурных влияний, результаты взаимодействия с языками и диалектами древнейшего финского субстрата, вытесненного или ассимилированного русскими; подведены итоги длительного соседства северноруссов с другими народами на западе и востоке.

Значительный интерес представляют исследования Г.Я. Симиной, обратившейся к изучению географической терминологии Пинежья¹. Автор собрал уникальный материал по пинежской микротопонимии, сравнив его в данными писцовых книг XVII века и официальных документов XVII–XVIII веков. Из 593 пинежских лексем было выделено лишь 45 слов, неславянских по происхождению (при подавляющем большинстве неславянских-нерусских слов в макротопонимии). Прослежена историческая закономерность: если в макротопонимии преобладали слова с нерусскими формантами, то в микротопонимии русская флексия господствовала; удалось проследить динамику репродуцирования микротопонимов в мезо- и макротопонимы.[211]

Тот же репродуктивный процесс можно обнаружить и в северно-русской антропонимии. В.А. Никонов на основе материалов Всероссийской переписи 1897 года составил список из 4 тысяч фамилий жителей Архангельской губернии². Следует отметить, что фонд 6 Государственного архива Архангельской области, о котором мы уже упоминали, до сих пор не исследован на интегральном уровне.

В специальной литературе довольно полное освещение получила этнонимика³. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что реальное историческое содержание этнонима не обязательно совпадает с его

---

¹ Симиная Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район, Архангельская область). Л., 1969; Она же. Географические названия: по материалам Письменных памятников и современной топонимики Пинежья. Л., 1980.

² ГААО. Ф. 6. Оп. 18, 19.

³ Этническая ономастика. М., 1984; и др.

буквальным значением. Например, этноним «чудь», известный в древнерусских письменных источниках («Повесть временных лет»), а также в относительно поздних народных преданиях¹. Л.П. Лашук попытался ответить на вопрос о соотношении «чуди исторической» (т. е. летописной) и «чуди легендарной» (по преданиям)². В исторической этнонимике принято считать, что «чудь» в узком смысле этого слова обозначала народы Прибалтики (например, эстов); в широком смысле «чудь» включала в свой состав финно-угорские малые народности северных губерний России и Сибири³. «Чудь Заволочская» – название локальной финно-угорской племенной группы на Русском Севере⁴, упомянутой впервые в летописях «под 1113 годом» (редакторская вставка в «Повесть временных лет»), В XI–XIII веках она занимала территорию, расположенную к северу от бассейна Сухоны, с запада ограниченную бассейном Ваги, с востока – средним и нижним течением Северной Двины. В центре очерченного региона располагались новгородские волости по Ваге (Важская земля). Заволочская Чудь, таким образом, является суммарным обозначением[212] всего финно-угорского этноса в Заволочье и Подвинье⁵. Наряду с летописными «языцами» (= народами) весью (вепсами), ка(о)релами, лопью, самоедью – исследователи обнаружили в устных преданиях этнонимы, не известные по письменным источникам: емь, шень (на Северной Двине), пинь, немь, ла (на реке Пинеге) и т.д. Вельский краевед А.Ф. Орлов, автор изданной в 1907 году работы о происхождении гидронимов⁶, утверждал, что этнонимы произошли от гидронимов: например, «ваганы» от р. Ваги, «подюжане» от р. Подюги, «покшары» от р. Покшеньги, «устьяне», или «усьяне», от р. Устья, «кулойцы» от р. Кулой, «мошаки» от р. и оз. Моша, «ижемцы» от р. Ижма,

---

¹ Криничная Н.А. Указ. соч.; Ефименко П.С. Чудь Заволочская. СПб. (Архангельск), 1869; и др.

² Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № Ю. С. 208–216.

³ Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. Л., 1983. С. 25; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. С. 378.

⁴ Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 56–75.

⁵ Там же.

⁶ Орлов А. Ф. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.

«тоймичи» от рек Верхняя и Нижняя Тойма и т.д. Историки и археологи обнаружили много «чудских» памятников в Белозерье¹, на Ваге и Северной Двине², в архангельской Субарктике³. Археологи исследовали памятники VI–XIII веков в нижнем течении реки Печоры (летописная «печера», «сиирти» в ненецких преданиях)⁴.

Заслуживает внимания еще один этноним – «биармы», «бьярмы», «Бьярмаланд» («Биармия») – народ и страна, упоминавшаяся в средневековых скандинавских источниках в широких временных рамках от конца IX века («беормас» в «Орозии» англосаксонского короля Альфреда Великого) до первой половины XVI века («История северных народов» Олауса Магнуса, 1539 г.; карты Меркатора и Ортелия). Древнерусские летописи умалчивают о биармах. М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (1758 г.) писал, опираясь на «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона (1230 г.) и «Деяния датчан» Саксона Грамматика (конец XII в.): «...Пермия, кою они (Стурлусон и Саксон Грамматик. – А.К.) Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными[213] кожами с датчанами и с другими нормандцами» (глава «О чуди»). Это авторитетное мнение поддержал К. Тиандер в книге «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906). Современная историография истории Биармии дана в трудах Е.А. Мельниковой, Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон, Е.А. Савельевой и др.

Установлено, что каждый источник о биармах, взятый в отдельности, сообщал о «своей» Биармии. В течение IX–XVI веков она «переместилась» с востока на запад от устья р. Северной Двины (сообщения исландских саг IX–XII вв.) через Карелию на Кольский полуостров (Олаус Магнус поместил ее в 1536 году за Полярным кругом, между 90° и 85° с. ш.; Антоний Дженкинсон

---

¹ Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.

² Овсянников О.В. Указ. соч.

³ Хлобыстин Л.П. Культовые памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 23–38; и др.

⁴ Овсянников О.В. Русский Север: культуры и традиции северной тайги и тундры в позднем железном веке // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 23–39.

на карте 1562 года отметил ее севернее «страны» Лаппии; на карте Московии 1613 года Геселя Герритса («Чертеж царевича Федора Борисовича Годунова») она вообще «пропадает»...) Позднее о Биармии совсем забывают. На современных исторических картах Биармия не обозначена. Между тем биармы, несомненно, принадлежали к финской группе северных народов. Их сопоставляли с карелами (Макс Фасмер, А.С. Росс, И.П. Шаскольский, М.И. Белов и др.). Широкое распространение получила расшифровка этнонима «бьярмар» как прибалтийско-финское «регтаа», «регтатаа», т.е. «западная сторона», «земля за рубежом», «окраинная земля». Возможно, однако, и другое толкование этнонима. Вполне может быть, он был связан с древними саамами («лопью» письменных источников) или, что мало вероятно, с северной группой той же «лопи», названной их соседями, историческими финнами, «бьярмами». Однако археологами установлено, что протосаамы, некогда заселявшие обширные земли на европейском Севере, мигрировали с IX по XVI в. с востока на запад (точнее северо-запад) и, наконец, локализовались в современной Лапландии¹. Возможно, протосаамы и были биармами, но неопровержимых доказательств этой гипотезы у нас, к сожалению, не имеется.[214]

В 1989 году в окрестностях Архангельска был найден клад серебряных украшений и западноевропейских монет XI -XII вв. Архангельский клад (так он был назван первооткрывателями) располагался на берегу ручья, впадающего в реку Вихтуй (рукав реки Тойнокурьи), около деревни Боры. Клад состоял из изделий из серебра общим весом 1632,57 г (более 2 тысяч денариев, 3-х саманидских дирхемов и вещевой материал – браслеты и другие украшения – весом 270,67 г серебра). Предполагаемая датировка клада – не ранее 1130-х годов. Замечательно, что географический пункт «у

---

¹ Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. JL, 1988. С. 58–67; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 197–200; Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». JL, 1983. С. 45–50; Древнерусские города в древнескандинавской письменности / сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарии. М., 1996; и др.

Вйхтуя» был упомянут в перечне погостов Новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.) в северном Поморье, что свидетельствует о существовании торговых связей «русской» Биармии с Западом и Востоком¹.

Большие возможности для исторических реконструкций скрываются в северной топонимии. Как и другие виды ономастики, топонимика исследует географические названия не только как элемент лексики, но и как явление социальное. Таким образом, здесь интегрируются «тексты» по крайней мере трех дисциплин – географии, языкознания и истории. Один из видных исследователей топонимии А.К. Матвеев считал, что в географических названиях на территории современной Архангельской области получили отражение реликты языков финской группы, близкие к прибалтийско-финскому, саамскому и волжскому типам². Опираясь на авторитет Матвеева, краевед А.А. Тунгусов предпринял интереснейшую расшифровку топонимов Верхней Тоймы: например, р. Кодима (с вепского «родная земля»), руч. Шалга (с финского «грива», «лесной хребет»), руч. Ламбас (с карельского «лесное озеро»), р. Унжица (с марийского «тихая», «спокойная»), руч. Канзов (с финского, карельского, вепского, саамского «коллектив», «группа людей», «род», «племя») и др.³ Исследователь топонимии Кенозера В.Я. Дерягин объяснил некоторые микротопонимы следующим образом: болото Валдапахта (карельское *valged*, вепское *vauged*, финское *valkea*, т.е. «белое»); урочище Масельга (карельское *tuia*, вепское *ta*, финское *taa*, «сельга» – «возвышенность») и т.д.⁴ Историко-географический анализ отдельных слов в диалектах Поморья позволил Л.П. Комягиной проследить их отложение в топонимии, например: лексема «курья» присутствовала в географической номенклатуре повсеместно (г. Шенкурск – от «шенкурьи»; дер. Закурье в Мезенском районе – от коми *kurja* – «залив», от финского *kur*

¹ Носов Е.Н., Овсянников О.В, Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146–157; Kuratov A., Ovsyannikov O. Arkhangelsk-skatten И Pomor / Einar Niemi (red.). Oslo, 1992. S. 22–23.

² Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 16–22.

³ Тунгусов А. Село наше древнее: ист.-краевед. очерк // Заря (изд. в Верхней Тойме). 1986. 11 окт. (с продолжением там же: 18, 25 окт., 1, 18, 22 нояб., 13, 20, 30 дек.; 1987. 3, 10, 21 февр. и т. д.).

⁴ Дерягин В.Я., Дерягина З.С., Манихин Г.И. Топонимика Кенозерья. Архангельск, 1987. Ч. 1–2.

– «борозда»; лексема «луда» в значении «каменистое дно», «каменный остров» – от карельского (олонецкого) *luodo* – «каменистая мель», финского *luoto* – «маленький остров без леса» репродуцирована в беломорских топонимах: дер. Луда в Приморском районе, острова Перхлуды в Онежском заливе Белого моря и т.д.)¹. В общих чертах топонимическая стратиграфия огромного региона от карельского Поморья до Малоземельской и Болыпеземельской тундр представляла собой следующую картину:

а) древнейшие переселенцы из Западной Сибири и Урала в X– IX тысячелетиях до н.э. с пратопонимическим пластом (топонимы с окончаниями на -га, -ма, -ша, -кса, -та, -да и др.); б) неолитические племена, пришедшие с юга в середине III тысячелетия до н.э.; этническая принадлежность культур «ямочно-гребенчатой» керамики не ясна; в) саамский топонимический пласт, время его – конец III– начало II тысячелетия до н.э.; г) прибалтийско-финский топонимический пласт, время его – I тысячелетие до н.э. – I –к начало II тысячелетия н.э.; д) русский топонимический пласт, связанный с новгородской и верхневолжской «колонизацией» края с XII–XIII веков². Своеобразными историческими «языками» на разных уровнях стратиграфической этноколонки «русского» Севера были угорские, пермские, волжско-финские, самодийские и другие народы. Их взаимоотношения еще недостаточно изучены и спорно интерпретируются исследователями, но совершенно очевидно, что задолго до славяно-русского населения в Поморье жили, сменяя друг друга или «чересполосно» соседствуя, прибалтийские и волжские финны. Наиболее поздним «чуждым» населением на Севере были прибалтийско-финские племена – карелы и вепсы. Собственно прибалтийскофинская «колонизация» имела место незадолго до продвижения в Поморье славянских племен, а частично шла и одновременно со славяно-русским населением. Остается отметить, что на Севере оформились особенности ряда ареалов, например,

---

¹ Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области...

² Керт Г.М., Мамонтова Н.Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982. С 11.

Верхне-Тоемского и Пинежского районов Архангельской области, где издавна пролегла пограничная полоса между прибалтийско-финским языковым субстратом и волжско-финско-пермскими топонимами. Топонимия ненцев, заселивших европейские тундры в XI–XIII веках, изучена, к сожалению, недостаточно, хотя вопросы этнической истории западной группы ненецкого этноса поставлены в литературе в интеграционном плане с участием историков, этнологов и лингвистов¹.

Размеры статьи не позволили автору раскрыть многоаспектные связи различных научных дисциплин в интеграционном изучении истории Поморья. Однако рассмотренные в работе частные аспекты комплексного источниковедения открывают пути для более конструктивных исторических размышлений.

---

¹ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. JL, 1976. С. 48–53; и др.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА*

Для истории России XIX–начала XX веков, особенно в условиях пореформенного времени, характерно набравшее силу общественное пробуждение, выразившееся не столько в революционном движении, сколько в культурно-просветительной и научной работе «грамотной» части русского общества. Родиноведческие традиции архангельского «Общества для исторических исследований» (1759–1768 гг.)¹ были продолжены историко-краеведчески[217]ми исследованиями Козьмы Стефановича Молчанова (1767–1812), Ивана Ильича Пушкарева (1803–1848), Михаила Францевича Рейнеке (1801–1859), Сергея Васильевича Максимова (1831– 1901) и многих других. Большой вклад в изучение историй Севера внесли супруги Ефименко – Петр Савич (1835–1908) и Александра Яковлевна (1848–1918). Дальнейшему развитию северной историографии способствовал общий подъем культуры и просвещения в стране. С 1837 года в Архангельске проводились различные выставки, экспонаты которых послужили в дальнейшем основанием для открытия местного музея. Начались систематизированные сборы музейных материалов. На страницах неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» (с 1838 г.) публиковались историко-краеведческие материалы, например – по темам «М.В. Ломоносов», «Петр I на Севере», «Архангельск», «Соломбала» и др. Архангельский губернский статистический комитет, возникший в 1835 году, занимался сбором и обработкой данных о населении, промышленности, сельском хозяйстве, торговле, просвещении и религии. Статкомитет наладил

---

* Впервые опубликовано: Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Архангельск, 1999. С. 191–203.

¹ «Общество для исторических исследований» в Архангельске (другие названия: «Городское историческое клевретство», «Историческое архангелогородское клевретство», «Вольное для Архангелогородских древностей собрание», «Общество любопытных людей») образовано в 1759 году (вторым после него стало Вольное российское собрание при Московском университете, открытое 2.08.1771 г.). Организаторами общества стали Василий Васильевич Крестинин (1729–1795) и Александр Иванович Фомин (1733–1802).

выпуск «Памятных книжек Архангельской губернии», справочных изданий, календарей, разнообразных родиноведческих сборников. В среде краеведов появились талантливые организаторы научного поиска. Таким был, например, секретарь губернского статкомитета Павел Платонович Чубинский (1839–1884), руководивший первой переписью населения Архангельской губернии (28.12.1863 г.). Он был редактором неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» и попечителем Архангельской публичной библиотеки, открытой в 1833 году. В 1880-х годах в обществе пробудился интерес к культурному наследию Русского Севера. В «Архангельских епархиальных ведомостях» (выходивших с 1885 г.) появились интересные сведения по истории монастырей и приходов епархии. С 1886 года начал свою работу Церковно-археологический комитет при Архангельской епархии [сначала как Комиссия (Совет попечительства) для собирания, разбора и приведения в порядок церковных памятников Архангельской губернии, а с 1891 года – Церковно-археологический комитет], при котором с 1887 года было создано Древлехранилище. Собирательской работой Комитета и Древлехранилища руководил выдающийся археограф и палеограф Иустин (Юстин) Михайлович Сибирцев (1853-1932). Почетное место в североведении по праву занял исследователь морской и военно-морской истории России, автор известных книг об Архангельске Степан Федорович Ого[218]родников (1835/1836–1909). В конце XIX века экономисты, историки, географы и океанографы стали уделять больше внимания социально-экономическим проблемам и вопросам природопользования. В научный поиск включились политические ссыльные, в том числе социал-демократы, принявшие участие в статистических, географо-экономических, полярных, геологических, этнографических и археологических исследованиях на территории Архангельской губернии.

Краеведение как особое направление в научной и практической деятельности, цель которого заключалась в комплексном изучении отдельных регионов страны местными силами, окончательно сложилось в

России в начале XX века. После 1-й Российской революции 1905–1907 годов возникли общества по изучению «местного края». Одним из первых таких краеведческих объединений стало Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС).

Идея создания АОИРС принадлежала небольшой группе архангельской интеллигенции во главе с губернатором Иваном Васильевичем Сосновским (1868–после 1917)¹. В Архангельск он был приглашен на службу летом 1893 года губернатором Александром Платоновичем Энгельгардтом (1845–1903)², возглавившим в 1890-х годах широкое экспедиционное изучение уездов Архангельской губернии.

В литературе, посвященной деятельности АОИРС, слабо изучен начальный период существования общества. Однако известно, что свое первое, учредительное, собрание члены общества провели 14(27) декабря 1908 года. Собравшиеся так определили задачи своей деятельности: «14 декабря 1908 года открыло свое действие АОИРС, поставившее своей целью, кроме изучения Русского Севера в историческом, географическом, бытовом, культурном и экономическом отношениях, также еще привлечение к нуждам и особенностям Севера правительственного и общественного внимания»³. С мая 1909 года начал регулярно выходить печатный орган общества – «Известия Архангельского общества изучения Русского[219] Севера» (ИАОИРС)⁴. Бессменным редактором ИАОИРС был инженер-технолог Владимир Андреевич Ленгауэр, определивший структуру и тематику публикаций журнала в соответствии с задачами вновь образованного общества. На страницах журнала печатались работы, посвященные географическому, гидрографическому, экономическому, статистическому,

---

¹. Сосновский Иван Васильевич (28.03(8.04). 1868 – после 1917), действительный статский советник, камергер (1903); архангельский губернатор (1907– 1911); почетный гражданин города Архангельска (нояб. 1911 г.).

². Энгельгардт Александр Платонович (17(29).08.1845–22.11.1903), архангельский гражданский губернатор (1893–1901); камергер (1885).

³. ИАОИРС. 1909. № 11. С. 59.

⁴ В 1909 году вышло 15 номеров ИАОИРС, с 1910 по 1913 год выходило по 24 номера в год, в 1914 году вышло 20 номеров, с 1915 по 1917 год – по 12 номеров в год, в 1918–1919 гг. – отдельные номера.

историческому, этнографическому и другим направлениям изучения Русского Севера, отчеты об экспедициях, путевые заметки, записки и дневники, сообщения о развитии различных промыслов и т.д. К сожалению, до сих пор не проведено исчерпывающего историко-библиографического исследования публикаций ИАОИРС, за исключением единственного в своем роде аналитического обзора этнографических публикаций журнала (М.А. Рубцова, 1992)¹.

15 мая 1909 года председателем правления АОИРС был избран Александр Федорович Шидловский (1863–1942)², занимавший тогда должность архангельского вице-губернатора. И.В. Сосновский, губернатор, был избран (16.09.1909 г.) почетным членом АОИРС. Он стал вторым почетным членом общества после Александра Васильевича Кривошеина, главноуправляющего землеустройства и земледелия в «монаршем» правительстве России. В 1909 году в обществе было 406 членов (в том числе 1 почетный, 19 пожизненных, 303 действительных и 83 корреспондента)³.

В отчете АОИРС за 1910–1911 годы⁴ авторы с гордостью сообщали о своей работе над выставкой «Русский Север», издательской деятельности и составе библиотеки общества. Там же приводится список членов АОИРС, приводим его полностью⁵:

Почетные члены: Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858-1913), выдающийся исследователь морей Северного Ледовитого океана; Кривошеин А.В.; Сосновский И.В.

Пожизненные члены: Беляевский Яков Андреевич, лесопромышленник; Гувелякен Вильгельм Вильгельмович (1857 – после

---

¹ Рубцова М.А. Этнографические материалы на страницах «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (1909–1917 гг.): тематико-библиографический указатель // Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 207–270.

² Шидловский Александр Федорович (30.11.1863–19.11.1942, Муром после 1934), историк, библиограф, организатор науки; архангельский вице-губернатор (1907–1911), губернатор (1917).

³ На 1.10.1909 г. числилось 475 членов АОИРС, в том числе почетных членов – 2, пожизненных – 20, действительных – 353, корреспондентов – 100 (ИАОИРС. 1909. № 10. С. 60–61); на 15.11.1911 г. численность АОИРС выросла до 687 чел. (ИАОИРС. 1911. № 24. С. 959) и т.д.

⁴ Отчет АОИРС за 1910 и 1911 годы. Архангельск, 1912.

⁵ Там же. С. 3, 27, 189.

1920), купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин Архангельска¹; Вальнев Алексей Иванович, лесопромышленник; Голубцов Николай Александрович (1874–1920), историк, архивист, музейный работник, секретарь Архангельского губернского статистического комитета; Данишевский Израиль Исаакович, совладелец торгового дома «Петр и Израиль Данишевские»²; Костогоров Андрей Иванович, купец; Кривоногое Иван Васильевич, врач; Ленгауэр Владимир Андреевич, инженер-технолог; Стампе Карл Карлович, лесопромышленник; Сурков Альберт Юлианович, капитан дальнего плавания [его отец, Юлиан (Юлий) Альберт Константин (1848–1917), архангельский купец 1-й гильдии, содействовал проведению дноуглубительных работ Архангельского порта в 1880-е гг.]³; Ульсен Мартын Абрамович (1850–1924), лесопромышленник, один из организаторов лесопромышленных монополий⁴; Фонтейнес Эд[221]мунд Александрович дес (1866–1938), лесопромышленник (племянник Фонтейнеса Абрама Ивановича⁵ и двоюродный брат Фонтейнеса Эдуарда Абрамовича⁶); Чудинов Чудинов Андрей Степанович (1860–?), владелец фирмы «А.С. Чудинов и

---

¹ Гувелякен Вильгельм Вильгельмович (20.05(1.06)1857 – после 1920), купец 2-й гильдии, общественный деятель; потомственный гражданин города Архангельска; в качестве временного губернатора управлял Архангельской губернией (6.03.–19.04. и 20–24.04.1917 г.), затем – губернский правительственный комиссар; председатель Архангельского биржевого комитета, непременный член Архангельского губстаткомитета.

² Данишевский Израиль Исаакович, совладелец торгового дома «П. и И. Данишевские» в Минске и Архангельске (с 1913 г. – «Беломорско-Балтийское акционерное общество П. и И. Данишевские»); автор работ, посвященных «новым экономическим идеям» (См.: Данишевский И. Экономическое положение нашего Севера, его внешняя торговля в связи с переживаемыми событиями: лесные промыслы, техническая и химическая обработка дерева на Севере и специальное лесотехническое образование на Севере. Архангельск, 1918).

³ Сурков Юлий Альберт Константинович (11 (23).03.1848–18(31).05.1917), архангельский купец 1-й гильдии, промышленник, общественный деятель; потомственный почетный гражданин города Архангельска.

⁴ Ульсен Мартин Август (Мартин Абрамович) (18.09.1850 – май 1924), лесопромышленник, специалист лесного дела; в авг. 1876 г. приехал в Архангельск из г Вардё (Норвегия); в 1903 году принял русское подданство.

⁵ Фонтейнес Абрам Иванович дес (26.08(7.09). 1802–29.09(11.10). 1873), купец 1-й гильдии, общественный деятель.

⁶ Фонтейнес Эдуард Абрамович дес (30.07(11.08).1830–15(28).08.1901), купец 1-й гильдии; городской голова в Архангельске (1868–1871); потомственный почетный гражданин г. Архангельска.

К^о»¹; Шарвин Николай Иосифович, директор Товарищества Беломорских лесопильных заводов; Шергольд Егор Иванович (1860–1921), купец 2-й гильдии²; Шидловский А.Ф.; Шольц Адольф Францевич (1850 -Ж после 1917)³; и др.

Действительные члены: Вальнев Георгий Федорович, крестьянин; Вальнев Федор Михайлович, капитан 1-го разряда; Дециуш Станислав Августович, управляющий Архангельским отделением Государственного банка; Кпавфтон Эдмунд Яковлевич (1862–1919), купец 2-й гильдии, владелец канатной фабрики; Ландман Федор Юргенович, бельгийский консул в Архангельске; Лейцингер Яков Иванович, городской голова⁴; Линдес Егор Федорович, купец 1-й гильдии, акционер Северного пароходного общества «Котлас – Архангельск – Мурман»; Линдес Федор Федорович, купец; Мамандышевский Николай Николаевич, служащий по улучшению работ по улучшению Архангельского порта; Мейер Вильгельм Вильгемович (1846–1911), купец 2-й гильдии, германский консул в Архангельске; Минейко Петр Герардович (1868–1920), инженер[222] путей сообщений⁵; Острогский Алексей Арсеньевич, директор Народного училища Архангельской губернии; Остроумов Евгений Павлович, служащий конторы фирмы Данишевских; Пономарев Виктор Николаевич, директор

---

¹. Чудинов Андрей Степанович (1860–?), лесопромышленник, владелец товарищества «А.С. Чудинов и К^о» (с 1905 г.); в собственности Чудинова находились Цигмоменский и Кегостровский лесозаводы.

² Шерщльд Егор (Георг) Иванович (20.04(1.05).1860–1921), архангельский купец 2-й гильдии, общественный деятель; совладелец «Торгового дома «Сурков и Шергольд» (1881 г.), Северного лесопромышленного товарищества «Сурков и Шергольд» (1905 г.); в 1898 году принял русское подданство.

³. Шольц Адольф Францевич (1857– после 1917), купец 1-й гильдии; почетный гражданин г. Архангельска.

⁴. Лейцингер Яков Иванович (18(30).03.1855–2(15).09.1914), фотограф; общественный деятель; личный почетный гражданин г. Архангельска; городской голова (1903–1906, 1906–1909, 1909–1912, 1912–1914).

⁵ Минейко Петр Герардович (1868–1920), инженер Архангельского порта, специалист по изысканию и строительству портов Белого и Баренцева морей; отец К.П. Гемп (1894–1998); по проекту Минейко был построен в Архангельске Поморский эллинг (1909–1910 гг.); с 1913 г. начальник Управления работ по улучшению Архангельского торгового порта; в 1917 г. создал технический отдел Северного морского пароходства, оборудовал аванпорт Экономия, открыл Архангельский портовый завод – сейчас Архангельский судоремонтный завод «Красная кузница»; руководил работами по сооружению каменного футляра над мемориальным домиком Петра I в Архангельске (1909–1913 гг.).

Технического училища; Сибирцев И.М.; Яковлев Иван Дмитриевич, управляющий Архангельским реальным училищем; Степанов Павел Гаврилович, начальник Торгово-морского училища.

Члены-корреспонденты: Шергольд Роберт Иванович, пожизненный член общества и т.д. Среди других членов-корреспондентов АОИРС числились почти все публикаторы ИАОИРС.

Как видно из вышеприведенного списка, среди членов АОИРС преобладали люди делового мира, предприниматели, выделявшие из своих средств необходимые суммы для оплаты расходов АОИРС. Впрочем, этих денежных поступлений не хватало, и правление общества неоднократно обращалось со страниц ИАОИРС с просьбами о добровольных вспомоществованиях на реализацию научно-исследовательских проектов.

В библиографическом обзоре, изданном АН СССР в 1965 году, приведены сведения о деятельности общества за период наиболее продуктивного его существования:

- Устав АОИРС (Архангельск, 1908, 10 стр.);
- Отчеты АОИРС за 1909–1917 гг., Архангельск, 1910–1918 гг. К отчетам прилагались списки изданий общества;
- Архангельское общество изучения Русского Севера (ИАОИРС. 1911. № 19. С. 609–617);
- Отчет Поморского отдела Архангельского общества изучения Русского Севера за 1913 год. Архангельск, 1914;
- Изюмов А. Ф. Исторические статьи в ИАОИРС // Науч. историч. журнал. 1914. № 3. С. 57–63;[223]
- Шипчинский В. О направлении дальнейшей деятельности АОИРС // ИАОИРС. 1916. № 7–8. С. 325–327¹.

Обращаясь к публикациям ИАОИРС, остановимся на некоторых статьях. Вот что писал, например, священник Грандилевский Аркадий

---

¹ История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография. М. 1965. С. 164.

Никандрович (1875–1914)¹: «Холмогорский пригородный округ в целом составляет группу островов, тесно замкнутых речными рукавами к северо-западу от левого берега Двины...» И далее о Курострове, родине М.В. Ломоносова: «Кур – значит журавль, имел четырех сыновей и дочь, сверх того мать, от которых вблизи его возникли первоначальные семейства, а там и целые поколения, занявшие Кур-остров, Наль-остров, Косковую гору, Косковый ельник, Ухт-остров, Чухчемский берег Двины, Матигоры, Курью»². Эта легенда о Куре и его домочадцах вошла в собрание народных преданий о чуди, с которой столкнулись русские христиане в период их расселения в низовьях Северной Двины. А вот описание 100-летнего юбилея Ломоносова в Куростровской волости: «Духовенству и всем высшим участникам торжества был предложен чай и закуска, а народу, во множестве окружающему Ломоносовскую усадьбу, были поставлены перед домом Шубного водка и пиво целыми ушатами и кадками. Пили – кто сколько мог... Близ дома Шубного был поставлен бюст Ломоносова работы Тышинского. Деревянный пьедестал этого временного монумента, изящно сработанный, был весь украшен живою орнаментировкою, сквозь которую виделись надписи в честь Ломоносова... Позднею ночью молодежь изготовила на реке карбасы. Девушки подхватили с пьедестала бюст Ломоносова и с песнями, шутками и смехом разместились в судне. Затем, водрузив посередине бюст, взяли весла, отчалили от берега и запели: «Отъезжает мой миленький в дороженьку», привезли бюст в Холмогоры. Дальнейшая судьба бюста Ломоносова осталась для холмогорцев неизвестною...»³. Черный юмор этого[224] сюжета в полной мере отражает реалии того времени. Рассказывая о постройке Ломоносовской школы на родине Ломоносова (освящена 8.01.1893 г.), отец Александр писал: «Слишком хвалить ломоносовцев нельзя, потому что они так далеки от идеала, как полосы земли между собою.

---

¹ Священник Грандильевский Аркадий Никандрович (26.01 (7.02). 1875–14.11.1914), ученый-самоучка в области археологии, лингвистики и этнографии; историк родины М.В. Ломоносова.

² Свящ. А. Грандильевский. Родина Ломоносова (в доисторические времена) // ИАОИРС. 1909. № 2. С. 37, 45.

³ ИАОИРС. 1911. № 3. С. 172–173.

В нравственном отношении им нужно очень много пожелать; честность держится в кармане, совесть – на кончике языка, воздержанность – пока нет соблазна. И вот единственная верная надежда достичь сколько-нибудь лучшего поворота вещей теперь всецело ожидается от школы, приведенной за последнее время к возможной высоте»¹. В течение ряда лет отец Александр преподавал в этой школе богословие.

В 1912 году в редакционную комиссию ИАОИРС вошел Виктор Викторович Бартенев (1864–1920)², позднее (1917–1919 гг.) сменивший В.А. Денгауэра на посту редактора журнала. К этому времени в обществе состояло уже 687 членов³.

На страницах ИАОИРС публиковались и серьезные научные труды. Такие, как например, статья Владимира Юльевича Визе (1886–1954)⁴ «Лопарские сейды»⁵, в которой автор исследовал происхождение двух саамских религиозных культов – культа высших богов и культа священных камней. В одном из номеров ИАОИРС была напечатана статья А. Маслова «К археологии Летнего и Зимнего берегов Белого моря»⁶, в которой получила освещение первобытная археология Беломорья по результатам полевых исследова[225]ний архангельского археолога Константина Павловича Ревы (1866–1942)⁷, А.В. Маркова, В.А. Городцова и самого Маслова. Автор

---

¹ ИАОИРС. 1911. № 3, С. 178.

² Бартенев Виктор Викторович (5.07.1864–1920), историк-краевед, экономист, общественный деятель; с 1907 года жил в Архангельске, член АОИРС с 1908 года, позднее вошел в правление редакционной комиссии; в 1917– 1919 годах редактор ИАОИРС; в выборах в Учредительное собрание проходил по списку йартии народной свободы; 13.10.1918 избран в Архангельскую городскую думу. В февр. 1920 г. расстрелян чекистами.

³ ИАОИРС. 1911. № 24. С. 959.

⁴ Визе Владимир Юльевич (21.02(5.03). 1886–19.02.1954), полярный исследователь; учился в университетах Геттингенском и Галле (Германия), в Петербургском университете; в 1910–1911, 1916 годах предпринял этнографические экспедиции на Кольский полуостров с целью изучения культуры саамов; участник экспедиции Г.Я. Седова (1912–1914 гг.); автор многочисленных научных трудов, в том числе по этнографии саамов и ненцев.

⁵ ИАОИРС. 1912. № 9. С. 395–401; № 10. С. 453–454.

⁶ Маслов А. К археологии Летнего и Зимнего берегов Белого моря // ИАОИРС. 1913. № 19. С. 876–882.

⁷ Рева Константин Павлович (6(18).03.1866–1942), археолог, этнограф, музейный работник: в 1888–1898 годах преподавал в Архангельской мужской гимназии, в 1898–1917 годах работал в Архангельской таможне; в 1917– 1927 годах 4» директор Архангельского краевого музея; раскопал открытые им стоянки первобытного человека на Летнем берегу Белого моря, исследовал Емецкий городок XV в. Переехал в Крым, где погиб от рук фашистских оккупантов.

пришел к выводу, что первобытные племена пришли на побережье Белого моря из Волжско-Камского бассейна, образовав здесь в III–II тысячелетиях до н.э. этническую общность в рамках так называемой «беломорской культуры».

Этнографические публикации ИАОИРС¹ содержали сведения не только о различных сторонах хозяйственной и культурной жизни североруссов, но и о других народах Севера – коми, карелах, ненцах и саамах. Среди наиболее значимых публикаций выделим статью Михаила Михайловича Богословского (1867–1929)² «Из истории поземельной общины на Русском Севере»³; работы Бориса Ивановича Николаевского (1887–1966)⁴, в частности: «Лесопильные заводы Архангельской губернии»⁵, «Судовладение «Судовладение Архангельского уезда»⁶, «Судовладение Онежского уезда»⁷, «Судовладение Мезенского уезда»⁸ и др.; работы Аркадия Аполлоновича Чару[226]шина⁹, например, статья «Отбывание народом повинностей»¹⁰ и др. Истории и культуре аборигенных народов Севера были посвящены

---

¹ Рубцова М.А. Указ. соч.

² Богословский Михаил Михайлович (13(25).03.1867–20.04.1929), историк, действительный член АН СССР (1921 г.); исследователь русской истории XVII–XVIII вв. (См.: Черепнин Л.В. Отечественные историки, XVIII–XX вв. М., 1984. С. 92–131).

³ ИАОИРС. 1911. № 2. С. 128–136; № 4. С. 294–301.

⁴ Николаевский Борис Иванович (20.10.1887–21.02.1966), политический деятель, публицист, историк-архивист; в 1908–1911 годах находился в ссылке в Архангельской губернии; изучал культуру северных крестьян и рабочих, исследовал экономику и природно-хозяйственный потенциал Архангельского Севера; 19.01.1922 г. выслан из России; хранитель Русского архива за рубежом (Берлин, Париж, Гаага, США); историк русского масонства.

⁵ ИАОИРС. 1913. № 16. С. 738–758; № 17. С. 776–793; № 18. С. 720–834.

⁶ ИАОИРС. 1916. № 1. С. 8–17; № 2. С. 43–53; № 3. С. 87–96; № 4. С. 127–135; № 5. С. 176–186; № 6. С. 223–233; № 7–8. С. 271–280.

⁷ ИАОИРС. 1916. № 9. С. 347–349, № 10. С. 383–391.

⁸ ИАОИРС. 1916. № 11. С. 431–441.

⁹ Чарушин Аркадий Аполлонович (вторая половина XIX – начало XX вв.), действительный статский советник; сотрудник кн. В.Н. Тенишева, на средства которого было создано Этнографическое бюро (1898–1901 гг.); 11 статей Чарушина, опубликованные в ИАОИРС, были посвящены памяти кн. Тенишева; темы статей: правовые обычаи народа; волостные суды; колонизация Севера; народная грамотность; воспитание детей и т.д. Содержание статей Чарушина расходилось с программой АОИРС, выступавшего за использование Россией культурно-исторического и научного опыта Западной Европы. Чарушин же в своих очерках попытался преодолеть «избыточное западничество», предлагая глубже изучить жизненный опыт русского народа (См.: Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 38).

¹⁰ ИАОИРС. 1913. № 20. С. 921–927; См. также: Чарушин А.А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении // ИАОИРС. 1912. С. 985–996; Он же. Взгляд народа на преступление // ИАОИРС. 1912. № 7 и др.

работы Питирима Александровича Сорокина (1889–1968)¹ – о коми-зырянах: зырянах: «Современные зыряне»², «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян»³, «Пережитки анимизма у зырян»⁴ и др.; статьи о карелах М.И. Бубновского⁵; этнографические очерки о ненцах Андрея Владимировича Журавского (1882–1914)⁶ «Из жиз[227]ни и культа самоедов»⁷ «Европейский «Европейский Русский Север»⁸; очерки В.Ю. Визе о саамах⁹ и т.д.

В 1912 году в состав редакционной комиссии ИАОИРС вошли, кроме В. А. Галецкого, Алфей Александрович Голубцов, Александр Васильевич Ивановский, Евгений Александрович Сухих, Иван Владиславович Галецкий (1874–?)¹⁰ и др. Они способствовали расширению авторского коллектива журнала, привлекая авторов из других городов России, например, исследовательницу крестьянской общины на Севере, ученицу А.Я. Ефименко Марию Андреевну Островскую (1884–?)¹¹, океанографа, полярного

---

¹ Сорокин Питирим Александрович (21.01.1889–10.02.1968). коми-русско-американский ученый, социолог, этнограф, политолог; автор работ по этнографии коми (См.: Голосенко И.А. Питирим Сорокин: Судьба и труды. Сыктывкар, 1991; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Страницы жизни. СПб.–Архангельск, 1992; Он же. Питирим Сорокин: «Своевременные мысли»: Библиографический указатель статей, опубликованных в газете «Воля народа» 29 апреля – 28 декабря 1917 года. Архангельск, 1993 и др.).

² ИАОИРС. 1911. № 18. С. 22–24.

³ ИАОИРС. 1911. № 1–5.

⁴ ИАОИРС. 1910. № 22, 28.

⁵ Бубновский М.И. Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1914. № 14. С. 429–430; № 15. С. 463; 1915. С. 463; 1915. № 6. С. 173; № 8. С. 273; № 12. С. 466, 468 и др.

⁶ Журавский Андрей Владимирович (22.09.1882–28.08.1914). географ, биолог, этнограф; организатор естественно-исторической станции АН в Усть-Цильме (1906 г.) и Печорской сельскохозяйственной опытной станции (1911 г.). где широкая исследовательская программа: севообороты, обработка почвы с подъемом зяби и без 'нее, культура болот, картофелеводство, плодоводство и птицеводство в условиях Арктики; раскопал 11 стоянок каменного века в Большеземельской тундре; автор работ по культуре и быту ненцев (См.: Научная деятельность А.В. Журавского на Севере // Архангельские губернские ведомости. 1909, 12 нояб.).

⁷ ИАОИРС. 1909. № 14. С. 15–18.

⁸ ИАОИРС. 1911. № 16. С. 297, 299.

⁹ Визе В. Народный эпос русских лопарей // ИАОИРС. 1917, № 1. С. 22, 24 и др.

¹⁰ Галецкий Иван Владиславович (6(18).06.1874–?), политссылный; общественный деятель; участвовал в научных экспедициях по Северной Двине (июнь–июль 1897 г.) и на Соловки (июль 1898 г.); служил в Архангельске мировым судьей и судебным следователем; депутат 1-й Государственной думы (1906 г.).

¹¹ Островская Мария Андреевна (1884–?), ученица А.Я. Ефименко, исследовательница крестьянской общины на Русском Севере. Соч.: Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVII вв. СПб., 1913; К вопросу об истории северных крестьян // ИАОИРС. 1909. № 8. С. 29–36 и др.

исследователя Леонида Львовича Брейтфуса (1864–1950)¹, гидрографа, исследователя Арктики Георгия Яковлевича Седова (1877–1914)² и др.

На ученых собраниях АОИРС, проходивших обычно 2 раза в месяц, члены общества обсуждали доклады и сообщения, тексты которых позднее публиковались на страницах «Известий». Так, например, 23 сентября 1909 года на очередное заседание собралось свыше 200 человек; присутствовавшие с интересом заслуша[228]ли доклад Владимира Александровича Русанова (1875–1913?)³ «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова»⁴. Позднее Русанов опубликовал в ИАОИРС статью об экономическом значении Северного морского пути⁵.

15–25 июля 1912 года в Архангельске проходил 12-й лесной съезд, на котором присутствовали 225 делегатов и был прочитан 21 доклад. Вопросы, обсуждавшиеся на съезде: колонизация Крайнего Севера, устройство северных лесов, состояние лесопромышленности и др. получили обстоятельное освещение на страницах ИАОИРС⁶.

Истории потребительской кооперации на Севере посвятил свою статью М. Петров⁷. Тот же автор обратился к вопросам благоустройства города

---

¹ Брейтфус Леонид Львович (19.11(1.12). 1864–20.07.1950), зоолог, океанограф, полярный исследователь (См.: Исследователи Кольского полуострова / сост. В.В. Сорокажердьев. Мурманск. 1979. С. 21–24).

² Седов Георгий Яковлевич (23.04(5.05).1877–20.02(5.03).1914), полярный исследователь, гидрограф; участвовал в гидрографических исследованиях в Карском море (1902–1903 гг.); возглавлял экспедицию по изучению условий для безопасного плавания в Крестовой губе Новой Земли (1910 г.); автор проекта экспедиции к Северному полюсу (1912 г.), погиб на пути к полюсу, похоронен на острове Рудольфа.

³ Русанов Владимир Александрович (3(15).11.1875–1913?), полярный исследователь: в 1907–1911 гг. занимался исследованием Новой Земли; в 1912 году возглавил экспедицию на судне «Геркулес» (капитан А. С. Кучин); после геологических изысканий, проведенных на Шпицбергене, направился на восток северными морями; экспедиция погибла около полуострова Таймыр (См.: Корякин В.С. В. А. Русанов, 1875–1913. М., 1987).

⁴ ИАОИРС. 1909. № 1. С. 80.

⁵ Русанов В.А. Экономическое значение Северного морского пути // ИАОИРС. 1911. № 15. С. 184–191.

⁶ ИАОИРС. 1912. № 15. С. 693–701; № 17. С. 788–798; № 18. С. 835–854.

⁷ Петров М. Потребительская кооперация в Архангельской губернии // ИАОИРС. 1913. № 9. С. 397–409.

Архангельска¹, Автор, скрывший свое имя под псевдонимом «Статистик», опубликовал условия найма рекрутов на примере Федоровского волостного правления². Полярный мореход Иван Петрович Ануфриев (1865–1937)³ обобщил статистические данные о поморских деревнях Куе, Козлах, Зимней Золотицы, Инцов,[229] Ручьев, Мегры, Майды, Койды, Долгощелья⁴. Ряд публикаций журнала был посвящен северным краоведам, например, статья Б. Пера о краеведе-коллекционере В.Ф. Кулакове⁵. Большой интерес представляют статистические данные о ненцах Архангельской губернии, приведенные в серии статей Николая Александровича Голубцова (1874–1920)⁶; в одной из своих публикаций он подсчитал численность ненцев с 1844 по 1906 год⁷, отметив лицемерие властей, спаивающих ненцев⁸; в другой статье он дал взвешенную характеристику ненецкого оленеводства⁹. Большое теоретическое значение имели статьи А.А. Чарушина, где он обобщил мнения исследователей о семейном праве северных крестьян¹⁰.

---

¹ Петров М. Город Архангельск в Отечественной войне / ИАОИРС. 1912. № 17. С. 798–801; Он же. Город Архангельск... // ИАОИРС. 1912. № 18. С. 831–834.

² Статистик. Наем рекрута в половине XIX столетия в Архангельской губернии // ИАОИРС. 1917. № 16. С. 732–739.

³ Ануфриев Иван Петрович (28.08.1865–2.06.1937), полярный мореход, специалист зверобойного промысла; штурман и капитан на судах Архангельско-Мурманского срочного пароходства; автор свыше 30 статей о ледоколах, практике ледовых плаваний, мурманских рыбных промыслах (См.: Морской энциклопедический словарь. В 3-х томах. JL, 1991. С. 2. С. 73–74).

⁴ Ануфриев И. Наше северо-восточное побережье Белого моря и Ледовитого океана // ИАОИРС. 1912. № 6. С. 241–250.

⁵ Пер Б. Археологическая коллекция В.Ф. Кулакова // ИАОИРС. 1912. № 5. С. 199–205.

⁶ Голубцов Николай Александрович (1874–23.09.1920), историк, архивист, музейный работник; общественный деятель; работал в Архангельской духовной семинарии (1899–1902), затем – секретарем Архангельского губернского статистического комитета, хранителем городского публичного музея, заведующим Архангельской публичной библиотекой; автор работ по статистике, этнографии и истории Архангельского Севера; за свои труды был удостоен звания действительного члена Русского географического общества и пожизненного члена АОИРС (См.: ГААО. Ф. 187. Оп. 1 Д. 955) –А.К.

⁷ Голубцов Н. Вопрос об управлении самоедами Архангельской губернии // ИАОИРС. 1909. № 3. 4, 6, 8.

⁸ ИАОИРС. 1909. № 3. С. 51.

⁹ Голубцов Н. Из области оленеводства // ИАОИРС. 1909. № 7. С. 39–50.

¹⁰ См. также: ИАОИРС. 1912. № 18. С. 812–819; № 20 С. 916–927; № 21. С. 962–968; № 22; № 23; № 24. С. 1102–1115. В главе 10-й своего очерка «Взгляды на основу семьи различных исследователей обычного права» А.А. Чарушин, в частности, отмечал: «1. Крестьянская семья нашего района представляется в виде родственно-хозяйственного союза, так как в основе ее лежит начало кровного родства, а с другой – члены ее тесно связаны общностью хозяйственного инвентаря, оказывающей огромное влияние на весь внутренний строй семьи и взаимоотношения ее членов. 2. В тесной связи с этими основными началами стоит существование семейной

собственности, поддерживаемой и создаваемой трудом каждого члена семьи на общую пользу всей семейной ассоциации. 3. Из факта существования семейной собственности и ее происхождения вытекает право каждого члена семьи на некоторую долю общего семейного имущества. 4. В чистом своем виде это право, однако, вовсе не находит себе осуществления, так как препятствием к такому осуществлению является, с одной стороны, родительская власть, с другой — особый взгляд крестьян на имущественные права женщин. 5. Родительская власть получила свое чрезмерное развитие не только в силу естественного положения и физического превосходства в семье отца, но и в силу тех больших полномочий и той ответственности, какие возложены на домохозяина- отца обществом, общиной и государством. 6. Чем безупречнее и лучше выполняет отец свои обязанности как домохозяин, управитель и распорядитель семейным имуществом, тем полнее проявляется его власть в доме, тем больше встречает она поддержки со стороны крестьянского «мира» и органов народного суда. Наоборот, чем хуже выполняет свои обязанности глава семейства — тем меньше его значение, тем больше критики и противодействия встречают его распоряжения со стороны остальных членов семьи, причем крайние случаи нерадения к хозяйству приводят к своего рода перевороту в недрах семьи — насильственному смещению бывшего домовладыки с заменой его кем-либо из старших и наиболее способных вести хозяйство. 7. Немалую поддержку родительская власть находит себе также в существовании личной собственности отца-домохозяина, обязанная своим происхождением особым экономическим условиям Архангельской губернии — сильному распространению отхожих промыслов и владению рощистками. 8. Взгляд на преимущественные права женщин выражается главным образом в том, что женщина не является прочным, так сказать, природным членом семьи: девушка должна покинуть свою семью с выходом замуж; незамужняя женщина, вступая в новую, чужую для нее семью, должна еще завоевать себе право на звание постоянного члена семьи своим трудом и долговременным пребыванием в семье мужа. И чем дольше она живет в ней, чем полнее и больше ее участие во всех хозяйственных заботах и работах, тем меньше возражений встречает осуществление ее имущественных прав, причем положения полновластной «управительницы всего дома и хозяйства» она достигает или по смерти мужа, оставаясь с неотделенными детьми в доме, или в тех исключительных случаях, когда «болынина» передается ей вследствие устранения от хозяйства бывшего главы семейства. 9. Каждый из сыновей в принципе имеет право на равную часть семейного и отцовского имущества; но в реальной жизни это право может и на самом деле нередко не получает своего осуществления в силу вышенаписанного значения родительской власти. 10. Весьма часто отец, наделяя сына тем или другим, руководствуется оценкой наделяемого как работника, давая ему по мере вложенного им труда в общее семейное или личное имущество отца («смотря по деятельности и заслугам отделяющегося»), 11. «Трудовой принцип» оказывает большое влияние на семейные отношения, в частности на наследственное право. 12. Широкое применение получает договорное начало. 13. Дочери осуществляют свое право на часть семейного имущества — выходящие замуж в приданном, незамужницы — в праве проживать при каком-либо из братьев. 14. Имущественные права женщин урезаны по сравнению с правами мужчин. 15. Общая семейная собственность больших, сложных семей распадается под влиянием экономических условий. 16. Личная собственность отдельных членов семьи — один из разлагающих элементов. 17. Угнетенное положение женщины в сложной семье объясняется той же причиной. 18. Пробуждение личности у крестьянина младшего поколения означало конец угнетения со стороны старшего. 19. Женщина отвоевывает себе больше признания в семье своих личных и имущественных прав. 20. «Закон» скорее оказывал отрицательное влияние на развитие обычного семейного права...» и т.д. (См.: ИАОИРС. 1912. № 24. С. 1113-1115). Приведенная нами обширная цитата подтверждает серьезность и глубину исследований корреспондентов АОИРС. порою приобретавших монографическую разработку проблем истории Севера. Тема, поднятая в публикациях А.А. Чарушина, получила плодотворное продолжение в трудах российских историков и этнологов второй половины XX столетия (См., например: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. JL. 1983; Она же. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: Пути и формы крестьянского общественного служения: Учеб. пос. Вологда, 1990; Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998: и др.)

Таким образ[230]ом, в более чем 200 выпусках ИАОИРС содержался, как видно из вышеприведенных выборок, ценный историко-краеведческий материал, требующий, по нашему мнению, особого историографического изучения.

В годы интервенции и гражданской войны АОИРС продолжило свою деятельность, однако характер работы заметно политизировался. Многие члены общества при Советской власти были репрессированы, а само общество расценивалось большевиками как контрреволюционное объединение. Последние месяцы существования АОИРС, вплоть до конца 1919 года, требуют специального изуче[231]ния¹. Известен лишь формальный конец АОИРС: оно вошло (18.03.1920 г.) в состав Архгубсовнархоза в качестве научно-справочного отдела.[232]

---

¹. ГААО. Ф. 83. 130 дел.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ИСТОРИК ВАСИЛИЙ КРЕСТИНИН*

Василий Васильевич Крестинин. Годы жизни: 1729 или 1730– 6(17) мая 1795. Историк России и русского Севера, исследователь актовых источников, общественный деятель, просветитель; один из организаторов и руководителей первого в России частного исторического общества («Общества для исторических исследований», город Архангельск» 1759); корреспондент (1786) и почетный член (1790) Санкт-Петербургской академии наук.

В этой краткой персоналии отражены основные биографические сведения, содержащиеся в литературе об этом замечательном человеке¹.

В.В. Крестинин родился в Архангельске. Семья его отца, Василия Ивановича, была, по представлениям того времени, небольшая: жена, Мария Ивановна (урожденная Патракеева) и трое сыновей Василий, Иван и Алексей. Позднее Василий Васильевич вспоминал, что отец его, «происшедший из бедных сирот Холмогорского посада», переехал при первой государственной ревизии[233] душ из Холмогор в Архангельск и вышел здесь в «первостатейные купцы и в главные по Архангелогородскому посаду службы».

---

* Впервые опубликовано: Отечество: Краеведческий альманах / гл. ред. А.С. Попов. М., 1993. Вып. 4. С. 54–74.

¹ Болховитинов (митроп. Евгений). Словарь русских писателей. Т. I. М., 1845. С. 318–320; ч. II. С. 389–390; Заринский Г. Василий Васильевич Крестинин // Арханг. губерн. ведомости, 1858. № 43. С. 354–355; Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. I. С. 128–129; Рудаков В. Василий Васильевич Крестинин // Журн. мин-ва нар. проев. 1895, май. С. 219– 225; Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 429; Иванов А.А. В.В. Крестинин – основатель первого исторического общества // Наша старина. 1916. № 11. С. 775–781; Он же. В.В. Крестинин как писатель // Там же. 1916. № 12. С. 930–936; Черняховский Ф.И. Василий Васильевич Крестинин. Архангельск, 1955; Его же. «Степенный гражданин» // Сыны Отчизны; очерки о выдающихся северянах. Архангельск, 1959. С. 75–104; Полякова У.М. В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60–90-х годах XVIII в. // История СССР. 1958. № 2. С. 78–102; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. II. С. 296–332; Степанский А.Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208; Цветкова Л.И., Овсянников О.В. В. В. Крестинин: Страницы жизни // Патриот Севера: ист.-краевед. сб. Архан-гельск, 1985. С. 59–76; Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989. С. 15, 71 и др.

В 1747 году он разорился «от безщастных торгов заморскими товарами, покупаемыми в кредит»¹. И семнадцатилетнему юноше пришлось самому зарабатывать на жизнь, определившись на должность мещанского писаря. Позднее В.В. Крестинин служил секретарем губернского магистрата, занимал и другие должности в мещанско-посадской общине города Архангельска; В 1786 году он числился среди «капитальных» мещан среднего достатка с объявленным капиталом в триста рублей, о чем лаконично записано в «Городовой обывательской книге»².

Крестинин ни разу в течение своей жизни не выезжал из родного города, и лишь под старость, обеднев и потеряв отцовский дом, он переехал в пригородную деревню Кырласово Заостровской волости, где и был, вероятно, похоронен на сельском приходском кладбище. Этот печальный переезд состоялся, скорее всего, в 1752 году, так как из архивных документов известно о том, что до этого времени он жил в старом «отеческом» доме «во второй части Архангельска в первом квартале под номером 60»³, а в росписи Воскресенской церкви под 1792 годом было указано о бывших на исповеди и святом причастии прихожанах: «Василий Васильевич Крестинин (62 года), жена его Ульяния Федоровна (28 лет), брат Алексей (52 года), приемная их Катерина (18 лет)»⁴. Этими сведениями собственно и исчерпывается документальная основа биографии Крестинина. Сам же Василий Васильевич не оставил ни строчки мемуарного характера, за исключением нескольких слов об отце, приведенных нами выше. Впрочем, личный архив историка не сохранился или, что мало вероятно, он пока не разыскан.

Крестинин очень любил родной город. В то время Архангельск был довольно большим, почти сплошь деревянным городским селением с 10–12 тысячами жителей⁵. В первой половине XVIII века в облике Города Архангельского, как его тогда называли (а в просторечии просто «Города»),

---

¹. Слова Крестинина цит. по: Цветкова Л.И., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 67.

². ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1.

³. ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 412.

⁴. ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 1а, Л. 172.

⁵ Архангельск. 1584–1984: фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 36.

сохранились многие черты культуры, быта и экономики предшествующего столетия.[234]

Справка: В 1582 году русское правительство приняло решение о строительстве в устье реки Северной Двины, у строений древнего Михайло-Архангельского монастыря, корабельной пристани и крепости (деревянного города-ostroга). К лету 1584 года под руководством воевод П.А. Нйщдкина и А.Н. Залешанина-Волохова строительство крепости было завершено; в документах она Называлась по-разному: «Новгородок», «Новый город», «Архангельский Город». В 1587 году здесь же был выстроен Новохолмогорский посад. Объединившись, эти селения образовали собственно Город Архангельский (после 1613 года). С самого начала Архангельск был, прежде всего, военной крепостью и первым морским портом России. Внешнеторговая роль города росла из года в год. Холмогоры, бывшие древним политическим и торгово-ремесленным центром Двинского Поморья, Постепенно уступили первенство Архангельску.

Новые страницы в истории Архангельска открылись после неоднократных приездов Петра 1 (1693, 1694 и 1702 годы). По его распоряжению в устье Северной Двины, «у моря», была построена Новодвинская крепость, под стенами которой произошло сражение со шведами 25 июня 1701 года, закончившееся победой русского оружия. Нельзя не отметить, что эта победа была первой в ходе Северной войны. Архангельск послужил исходным пунктом знаменитого рейда Петра I в 1702 году через Белое море и олонецкие гати «государевой дороги» на Балтику...

В 1734 году в Архангельске вновь открылся военный порт. Соломбальская судостроительная верфь, заложенная в 1693 году Петром I, быстро превратилась в крупное предприятие всероссийского значения. Указом от 31 июля 1762 года Архангельский порт был приравнен в правах с Санкт-Петербургским портом. Прекращение казенных торгов развязало частную инициативу, и архангельские купцы сначала робко, а затем все увереннее включились в заграничную торговлю на своих судах. Одна за

другой строились крестьянские верфи. На одной из них, в Куростровской волости, Василий Дорофеевич Ломоносов, отец великого Михайло Ломоносова, «первый из жителей сего края построил и по-европейски оснастил на реке Двине» гукор, названный им «Св. Архангел Михаил». В дельте Северной Двины крестьянские верфи располагались в Лисестрове (Лисострове), в Заостровье, на острове Мудьюг, на речке Лае, где под руководством талантливых северных корабелов строились многочисленные рейдовые и промысловые суда. Самой большой частновладельческой верфью была знаменитая Вавчужская корабельная верфь братьев Бажениных, Осипа и Федора; со стапелей этой верфи за время ее существования (1701–1785)[235] были спущены сотни морских торговых судов. По данным коммерческой статистики, 30 русских купеческих домов отправляли в 1786 году товары в Англию, Голландию, Францию, Гамбург и Норвегию¹.

Справка: По мнению этнографа А.Н. Давыдова², именно с этого времени на севере Европы, в том числе и в Архангельском Беломорье, начала складываться интерэтническая морская культура в результате взаимодействия локальных социально-экономических и культурных традиций морских народов. Русская морская традиция испытала на себе влияние «голландской» (XVI – первая половина XVIII века) и «английской» (вторая половина XVIII–XX века) традиций в торговом мореплавании. Впрочем, это влияние было взаимным.

Архангельск в это время превратился в крупный центр домашних промыслов и предприятий мануфактурного типа. Быстрыми темпами шло слияние различных частей Архангельска, хотя даже в конце XVIII века еще не оформился единый город, в нем было, как отмечал В.В. Крестинин, три части: первая часть, «верхняя по течению» реки, «есть главная сего города часть» (1087 частных домов), вторая часть – Кузнечиха – «предместье города, заселенное вторым батальоном Архангельского гарнизона» (429

---

¹ Архангельск. 1584–1984: фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 32.

² Сов. этнография. 1990. № 5. С. 149–150.

домов), третья часть – Соломбала – «составляет второе предместье» (716 домов)¹. В музеях и архивах сохранились гравюры и панорамные виды Архангельска XVIII века. Особенно интересны голландская гравюра 1775 года и панорама Григория Попова на иконе «Архангел Михаил с видом Архангельска» 1741 года, а также «Генеральный вид губернского города Архангельска», выполненный с помощью камеры-обскуры для «Атласа Архангельской губернии 1797 года»². Художники рисовали Архангельск с реки, находясь на судне в удалении от берега с расчетом на панорамный обзор. Их, как и архангелогородца Крестинина, поражало кипение жизни у городских причалов. Могучая Двина буквально кишела десятками и сот[236]нями гребных и парусных судов с разноцветными флагами. Звучала многоязычная речь...

В центре города высились белокаменные строения Гостиного двора, выстроенные московским зодчим Дмитрием Михайловичем Старцевым (1668–1684). Гостиные дворы делились на Русский и Немецкий, а между ними располагался Каменный город³. В крестининские времена Немецкий двор был разобран, а две другие части монументального сооружения – Русский двор и Каменный город – были перестроены губернским архитектором Михаилом Березиным в 1782–1792 годах. Так появился Таможенный замок, частично сохранившийся до настоящего времени. Замок после реконструкции приобрел строго симметричную композицию с двумя фланкирующими башнями, перекрытыми куполами. Центр речного фасада был также усилен башней и пристроенной к ней зданием биржи, украшенной нарядными сдвоенными пилястрами. Здесь много раз бывал В.В. Крестинин.

К югу от замка, через ров, стоял величественный Свято-Троицкий кафедральный собора. Когда-то, то ли в XII, то ли в XIV веке, на этом месте

---

¹ Крестинин В.В. Топографическое описание города Архангельского по запросам Санкт-Петербургской Академии наук, а по указам Вологодского наместнического правления // Архив Ленингр. отд-ния Института истории АН. Ф. 36. № 440. Л. 4–44.

² Мильчик М.И. Фотографии... из XVIII века // Летописец Севера: ист.- краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 71–79.

³ Гемп К.П., Кибирев М.Ф. Архангельский гостиный двор // Архитектурное наследство. М., 1959; Гемп К.П. Гостиный двор. Архангельск, 1973.

был основан монастырь во имя Архангела Михаила. А в 1584 году здесь была выстроена соборная деревянная церковь Преображения Господня. Из-за разрушительных пожаров монастырь был перенесен на южную окраину города, в местечко Нячервы (1637), а вместо соборной церкви, сгоревшей в очередной раз, архангелогородцы решили поставить каменный храм во имя Святой Троицы. По преданию, первый камень будущего храма заложил Петр I еще в 1702 году. Официально же собор был заложен 11 октября 1709 года, освящение «нижней» церкви (т.е. первого этажа) было проведено 28 сентября 1716 года, завершилось строительство храма лишь через полвека, в 1765 году. Свято-Троицкий кафедральный собор был, по мнению архитекторов и искусствоведов, «одним из самых красивых и светлых соборов России», с великолепным пятиярусным иконостасом, богатой ризницей и памятными раритетами. В 1931 году собор варварски разобрали и на его месте воздвигли за 228 «ударных» рабочих дней уродливое здание драмтеатра.

Севернее Таможенного замка, за руинами Немецкого двора, по набережной реки ткнулась цепочка строений Немецкой слободы с[237] двумя островерхими кирхами. В 1678 году здесь уже насчитывалось 24 двора английских и голландских «немцев», а в XVIII веке их стало еще больше. Появились они в Соломбальском селении, где позднее появилась своя англиканская церковь.

В соответствии с городской реформой Петра I Архангельск, ставший губернским городом (1708), освободился от тяжелого бремени воеводской власти. Городская община получила выборное управление, которое вначале, с 1700 года, осуществляла земская изба, а затем, с 1723 года, магистрат и ратуша. Василий Васильевич Крестинин принял самое активное участие в общественной жизни города. В 1762 году он открыто выступил против «первостатейных» купцов в защиту рядовых членов посадской общины. В этом конфликте перевес сначала был на стороне богачей, однако в результате выборов 1766 года, проводившихся в связи с созывом Уложенной комиссии, из городского магистрата были выведены представители купеческой

верхушки. К управлению городов пришли деятели из среднего купечества — Матвей и Петр Латышевы, Никифор Зыков, Андрей Дудин, Семен Башмаков и др. На иконе Григория Попова можно найти изображение большого двухэтажного дома с галереей, башенкой, или «ловалушей», и «чердаком». Это был дом губернатора. Примерно на этом месте в атласе 1797 года показаны присутственные места (магистрат). Здесь, вероятно, происходили события, участником которых был Крестинин.

Новые выборные люди с готовностью откликнулись на предложение Комиссии о коммерции обобщить городские нужды в специальной записке; магистрат представил составленное А.И. Фоминым «Описание о упадке и недостатках архангелогородской коммерции с показанием средств, к поправлению оной служащих, по мнению архангелогородского купечества»¹ и приложенный к этому документу проект городской гимназии, разработанный В.В. Крестининым². Архангельский депутат Уложенной комиссии (выборы в Комиссию сочинения Нового уложения проходили в феврале 1767 года) Н.А. Свешников увез в Москву наказ, в текст которого были включены многие предложения Фомина и Крестинина³. Василий[238] Васильевич не без гордости говорил о том, что «их» наказ «почитался между лучшими сочинениями сего рода, присланными от Российских городов»⁴.

В 1780–1790-х годах борьба в архангельском магистрате обострилась, и на сей раз победили богатые купцы, поддержанные губернской администрацией. Крестинин в это время увлеченно занимался историей Архангелогородского посада⁵. В 1794 году он составил криминальный, по мнению властей, документ – «Хронологическую записку о взыскании с мещанского общества подушной недоимки» (к сожалению, пока не

---

¹ Центр, гос. истор. архив (СПб). Ф. 4. Оп. 1. Д. 828. Л. 764.

² Крестинин В.В. Учреждение гражданской гимназии в городе Архангельском.

³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1907. Т. 123. С. 444–489.

⁴ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 32.

⁵ Крестинин В.В. Хронологическое (1782–1794) описание Архангелогородского мещанского общества с посадскими людьми / составлено бывшим много лет старшиною помянутого общества и письмоводителем Василием Крестининым в сент. 1794 г. См.: Ленинградское отд-ие Ин-та истории. Ф. 36. № 1155. Л. 381–393.

разысканную в архивах). По распоряжению наместника началось следствие, в результате которого автора записки обвинили в «неприличных и дерзких изречениях противу начальствующих лиц...» 15 февраля 1795 года В.В. Крестинин был арестован. Городской и губернский магистраты приговорили его к телесному наказанию (!) с последующей высылкой в Иркутскую губернию¹. Только смерть «спасла» Крестинина от жестокой расправы.

Общественно-политическая деятельность Крестинина, завершившаяся столь трагически, тесно переплелась с его историческими исследованиями. Как ученый он продолжил демократическое направление русской исторической мысли, начатое М.В. Ломоносовым. С истовым ломоносовским темпераментом и бескомпромиссностью Крестинин вел неравную борьбу с купеческим патрициатом и екатерининскими вельможными чиновниками, отстаивая идеи буржуазного просветительства в жизни и науке. Василий Васильевич с полным правом считал себя учеником Ломоносова². Как и Ломоносов, он предъявлял к ученому-историку высокие нравственные требования: «В деле своем он (историк. – А.К.) должен быть справедлив и мужественным, чужд похлебства (подхалимства. – А.К.) и мнения, дабы истину, где должно открыть, не таить, а дабы[239] справедливость ожею, аки мраком свет, не затмевать»³. Эти крестининские слова можно адресовать в полной мере к современным историкам!

В.В. Крестинин начал свои исследования по русской истории в содружестве с несколькими архангелогородцами. В 1759 году они объединились в «Общество для исторических исследований».

Справка: Историческое общество архангелогородцев открыло собой хронологию исторических объединений в России. Оно было первым. Вторым после него было Вольное Российское Собрание при Московском университете (открыто 2 августа 1771 года). Позднее там же, в Москве,

---

¹ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1674.

² Фруменков Г.Г. Продолжение подвига: М.В. Ломоносов и В.В. Крестинин // Слово о Ломоносове. Архангельск, 1986. С. 107–125.

³ Крестинин В.В. Продолжение исторического известия о нравственном воспитании детей у двинских жителей // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 18. 1787. Дек. С. 31.

возникли и другие общества – Дружеское ученое общество при издаваемой Н.И. Новиковым «Древней Российской Вивлиофике» (открыто 6 ноября 1782 года), Собрание любителей российской словесности при университете (1789) и, наконец, представительное и долго просуществовавшее Общество истории и древностей российских (1804).

Архангельское «вольное клевретство» историков, кроме того, что оно было первым, имело еще одну особенность – оно было первым историко-краеведческим обществом, первенцем отечественного научного краеведения. Вряд ли можно согласиться с мнением современного историка А.Д. Степанского о том, что Архангельск был «не самым лучшим местом» для деятельности исторического общества¹. «Третье сословие» старинного города-порта выдвинуло плеяду талантливых выходцев из народа, понявших значение исторической науки как действенной общественной силы, помогающей сделать жизнь осмысленнее, а людей, просвещенных историей, добрее и лучше. Не только в Архангельске, но и в других провинциальных уголках великой России ощущалась какая-то внутренняя потребность в краеведах-подвижниках, и они появились, например, Н.И. Рычков в Оренбурге, А.П. Мельгунов в Ярославле, А.А. Засецкий в Вологде, И.С. Алякринский (архимандрит Иероним) в Рязани и т.д.

В архангельское «Общество для исторических исследований» (другие его названия – «Городское историческое клевретство», «Историческое архангелогородское клевретство», «Вольное историческое общество для архангелогородских древностей», «Общество любопытных людей») вошли видные деятели архангелогородского посада – Александр Иванович Фомин, Василий Васильевич Нарышкин, Никифор Зыков, Александр и Алексей Свешниковы, П.П. Латышев, а также другие любители истории. Нарышкин и Свешниковы субсидировали деятельность общества. Соединенными силами «вольные» историки хотели написать историю «здешнего города и страны». Но для этого нужно было собрать необходимые источники. Местные же

---

¹ Степанский А.Д. Указ. соч. С. 205.

архивы владели жалкое существование, часто горели. Ломоносовская анкета (1760), предлагавшая присылать в Академию наук местные исторические документы («чертежи», списки грамот, летописи и пр.), ориентировала Крестинина и его друзей на собирание материалов по истории Архангельского Севера. Члены общества в течение нескольких лет, вплоть до 1768 года, провели в северных уездах огромную собирательскую работу. В Архангельске и в пригородных селениях они обнаружили ценнейшие исторические документы, в том числе уставные грамоты киевских князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, «Русскую Правду» в пространной редакции¹, списки «Двинского летописца»², множество актов документов из крестьянских архивов и т. д. Ряд материалов был, как и просил Ломоносов, передан в Академию наук, где они в разное время были опубликованы. В 1768 году общество прекратило свою деятельность из-за гонений со стороны «исторических недоброхотов» в лице губернатора и его окружения. Однако Крестинин и некоторые из «клеветов» истории продолжили свои исследования поодиночке. Северным историкам-краеоведам помог, как это иногда бывает, счастливый случай.

В 1771–1772 годах по европейскому Северу России путешествовал Иван Иванович Лепехин. Выполняя задание Академии наук, Г. Лепехин составил свои знаменитые «Дневные записки путешествий...» (три части были изданы в 1771–1780 годах и переизданы в 1795–1814 годах; четвертая часть вышла в свет в 1805 году). Большую помощь в «научной экскурсии» оказал Лепехину его ученик Николай Яковлевич Озерецковский. Оба академика (в Архан[241]гельске они были еще адъюнктом и студентом) познакомились и подружились с архангельскими историками и краеоведами. Архангелогородцы предоставили в распоряжение путешественников ценные историко-географические сведения о северном крае, а некоторые сочинения Крестинина и Фомина были даже включены Озерецковским в четвертую

---

¹ Продолжение «Древней Российской Вивлиофики». Ч. 3. СПб., 1788. С. 3–47.

² Древняя Российская Вивлиофики. Ч. 18. М., 1791. С. 1–71.

часть «Дневных записок» Лепехина. Благодаря этим академическим вояжерам имя Крестинина стало хорошо известно в Петербургских ученых кругах. Знал Василия Васильевича и ярославский наместник.

Алексей Петрович Мельгунов, побывавший в Архангельске в августе 1779 года, просвещенный сановник, использовал сочинения архангельского историка для «представления на высочайшее имя» об образовании единого Вологодского наместничества из трех областей – Вологодской, Архангельской и Устюжской, а также об открытии новых присутственных мест в старых губернских центрах. Предложение Мельгунова было вскоре реализовано¹.

В 1780–1790-х годах в академической типографии в Санкт-Петербурге одна за другой печатаются книги В.В. Крестинина по истории Севера: «Исторические начатки о двинском Народе древних, средних, новых и новейших времен, часть первая» (1784), «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере» (1785), «Начертание истории города Холмогор» (1790), «Краткая история о городе Архангельском» (1792). Кроме того, Крестинин издает работу по истории международных торговых связей России при Петре I². с осени 1786 года при содействии Озерецковского он публикует на страницах академического журнала «Новые ежемесячные сочинения» ряд историко-этнографических и географических исследований.

Особое внимание Крестинин уделяет частным актам. Ему принадлежит разработка методики изучения купчих, духовных, закладных, деловых крепостей, кабал и пр. Описывая, например, хозяйственную деятельность купеческого рода Вахониных, он сопоставил[242] данные 80 крепостей на Движимые имения³. Выявленные семейные архивы позволили историку

---

¹ Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Отечеству любовью. Ярославль, 1990. С 76–77.

² Крестинин В.В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год С. 3–98 (С. 99–111 – списки с некоторых указов Петра I о торговле).

³ Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785. С. 30–37.

найти своего настоящего героя – человека «третьего сословия», которым почти не интересовались Дворянские историки В.Н. Татищев и М.М. Щербатов. Недаром Много лет спустя историк-источниковед С.И. Валк назовет Крестинина «основоположником дипломатики частных актов»¹.

Крестинина интересовала история ненецкого народа, к которому он относился с большим сочувствием и уважением². Ему принадлежит одно из лучших произведений историко-географической литературы, посвященное описанию и истории освоения Новой Земли, а также справка об острове Колгуеве (1788, 1790). Заслуги Крестинина как историка полярного мореплавания признаны в современной историографии.

Он открыл целый ряд литературных памятников, в том числе рукописное сочинение «О походе Ивана Васильевича Грозного в Новгород», список «Повести о смутном времени» Авраамия Палицына, «Житие преподобного Трифона игумена Кольского Печенгского монастыря», и др. Перу Крестинина принадлежала поэма на патристическую тему из русской истории о Минине и Пожарском, к сожалению, не дошедшая до нашего времени³.

Василий Васильевич был автором ряда статей о воспитании детей и истории русской педагогики, в которых изложил историю народного образования на русском Севере⁴. Он не только осуждал «кнутобойную» систему воспитания, но и смело критиковал деспотизм крепостнической педагогики. «Раболепие, – говорил Крестинин, – уничтожает природные дарования и честь всего народа».[243]

---

¹ Валк С.И. Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 50.

² Крестинин В.В. Рассуждения о начале и происхождении самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве // Новые ежемесячные сочинения. Ч. II. 1786; Он же. О самоедах // Путешествие академика Ивана Лепехина. Ч. IV. СПб., 1805. С. 196–297 и др.

³ Болховитинов (митроп. Евгений). Указ. соч. С. 320.

⁴ Крестинин В.В. Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 17–18. 1787; Он же. О употреблении над детьми мужского пола власти родительской и учительской по старинному воспитанию двинского народа // Там же. Ч. 52, 1790 и др.

Справка: 22 сентября 1786 года открыто Главное народное училище – первое в Архангельске светское общеобразовательное заведение. В первый год было принято 138 учеников. Возглавил училище Александр Иванович Фомин. Срок обучения поначалу был трехлетний, затем – пятилетний. Здесь преподавались история, география, механика, физика, архитектура и рисование. Кроме того, будущим учителям преподавали педагогику, а учеников, готовившихся к поступлению в университет, обучали латинскому языку. Училище имело хорошую библиотеку (Летопись города Архангельска. 1584–1989. Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1990. С. 36).

Основные труды В.В. Крестинина были посвящены истории Двинской земли, прошлому Холмогор и Архангельска.

В интересной работе «Исторические начатки о Двинском народе...»¹ автор обосновал периодизацию истории Двинской земли, взяв за основу привычный политический принцип, но в конкретике фактического материала у него преобладали вопросы экономики. Первая часть труда, написанная в 1779 году и изданная спустя пять лет (вторая часть так и не была написана), была посвящена древнему и среднему периодам истории Севера (два последующих периода – новый и новейший – только названы в заголовке работы). Автора интересовала не столько смена двинских правителей, сколько торговля, мореплавание, судебные, административные учреждения и законодательство. Древний двинской народ, по мнению Крестинина, произошел от «половцев», или «команов» (так называют себя коми-зыряне). Историк впервые в отечественной историографии выдвинул проблему русской колонизации Севера. Интересами купечества объясняет Крестинин присоединение Двинской земли к Москве. Автору импонируют неоднократные попытки двинян освободиться от власти Великого Новгорода. Начиная с XVI века история Подвинья рассматривалась Крестининым только как экономическая и административно-политическая. К

---

¹ Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, сочиненные Василием Крестининым, архангелогородским гражданином. Ч. I. СПб., 1784.

книге были приложены два очерка «Мнение о имени, языке и происхождении половцев» и «Рассуждение о древнем праве половников в областях российских». В первом он привел конкретные данные из коми языка, во втором проанализировал изначальное «половничество» (половники были предшественниками дворян).[244]

Небольшое произведение Крестинина «Исторический опыт о сельском домостроительстве...»¹ было создано в 1779 году и напечатано в 1785 году. «Опыт» был посвящен изучению истории династии крестьян-промышленников за три века, с XV по XVII век. Как по содержанию, так и по исследовательским методам эта работа Крестинина была новаторской. Автор проанализировал огромное количество документов, в основном актовых источников, и сумел проследить эволюцию крестьянской собственности, цен на землю, недвижимости, «пожитков» и пр. В книге была поставлена проблема, всегда интересовавшая Крестинина, – о происхождении посадского населения Архангельска. Важное место в методике исследования занимали генеалогические разыскания.

Древней торговле на Двине и возникновению Холмогор (Колмогор) была посвящена книга «Начертание истории города Холмогор»², написанная в апреле 1788 года и опубликованная в 1790 году. Крестинин привел в своем сочинении неизвестные факты о развитии торговли на Двине – главного условия возникновения холмогорских посадов. В XVII веке город, растянувшийся на пять верст по течению Двины, состоял из Курцевского посада, деревень Качковка и Фадеевская, посадов Глинского, Иванского верхней половины, Никольского нижней половины и Западракурского. Крестинин подробно описывает все части Холмогор, в том числе выстроенный в 1620-х годах деревянно-земляной острог. На примере Холмогор Крестинин формулирует свой главный тезис: «Древние российские

---

¹ Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере, сочинен Архангелогородским гражданином Василием Крестининым 1779 года. СПб., 1785.

² Крестинин В.В. Начертание истории Холмогор. СПб., 1790.

города имеют двоякое начало: некоторые от строения крепостей, другие от деревень»¹. Холмогоры, надо полагать, – от «деревень».

Эта тема получила дальнейшую разработку в фундаментальном труде Крестинина «Краткая история о городе Архангельском»². Историк работал над книгой в 1780–1785 годах, но издал ее лишь в 1792 году. «История» изложена в виде вопросов и ответов, тех и других по 95.[245]

Вот как начиналась книга:

Вопрос 1. Где стоит Город Архангельский?

Ответ 1. При реке Двине, на правой стороне, в 42 верстах от Белого моря, под 64 градусом 34 минутами северной широты (долгота не была еще высчитана. – *А.К.*).

Вопрос 2. Место, на котором стоит Город Архангельский, как называлось в старину прежде сего города?

Ответ 2. Пур наволоок. Разумеется же под сим собственным именем мыс Двинского берега, примечания достойный по тому, что Двина при оном разделяется на различные устья, в море протекающие между островами.

Вопрос 3. Какое было на сем месте селение прежде города?

Ответ 3. Монастырь Архангельский, древностию все московские монастыри превосходящая обитель, построенная во втором надесять столетствии во земле Заволоцкой, названной после по имени реки, Двиною...

В книге далее были приведены интересные сведения о строительстве гражданских, военных, административных и церковных зданий, о торгах и промыслах, налогах, промышленных компаниях, административных мероприятиях и правительственных актах, о посещениях города знатными людьми, о пожарах, строительстве военных и купеческих кораблей и многое другое. К книге была приложена «Хронологическая роспись Архангелогородской Истории», выглядевшая в выдержках следующим образом:

---

¹ Там же. С. III и 34.

² Краткая история о городе Архангельском, сочинена Архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792.

	Годы от Рожд. Христ.
Основание Города Архангельского и строительство гостиных дворов деревянных	1584
Учреждение Архангелогородского посада	1587
Начало иностранных и Российских торгов в Городе Архангельском	1587
Новое издание торгового устава 7175 года с надписанием: «Устав торговле в царствующем граде Москве, и во всей великой России, в порубежных городах», содержащий 94 статьи, в том числе относимых к Архангелогородской ярмарке, – 52 статьи.	1667 Майя 7 дня

Автор поместил в книге основные документы по истории Архангельска, в том числе царские и воеводские грамоты. Здесь же[246] было опубликовано письмо членов архангельского исторического общества к губернатору Е.А. Головцыну (май 1768 года), в котором подробно освещается история общества, характеризуются задачи научного изучения Севера. Крестинин и его сотоварищи обращали внимание губернатора на бедственное положение архивов, призывали спасти, пока не поздно, материалы «здешних архивов и монастырей...» Увы, эти призывы остались втуне: 10 декабря 1779 года в пожаре погибли все документы архива Архангелогородской губернской канцелярии. «В сем пожаре, – горестно констатировал Крестинин в своей книге, – безвозвратно погибли самые нужные и верные свидетельства к изъяснению прежних дел и нравов двинского народа»¹.

Главной темой книги об Архангельске являлась борьба архангелогородского посада против дворянской администрации и купеческой

---

¹ Там же. С. 80.

верхушки. Автор бесстрашно разоблачает беззаконие и мздоимство «власть придержащих». Архангельский полицмейстер Баренцев, например, превзошел своих предшественников «свирепством, привязками и корыстолюбием». Не лучше Баренцева был новый полицмейстер, Петр Вельский, присланный из Петербурга. «Враг города Архангельского», как назвал его Крестинин, до того доворовался, что попал под суд. Не жаловал историк и купцов-«миллионщиков», с антипатией называет он их имена («имена и дела главных купцов, первых нашего посада капиталистов») – Никита Крылов, Антон Бармин, Семен Бусинов. Их капиталы Крестинин сравнивал с достатком остального купечества «как две единицы против одной». Именно они, по мнению Василия Васильевича, поступали «в рассуждении своих граждан, как сильные над слабыми». Осуждал Крестинин первого президента магистрата Федора Чирцова (1745–1748) за «неумеренную жестокость», а второй президент, Григорий Очапов, за время своего «правительства» (1750–1761) «снискал себе от общества ненависть» за «утеснение гражданския (т.е. городские. – *А.К.*) вольности». Антон Бармин был «хозяином» Очапова, произведя его из своего приказчика в «ратманы, потом в бургомистры и напоследок в президенты...»

Но были, как считал Крестинин, среди выборных начальников и честные люди, например магистратский ратман Петр Григорьевич Латышев («городской попечитель над бедными людьми»), ку[247]пец Николай Алексеевич Свешников («депутат комиссии Нового Уложения»), Александр Иванович Фомин («лучший нынешнего времени в Архангелогородском посаде писец в прозе и стихах»), бургомистры Андрей Дудин, Никифор Зыков и Иван Баженин (имевшие заслуги «в защищении торгового права») и другие. В вопросе 94-м автор интересуется, а «какими делами... показали гражданские наши начальники в последовавшее время» и отвечает: «Двоякого рода, ово хвалы ово хулы достойные». Беда и вина начальствующих лиц в одном – в их непросвещенности, малокультурности. «Надлежит сказать не без огорчения, – писал Крестинин, – что в

предреченных наших начальниках не единого не было прямого наук любителя. Из них же один токмо ратман Пругавин обучен был арифметике...»¹.

Автор истории Архангельска отказался от традиционного летописного принципа и перешел к новому, еще не апробированному в русской историографии XVIII века проблемно-исследовательскому методу в анализе экономического и политического развития Архангелогородского посада. Очень важна методологическая посылка в «Предуведомлении» к книге: главная причина, побудившая Крестинина написать «краткую историю нашего города», заключается в том, чтобы «сограждане мои не могли оскудевать в той части человеческого познания», о которой когда-то говорил Цицерон. И Василий Васильевич переводит с латыни слова римского оратора-политолога: «Кто достопамятных бытностей на свете не знает, что прежде рождения его происходило, тот завсегда разумом младенец...»².

Труды В.В. Крестинина заслужили высокую оценку со стороны современников. Секретарь Академии наук И.А. Эйлер 2 октября 1786 года сообщил Василию Васильевичу о том, что его избрали корреспондентом Академии³, а через несколько лет, в 1790 году, директор Академии Е.Р. Воронцова-Дашкова написала Крестинину об избрании его почетным членом⁴. В июне 1795 года, уже после смерти Крестинина, в Архангельск пришло известие об избрании А.И. Фомина корреспондентом Академии наук. Академическая[248] вакансия была заполнена достойным претендентом. Друг Крестинина был автором ряда выдающихся историко-географических сочинений, имевших важное прикладное значение. В академическом издании «Новые ежемесячные сочинения» Фомин одновременно с Крестининым публикует свои исследования о северных промыслах (смоляном дегтярном, морском рыбозверии), наблюдения об

---

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. V.

³ Архив АН СССР. Ф 3. Оп. 1. № 359. Л 24–25, 31–34.

⁴ Семенников В.П. Материалы по истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914.

особенностях русского языка в Двинском крае, описание купеческого сословия с применением крестининского метода генеалогических разысканий, а в 1789 году Академия наук издала основной труд Фомина «Описание Белого моря». Друг Крестинина был известным архангелогородским просветителем. Не без помощи Крестинина он открыл в родном городе в 1767 году первую книжную лавку, в которой продавались ученые академические издания, буквари, учебники на русском и иностранных языках, книги по истории, в том числе «Древняя Российская история г. Ломоносова», «Краткий Российский летописец» и т.д. В конце 1780-х годов в Архангельске появились издания Н.И. Новикова, в которых были опубликованы ценные исторические документы из коллекционных собраний членов «вольного клевретства» Крестинина и Фомина. Последователями Фомина в «книгопродавстве» были купец Семен Болотный и мещанин Егор Бозов, распространявшие издания Академии наук и Московского университета в 1785–1787 годах.

Несколько слов о наследниках Крестинина. После смерти Василий Васильевич оставил на руках супруги, Ульяны Федоровны, двух детей – дочь Веру (родилась 16 августа 1793 года) и сына Василия (родился 13 января 1796 года). Судьба последнего неизвестна. Вера же в январе 1813 года вышла замуж за корабельного плотника Никифора Прахова и поселилась в Соломбальском селении¹.

В сегодняшнем Архангельске сохранился дом, где в конце XVIII века размещались «градские присутственные места». Старшина архангелогородского мещанства «степенный гражданин» В.В. Крестинин бывал здесь много раз. В XIX веке в этом здании было уездное училище, основанное в 1811 году, в честь столетия со дня рождения М.В. Ломоносова, а затем долгое время располагалась общеобразовательная школа № 4 города Архангельска. Память о Крестинине сохраняют Гостиные дворы,

---

¹ Сведения, сообщенные В. А. Волынской (См.: Волынская В.А. «Степенный гражданин страны»: Новые дополнения к биографии В.В. Крестинина. Архангельск. 1991. 24 июля. № 37).

занятые в наше время областным краеведческим музеем, и каменная «гарнизонная» Троицкая церковь в Кузнечихе, переданная недавно Русской Православной Церкви. Других памятных мест о Крестинине в родном городе, увы, не сохранилось...

Исторические сочинения В.В. Крестинина имеют не только краеведческое значение, они по праву вошли в золотой фонд отечественной истории. Нравственный опыт жизненного подвига «архангелогородского степенного гражданина», трудившегося, любившего и страдавшего в далеком восемнадцатом столетии, по-новому осмысливается соотечественниками-россиянами на рубеже XXI века.

**Письмо архангельскому губернатору Е.А. Головцыну от членов
Архангельского «Общества для исторических исследований»**

Май 1768 года¹.

(Заголовок, составленный В.В. Крестининым: «Письмо 1768 года Майя ... дня, его Превосходительству, господину Генерал Майору, Архангелогородской Губернии Губернатору, и ордена Святыя Анны Кавалеру Егору Андреевичу Головцыну, от исторического Архангелогородского клевретства».)

«Милостивый Государь!

Сколько ныне просвещенное правительство в Губерниях распространяет общее добро расширением наук и просвещением граждан полезнейшими знаниями; тому здешней страны География достохвальным старанием Вашего Превосходительства исправляемая есть свидетелем достоверным. Но с Географиею совокупно история соединиться и совершенное познание и здешней стране открыть обществу по ныне еще не может, чему препятствующие причину Вашему Превосходительству как высокоучрежденному о добре общем попечителю, изъяснить здесь за

---

¹ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792 155, 245–247.

нужное почитаем. В прошлом 1759 годе состоялось здесь из четырех единограждан некоторое новым приращением ныне умножившееся общество, «положившее себе законом труд соединенными силами в истории здешнего города и страны упражняться, собрать раз[250]ных времен известного Двинского Летописца списки необходимые для критических рассмотрений; снискать разные старинные из здешних архив и монастырей письменные свидетельства прежнюю историю изъясняющие и все сие на такой конец производит, чтоб со временем оное историческое собрание в Императорскую Санкт- Петербургскую Академию Наук отправить».

В таком намерении все, что чрез дружественное обхождение получить возможно казалось, собирано было прилежно не щадя в потребном случае расходов; но со всем тем желанию не много успех соответствовал; малое число приобретенных старинных Списков, надлежащего собрания Двинских древностей не произвело. Здешние архивы, как лучшее сокровище сих древностей, были нам не приступим, и они сами по себе разоряющимися казались. Всяк любопытный с сожалением взирал на главную здесь Канцелярскую Архиву в превеликом не порядке находившуюся в таком месте, где заключенного воздуха сырость не токмо бумагу через недолгое время, но и самое железо съестъ удобно. И не странным ли бы показалось представление с нашей стороны, есть ли бы то было учинено, об открытии в пользу истории Архив, когда и самая Двинская здешняя Летопись недостойною судеского благоволения почиталась? Так подлинно, Ваше Превосходительство! В 1760 годе Случилось, когда по указу Правительствующего Сената того же года Генваря 14 дня надлежало по Академическим запросам разные Географические известия также и городовые старинные, где есть, Летописцы отправлять из Провинции в Санктпетербургскую Академию Наук. Тогда прежние судьи и приказные служители ведомый им здешний Летописец не осмелились в Академию отправить в таком предугверении будучи, что сочиненное вне судебного места летописание не можно одобрить судебным местом.

Потом наше общество старалось открыть здесь магистратскую не в лучшем состоянии находившуюся Архиву, в которой есть для истории нарочито свидетельств о первоначальном и в прошедшее столетствие бывшем состоянии здешняго гражданства. Но поданное о том магистрату 25 сентября 1763 года доношение осталось бесплодным. Ибо со своим странным делом магистратским судьям казалось о истории отечества своего стараться, за тем, что на то у них точного указа нет, следовательно, по их мнению, и должности не имеют для истории нечто исправить.

Но в настоящее время нет уже Страху от таких предубеждений: ибо между многоразличными Государственных дел попечении[251]ями оказывается просвещенное Вашего Превосходительства в Российской истории рачение, и в правление Вашего же Превосходительства видим свободенную Канцелярскую Архиву из прежнего толь вредительного и опасного ей места. При таких благополучных расположениях, осталось нам единственное желание, что б иметь главного Градоправителя о истории здешней попечителем. Ибо кроме знатного покровительства вольному какому наше собранию не удобно из городских Архив и монастырей списывать и собирать всякого рода древние исторические доказательства, которые служить могут дополнением Российской всеобщей и быть основанием особливою и здешней стране и городе истории; того ради приемлем смелость и просим покорнейше Ваше Превосходительство положить нашему труду твердое основание принятием на себя звания о истории Архангелогородской попечителя, и удостоить своим покровительством наше вольное для Архангелогородских древностей собрание, в коем назначено быть общему совету в каждую неделю по дважды, дабы потому наши труды имели порядочное течение. Без сомнения Императорская Академия Наук почтет достойным отменного внимания такое Вашего Превосходительства старание; общество прославит оное; здешние жители с потомством своим усердную благодарность за то

умножат; когда им не будет более приписуемо Цицероново известное изречение:

То есть, подобен отроку о том незнающий, что прежде рождения его случилось. И мы под толь знатным Вашего Превосходительства покровительством оному нашему труду весь желаемый здесь успех получить совершенно надеемся.

Вашего Превосходительства!

Покорнейшие слуги».

На подлинном подписались:

Василей Нарышкин, Никифор Зыков, Александр Фомин, Василей Крестинин, Алексей Свешников.

Майя ... дня 1768 года. В городе Архангельском.

Археографическое примечание: Текст документа передан приближенно к современным правилам русской орфографии и пунктуации, при сохранении авторского стиля. Слово «архив» употреблялось авторами письма как «архива» (жен. род).

Замечание по содержанию: Из губернатора Е.А. Головцына не получилось попечителя истории, письмо же местных историков осталось без ответа.[252]

Библиографический указатель

От составителя¹

Указатель подготовлен к 70-летию профессора Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, историка-краеведа, архивиста Анатолия Александровича Куратова.

Указатель состоит из двух основных разделов – «Труды А.А. Куратова» и «Публикации об А.А. Куратове».

В первом разделе представлены монографии, статьи из научных сборников и периодических изданий, выделены подразделы: «Составление сборников, редакторство, членство в редколлегиях», «Титульное рецензирование», «Научное руководство работой над диссертациями в 1998–2003 гг.», «Отчеты об археологических исследованиях А.А. Куратова, хранящиеся в Институте археологии РАН (г. Москва)», «Интервью».

Второй раздел содержит сведения о публикациях об А.А. Куратове.

Библиографические записи расположены в хронологическом порядке, внутри одного года – книжные издания (монографии, статьи из сборников) – по алфавиту, они предваряют публикации в периодике. Рецензии на монографии и сборники указаны рядом с записью на издание, они выделены курсивом. Издания, где А.А. Куратов указан как рецензент на обороте титульного листа, собраны в подраздел «Титульное рецензирование», в котором есть отсылка (см. также: №№) на опубликованные рецензии, представленные в общей хронологии трудов.

Для удобства пользования подготовлены вспомогательные «Алфавитный указатель трудов» А.А. Куратова и «Именной указатель», которые относятся только к общему «Библиографическому указателю», а не ко всему сборнику. В «Именном указателе» в алфавитном порядке собраны

---

¹. Составитель – А.М. Смирнова

фамилии соавторов, редакторов, рецензентов и т.д., в круг-лых скобках отмечены номера библиографических записей на персо-налии, о которых писал А.А. Куратов.

Библиографические записи составлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, 7.80-2000 и 7.12-1993. При описании монографических публикаций один автор повторно за косой чертой не указывался, соавторы перечислены в том порядке, как они представлены в издании; при большом составе редколлегии в сборниках указаны только первый автор и ответственные редакторы.

Отбор материала закончен 1 июня 2006 года.

Труды А.А. Куратова

1964

1. **Интересные находки:** [археол. экспедиции Арханг. краевед. музея в Онежском, Приморском и др. р-нах области] // Правда Севера.— 1964.— 8 янв.
2. **Неведомые мастера древности:** [информ. о коллекции предметов эпохи каменного века, переданной Ф.Е. Малыгиным в Арханг. краевед. музей] // Правда Севера.— 1964.— 7 апр.
3. **Селение, которому 3500 лет:** [неолитическая стоянка на берегу р. Кузнечихи] // Правда Севера.— 1964.— 16 сент.

1965

4. **Древнейшее население Беломорского Севера:** последние археол. исследования обл. краевед. музея // Правда Севера.— 1965.— 26 нояб.

1966

5. **Археологические экспедиции Архангельского краеведческого музея в 1964–1965 гг.** // Пленум Института археологии (АН СССР) 1966 г. Секция «Неолит и бронзовый век» : тез. докл.— М., 1966,— [Ч. 1].— С. 13.
6. **Архангельский областной краеведческий музей:** крат. путеводитель по залам музея : [буклет / подгот. изд.: А.А. Куратов [и др.]; фот. В.Е. Тайкина, худож. И.Н. Кисляков].— [Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1966].— 1 л. (слож.: 12 с.:ил.).

* * *

7. **Лето краеведов** // Правда Севера.— 1966.— 8 июля.
8. **Заглядывая в древность:** [археол. практика студентов-историков Арханг. пед. ин-та в районе Орлецкого городка] // Правда Севера.— 1966.— 13 окт.

9. **Энтузиаст изучения Севера:** [этнограф, археолог, краевед Василий Иванович Смирнов] // Правда Севера.– 1966.– 25 окт.

10. **Во имя будущего:** [краеведческие музеи Архангельской области] // Правда Севера.– 1966.– 11 нояб.

1968

11. **Север в древности** // Наш край в истории СССР : учеб. Пособие под ред. Г.Г. Фруменкова.— Архангельск, 1968.— С. 4–11.

1969

12. **Изучение неолита в Архангельском Беломорье** // Археологические открытия 1968 года,— М., 1969.— С. И–13.

* * *

13. **В поисках древних костров:** археол. экспедиция Арханг. пед. ин-та и обл. краевед, музея в древнюю историю Беломорья // Правда Севера.— 1969.— 24 сент.

1970

14. **Изучение средневековых городищ Архангельского Севера** / А.А. Куратов, Н.М. Терехин // Археологические открытия 1969 года,— М., 1970— С. 28.

15. **Неолит Архангельского Беломорья** // Там же.— М., 1970. — С. 11–12.

* * *

16. **О каменных лабиринтах Северной Европы:** (опыт классификации) // Советская археология.— 1970.— № 1.— С. 34–48: ил.— Рез. на фр. яз.

17. **Каменные лабиринты Беломорья** // Правда Севера.— 1970.— 13 июня.

18. **Где же искать «неуловимую» чудь?:** новое о первобытной истории Архангельского Беломорья //Правда Севера.— 1970.— 15 окт.

1971

19. **Древняя история Архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла** : автореф. дис. ... канд. ист. наук : № 07575 / Ленингр. гос. ун-т.— Л., 1971.— 21 с.— На правах рукоп.

20. **Исследования в Архангельском Беломорье** // Археологические открытия 1970 года.— М., 1971.— С. 9–10.

* * *

21. **Каменные лабиринты Северной Европы** // Наука и жизнь.— 1971.-2- № С. 138–139.

22. **«Листая» страницы истории:** из экспедиций возвратясь : [Арханг. археол. экспедиция обл. краевед, музея и Арханг. гос. пед. ин-та на Соловецких о-вах, в Приморском и Холмогорском р-нах] // Правда Севера.— 1971.— 17 окт.

1972

23. **Изучение древностей Архангельского Севера** // Археологические открытия 1971 года.— М., 1972.— С. 16–17.

24. **К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов** // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. Археол. секция / АН СССР, Ин-т археологии.— М, 1972.— С. 34–35.

25. **Изучение древностей Архангельского Севера:** [крат, отчет об археол. экспедициях в Приморский и Холмогорский р-ны Арханг. обл.] // Информационный бюллетень музеев Архангельской области: (1968–1974).– 1972.– Вып. 8.– С. 1–2.– На правах рукоп.

26. **Нарисовано... зубилом:** [петроглифы на берегу р. Курги Пинежского р-на] / фот. В. Гайкина // Правда Севера.– 1972.– 28 июля.– Подписано: Наш корр.

27. **Север: далекое и близкое** // Правда Севера.– 1972.– 8 авг.– Рец. на кн.: Никитин, А.Л. Цветок папоротника: Возвращение к Северу.– М.: Мысль, 1972,–.193 с.

* * *

28. **Stenlabyrinter i Solovetskij arkipelagen i Vita havet (USSR)** // Finskt Museum. 1972. - Hagalund, 1973.– S. 59–63.

1973

29. **Древние лабиринты Архангельского Беломорья:** (к вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы) // Историко-краеведческий сборник / Волог. гос. пед. ин-т.– Вологда, 1973,– С. 63–76: ил.

30. **Из опыта проведения на IV курсе спецсеминара по истории родного края** // О дальнейшем совершенствовании преподавания исторических дисциплин на заочных отделениях педагогических институтов в свете решения 24 съезда КПСС : метод, семинар зав. каф. и преподавателей истории пед. ин-тов центр, зоны (20–23 марта 1973 г.) : тез. докл. и сообщ. / Моск. гос. заоч. пед. ин-т.– М., 1973.– С. 15–16.

31. **Петроглифы на Пинеге** //Археологические открытия 1972 года.– М., 1973,– С. 18–20: ил.

* * *

32. **Полярная летопись в значках:** [материалы для серии значков о полярниках подготовлены членами исторической секции Арханг. обл. совета ВООПИиК] // Правда Севера.– 1973.– 11 авг.

* * *

33. **On the Stone Labyrinths of Northern Europe** // Soviet Anthropology and Archeology. – 1973.– Vol. 12.– S. 61–83.– Оpubл. по: Советская археология.– 1970.– № 1.– С. 34–48.

1974

34. **Исследование памятников Архангельской области** / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов // Археологические открытия 1973 года.– М., 1974 С. 15–16.

35. **К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Северной Европы** // Вопросы советского финно-угроведения: археология, литературоведение, этнография, фольклор : тез. докл. и сообщ. на XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 250-летию АН СССРг- Петрозаводск, 1974.– С. 18–20.

36. **Север в древности; Культурное строительство на Севере в 1917–1940 гг.** // Наш край в истории СССР : учеб. пособие / под ред. Г.Г. Фруменкова.– 2-е изд., доп. и перераб.–[^] Архангельск, 1974.– С. 4–12, 152–167: ил.

* * *

37. **Древняя земля Севера:** [новые археол. находки объединенной экспедиции обл. краевед, музея и Арханг. пед. ин-та] // Правда Севера.– 1974.– 5 янв.

38. **Книга о Сольвычегодске** / А. Куратов, Ю. Прокопьев // Правда Севера.– 1974.– 31 янв. Рец. на кн.: Овсянников, О.В. Сольвычегодск.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1973.– 96 с.

39. **О недостатках нужного издания** // Правда Севера.– 1974.- 10 дек.– Подписано: Куратова Н.– Рец. на кн.: Селезнев, А.Г. По Архангельску и области: путеводитель.– Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1974.– 135 с.

1975

40. **Древние памятники Беломорья:** [Онежский р-н и Соловецкие о-ва] / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов, Ф.А. Михайловский // Археологические открытия 1974 года.– М., 1975.– С. 20–21.

* * *

41. **Славное поколение** // Правда Севера,– 1975.– 21 окт.– Рец. на кн.: Фруменков, Г.Г. Методическое пособие для лекторов и пропагандистов на тему «Декабристы»: к 150-летию со времени восстания декабристов / Арханг. обл. орг. о-ва «Знание».– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975.– 32 с.

1976

42. **Исследования в Архангельской области:** [Соловецкий архипелаг, Каргопольский р-н, бассейн р. Ваги] / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов, Ф.А. Михайловский, В.В. Шевелев // Археологические открытия 1975 года.– М., 1976. С. 27.

43. **Степан Федорович Огородников** // Памятные даты Архангельской области, 1976 год.– Архангельск, 1976.– С. 8–9.– Авт. указ на обороте тит. л.

44. **Север с древнейших времен до 16 века:** археол. памятники культуры. Север в 12–13 вв. Север в 14–15 вв.; Архангельский Север в 16–20 вв. (до 1917 г.: Архангельский Север в 16– 17 вв. Архангельский Север в конце 19 – нач. 20 в. Революционное движение в конце 19 – нач. 20 в.; Военная интервенция и гражданская война на Севере: установление советской власти на Севере (март 1918 – янв. 1919). Разгром интервентов и

белогвардейцев (янв. 1919 – март 1920): карты / А.А. Куратов, С.М. Баталова // Атлас Архангельской области.– М., 1976.– С. 69–71.

* * *

45. **О родине великого помора** // Правда Севера.- 1976.– 16 апр.– Рец. на кн.: Морозов, А.А. Родина Ломоносова.-*; Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. – 478 с.

46. **Труд по истории северного крестьянства** // Правда Севера. - 1976.– 25 сент. – Рец. на кн.: Колесников, П.А. Северная деревня в 15-первой половине 19 века: к вопр. об эволюции аграрных отношений в Русском государстве.– Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976.– 416 с.

1977

47. **Исследования на Архангельском Севере:** [Соловецкий архипелаг, Няндомский р-н, Приморский р-н] / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов // Археологические открытия 1976 года.– М., 1977. – С. 22.

48. **От Февраля к Октябрю** [1917 г.] // Памятные даты Архангельской области, 1977 год.– Архангельск, 1977.– С. 18–20.– Авт. указ. на обороте тит. л.

* * *

49. **Перед дальней дорогой:** [Архангельская археологическая экспедиция] // Правда Севера.– 1977.– 11 июня.

50. **Изучая историю края:** об изучении истории Архангельской области учеными Севера // Правда Севера.— 1977.— 2 авг.— (IX Ломоносовские чтения).

1978

51. **Археологические памятники Архангельской области:** каталог / Арханг. обл. отд-ние ВООПИиК, Упр. культуры Арханг. облисполкома.-^

Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978. – 103 с.: ил., 1 л. отд. карт.– Библиогр.: с. 95–102.

52. Второй Архангельский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов: (к 60-летию со дня открытия) // Памятные даты Архангельской области, 1978 год.– Архангельск, 1978.– С. 36–37.– Авт. указ. на обороте тит. л.

53. Первый Архангельский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: (к 60-летию со дня открытия) // Там же.– С. 18–20.– Авт. указ. на обороте тит. л.

54. Новейшие археологические исследования на территории Архангельской области / А.А. Куратов, О.В. Овсянников // Историография и источниковедение истории северного крестьянства: северный археографический сборник.– Вологда, 1978.– Вып. 6. – С. 3–12.

55. Разведки и раскопки на Архангельском Севере: [Соловецкий архипелаг, Летний берег Белого моря, долины рек Устья, Ваги, Кокшеньги, стоянки Кузнечиха и Орлецы] / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов // Археологические открытия 1977 года.– М., 1978, – С. 20–21.

* * *

56. Страницы древней истории: [15-й полевой сезон Архангельской археол. экспедиции] // Правда Севера.– 1978.– 5 июля.

1979

57. Исследования на Белом море: [Приморский и Мезенский р-ны, Соловецкий архипелаг] // Археологические открытия 1978 года.– М., 1979.– С. 21.

58. Наш край в древности; Культурное строительство на Севере в 1917–1940 гг. // Наш край в истории СССР : учеб. пособие. / под ред. Г.Г. Фруменкова.– 3-с изд. доп. и перераб.– Архангельск, 1979.– С. 5–16, 151–163: ил.

59. **От редактора** // Русский Север и Россия в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) / Волог. гос. пед. ин-т; отв. ред. А.А. Куратов. – Вологда, 1979.– 88 с.

60. **Преимственность в развитии источниковедческой подготовки студентов заочного отделения, изучающих региональную историю** // Формирование личности учителя истории в условиях заочного обучения: метод. рек. / Моск. гос. заоч. пед. ин-т, каф. истории СССР; отв. ред. А.В. Ушаков.– М., 1979.– С. 4–9.

* * *

61. **Пещерные рисунки на р. Пинеге:** [археол. исследования 1972–1973 гг., организованные Арханг. обл. краевед. музеем] / А.А. Куратов, А.Я. Мартынов // Советская археология.– 1979.– № 2,– С. 246–250: ил.

62. **Вместе со всей страной** // Правда Севера.– 1979.– 31 янв.– Рец. на кн.: Овсянников, О.В. Шенкурск.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.– 104 с.: ил.

63. **Пути-дороги археологов:** [17-й полевой сезон Арханг. археол. экспедиции] // Правда Севера.– 1979.– 16 авг.

1980

64. **Исследования на Анзерском острове Соловецкого архипелага** // Археологические открытия 1979 года.– М., 1980.– С. 16.

1981

65. **Анзерские древности Соловецких островов** // Археологические открытия 1980 года – М., 1981.– С. 18.

66. **Основные проблемы археологии Архангельского Беломорья** // Проблемы Белого моря: пути решения : тез. докл. науч.-практ. конф. /

Арханг. отд-ние Сев. фил. Геогр. о-ва СССР, Арханг. ЦНТИ.– Архангельск, 1981.– С. 23–26.

* * *

67. **По следам прапредков:** [Пинежский р-н и Соловецкие о-ва] // Правда Севера.– 1981.– 18 нояб.– (Экспедиция-81).

1982

68. **Архангельскому пединституту – 50 лет** // Проблемы формирования профессиональных навыков и умений в процессе обучения студентов в педвузе : тез. докл. межвуз. науч.-метод. конф., посвящ. 50-летию АГПИ им. М.В. Ломоносова.– Архангельск, 1982,– С. 3–6.

69. **Здание Северного геологического треста, в котором в 1933- 1941 гг. работал краевед В.И. Смирнов** // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Архангельская область / НИИ культуры.– М., 1982.— С. 82–84.– (Сб. науч. трудов; № 117).

70. **Рожденный культурной революцией:** (Архангельскому государственному педагогическому институту имени М.В. Ломоносова 50 лет / А.А. Куратов, П.Т. Синицына // Памятные даты Архангельской области, 1982 год.– Архангельск, 1982.– С. 32–35.

71. **Институт-юбиляр:** [Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова] // Нярьяна вындер.– 1982.– 29 июня.

* * *

72. **Награда обязывает:** (ректор АГПИ о жизни вуза) // Правда Севера.— 1982.— 17 авг.

73. **Школе служит полвека:** (о прошлом и нынешнем дне Архангельского пединститута) // Северный комсомолец.– 1982.– 19 авг.

74. **Пинежские находки:** [археол. экспедиции Арханг. обл. краевед. музея] // Правда Севера.– 1982.– 15 окт.; То же // Пинежская правда.– 1982. – 23 окт.

75. **Учим учителей:** Архангельскому государственному педагогическому институту им. М.В. Ломоносова – 50 лет // Правда Севера. – 1982. – 3 нояб.

1983

76. **В глубь веков:** [археол. изучение Архангельского Севера] // Памятники Архангельского Севера: [сб.] / сост. и отв. ред. Ю.К. Новожилов. – Архангельск, 1983. – С. 13–15.

77. **Великая Северная экспедиция, (1733-1743)** // Памятные даты Архангельской области, 1983 год. – Архангельск, 1983. – С. 27–29.

78. **Николай Николаевич Кузьмин:** (к 100-летию со дня рождения) // Там же. – С. 38–39.

79. **Опыт музеефикации каменных лабиринтов Соловков** // Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников : тез. докл. участников II межреспубл. шк.-семинара молодых ученых по проблемам современного музееведения / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, Упр. культуры Арханг. облисполкома [и др.]. – Архангельск, 1983. – С. 43–46.

80. **Основные проблемы археологии Архангельского Беломорья** // Природа и хозяйство Севера / Сев. фил. Геогр. о-ва СССР- Мурманск, 1983. – Вып. 11 – С. 78–83.

* * *

81. **Соловецкие стоянки II–I тысячелетия до н.э.** // Советская археология. – 1983. – № 4. – С. 199–204: ил. – Библиогр.: 17 назв.

82. **Слово о Ломоносове** // Правда Севера. – 1983. – 2 сент. – Рец. на кн.: Слово о Ломоносове: [сб. науч.-попул. очерков] / сост. Г.Г. Фруменков. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. – f 191 с.

83. **Ломоносов и Север** // Правда Севера.— 1983.— 13 нояб.— Рец. на кн.: Ломоносов и Север : библиогр. указ. / сост. Г.М. Кошелева,— Архангельск, 1983.— 68 с.

1984

84. **Древности Архангельского Севера** // Археологические открытия 1982 года.— М., 1984,— С. 16: ил.

85. **Материальная и духовная культура первобытных жителей дельты Северной Двины** // Роль Архангельска в освоении Севера: тез. докл. Всесоюз. конф., Архангельск, июнь 1984 / АН СССР, Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР — Архангельск, 1984.— С. 111–113.

86. **Население Европейского Севера в древности. Зарождение производящего хозяйства** / А.А. Куратов, Т.В. Лукьянченко, Э.А. Савельева // История северного крестьянства.— Архангельск, 1984. — Т 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма.— С. 22–36.

87. **Некоторые итоги деятельности Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР** / А.А. Куратов, Г.И. Просвирина // Крестьянство Севера России в 16 веке : межвуз. сб. науч. тр. 7 Волог. гос. пед. ин-т, Сев. отд-ние Археогр. комиссии АН СССР-ит Вологда, 1984.— С. 3–18.

88. **Об археологическом изучении Беломорья и прилегающих к нему территорий** // Археология и археография Беломорья : сб. ст. / Кольский фил. АН СССР, Соловецкий гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник; сост. А.Я. Мартынов.— [Котлас], 1984,— С. 5–35.

89. **Памятники истории и культуры Архангельской области**: учеб. пособие к спецкурсу / Волог. гос. пед. ин. Вологда, 1984.— 90 с.

90. **Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии**: к 400-летию Архангельска: метод. рек. для студентов / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова.— Архангельск, 1984,— 32 с.: ил.

91. **Челищев – друг Радищева:** (к 240-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1985 год – Архангельск, 1984.– С. 50–52.

92. **60 лет Комитету содействия народностям северных окраин** // Памятные даты Архангельской области, 1984 год.– Архангельск, 1984. 51–53.

* * *

93. **Древние стоянки на Соловках** // Наука и жизнь.– 1984.– № 5,– С. 66.

94. **Книга о четырех веках** // Правда Севера.– 1984.– 14 июля.– Рец. на кн.: Архангельск, 1584–1984 : фрагм. истории.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд.-во, 1984.– 333 с.: ил.

1985

95. **Северная топонимика** // Патриот Севера : ист.-краевед. сб. / сост. Ю.И. Колмаков.– Архангельск, 1985.– С. 212–216.

96. **Специальные и вспомогательные исторические дисциплины:** метод, рек. для студентов / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск, 1985.– 36 с.

97. **Чичагов Василий Яковлевич:** (к 260-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1986 год.– Архангельск, 1985.– С. 34–35.

1986

98. **Источниковедение и историография истории Архангельского Севера** // История и культура Архангельского Севера: (досовет. период) : межвуз. сб. науч. тр. / Волог. гос. пед. ин-т [и др.].– Вологда, 1986.— С. 3–6.

99. **М.В. Ломоносов и северное крестьянство** // Ломоносов и Север : тез. докл. Всесоюз. конф., Архангельск, июнь 1986 г. / АН СССР. Арханг. фил. Геогр. о-ва, Арханг. обл. краевед. музей.— Архангельск, 1986.— С. 20–23.

100. **Проблемно-комплексный подход к изучению истории Европейского Севера СССР** / А.А. Куратов, П.А. Колесников // М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения : тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф., 9–11 сент. 1966 г.— Архангельск, 1986.— С. 278–281.

* * *

101. **Канитан-бригадир Чичагов** // Моряк Севера.— 1986.— 27 сент.

1987

102. **Анатолий Ильич Геккер: (к 100-летию со дня рождения)** // Памятные даты Архангельской области, 1988 год.— Архангельск, 1987.— С. 41–43.

103. **История северного краеведения** / Арханг. обл. орг. о-ва «Знание». — г Архангельск» 1987.— 19 с.

104. **Методические рекомендации по изучению курса истории СССР в 5 и 8 классах общеобразовательной школы** / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1987.— 73 с.

105. **Методические рекомендации по изучению курса истории СССР в 9 классе общеобразовательной школы** / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1987.— 50 с.

106. **Методические рекомендации по изучению курса истории СССР в 10 классе общеобразовательной школы** / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1987.— 53 с.

* * *

107. **Всесоюзная конференция в Архангельске, посвященная 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова** / А.А. Куратов, А.Н. Давыдов, Н.М. Теребихин // Советская этнография.— 1987.— № 2 С. 139–141.

108. **Декабристы и Север** // Правда Севера.— 1987.— 30 янв.— Рец. на кн.: Фруменков, Г.Г., Волынская, В.А. Декабристы на Севере.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986.— 224 с.: ил.

109. **В ответе перед будущим:** [II пленум Архангельского областного совета ВООПиК] // Правда Севера.— 1987.— 29 дек.

1988

110. **Археологические памятники Архангельской области:** (список памятников на состояние 7 дек. 1988 г.) / АГПИ им. М.В. Ломоносова, НИИ культуры М-ва культуры РСФСР и АН СССР; сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1988.— 52 с.

111. **Сергей Алексеевич Закемовский:** к 100-летию со дня рождения // Памятные даты Архангельской области, 1989 год.— Архангельск, 1988.— С. 40–42.

112. **Историческая метрология:** метод, рек. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.— Архангельск: АГПИ им. М.В. Ломоносова, 1988.— 23 с.— Библиогр.: с. 22-Ц-23.

113. **Промысловые животные Двинского Беломорья в первобытной скульптуре** // Комплексные проблемы охраны и рационального использования ресурсов Европейского Севера на примере рек Северо-Двинского бассейна : тез. докл. Всесоюз. конф., Архангельск, апр. 1988 г.— Архангельск, 1988.— С. 194–197.

114. **Соловецкие лабиринты — древние памятники культуры Северной Европы** // Культура Русского Севера / АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры; сост.: А.Н. Давыдов, А.А. Куратов; отв. ред. К.В. Чистов. Л., 1988.— С. 13–21.

115. **Топонимика Архангельской области** // Семиотика культуры : тез. докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры, 8–18 септ. 1988 г. / Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР [и др.] – Архангельск, 1988.– С. 110–113.

1989

116. **Историография истории и культуры Архангельского Севера:** учеб. пособие к спецкурсу / Арханг. гос. пед. ин-т.– Вологда, 1989 (1990). 111 с.– Библиогр. слов.: с. 40–108; Библиогр. в примеч. в конце разд.

Рец.: Зашихин, А. Провинция моя: энциклопедия северного краеведения // Правда Севера – 1991.– 13 марта.

117. **Иван Иванович Лепехин:** (к 250-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1990 год.– Архангельск, 1989, – С. 35–37.

118. **Орлецкие находки** // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии : тез. докл. / Ин-т всеобщ. истории АН СССР [и др.]. ШМ., 1989,– С. 186 –188.

* * *

119. **Archaeological Scansens in the USSR**=Археологические скансены в СССР : метод, рек. для студентов / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов; рец. В.И. Ракитина.– Архангельск, 1989. – 16 с.– Текст на англ. яз.

* * *

120. **Создали Книгу-мемориал** [воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы войны, изд. в Вологде в 1988 г.] // Правда Севера.– 1989.-й 9 мая.

121. **Российский историк:** к 70-летию Г.Г. Фруменкова, 1919–1989 // Правда Севера.– 1989.– 19 дек.

122. **Археологические скансены в СССР** // Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ: межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар, гос. ун-т.— Сыктывкар, 1990,— С. 90–102.

123. **Археология острова Моржовец и проблема древнейшего заселения островов Белого моря** / А.А. Куратов, О.В. Овсянников // Двести лет арктической археологии : [сб.]— М., 1990.— С. 44–48. — (Крат, сообщ. /АН СССР. Ин-т археологии; 200).

124. **Иван Павлович Выучейский**: к 90-летию со дня рождения // Памятные даты Архангельской области, 1991 год.— Архангельск, 1990.— С. 14–15.

125. **Источниковедение отечественной истории** // Совершенствование профессиональной подготовки учителя в вузах Севера : межвуз. сб. науч. тр. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова.— Архангельск, 1990.— С. 75–80.

126. **Смирнов Василий Иванович (1882-1941 гг.)** // Культура и политика в современном мире : тез. докл. II Соловецкого обществ.-полит. форума, 9-13 сент. 1990 г. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова, Арханг. гос. мед. ин-т.— Архангельск; Соловки, 1990,—С. 111–112.

127. **Соловецкие памятники**: описания А.А. Евневича и П.К. Казаринова, 1934 г. // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Боярский.— М., 1990. — С. 301–323. — (Памятниковедение).

* * *

128. **Иван Иванович Лепехин** // Север.— 1990.— 27 марта.

129. **Иван Иванович Лепехин**: к 250-летию со дня рождения // Моряк Севера.— 1990,— 19 сент.— С. 9–10.

1991

130. **Археологические древности Севера:** буклет / Арханг. обл. краевед, музей.— Архангельск, 1991.— 11 с.— На правах рукоп.

131. **Василий Никитич Татищев, 1686-1750** // Календарь знаменательных дат, 1991 : (метод, рек. в помощь учителям географии, биологии, истории) / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР.— Архангельск, 1991, — С. 37–38.

132. **Василий Осипович Ключевский** // Там же.— С. 27–30.

133. **Георгий Яковлевич Наливайко** // Там же.— С. 38–39.

134. **Метрология России и Русского Севера** / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР.— Архангельск, 1991.— 33 с.

135. **От редактора-составителя** // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное» : тез. докл. и сообщ. регион, науч. конф., 28–30 мая 1991 г. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т экол. проблем Севера Урал, отд-ния АН СССР; ред-сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1991.— С. 3–7.

136. **Практические занятия по русской палеографии:** (курс «Вспомогательные исторические дисциплины»): метод, рек. для студентов ист. фак. дневного и заочного обучения / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова.— Архангельск, 1991.— 33 с.

137. **Северная ономастика** // Вопросы топонимики Подвinya и Поморья: сб. ст. / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР, Упр. культуры Арханг. облисполкома; редкол.: А.А. Куратов [и др.].— Архангельск, 1991. — С. 12–23.

1992

138. **Археология:** метод, разработка для студентов ист. фак. дневного и заочного отд-ний / Поморский гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.— Архангельск, 1992.— 51 с.

139. **Археология Архангельской Субарктики** // Россия и Норвегия: история и культура : тез. докл. и сообщ. на конф. «Норвежско-русские отношения, 1814–1917. История и культура», Норвегия, г. Тромсе, 6–8 нояб. 1992 г. / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. и науч. ред. А.А. Куратов.– Архангельск, 1992.– С. 10–11.

140. **Василий Иванович Смирнов** // Календарь знаменательных дат на 1992: материалы в помощь учителям географии и истории / Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва; Комитет охраны окружающей среды и природ, ресурсов Арханг. обл.– Архангельск, 1992.– С. 23–24.

141. **Историография отечественной истории**: учеб.-метод. рек. / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов.– Архангельск: Изд-во Помор, гос. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1992. – 26 с.

142. **Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера**: учеб. пособие к спецкурсу / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; науч. ред. Н.М. Теребихин.– Архангельск: Изд-во ПГПУ, 1992.– 129 с.– Библиогр.: с. 98–108; Прил.: Современные исследователи источников истории и культуры Архангельского Севера: с. 120–128.

Рец.: Супрун, М.Н. Новая книга профессора Куратова // Архангельск.– 1993.– 18 марта.

143. **Константин Васильевич Базилевич** // Календарь знаменательных дат на 1992: материалы в помощь учителям географии и истории / Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва; Комитет охраны окружающей среды и природ, ресурсов Арханг. обл. – Архангельск, 1992.– С. 29–30.

144. **Михаил Михайлович Богословский** // Там же.– С. 25–26.

145. **Сергей Владимирович Бахрушин** // Там же.– С. 33–36.

* * *

146. **Arkhangelsk-skatten** / A. Kuratov, O. Ovsyannikov // Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar / red. E. Niemi.– Oslo, 1992,– S. 22–28.

* * *

147. **Народная культура Севера:** «первичное» и «вторичное», традиции и новации: [информация о работе научной конференции с таким же названием (Архангельск, 28–30 мая 1991 г.)] // Этнографическое обозрение.– 1992.-Ц № 4.– С. 144–147.

1993

148. **Архангельский историк Василий Крестинин** // Отечество: краевед, альм.– М., 1993.– Вып. 4.– С. 54–74.

149. **Архангельский Север в истории Отечества:** регион, компонент в преподавании истории в школах Арханг. области. – Архангельск: Изд-во Помор, гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993Д* 77 с.– На правах рукоп.

150. **Гербоведение России и Русского Севера:** учеб.-метод. рек. к курсу «Вспомогательные исторические дисциплины (Геральдика)» / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова,–Архангельск: Изд-во ПГПУ, 1993,– 58 с.: ил.

151. **Историография истории Отечества:** учеб.-метод. рек. / Помор, междунар. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. А.А. Куратов. – г Архангельск: Изд-во ПМПУ, 1993.– 38 с.

* * *

152. **Журнал «Важская область»** // Архангельск.– 1993.– 26 янв.

153. **Православный Север России** // Правда Севера,– 1993.– 9 февр-Рец. на кн.: Камкин, А.В. Православная церковь на Севере России : очерки истории до 1917 1 Волог. гос. пед. ин-т, Ин-т этнологии и антропологии РАН, – Вологда, 1992.– 163 с.: ил.

1994

154. **Карп Андреевич Докучаев-Басков, 1849–1916** // Календарь знаменательных дат на 1994 год: материалы в помощь учителям географии и истории / Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва; Комитет охраны окружающей среды и природ, ресурсов Арханг. обл.– Архангельск, 1994.-- С. 37– 38.

155. **Программа курса «Отечественная история» (национально-региональный компонент):** объяснительная записка / А.А. Куратов, С.И. Шубин, О.В. Чуракова, В.А. Назарьина // Учебные программы для средних школ по гуманитарным дисциплинам с регионально-национальным компонентом / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова [и др.].– Архангельск: Изд-во ПМПУ им. М.В. Ломоносова, 1994.– С. 67–79.

* * *

156. **Arkeologi i detsubartiske Arkhangelsk-området** / kommentar: Reidar Bertelsen; oversatt av Sissel Sildnes // Den menneskelige dimensjon i Nordomradene : rapport fra symposiet «Norsk-Russiske forbindelser ca, 1814 - 1917: historie og kultur», Universitetet i Tromsø, 6–8 november'1992 / redigert av Jens Petter Nielsen og Gunnar Opeide.– Arkangelsk: Pomoruniversitetets forlag, 1994.– S. 26–35.

1995

157. **История формирования территории** / А.А. Куратов, М.Н. Белогубова // География Архангельской области: Физическая география : учеб. пособие для 8 кл. / под общ. ред. Н.М. Бызовой.– Архангельск, 1995.– С. 11–20.

158. **Петр Саввич Ефименко (1835–1908)** // Календарь знаменательных дат на 1995 год: материалы в помощь учителям географии и

истории / Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва, Комитет охраны окружающей среды и природ, ресурсов Арханг. обл.— Архангельск, 1995.— С. 108–109.

159. **Словарь архангельского наречия** // Там же.— С. 109–111.

1996

160. **Земля неизвестная** // Правда Севера.— 1996.— 22 мая.— Рец на кн.: TERRA INCOGNITA Арктики / ПМПУ, Ун-т г., Тромсе; ред.; сост. В.Ф. Толкачев.— Архангельск, 1996,— 301 с.

161. **Счастливая случайность: археологические поиски Г. Чернова** раздвинули горизонты древней истории ненецких тундр // Правда Севера.— 1996.— 1 авг.

1997

162. **Земля Плесецкая – земля Архангельская, российская:** [предисл.] // Макаров, Н.А. Земля Плесецкая: годы, события, люди : ист.-краевед. сб. / Н. Макаров.— Плесецк, 1997.— С. 3–4.

163. **Краеведение: форма и содержание** // Поморье в Баренц- регионе: экология, экономика, социальные проблемы, культура: тез. докл. III Междунар. конф., Архангельск, 24–29 июня 1997 г. / Ин-т экол. проблем Севера Урал, отд-ния РАН [и др.].— Архангельск, 1997,— С. 236–237.

164. **Г.А. Чернов – археолог приполярного края** // Георгий Александрович Чернов: судьба первооткрывателя / сост. Л.Н. Чернова.— М.: Науч. мир, 1997.— С. 94–102.

* * *

165. **Торговый Архангельск в восемнадцатом веке был равен Петербургу** // Правда Севера.— 1997.— 24 июля.— Рец. на кн.: Архангельск в XVIII веке / сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспярых; Арханг. центр Геогр. о-ва [и др.].— СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1997.— 415 с.

166. **О факте варварского отношения к историко-культурному наследию в Архангельске:** обращение / А.А. Куратов, А.Е. Беличенко, В.А. Любимов, Л.Д. Попова // Архангельск.– 1997.– 1 авг.

167. **Через 70 лет «огненная межа» снова пролегла меж нами:** профессор А. Куратов рецензирует новую кн. историка Е. Овсянкина [Огненная межа.– Архангельск, 1997] // Правда Севера.– 1997.– 6 сент.

168. **Древняя ненецкая земля:** [археология ненецких тундр] // История и культура ненцев европейских тундр : ист.-краевед. сб. / Ненец, окруж. краевед, музей, О-во краеведов; сост. Т.Ю. Журавлева; вступ. ст. А. Куратова.-р- Нарьян-Мар, 1998,– С. 4–14.

169. **К читателю** // Памятники архитектуры Русского Севера : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Д. Попова.– Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998.– С. 3–4.

170. **Проблемы истории России и Архангельского Севера в томе «История» Поморской энциклопедии** // Государство, религия и этносы на Севере, 700-1990 = State, religion and ethnicity in the North, A.D. 700-1990: [материалы междунар. рос.-сканд. конф.] / Рос. фонд фундамент, исслед., Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск, 1998fcjW'C. 14–16.

171. **Севернорусская ономастика** // Живое слово Русского Севера: сб. ст. / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; отв. ред. О.Е. Морозова.– Архангельск, 1998.– С. 5–20.

* * *

172. **Нас интересовали только люди и факты:** энциклопедическая история Архангельского Севера впервые получила объективное освещение // Правда Севера.– 1998.– 6 янв.

173. **Улицы Любимого города: имена и годы** // Правда Севера.– 1998.– 14 июля.– Рец. на кн.: Овсянкин, Е.И. Имена архангельских улиц.-jjf 2-е изд., испр. и доп.– Архангельск, 1998.– 310 с.: ил.

174. **Книга откровений:** исполняется 60 лет Северодвинску // У Белого моря Л- 1998.– 13–19 авг.– Рец. на кн.: Северодвинск: испытание на

прочность: очерки, воспоминания, исследования.— Северодвинск, 1998.— 477 с.

175. **Дневник Ивана Глотова** // Правда Севера.— 1998.— 10 дек.— Рец. на кн.: Глов, И.Г. На разломе жизни: дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского р-на Арханг. обл., 1915—1931 гг. / публ. подгот. М.И. Мильчик, М.А. Шумар.— М., ДаВИИИ 323 с.: ил.— (Сер. «Библиотека российского этнографа»).

1999

176. **Антониево-Сийский монастырь** // Ломоносов: крат, эн-цикл. словарь / ред.-сост. Э.П. Карпеев,— СПб., 1999.— С. 16.

177. **Архангельское общество изучения Русского Севера** // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. Науч. конф., посвящ. 90-летию Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.) / Арханг. центр Рус. геогр. о-ва РАН [и др.]— Архангельск, 1999.— С. 191- -203.

178. **Интеграция источниковых текстов в истории Севера** // Массовые источники отечественной истории : материалы X Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники, XVI— XX вв.: проблемы изучения и издания», посвящ. 90-летию А.Л. Шапиро, Архангельск, 25–26 июня 1998 г. / редкол.: А.А. Ку-ратов (гл. ред.) [и др.]— Архангельск: Правда Севера, 1999.— С. 156–170,

179. **История Архангельского Севера в новейшей литературе** = The History of the Russian North in Modern Historiography // Архангельск и северные страны конца XVI – начала XX веков = Arkhangelsk and the Nordic countries: избр. докл. междунар. науч. конф., Архангельск, 10–12 июня 1999 г.— Архангельск: Правда Севера, 1999— С. 67–79.— Рез. на англ. яз.

180. **История и историки Архангельского Севера: вопросы источниковедения и историографии**: монография / Помор, гос. ун-т им.

М.В. Ломоносова. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999.– 71 с.– Исследователи Историй и культуры Архангельского Севера : эксклюзив, слов.: с. 209–269; Библиогр. в примеч. в конце разд.

Рец.: Корельская, С. «Она мне пригодится» //Поморская вечерка.– 1999.– 27 окт.– 2 нояб.

181. К читателю // Поважъс в XVIII–XIX вв.: Важский уезд – Вельский уезд – Вельский район: аннот. указатель / Вельский район, краевед, музей Арханг. обл.; сост. Г.А. Веревкина.– Вельск, 1999 – С. 3–5.

182. Крестинин Василий Васильевич // Ломоносов: крат. энцикл. словарь / ред.-сост. Э.П. Карпеев.– СПб., 1999.– С. 85.

183. Судьбы людей земли Плесецкой: [предисл.] // Макаров, Н.А. Плесецкий край: годы и люди : сб. ист.-краевед. ст. / Н.А. Макаров.– Плесецк, 1999.– С. 3.

184. Это работа профессионала // Новиков, А.В. Лешуконье : история заселения средней Мезени в XV–XIX веках / А.В. Новиков.— Архангельск: Изд-во Помор, гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999.– 2-я с. обл.

* * *

185. Научно-практическая конференция «Немцы и Русский Север» // Wissenschaftliches informationsbulletin = Научно-информационный бюллетень / Междунар. ассоц. исследователей истории и культуры рос. немцев, Междунар. союз немецкой культуры.– М., 1999. – № 1 (янв./март).– С. 4–7.

186. Архитектурная летопись Севера // Правда Севера 1999. – 9 февр.– Рец. на кн.: Памятники архитектуры Русского Севера: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Д. Попова.– Архангельск: Изд- во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.– 303 с.: ил.

187. У беловодного Лукоморья // Правда Севера.– 1999.– 30 июня.– Рец. на кн.: Теребихин, Н.М. Лукоморье : очерки религиозной теософии и маринистики Сев. России / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.– 206 с.

188. **Книга о беломорском тюлене** // Правда Севера.– 1999.– 19 нояб.–
Рец. на кн.: Размышления о беломорском тюлене: статьи, очерки, документы,
хроника / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. С.Я. Половников.–
Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999.– 301 с.: ил.

2000

189. **[Вместо предисловия]** // Северяне в Великой Отечественной
войне, 1941–1945 гг. / Арханг. обл. обществ, центр «Поиск» [и др.].–
Архангельск, 2000.– Ч. 2.– С. 4–6.

190. **Германцы на Русском Севере:** по материалам Поморской
энциклопедии: (том «История Архангельского Севера) // Немцы и Русский
Север: сб. ст. / М-во по делам федерации, нац. и миграц. политики РФ,
Обществ, акад. наук рос. немцев.– М., 2000.– С. 59–64.'

191. **История – это жизненные судьбы людей** // Ненецкий край:
сквозь вьюги лет: очерки, статьи, документы / Помор, гос. ун-т им. М.В.
Ломоносова, Землячество Ненецкого округа «Тоса- вэй»; ред.-сост. В.Ф.
Толкачев; науч. ред. А.А. Куратов.– Архангельск, 2000.–г» С. 501–503.

192. **Вениамин (Василий Никифорович Смирнов)** // Там же.– С. 506–
507.

193. **Вылка Илья Костантинович** // Там же.– С. 508.

194. **Иславин Владимир Александрович** // Там же.– С. 513.

195. **Кастрен Матиас Александр** // Там же.– С. 515.

196. **Краеведение: опыт исторического самопознания** // Краеведение
и краеведы : материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения
К.П. Гемп / Рус. геогр. о-во [и др.].й- СПб., 2000.– С. 9–13Щ(труды XI съезда
РГО; Т. 7.).

197. **Судьба Василия Смирнова:** [предисл. к публ. рукоп.: Кितिцына,
Л.С. Материалы для биографии В.Й. Смирнова (1882– 1941] // Красная

пристань: лит.-худож. альм. / ред. М. Попов; Арханг. обл. орг. Союза писателей России,— Архангельск, 2000. — Вып. 1(5).— С. 205 :ил.

198. **Материалы к биографии отечественной гидрографии и картографии:** (П.И. Григорков, ДА. Доможиров, Л.И. Голенищев- Кутузов) // Географическая наука и образование, геополитика и история : тез. докл. XI съезда РГО, Архангельск, 2000 / Рус. геогр. о-во.— СПб., 2000.—1 С. 159–161.

199. **Овсянников Олег Владимирович** // Ненецкий край: сквозь вьюги лет: очерки, статьи, документы / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Землячество Ненецкого округа «Тосавэй»; ред.- сост. В.Ф. Толкачев; науч. ред. А.А. Куратов.— Архангельск, 2000.— С. 522.

200. **Петр Иванович Григорков, 1750-1824:** штрихи к портрету // Краеведение и краеведы : материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения К.П. Гемп / Рус. геогр. о-во [и др.].— СПб., 2000,— С. 192–195,— (Труды XI съезда РГО; Т. 7.).

201. **Предисловие** // Барашков, Ю.А. Арктические конвои в настроении Гленна Миллера: опыт коллективной памяти / Ю.А. Барашков. — Архангельск, 2000.— 184 с.: ил.

202. **Премия имени Ксении Гемп** // Архангельск, 2000–2001 : информ.-реклам, справ.— Архангельск, 2000; — С. 338.

203. **Российский историк-краевед Евгений Овсянкин:** послесловие // Овсянкин, Е.И. Архангельск купеческий / Е.И. Овсян- кин.— Архангельск, 2000. - С. 451–458.

* * *

204. **Изучение проблем Севера** // Ломоносовский фонд: информ. Бюл. — 2000.— Авг.

205. **Богатая жатва для беломорского народа** // Правда Севера.— 2000.— 10 авг.— Рец. на кн.: Русский Север и Западная Европа / сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятых.— СПб.: Блиц, 1999.— 471 с.: ил.

206. **Несостоявшееся благополучие** // Правда Севера.— 2000. — 29 авг. - С. 4.— Рец. на кн.: Шубин, С.И. Северный край в истории России: проблемы

региональной и национальной политики в 1920– 1930-е гг.– Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000, – 461 с.

2001

207. **Антониев Сийский во имя святой Троицы мужской монастырь** / А. А. Куратов; архим. Трифон (Плотников) // Православная энциклопедия.– [М., 2001].– Т. 2.– С. 596–598: фот.

208. **Архангельская область** // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. / [редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др.; Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН].– М., 2001.– Т. 1: А-М.– С. 37–39: ил.

209. **И.Г. Георги и его труды** // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Архангельск, 29–30 июня 2001 г.– Архангельск: ПГУ, 2001.– С. 83–86.

210. **Историческое краеведение на Архангельском Севере** // Областной семинар детских библиотекарей Архангельской области «Без краеведения нет России», 14–16 дек. 2000 г.– Архангельск, 2001. –гг С. 14–20.

211. **О трудах профессора В.Н. Булатова:** [вступ. статья] // Владимир Николаевич Булатов : библиогр. указ. лит. / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. Е.А. Волик. – Архангельск, 2001.– С. 3–4.

212. **Поморская энциклопедия** / гл. ред. Н.П. Лаверов: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова [и др.]; гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.– 484 с., [32] л. ил., ил.

А.А. Куратов является автором исторических карт и 1125 статей, в т.ч.: Англичане в Поморье в 16–19 вв.; Архангельская губерния в Великой (1-й мировой) войне, 1914–1918; Архангельская губерния в годы Первой Российской революции 1905–1907; Архангельская область в годы Великой

Отечественной войны, 1941–1945; Голландцы в Поморье, 16–18 вв.; Гражданская война; Крестьянская реформа 1860-х на Архангельском Севере; Крестьянство; Культурная революция; «Общество для исторических исследований в Архангельске», 1759 г.; Столыпинская аграрная реформа в Архангельской губернии; Флотилия Северного Ледовитого океана (ФСЛО) [и др.].

* * *

213. **Архангельский Север: от истории к современности** // Вестник Поморского университета.– 2001.– № 1.– С. 18–30.– Рёз. на англ. яз.

214. **Воспет подвиг строителей и лесопилщиков** // Правда Севера.– 2001.– 25 апр.– Рец. на кн.: Овсянкин, Е.И. Завод на Северной Двине.– Архангельск: Изд-во «Архконсалт», 2001.– 271 с: ил.

215. **Германцы на Русском Севере** // Правда Севера.– 2001.– 6 июня.– С. 11.

2002

216. **Евгений Иванович Овсянкин: к 75-летию со дня рождения** // Памятные даты Архангельской области, 2002 год.– Архангельск, 2002.– С. 77–81.– Библиогр.: с. 80–81.

217. **История Архангельского Севера в первом томе «Поморской энциклопедии»** // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: материалы XII Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвящ. Памяти В.В. Крестинина (1729–1795), Архангельск, 19–23 июня 2001 г. / отв. ред. Г.В. Демчук.– Архангельск, 2002.– С. 178–182.

218. **«Круглый стол» по вопросам издания писцовых и переписных книг и других массовых источников по истории и культуре России** // Там же.– С. 400–420. – Из содерж.: [Выступление А.А. Куратова].– С. 418–419.

219. **Николай Александрович Макаров: историк, краевед, педагог** // Николай Александрович Макаров : библиогр. указ. лит. / ПГУ, ИУППК; сост. Н.А. Макаров; [вступ. ст. А.А. Куратова].– Архангельск, 2002. – С. 4–6.

220. **Православные святые и святыни в истории Архангельского Севера**: учеб. кн.– Архангельск: Изд. центр ПГУ, 2002.– 226, [1] с. :ил.– Библиогр. в конце ст.– Библиогр.: с. 212–221.

221. **Региональный Web-сайт «Культурно-исторические памятники Архангельского Севера» и его использование в курсах отечественной истории и исторического краеведения** / А. Куратов, Л. Симакова, И. Драчева [и др.] // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: сб. материалов междунар. науч. конф., (Архангельск, 16–18 сент. 2002 г.).– Архангельск, 2002.– С. 468–477.

* * *

222. **Кто мы такие и откуда родом?** // Троицкий проспект.– 2002. – 30 июля.

223. **Из истории Архангельской области, [1929–2000 гг.]** // Троицкий проспект.– 2002.– 20 авг.

2003

224. **Архангельский Север в истории России**: учеб. кн. для школьников и студентов.– Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.– 209,[2] с – Библиогр.: с. 196–210.– Библиогр. в конце разд.

225. **Археология Ненецкого автономного округа** // Вестник Поморского университета: Серия: Гуманитарные и социальные науки.– 2003.– Спецвып.– С. 173–182.– (Священная земля тундры).

226. **Ломоносов и просвещение**: из выступлений на Ломоносовских чтениях, 1980 год // К пользе и славе Отечества... / Адм. Арханг. области; Межрегион. Ломоносовский фонд.– Архангельск, 2003, – С. 121–126.

227. **На Соловецких островах в 1964 году** // Соловецкое море : ист.-лит. альм. / ред. В. МатониН.– Архангельск; М., 2003.– № 2.– С. 187–190.

* * *

228. **О чем расскажет немой герб?** / А.А. Куратов, Н. Пашкова // Волна.– 12003.– 18–24 апр.– С. 3.

2004

229. **Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года):** хрестоматия / Упр. по делам арх. администрации Арханг. обл. [и др.; сост.:... В.А. Радишевская (отв. сост.) и др.]; под общ. ред. [и с предисл.] А.А. Куратова.– Архангельск, 2004.– 438, [1] с., [16] л. ил.: цв. ил.– Указ. имен, геогр. назв.: с. 360–421.

230. **Православные святыни и святые в истории Архангельского Севера:** учеб. кн.– 2-е изд., испр. и доп.-gf- Архангельск: Помор, ун-т, 2004.– 226,[1] с. :ил. – Библиогр. в конце ст.– Библиогр.: с. 212–221.

231. **Удивительный мир Кенозерья** / А. Куратов, Е. Шатков- ская // Кенозерские чтения : материалы 1-й Всерос. науч. Конф. «Кенозерские чтения», 18-22 авг. 2003 г / отв. ред. Е.Ф. Шатков- ская; ред.-сост. А.А. Куратов; Кенозерский национальный парк [и др.].-4 Архангельск, 2004.– С. 3–7.

2005

232. **Василий Васильевич Крестинин – просветитель, общественный деятель, историк:** (к 275-летию со дня рождения и к 245-летию с момента создания им «Общества исторических исследований» // Вестник Поморского университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки.– 2005.– № 1(7).– С. 113–121.– (Ученые Севера).

233. **Лихачев Дмитрий Сергеевич** / А.А. Куратов, Л.А. Беданова // Гордость твоя, Поморье: лауреаты Государственных премий СССР и Российской Федерации : Архангельская область, 1925-2005 гг.— Архангельск, 2005.— С. 213–214: портр.

234. **Попова Надежда Васильевна** / ДКПО «Норд» // Мы вас помним!— Архангельск, 2005.— С. 37–38.

235. **Просянкин Григорий Лазаревич** / Л.А. Подшивалов, А.А. Куратов // Гордость твоя, Поморье!: лауреаты Государственных премий СССР и Российской Федерации: Архангельская область, 1925–2005 гг. II Архангельск, 2005.— С. 306–307: портр.

236. **Славянская азбука святых Мефодия и Кирилла** // Православие на Архангельской земле XVII-XX вв. : архив, док. и ист. материалы: хрестоматия / сост.: Л.В. Гундакова, Т.А. Санакина (отв. сост.), В.В. Фофанова. – Архангельск, 2005.— С- 145|Ш47.

237. **Слово о ректоре:** к 60-летию со дня рождения В.Н. Булатова / А.А. Куратов, В.П. Базаркина // Владимир Николаевич Булатов : библиогр. указ. / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. М.А. Смирнова.— Архангельск, 2005, – С. 5–13.

2006

238. **Хронология и метрология в истории России и Русского Севера:** монография.— Архангельск: Помор, ун-т, 2006.— (в печати).

Составление сборников, редакторство, членство в редколлегиях

239. **Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР** : тез. докл. к 3-й зональной науч.-теорет. конф. молодых ученых по обществ. наукам, Архангельск, 2–3 июня 1982 г. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова [и др.]; отв. ред. А.А. Куратов.— Архангельск, 1982.—и 109 с.

240. **Архангельский Север в документах истории** (с древнейших времен до 1917 года): хрестоматия / Упр. по делам арх. администрации Арханг. обл. [и др.; сост.: ... В.А. Радишевская (отв. сост.) и др.]; под общ. ред. [и с предисл.— с. 18–25] А.А. Куратова.— Архангельск, 2004.— 438, [1] с., [16] л. ил.: цв.ил.— Указ. имен, геогр. назв.: с. 360–421.

241. **Архангельское Поморье: история и культура** / Волог. гос. пед. ин-т; редкол.: Г.Г. Фруменков, А.А. Куратов [и др.].— Архангельск, 1983.— 154 с.

242. **Вопросы топонимики Подвинья и Поморья**: сб. ст. / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР, Упр. культуры Арханг. облисполкома; редкол.: А.А. Куратов [и др.].— Архангельск, 1991.— 144 с.

243. **Десталинизация сознания: проблемы и перспективы**: тез. докл. межресп. науч.-практ. конф., 12–17 июля 1989 г. / отв. ред. Ю.Ф. Лукин; редкол.: А.А. Куратов [и др.].— Архангельск; Соловки, 1989.— 90 с.— (Соловецкий общественно-политический форум; I).

244. **Из устава новгородского князя Святослава Ольговича [1137 г.] о взимании судебной десятины с жителей Подвинья и Пинежья в пользу новгородского епископа** / [ред. публ. А.А. Куратов] // Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года): хрестоматия.— Архангельск, 2004.— С. 34–35.

245. **История и культура Архангельского Севера: (досовет. период)** : межвуз. сб. науч. тр. / Волог. гос. пед. ин-т [и др.]; редкол.: А.А. Куратов [и др.].— Вологда, 1986.— 157 с.

246. **История и культура Важского края:** тез. докл. регион, науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения П.С. Воронова / Вельский район, краевед, музей, Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва РАН; редкол.: А.А. Куратов [и др.].– Вельск, 1992.– 82 с.

247. **История северного крестьянства:** в 2 т. Т. 1-2 / гл. ред. П.А. Колесников, чл. гл. ред. А.А. Куратов. – Архангельск: Сев,- Зап. кн. изд-во, 1984–1985.

248. **Каталог поступлений 1965 года** / Арханг. обл. краевед, музей; сост. Р.А. Пичугина, ред. А.А. Куратов.– Архангельск, 1966.– 39 с.– На правах рукоп.

249. **Кенозерские чтения:** материалы Первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения», [18–22 авг. 2003 г. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ред.-сост. А.А. Куратов].– Архангельск: Правда Севера, 2004.– 383 с.: ил.-. Библиогр. в конце докл.

250. **Культура Русского Севера** / АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры; сост.: А.Н. Давыдов, А.А. Куратов; отв. ред. К.В. Чистов.– Д.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988.^ 221 с.: ил.

251. **М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения:** тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф., 9–11 сент. 1966 г. / науч. совет АН СССР по истории мировой культуры, Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова; редкол.: Т.С. Буторина, Г.Г. Бострем, А.А. Куратов [и др.].– Архангельск, 1986.<-р- 325 с.

252. **Ломоносов и Север:** тез. докл. Всесоюз. конф., Архан-гельск, июнь 1986 г. / Арханг. фил. Геогр. о-ва, Арханг. обл. краевед, музей; редкол.: А.А. Куратов [и др.].– Архангельск, 1986 – 489 с.

253. **Массовые источники отечественной истории:** материалы X Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники, XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвящ. 90-летию А.Л. Шапино, Архангельск, 25-26 июня 1998 г. / Ин-т экол. проблем Севера УрО РАН [и

др.; редкол.: А.А. Куратов (гл. ред.) и др.].– Архангельск: Правда Севера, 1999. – 309 с.

254. **Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное»:** тез. докл. и сообщений регион, науч. конференции, 28–30 мая 1991 г. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова [и др.]; ред.- сост. А.А. Куратов.– Архангельск, 1991 23 Г с.

255. **Немцы и Русский Север:** сб. ст. / сост. М.А. Ефимова; науч. ред.: Ю.И. Петров, А.А. Куратов.^ М.: Обществ, акад. наук рос. немцев, 2000. – 229 с.– (Российские немцы: исторические материалы и исследования).

256. **Ненецкий край: сквозь выюги лет:** очерки, статьи, документы / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Землячество Ненецкого округа «Тосавэй»; ред.-сост. В.Ф. Толкачев; науч. ред. А.А. Куратов. – Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. – 615 с.: ил.

257. **Овсянкин, Е.И. Огненная межа** / Е.И. Овсянкин; ред.: А.А. Куратов, Р.А. Ханталин.– Архангельск: Архконсалт, 1997.– 205 с.: ил.

258. **Окладников, Н.А. Пустозерские страдальцы:** (из истории пустозерской ссылки, XVII–XVIII вв.) / Н.А. Окладников; ред.: О.В. Овсянников, А.А. Куратов; Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР, Нарьян-Марское отд-ние.– Архангельск, 1992.– 91 с.

259. **Отечественная история:** метод, указания и программа вступительного экзамена для поступающих на ист. фак. / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. И.Н. Белобородова [и др.]; ред.: А.А. Куратов, В.А. Назарьина.– Архангельск, 1998.– 24 с.

260. **Памятники Архангельского Севера:** [сб.] / сост. А.А. Куратов; вступ. ст. М.И. Меньшиковой.– Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1991.– 286 с., 16 л. ил.

261. **Пащенко, Е.В. Под покровом Святителя Николая:** о святителе Николае и его почитании на Архангельской земле / Е.В. Пащенко; отв. ред. настоятель храма [Николая Чудотворца в г. Архангельске] о. Александр (Козарик); ред. А.А. Куратов.– Архангельск: Никольский храм, 2005.– 91 с.

262. **Попов, Г.П. Мурман:** очерки истории края, XIX – нач. XX в. / Г.П. Попов, Р.А. Давыдов; отв. ред. А.В. Репневский; ред.: А. А. Куратов, Е.И. Овсянкин; Урал, отд-ние РАН, Ин-т экол. проблем Севера.– Екатеринбург, 1999.– 221 с.: ил.

263. **Попов, Г.П. Старый Архангельск:** 420-летию города Архангельска посвящается / Г.П. Попов; отв. ред.: А.А. Куратов, В. И. Станулевич.– Архангельск: [Правда Севера], 2003.– 575 с.: ил.

264. **Попова, Л.Д. Архангельск:** очерк истории строительства (конец XVI – нач. XX в.) / Л.Д. Попова; отв. ред. Ю.Н. Беспярых; ред.: Н.Н. Репин, А.А. Куратов; РАН, Арханг. фил. РГО [и др.].– Архангельск, 1994.– 159 с.: ил.

265. **Православие на Архангельской земле, XVII–XX вв.:** арх. док. и ист. материалы : хрестоматия / Упр. по делам архивов адм. Арханг. обл. [и др.; авт.-сост.: Л.В. Гундакова, Т.А. Санакина (отв. сост.), В.В. Фофанова]; под общ. ред. А.А.Куратова.– Архангельск: [ОАО «ИПП «Правда Севера»], 2005.– 159 с.: ил.

266. **Размышления о беломорском тюлене:** статьи, очерки, документы, хроника / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. С. Я. Половников; ред.: А.А. Куратов, Н.П. Залывский.– Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999.– 301 с.: ил.

267. **Роль Архангельска в освоении Севера:** тез. докл. Всесоюз. конф., Архангельск, июнь 1984 г. / Арханг. фил. Геогр. о-ва; редкол.: А.А. Куратов [и др.].– Архангельск, 1984.– 312 с.

268. **Россия и Норвегия: история и культура:** тез. докл. и сообщ. на конф. «Норвежско-русские отношения, 1814–1917: история и культура», Норвегия, г. Тромсе, 6-8 нояб. 1992 г. / М-во образования РФ, Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. и науч. ред. А.А. Куратов.– Архангельск: Изд-во Помор, гос. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1992.– 50 с.

269. **Россия. Север. Море:** Север в истории России. Экологические проблемы Европейского Севера. Психосоциальные проблемы экологии человека. Региональные демографические проблемы России : тез. докл. междунар. науч. конф. / редкол.: А.А. Куратов [и др.]– Архангельск: Изд-во Помор, пед. ун-та, 1993.– 100 с.– (Соловецкий форум; 5).

270. **Русский Север и Россия в годы Крымской войны (1853– 1856 гг.)** / Волог. гос. пед. ин-т; отв.ред. А.А. Куратов.– Вологда, 1979.– 88 с.

271. **Следопыт Севера:** ист.-краевед, сб. / сост. Ю.Н. Колмаков; ред. коллегия: А.А. Куратов [и др.]– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986.– 253 с.: ил.

272. **Соломбальская верфь, 1693–1862 гг.:** [сб. ст.] / сост.: В.В. Брызгалов, В.А. Любимов; ред.: В.Н. Булатов, А.А. Куратов.– Архангельск: Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва, 1993.– 106 с., [8] л. ил.

273. **Супрун, М.Н. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX–начале XX вв.:** крат, биобиблиогр. словарь: учеб. пособие. Вып. 1: 1895–1905 гг. / М.Н. Супрун, С .Я. Косухин; науч. ред. А.А. Куратов; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, Волог. гос. пед. ин-т.– Вологда, 1989.– 187 с.

274. **Теребихин, Н.М. Сакральная география Русского Севера:** (религ.-мифол. пространство северно-русской культуры) / Н.М. Теребихин; отв. ред. Е.Ш. Галимова; ред.: А.А. Куратов [и др.]– Архангельск: Изд-во ПМПУ, 1993.– 223 с.

275. **XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии,** (Архангельск, ПГУ, 12-16 сент. 2001 г.) : тез. докл. / [сост. В.И. Голдин]; редкол.: В.Н. Барышников, В.Н. Булатов ... А.А. Куратов [и др.]– М.; Архангельск: Помор, гос. ун-т, 2001.– 372 с.

276. **Эврика:** студен, сб. тез. докл. учеб.-науч. семинара по археологии / ПГУ; науч. рук. А.А. Куратов; ред. Д.В. Терешина.– Архангельск: ПГУ, 2001.– 23 с.

Титульное рецензирование

См. также: №№ 27, 38–39, 41, 45–46, 62, 82–83, 94, 108, 153, 160, 165, 167, 173–175, 186–188, 205–206, 214

277. **Архангельск в XVIII веке** / Арханг. центр. Геогр. о-ва [и др.]; сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспярых; рец. А.А. Куратов.— СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1997.— 415 с.

278. **Беличенко, А.Е. Археологическая практика**: метод. рек./ А.Е. Беличенко, Т.С. Минаева; рец.: А.А. Куратов [и др.].— Архангельск: Помор, ун-т, 2005.— 46 с.: табл.

279. **Белобородова, И.Н. Этнография Русского Севера**: метод. рек. по спецкурсу и темы контрольных работ для студентов ун-тов / И.Н. Белобородова; рец.: А.А. Куратов, Н.В. Дранникова; Помор, гос. университет им. М.В. Ломоносова, Помор, науч. фонд.— Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.— 34 с.

280. **Булатов, В.Н. Адмирал Кузнецов**: Архангельский Север в жизни и судьбе флотоводца / В.Н. Булатов; рец.: Г.П. Попов, А.А. Куратов.— Архангельск: Помор, ун-т, 2004.— 268 с.: ил.

281. **Булатов, В.Н. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область**: международное сотрудничество. История и современность / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; В.Н. Булатов, А.А. Шалев; рец.: А.С. Крылов, А.А. Куратов.— Архангельск: ПГУ, 2001.— 172 с.: ил.

282. **Булатов, В.Н. Баренцев Евро-Арктический регион: история и современность**: учеб. пособие для студ. вузов / В.Н. Булатов, А.А. Шалев; рец.: С.И. Шубин, А.А. Куратов.— Архангельск: Помор. ун-т, 2005.— 172 с.

283. **Булатов, В.Н. Русский Север**: учеб. изд. : кн. 1–5 / В.Н. Булатов; рец.: А.А. Куратов, Н.М. Теребихин; ПГУ им. М.В. Ломоносова.— Архангельск: Изд-во Помор, гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1997–2001.

284. **Варфоломеев, Л.А. Сибирцевы – семья архангельская** / Л.А. Варфоломеев; рец.: В.А. Волынская, А.А. Куратов; Арханг. центр РГО РАН [и др.].– Архангельск, 1996.– 150 с.: ил.

285. **Варфоломеев, Л.А. Стезею Ломоносова: северяне – выдающиеся деятели науки и культуры** / Л.А. Варфоломеев; под ред. Р.А. Ханталина; Помор, гос. ун-т; рец. А.А. Куратов.– Архангельск, 2001.– 30 с.

286. **Волынская, А.В. Русская палеография: учеб.-метод. материалы для практ. занятий** / А.В. Волынская; рец.: Л.П. Комягина, А. А. Куратов,– Архангельск, 2001.– 40 с.

287. **Голдин, В.И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920): учеб. пособие** / В.И. Голдин; Арханг. гос. пед. ин-т, Науч. совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»; рец.: В. В. Шумилов, [А.А. Куратов].– Вологда, 1989.– 92 с.

288. **Голубые дороги Поморья: речной флот Севера от древности до наших дней: монография** / авт.: Р.А. Ханталин, Г.Г. Фруменков [и др.]; рец.: А.А. Куратов [и др.].– Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.– 255 с.: ил.

289. **Гордость твоя, Поморье!:** лауреаты Государственных премий СССР и Российской Федерации: Архангельская область, 1925– 2005 гг. / ГОУВПО «Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова» [и др.]; под общ. ред. Р.А. Ханталина; ред.-сост.: Л.А. Беданова, Р.А. Ханталин; рец.: В.Н. Булатов, А.А. Куратов, Е.И. Овсянкин, Н.П. Залывский.– Архангельск: Помор, ун-т, 2005.– 478 с.: ил.

290. **Государственный архив Архангельской области: путеводитель: в 2 т. Т. 1** / Архив, отд. Арханг. области, Гос. архив Арханг. области; сост.: Л.В. Гундакова (отв. сост.), Л.Н. Хрушкая, Н.А. Шумилов; рец.: А.А. Куратов [и др.].– Архангельск, 2000.– 343 с.

291. **Демчук, Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке** / Г.В. Демчук; УрО РАН; рец.: А.А. Куратов.— Екатеринбург: УрО РАН, 2002,— 324 с.

292. **Зашихин, А.Н. «Глядя из Лондона»:** Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX — нач. XX в.: очерки / А.Н. Зашихин; Рец.: А.А. Куратов [и др.]; Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва, Помор, междунар. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова,— Архангельск: Изд-во Помор, междунар. пед. ун-та 1994.— 207 с.

293. **Земля Красноборская:** страницы истории и культуры / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР, Красноборский ист.-мемориал. и худож. музей; сост.: В.В. Брызгалов [и др.], рец. А.А. Куратов.— Архангельск, 1991.— 108 с.

294. **Исторические связи Русского Севера и Норвегии:** (к 200-летию г. Варде): сб. ст. / Арханг. фил. Геогр. о-ва СССР [и др.]; рец.: А.А. Куратов.— Архангельск, 1989. — 181 с.

295. **История Архангельской таможни XVI–XX вв.:** монография / В.Н. Булатов, Т.С. Минаева, О.В. Петров, Л.И. Санников; ПГУ; рец.: В.И. Голдин, А.А. Куратов; науч. ред. Т.С. Минаева.— Архангельск: ПГУ, 2001.— 191 с.

296. **Камкин, А.В. Крестьянский мир на Русском Севере:** (материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века): учеб. пособие / А.В. Камкин; рец.: А.А. Куратов [и др.]; Волог. гос. пед. ун-т, Сев. отд-ние Археогр. комиссии РАН.— Вологда, 1995.— 96 с.

297. **Климов, А.И. Научная комплексная программа «Пудожемское устье реки Северная Двина».** Вып. 1 / А.И. Климов, А. Е. Беличенко; рец. А.А. Куратов.— Архангельск, 2003.— 78 с.

298. **Климов, А.И. Небесные покровители города:** к 60-летию Северодвинска / А.И. Климов, П.В. Лизунов; рец.: А.А. Куратов, М.Н. Супрун; Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова [и др.].— Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.— 109 с.: ил.

299. **Кольцова, Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера** / Т.М. Кольцова; рец. А.А. Куратов; Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва [и др.].— Архангельск, 1993.— 111 с.

300. **Кононова, Л.П.** Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов: (по материалам Архангельской губернии): монография / Л.П. Кононова; ГОУ ВПО «Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова»; рец.: М.Н. Супрун, А.А. Куратов.— Архангельск: Помор. ун-т, 2004.— 65 с.

301. **Коротаев, В.И.** История советского общества, 1917–1941 гг.: метод, указания для студентов 3 курса ист. фак. дневного отд-ния / В. И. Коротаев; рец.: А.Н. Давыдов, А.А. Куратов; Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова.— Архангельск, 1992.— 35 с.

302. **Кристоман, Б.Б.** Территориальные споры на северо-западной границе Российской империи в период XIX – начала XX вв.: исторический опыт решения / Б.Б. Кристоман; рец.: Ю.Ф. Лукин, А.А. Куратов.— Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.— 38 с.

303. **Макаров, Н.А.** История государственного управления в России: учеб.-метод, рук. / Н.А. Макаров; ПГУ, ИУППК; рец.: В.Н. Булатов, А.А. Куратов.— Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.— 107 с.

304. **Макаров, Н.А.** Земля Плесецкая: годы, события, люди / Н.А. Макаров; рец.: А.А. Куратов, Е.И. Овсянкин.— 2-е изд., доп. и испр.— Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 2002.— 656 с.

305. **Макаров, Н.А. Николай Васильевич Чайковский:** ист. портрет: монография / Н.А. Макаров; рец.: В.Н. Булатов, А.А. Куратов.— Архангельск: ПГУ, 2002,— 288 с.: ил.

306. **Макаров, Н.А.** Плесецкий район Архангельской области: энцикл. словарь / авт.-сост. Н.А. Макаров; рец.: А.А. Куратов [и др.].— Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2004.— 578 с.

307. **Нильсен, Й.П.** Рюрик и его дом: опыт идейно-историогр. подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии / И.П.

Нильсен; рец. А.А. Куратов; Помор, гос. пед ин-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1992.– 69 с.

308. **Новиков, А.В. Лешуконье**: история заселения средней Мезени в XV–XVI веках / А.В. Новиков; рец.: А.А. Куратов, Е.И. Овсянкин; Помор, гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова.– Архангельск, 1999.– 99 с.: ил.

309. **Овсянкин, Е.И. Архангельск купеческий** / Е.И. Овсянкин; рец. А.А. Куратов [и др.].– Архангельск: Архконсалт, 2000. – 528 с. : ил.

310. **Овсянкин, Е.И. Имена архангельских улиц** / Е.И. Овсянкин; рец.: А.А. Куратов [и др.].– 2-е изд., перераб. и доп. – Архангельск, 1998.– 311 с.: ил.

311. **Пашенко, Е.В. Под покровом Святителя Николая**: от Николо-Корельского монастыря до Никольского храма / Е.В. Пашенко; рец. А.А. Куратов.– Архангельск: Приход Свято-Никольского храма, 2004.– С. 43.

312. **Пономарев, В.А. История Черевковской волости**: краевед. материалы / В.А. Пономарев; Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; рец. А.А. Куратов.– Архангельск, 2002.– 147 с.: 1 ил.

313. **Попов, Г.П. Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в.**: в 2 кн. Кн. 1 / Г.П. Попов, Р.А. Давыдов; УрО РАН; отв. ред. В.Н. Булатов; рец.: А.В. Репневский, А.А. Куратов.– Екатеринбург; Архангельск: ИЭПС УрО РАН.– 2003.– 241 с.: ил.

314. **Попов, Г.П. Старый Архангельск** / Г.П. Попов; отв. ред. А.А. Куратов; рец.: В.Н. Булатов,– Архангельск: Правда Севера, 2003, – 576 с.: ил.

315. **Попова, Л.Д. Русская генеалогия**: учеб. пособие для студентов вузов / Л.Д. Попова, Г.С. Чухчина; ФЛО ГОУ ВПО «Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова»; Арханг. регион, орг. «Северное ист.-родосл. о-во»; рец.: В.Н. Захаров, А.А. Куратов, А.Г. Едовин.– Архангельск: Помор, ун-т, 2005.–§| 231 с..

316. **Почетные граждане города Архангельска**: справ.-информ. изд. / ДКПО «Норд»; ред.-сост. С.Ю. Ключев; рец. А.А. Куратов.– Архангельск, 1996.– 60 с.

317. **Овечкина, С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии** (вторая пол. XIX – нач. XX в.): монография / С.Ю. Овечкина; ПГУ; рец.: А.Н. Зашихин, А.А. Куратов.– Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004.– 48 с.

318. **Отечественная история: метод, рек.** / ПГУ; сост. И.В. Савельев; рец. А.А. Куратов.– Архангельск: Изд-во Поморского унта, 2004.– 31 с.

319. **Северная археология: молодежная археол. школа: исследования** / Архангельский центр РГО [и др.]; под ред. А.Е. Беличенко; рец. А.А. Куратов.– Архангельск: Архангельский областной краеведческий музей, 2003.– 84 с.: ил.

320. **Северные родословия: сб. ст. Вып. 1** / сост. и отв. ред. Л.Д. Попова; Северное ист.-родосл. о-во; рец.: А.А. Куратов, Р.А. Ханталин.– Архангельск: Правда Севера, 2002.– 315 с.

321. **Синицына, П.Т. То, что помнится...** / П.Т. Синицына; рец. А.А. Куратов.– Архангельск: ПГУ, 2002.– 200 с.

322. **Слово о Ломоносове: [сб. науч.-попул. очерков]** / сост. В.Т. Фруменков; рец. А.А. Куратов [и др.]. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.– 191 с.: ил.

323. **Слово о Ломоносове: [сб. науч.-попул. очерков]** / ред. Г.Г. Фруменков; рец.: А.А. Куратов [и др.].– Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1986.– 238 с.: ил.

324. **Тревожные годы Архангельска, 1700–1721: документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого** / РАН, Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва [и др.]; изд. подгот.: Ю.Н. Беспярых [и др.]; рец. А.А. Куратов [и др.].– Архангельск, 1993.– 431 с.

325. **Шубин, С.И. Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: монография** / С.И. Шубин; рец.: А.А. Куратов [и др.]; Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т управления, права и повышения квалификации.– Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.— 461 с.

Научное руководство работой над диссертациями в 1998–2003 гг.

326. Давыдов, Р.А. Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук : 07.00.02.– Архангельск, 1998.– 23 с.

327. Мурашева, О.А. Губернский город Архангельск, 1700– 1917 гг.: проблема самоуправления: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02.– Архангельск, 2000.– 24 с.

328. Едовин, А.Г. Заволочье в средневековой русской истории X–XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02.– Архангельск, 2001.– 22 с.

329. Савельев, И.В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02.– Архангельск, 2002.– 29 с.

330. Кристоман, Б.Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02.– Архангельск, 2003. – 27 с.

**Отчеты об археологических исследованиях А.А. Куратова,
хранящиеся в Институте археологии РАН (г. Москва)¹**

331. **Отчет об археологической разведке** в Приморском, Онежском и Холмогорском районах Архангельской области, 1963 г. – Р-1. № 2722.

332. **Отчет о раскопках на Зимнем берегу Белого моря** и о разведках на Соловецком архипелаге, 1964 г. – Р-1. № 2903.

333. **Отчет о работе археологической экспедиции** Архангельского областного краеведческого музея, 1965 г. – Р-1. № 3202.

334. **Отчет о работах в Холмогорском и Приморском районах** Архангельской области, на Анзерском и Б. Заяцком островах Соловецкого архипелага, 1967 г. – Р-1. № 3422.

335. **Отчет о работе археологической экспедиции** Архангельского областного краеведческого музея и Архангельского государственного педагогического института в Приморском и Холмогорском районах Архангельской области, 1968 г. – Р-1. № 3637.

336. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1969 г. – Р-1. № 3972.

337. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1970 г. – Р-1. № 4161.

338. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1971 г. – Р-1. № 4525.

339. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1972 г. – Р-1. № 4956.

340. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1973 г. – Р-1. № 4992.

341. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции**, 1974 г. – Р-1. № 5889.

---

¹ Работы на правах рукописи. Копии находятся в научном архиве Архангельского областного краеведческого музея.

342. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1975 г. – Р-1. № 5888.

343. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1976 г. – Р-1. № 6141,

344. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1977 г. – Р-1. № 7049.

345. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1978 г. – Р-1. № 7261.

346. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1979 г. – Р-1. № 7917.

347. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1980 г. – № 8335.

348. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиций,** 1981 г. – Р-1. № 8527.

349. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1982 г. – Р-1. № 9223.

350. **Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции,** 1983 г.-АОКМ. Акт приемки № 265, 27 дек. 1983 г.

Интервью

351. **Друг своих учеников:** [интервью с профессором ПГУ А.А. Куратовым] / А.А. Куратов, С.Н. Доморощев // Доморощев, С.Н. Честь, достоинство и долг : сб. интервью / С.Н. Доморощев.– Архангельск, 2002.– С. 52–60.

* * *

352. **Куратов, А.А. За тайнами Севера:** [интервью] / А.А. Куратов, Г. Сапунова // Правда Севера.– 1971.– 22 мая.

353. **Куратов, А. Северяне чище и в помыслах, и в чувствах:** так считает известный краевед, профессор Анатолий Куратов, с которым мы

побеседовали накануне 19 сентября – возрожденного Дня краеведческих знаний / А. Куратов, Н. Пинаева // Северный комсомолец.-* 1997.-?' 19–26 сент.

354. **Куратов, А. Друг своих учеников** / А. Куратов, С. Доморощенин // Правда Севера.– 1999.– 30 дек.– С. 4.

Публикации об А.А. Куратове

355. **Анатолий Александрович Куратов:** библиогр. указ. лит. / Арханг. обл. науч. б-ка им. НА. Добролюбова, Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; сост. Е.И. Троничева; вступ. ст. А.Н. Заши- хина.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.– 49 с.

* * *

356. **Бострем, Л.А. Архангельскому государственному музею деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» – 25 лет :** (из истории создания) // Народная культура и музеи под открытым небом: пути сохранения и возрождения традиционной культуры : материалы междунар. науч.-практ. конф., 18–19 июня 1998 г.– Архангельск, 2000.– С. 5–15: ил.

А.А. Куратов – член Ученого совета музея.– С. 6, 7: портр.

357. **Голдин, В.И. Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова на рубеже веков:** научно-исследовательская деятельность / В.И. Голдин, П.С. Журавлев; Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск: Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000.– 274 с.

Профессор А.А. Куратов.– С. 45–46, 246.

358. **Иванов, В.Д. История одной школы** [6-я шк.-гимназия г. Архангельска].– Архангельск, 2002.– 122 с.: ил. - (Золотой фонд культуры Поморья). – Из содерж.: [о выпускнике А.А. Куратове].– С. 86–87: фот.

359. **Кодола, О.Е, Путь лабиринта** / О.Е. Кодола, В.Н. Сочева- нов.-2-СПб., 2003.– 175 с.

360. **Куратов, А.А. История и историки Архангельского Севера:** вопросы источниковедения и историографии : монография / Помор, гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999.– 271 с.

Куратов Анатолий Александрович.– С. 239.

361. **Куратов Анатолий Александрович** / А.Н. Зашихин, М.Н. Супрун, Н.М. Теребихин, А.Н. Давыдов // Поморская энциклопедия: в 5 т.– Архангельск, 2001.– Т. 1.– С. 215–216: портр.

362. **Куратов Анатолий Александрович** // Кто есть кто в Архангельске / Молодежный информ.-исслед. центр.– Архангельск, 1992, – Вып. 1 – С. 56–57.

363. **Куратов Анатолий Александрович** // Чернобаев, А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: биобиблиогр. словарь.– 2-е изд., испр. и доп.– Саратов, 2000.– С. 608.

364. **Леонтьев, А.И. Зимняя сторона.**– Архангельск: Правда Севера, 1999.– 576 с.: ил.

Об А.А. Куратове. – С. 45, 46.

365. **Лукин, Ю.Ф. Современное северное регионоведение:** [есть сведения об А.А. Куратове] // Рожденный временем: Ломоносовские чтения. История. Образование. Культура. Научные статьи. Доклады.^- Архангельск, 2003.- С. 56–91.

366. **Макаров, Н.А. Куратов Анатолий Александрович** // Макаров, Н.А. Плесецкий район Архангельской области : энцикл. словарь / авт.-сост. Н.А. Макаров]. - Архангельск, 2004.– С. 186–187.

367. **Малыхина, А.Г, Родословное древо куратовского рода** / А.П. Малыхина, В.М. Попов; Коми генеалогическое о-во «Ордпу».– Сыктывкар: Изд-во «Эском»; РИК «Комисамиздат», 1999.– 62 с.: ил.

Анатолий Куратов.– С. 45.

368. **Мартынов, А.Я Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря, III тыс. до н.э. –**

XV в.: материалы и исследования / рец.: А.А. Куратов, Н.М. Теребихин.– Архангельск; Соловки, 2002.– 237 с.

369. **Мартынов, А.Я. Древними тропами Соловецких островов.**– М.: Изд-во «Русский Север», 2006.- - 240 с.

370. **О научной конференции по памятникам археологии** / Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры; сост.: А.Г. Букштынович [и др.].– М., 1978.-- 42 с.

Краткое изложение доклада А.А. Куратова «Об изучении и сохранении памятников археологии Архангельской области» на конференции ВООПИиК.– С. 2, 12–14.

371. **Поморский педагогический университет:** справ, издание / Помор, гос. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова; Под ред. В.П. Базаркиной.– Архангельск, 1992.– Из содерж.: Исторический факультет.– С. 27–29.

372. **Русский Север: исследования и исследователи:** справочник / АН СССР, Науч.-исслед. ин-т культуры; сост. Т.С. Федорова.- М., 1989.– Ч. 1.– С. 41.

373. **Русский Север: исследования и исследователи:** справочник / АН СССР, Науч.-исслед. ин-т культуры; сост.: Т.С. Федорова, О.Н. Меньшикова.– М., 1989.– Ч. 2 : Историко-культурное наследие Русского Севера: аннот. библиогр, 1976–1986.–№ 116–120, 312, 313, 322, 328, 761.

374. **Савард, Д. Лабиринты** / Джефф Савард.– М.: Изд. дом «Ниола 21-й век», 2005.– 224 с.

Об А.А. Куратоев.– С. 148–149, 213.

375. **Тунгусов, А.А. Мой Верхнетоемский район:** записки краеведа.– Архангельск: Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.– 278 с.

Археологическое изучение Верхнетоемского района, роль А.А. Куратова. – С. 17–20.

376. **Хан-Магомедов, С.О. Архитектура Дагестана:** в 8 вып. Вып. 3: Дагестанские лабиринты: к проблеме автохтонности и топологии / С.О. Хан-Машмедов.– М.: Ладья, 2000.– 264 с.

Об А.А. Куратове.– С. 37, 40, 49, 60, 62, 64, 65, 67, 75, 78, 90, 262.

377. [65 лет со дня рождения Анатолия Александровича Куратова] : информ. // Памятные даты Архангельской области, 2001 год.– Архангельск, 2001.– С. 20.

378. **Зашихин, А.Н. Краевед-историк А.А. Куратов:** (к 70-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 2006 год.– Архангельск, 2006.– С. 58–63.

* * *

379. **Гайкин, В. Земля открывает тайны** / фот. авт. // Правда Севера.– 1965.– 10 июля.

Археологические находки на Севере 1964–1965 гг. Руководитель экспедиций – А.А. Куратов.

380. **Шадхан, З. Находки студентов** [во время археологической практики в Нижней Золотице] // Правда Севера.– 1968.– 28 июля.

Руководитель экспедиции – А.А. Куратов.

381. **Гайкин, В. Кинжал из неолита:** находка археологов / фот. авт. // Правда Севера.– 1970.–г 26 сент.

О новом экспонате краеведческого музея рассказывает археолог А. Куратов.

382. **Гайкин, В Северные лабиринты** / фот. авт. // Правда Севера.– 1970.– 20 дек.

Об ящичном скально, ценном приобретении Архангельского краеведческого музея, рассказывает археолог А.А. Куратов.

383. **Молотягина, О. Жили же люди, или Ностальгия по каменному веку** // Моряк Севера.– 1971.– 30 янв.

384. **Никитин, А. Загадка древнего Беломорья** // Северный комсомолец.– 1971.– 19 марта.

Есть об А. А. Куратове – исследователе соловецких лабиринтов.

385. **Гайкин, В. Находки ученого:** [археолог А.А. Куратов] / фот. авт. // Правда Севера.– 1972.– 23 янв.

386. **Гайкин, В. Находки в музей** / фот. авт. // Правда Севера.– 1974.– 11 янв.

387. **Гайкин, В. Окунаясь в старину** / фот. авт. // Правда Севера.^ 1976. – 13 марта.

Археологическому кружку Архангельского пединститута исполнилось 10 лет. Его руководитель канд. ист. наук, доцент А.А. Куратов.

388. **Зашихин, А. Соловецкие лабиринты: второе рождение** // Северный комсомолец. - 1978.– 25 авг.

Автор реконструкции лабиринта А.А. Куратов.

389. **Открытия археологов** / фот. В. Гайкина // Правда Севера.– 1979.– 29 нояб. – (Экспедиции-79).

Полевой сезон Архангельской археологической экспедиции, руководитель – А.А. Куратов.

390. **Орлова, Н. Орден на знамени института:** [торжественное собрание, посвященное 50-летию АГПИ им. М.В. Ломоносова] // Правда Севера.– 1982.– 5 нояб.

Ректор А.А. Куратов выступил с докладом, посвященным истории института.

391. **Групповой портрет на фоне** // Ломоносовец. 1993.– № 14.

Фотоснимок преподавателей и лаборантов историко-филологического факультета АГПИ им. М.В. Ломоносова (1982 г.) и комментарии к нему.

392. **Давыдов, А. Анатолий Куратов – ученый, археолог, библиограф** // Газета АТК,–г 1996.– 19 окт.– (Кто есть кто).

393. **О награждении государственными наградами Российской Федерации:** указ Президента РФ от 16 апр. 1997 г. [по Арханг. обл.] // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1997.– № 16.– Ст. 1885.

Почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ» присвоено профессору ПМПУ им. М.В. Ломоносова А.А. Куратову.

394. **Первухина, С. Памятные даты [сентября]** // Правда Севера.– 2001 г.– 5 сент. – С. 12.

395. **Николаев, С.** «Поморская энциклопедия» по фамилии Куратов // Правда Севера.— 2001.— 26 сент.— С. 12.

396. **Мартынов, А.Я.** Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения: [есть сведения об археол. работах А.А. Куратова] // Вестник Поморского университета: Сер.: Гуманитарные и социальные науки.— 2004.— № 1.— С. 5–17.— Библиогр. в конце ст.

397. **Беличенко, А.Е.** «Работа археолога сродни детективу...» / А.Е. Беличенко, И. Сидорова // Правда Севера.— 2004.— 2 нояб.— С. 5.

398. **Огрызко, В.** Североведы России: материалы к биограф. словарю // Мир Севера.— 2004.— № 5.— С. 95.

399. **Косопалова, И.** «Чаша раздумий» — в шутку и всерьез: [премия ДКПО «Норд» вручена А.А. Куратову] // Правда Севера.— 2005.— 25 февр.— С. 8.

**В издании этого сборника принимали участие ректорат, управление
научного планирования и развития, исторический факультет
Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а
также коллеги и ученики А.А. Куратова**

Белошапкин С.С.	Назарьина В.А.
Беличенко А.Е.	Овчинникова Н.П.
Болдырев Р.Ю.	Паникар М.М.
Булатрв В.Н.	Подоплекин А.О.
Верещагин И.Ф.	Репневский А.В.
Голдин В.И.	Русинов О.В.
Горюнов С.В.	Савельев И.В.
Давыдов А.Н.	Саламатова О.В.
Давыдов Р.А.	Селькова М.Л.
Добрыднев В.А.	Симакова Л.А.
Едовин А.Г.	Соколова Ф.Х.
Журавлев П.С.	Тетеревлева Т.П.
Калабанов А.Н.	Фельдт А.Е.
Кондратова Г. А.	Чистиков А.Н.
Коротаев В.И.	Чуракова О.В.
Кристоман Б.Б.	Чухина А.А.
Лукин Ю.Ф.	Шаляпин С.О.
Любимов В.А.	Шубин В.И.
Михайловский Ф.А.	Шурупова Е.Е.